КОСМОНАВТ №34

Георгий Гречко

От лучины до пришельцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Летчик-космонавт Георгий Михайлович Гречко – дважды Герой Советского Союза, Почетный Гражданин многих городов мира, награжден многими орденами и медалями. Книга «Космонавт № 34. От лучины до пришельцев» – это воспоминания и рассказы о знаковых и необычных людях, космических полетах, и просто истории – веселые и с налетом грусти. Уникальные фотографии, рисунки – нечто от кэролловской Алисы, которой такая книга точно понравилась бы в ней есть и картинки, и разговоры. Мы не сомневаемся, что книга «Космонавт № 34. От лучины до пришельцев» понравится всем, кому посчастливиться открыть ее. Приятного чтения!

- Георгий Гречко
  - Читать не стоит пропустить
  - Самое трудное в Космосе
  - Глава 1. Дороги детства
    - В Ленинграде-городе…
    - Спасибо матери с отцом
    - Все началось с гайки
    - Шахматный дебют
    - Делать жизнь с кого?
    - Школьные годы чудесные?
    - Находился на оккупированной территории? Да
    - Неожиданное возвращение
  - Глава 2. Мои университеты
    - Из книжного мира в реальный
    - По пути в Военмех
    - Двойка первая и последняя
    - Первые деньги
    - Лейтенант Балтийского флота
  - Глава 3. Инженер, испытатель
    - Жизнь и работа в Подлипках
    - Спутник
    - Шампанское за невидимую сторону Луны
    - Королев и мы
    - К. П. Феоктистов – проектант от Бога
    - Тунгусская тайна
    - Тюра-Там
    - Невозможный Б. В. Раушенбах
    - Имена собственные
    - Академик М. В. Келдыш. Главный теоретик

(практической) космонавтики
- Т. М. Энеев – гений
- Мой Гагарин
- «Последний дюйм»

○ Глава 4. Через тернии в «Звездный»
- Медкомиссия в ЦНИАГе
- Испытания медицинские и не только
- Слом
- Экзамены научно-технические и другие
- Командир + бортинженер = Экипаж
- Дублеры
- Здоровье, как у космонавта
- Личное дело
- Надя Рушева
- «Зенит»

○ Глава 5. Летчик-космонавт на Салютах-4, 6 и 7
- На Салюте-4. Приметы и «Белое солнце пустыни»
- Поехали на работу!
- Сон и женские голоса
- Пожар
- Страх
- «Оазис»
- «Командировка на орбиту»
- Спуск с орбиты
- «Как аргонавты в старину…»
- На Салюте-6. Экипаж «Романенко – Гречко»
- Мухи и слоны
- Космическая стоматология
- Коньяк
- Земля в иллюминаторе
- НЛО в Космосе
- Ремек и другие
- Космос по-немецки
- Космическая почта
- На связи – артисты
- Песня станции «Салют-6»
- Радиация
- Правда без дипломатии
- На Салюте-7. Космический старожил
- Третий полет
- Урок и намек
- Станислав Савченко, «песочное» пирожное и «Наполеон»

○ Глава 6. Космонавты живут на Земле

- Астрофизика или структура атмосферы
- Академик А. М. Обухов
- Борьба за «Мир»
- Американцы на Луне были?
- Слухи
- «Загадка черных дыр»
- Нагадала мне цыганка…
- Космическая гастрономия
- Усы
- Водные процедуры
- Городской человек
- Улыбка
- Ежик
- Космонавт и ТВ
- СпоР-клуб
- Владимир Высоцкий
- «Своя колея» К. И. Струкова
- Гости «Витка» и «Светоча»
- Консультант, киноартист, автогонщик…
- Банкир
- Круиз мира
- Благовещение
- Финансы поют романсы
- Четыре человека
- Карьера Бориса Ельцина
- Конец света по Каганову

○ Глава 7. Что я понял к 80-ти годам

- Счастье – это когда…
- Разговор с министром
- Про космических туристов
- Союз друзей
- За державу обидно!
- Сны и явь
- Взлет и посадка вчера, сегодня, завтра
- Пилотируемые, беспилотные или…
- На Марс? На Марс!
- Пришельцы
- Меня хранит чья-то рука…
- Бог не в Космосе, а в душе

○ Послесловие моей жены

○ Иллюстрации

Георгий Гречко
Космонавт № 34. От лучины до пришельцев

Считаю своим приятным долгом поблагодарить всех, кто помогал мне в создании этой книги:

Александрова Е. А.
Александров А. П.
Замостьянов А. А.
Казакова Р. К.
Корзин С. Л.
Коровин А. А.
Михеева-Гречко О. Г.
Овчинников С. В.
Платонов А. К.
Савченко С. А.

Струков Константин Иванович, без которого не было бы этой книги и многого другого в моей жизни!

Читать не стоит пропустить

«Если человеку выпадает случай наблюдать чрезвычайное, как-то: извержение огнедышащей горы, погубившее цветущие селения, восстание угнетенного народа против всесильного владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа – все это видевший должен поведать бумаге. А если он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминая опытному писцу, чтобы тот начертал сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам. Человек, же испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается его головы. Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности»…

Василий Ян, «Чингисхан».

Давным-давно я читал романы Яна. Но эти слова, ставшие эпиграфом к моим воспоминаниям, почти дословно запомнил на долгие годы. Наверное, приберег их в памяти для такого случая – когда соберусь писать книгу.

Когда меня в числе первых из нашего конструкторского бюро послали на медицинскую комиссию для отбора в отряд космонавтов – я не верил, что меня отберут. Точнее, был уверен, что меня спишут по здоровью, однако решил все-таки попробовать – интересно ведь. Меня поразило, сколько замечательных людей собралось там! Это были летчики-испытатели, участники многих необычных экспедиций, подводники, ученые-теоретики космонавтики… Прекрасные, интересные люди! Я купил общую тетрадь, взял карандаш и начал

вести записи. Нет, не о себе, а о моих коллегах. У них фантастические судьбы! Там был человек, который летал в самолете-снаряде с ядерной боеголовкой. В конце полета он должен был включить автопилот, а сам выпрыгнуть с парашютом. Но катапульта не сработала. Спасся он чудом, приземлился буквально за мгновения до падения снаряда, и взрывная волна прошла над ним… А потом он, будучи за рулем «Волги», врезался в дерево, вылетел сквозь переднее стекло и повредил ребра и легкие. Потому в космонавты не прошел. С тех пор я знаю, что судьба – штука удивительная, она преподносит разные сюрпризы.

Итак, я открыл тетрадку в решимости начать записи… За первый час я написал две фразы. Потом вычеркнул их и написал еще пару фраз. Прошел еще час. Я зачеркнул все, что написал, и выбросил тетрадку. Понял, что писать не могу. Тогда, в 1964-м году, наверное, время еще не пришло…

А потом я несколько раз пытался написать книгу. То начинал писать, то снова откладывал, собирал тексты своих интервью, перечитывал статьи, обрывки воспоминаний. В общем, как Ельцин, «работал с документами».

В конце восьмидесятых годов вышла моя небольшая книжка – «Старт в неизвестность». Эдакая карманная брошюрка из знаменитой в те годы серии «Библиотека „Огонька“». Книжки этой серии я помню с сороковых годов. Когда я увидел книжку, перелистал ее – возникло ощущение, что это не моя книга, не мои слова, порой – даже не мои мысли. Слишком постарался редактор. Тогда я решил по примеру Гоголя и Жюль Верна скупить весь тираж, чтобы никто не мог прочесть книжку. Но журнал «Огонек» тогда был популярен, его книжная серия тоже – и тираж оказался внушительный. Он разошелся по библиотекам – публичным и семейным.

В конце концов, я понял – сейчас или никогда. И вот теперь мой давний друг, банкир Алексей Коровин предложил мне заняться книгой воспоминаний и размышлений. Я последовал своему девизу – «Достойно участвовать в достойном деле!» – и согласился.

Прошу не считать эту книгу мемуарами «знаменитости». Сергей Петрович Капица в одном интервью сказал: «Я не знаменитый, знаменитым у меня был отец. А я просто известный». Мне эта формулировка нравится. Я тоже не знаменитый, я просто известный. И надеюсь, что моя жизнь, мой опыт, мои размышления будут интересны и полезны хотя бы некоторым читателям, которые дочитают ее до конца.

Я могу подписаться под словами В. Яна, вынесенными в эпиграф. Именно с такой мотивацией приступаю к этому новому

для меня занятию. Я видел войну, видел и «извержение огнедышащей горы» – разве не похож на нее старт ракеты? И мне посчастливилось встречаться с такими замечательными, интересными людьми, что я не имею права уподобляться скупому в соответствии со словами Яна. Я оказался в орбите могучих людей! Попытаюсь преодолеть неспособность к литературному труду и рассказать о том, что помню. Правда, в последнее время я иногда хвастаюсь в шутку: «Да я забыл больше, чем вы знаете!». Но кое-что еще помню.

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

М. В. Ломоносов

Самое трудное в Космосе

Что самое трудное? Невесомость? Оторванность от Земли, от семьи? Аварийные ситуации? Нет. Самое трудное, как и на Земле, – говорить правду!

Я должен был в открытом космосе проверить состояние стыковочного узла. Был ли он испорчен после неудачных попыток состыковаться, которые предпринимали наши предшественники? Если выяснится, что узел неисправен и устранить неисправность невозможно – программа нашего полета сократится. Не будет гостевых визитов Губарева и Ремека, Джанибекова и Макарова…

Выйти в космос нам предстояло из стыковочного люка, который, в отличие от выходного люка станции, не был специально подготовлен для таких выходов… Интересное совпадение: перед первым полетом меня сфотографировали выглядывающим из стыковочного люка. А теперь мне через него предстояло выйти в открытый космос… Выходной люк оборудован специальным «якорем», который держит космонавта в открытом космосе. С Земли ведут медицинский контроль… Но тот люк расположен слишком далеко от узла, который я должен осмотреть, – поэтому нам пришлось выходить через неудобный стыковочный люк…

Мы установили у люка самодельные мягкие поручни. Перенесли в соседний отсек приборы с острыми углами, которые располагались на пути к люку: об острые углы мы могли испортить скафандры. Для выхода в открытый космос у нас были скафандры новой конструкции – полу жесткие.

Мы тренировались, втискивались в скафандры, герметизировали друг друга. Ощущение – как будто находишься в железном чемодане с мягкими руками и ногами.

Без шутки в длительном полете невозможно. Однажды – когда состояние было средним «между плохо и очень плохо», я решил поднять настроение небольшим розыгрышем. На виду у телекамер ЦУПа я вплыл в переходный отсек и начал вертеть ручку люка на открытие. Вертел усиленно, с таким усердием, будто выскочить в космос погулять без скафандра – это моя давняя мечта. Слышу, оператор на Земле даже вскрикнул от неожиданности. Розыгрыш удался! А ведь я всерьез открыл замок люка – и потом его закрыл. Опасности не было, потому что давление держало люк закрытым с такой силой, что там и слон бы не продавил его…

По программе перед выходом в открытый космос мы должны были подготовить станцию к аварийной ситуации – на случай,

если люк, который мы откроем, невозможно будет закрыть. В этом случае мы должны были разгерметизировать станцию и на своем «Союзе» вернуться на Землю. Это был бы конец станции «Салют-6».

Мы решили не думать об аварийном покидании станции, даже не завершили подготовку к возможной разгерметизации. Как говорится, со жгли за собой мосты перед боем. По пути к люку скафандр перехватил мне ногу – как будто тесным обручем. Люк открылся с невероятным трудом. От усилий мы обливались потом. У меня была фомка, ее изготовили специально для нас по лучшим образцам из музея криминалистики. Мелькнула мысль: а сумеем ли мы его закрыть? Может быть, не стоило рисковать станцией, выходить в открытый космос в опасной обстановке?

Я высунулся по пояс. Ощущение – как будто стою на высоченной кафедре, а подо мной Земля, погруженная в ночь. Города светятся уличными фонарями, видны огни маяков…

Хочется посмотреть на Землю, но надо работать: проверить, готов ли стыковочный узел к приему кораблей… Наш самодельный «якорь» оказался ненадежным. Пришлось Юре держать меня за ноги, пока я работал. Когда мне надо было сделать движение – Юра меня поворачивал. Это была героическая работа. Когда мы сняли скафандры – у него на плечах были кровоподтеки.

Я тщательно проверял электро– и гидроразъемы. Я старался своей надутой (и от этого жесткой!) перчаткой не повредить лепестки электроразъемов. Чтобы не получилось, как в старой шутке: вскрытие показало, что пациент скончался от вскрытия… Стекло скафандра сферическое – и сквозь такое стекло прямые лепестки кажутся загнутыми. Мы это учли, и я долго тренировал глаза к такому неправильному ракурсу.

Торец стыковочного узла был нетронутый! Я осмотрел стенки станции на пять метров во все стороны – и не нашел никаких следов от «соприкосновения» с «Союзом» Коваленка. А это все-таки семитонный корабль и двадцатитонная станция, бесследного столкновения быть не могло. В конусе стыковочного узла никаких следов штыря я не увидел.

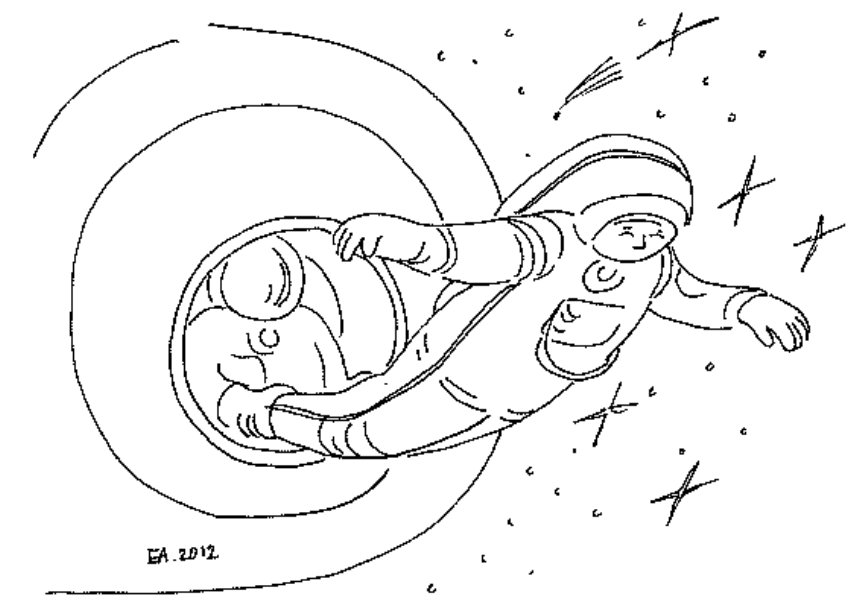
Цуповцам я сказал: «Торец готов к работе. Новенький – как будто только что со станка».

Я больше полутора часов работал по ту сторону станции, когда Юрий неожиданно тоже захотел выйти в открытый космос. Я его понимаю: такой шанс в биографии космонавта мог больше и не выпасть. «Только поторопись. У нас немного времени». Это было моей ошибкой. Никогда нельзя торопить, напоминать о времени. Юрий отталкивается и начинает покидать станцию. И

тут я вижу, что он не закрепил страховочный фал. Я успел его схватить: «Ты куда собрался?» Что было потом на комиссии, когда мы на свои головы рассказали об этом инциденте, да еще со смехом!

Официально я работал в открытом космосе один час двадцать восемь минут. В реальности – подольше.

Главное: стыковочный узел был готов к работе. И никаких следов «соприкосновений» с «Союзом» Коваленка и Рюмина не было. А ведь ребят хотели наказывать за то, что они чуть ли не сломали станцию. Решалась их профессиональная судьба… Я доложил честно. Из Москвы на меня там давили, требовали, чтобы в отчете я указал, что узел был поврежден, что я его отремонтировал. Но на меня бесполезно давить, меня нельзя заставить сказать неправду. Прессинг был тяжелый, за дело брались все более высокие руководители. В Центре управления полетами уже ставки делали: сломают Гречко или не сломают. Выиграли те, кто ставили на меня. Но это не потому, что я такой упрямый. Я просто хотел остаться и остался честным.



Почему же им требовалось, чтобы я доложил, что производил ремонт? Ответ прост и почти анекдотичен. На случай повреждения стыковочного узла у меня имелся целый набор замечательных инструментов для ремонта. Эти инструменты были сделаны специально для космоса, они были необычные и

очень красивые. Позже мне рассказали, что на телевидении было приготовлено эффектное выступление генерального конструктора. Он должен был показать, какими инструментами Гречко чинил поломанный узел.

А мой отказ сорвал такую эффектную телепередачу. В прессу все-таки просочилась спущенная свыше информация, что я использовал инструменты при ремонте стыковочного узла. Ее осторожно дозировали. Ведь я упрямо не шел на сговор. Я не мог приписать нам несделанную работу. Обвинив при этом экипаж Коваленка-Рюмина в якобы повреждении стыковочного узла. Потом меня за несговорчивость больно «били». Например, когда меня пригласил президент Мальты, ему сказали, что я занят по работе. А я был в отпуске.

И, когда молодых космонавтов знакомили с отрядом, то меня приводили, как отрицательный пример. Что Гречко нарушал режим труда и отдыха, поставил под угрозу выполнение главной задачи длительности полета. Во-первых, я не понимал, почему длительность полета – какая-то главная задача. Это похоже на спорт, а я занимался наукой. Я же не ел, не спал, ради того, чтобы починить там самый большой телескоп, который был. А мне запрещали. Я думал, что меня ночью не поймают, но поймали. И я считал, что меня можно приводить в пример, как надо работать. Но за правду бьют не только в космосе.

Когда мы с Юрием вернулись из полета – рассматривалось предложение встретить нас торжественно, как встречали первых космонавтов. С триумфальным проездом из Внукова в Кремль. Все-таки полет был рекордный по продолжительности и успешный по научным критериям, да еще и со стыковкой и выходом в открытый космос в экстремальных условиях. Но все-таки встретили поскромнее. Решили так: будут новые рекордные полеты – что же, каждые полгода встречать «на высшем уровне»?

Может быть, сыграла роль и моя несговорчивость, но таким уж меня воспитали.

Глава 1. Дороги детства

В Ленинграде-городе…

Я из Ленинграда. Иногда спрашивают: а почему не Питер? Почему не Петербург? Просто была такая интеллектуальная столица, называлась Ленинград. А потом мы все чаще слышали про «бандитский Петербург». Так что я уж лучше останусь ленинградцем, каким и родился.

Высоцкий пел: «В Ленинграде-городе, у Пяти Углов…». И дальше – о том, как некий Саня Соколов «получил по морде». Строчки про мордобой к нашему делу отношения не имеют, а вот Ленинград и Пять Углов – это моя малая Родина.

Был такой момент в 1978-м году, когда мне понадобилось получить выписку из ЗАГСа о моем рождении. Я приехал в Ленинград, пошел в ЗАГС и, на мое удивление, они очень быстро нашли эту запись. Насколько мне помнится, там было записано, что 25 мая 1931 года родился Георгий Михайлович Гречко. Родители: студенты. Еще там была такая запись: поскольку родители студенты, денег за регистрацию ребенка с них не брали.

Мой папа, Гречко Михаил Федорович, родился и жил на Украине, в городе Чернигове и оттуда приехал в Ленинград учиться в Политехническом институте. Его папа, мой дед Федор Гречко был сапожником, поэтому папа приехал в Ленинград с чемоданчиком для ремонта обуви. Там была специальная лапа, там были деревянные гвоздики, чтобы прибивать подметку. Чтобы новую подметку подшивать, там была дратва – это такие нитки просмоленные, был сапожный молоток… И даже через много лет, когда и я уже был «большой», а папа был младшим научным сотрудником и кандидатом наук, если у него ботинки изнашивались, он доставал этот мощный, деревянный отцовский чемодан… Доставал лапу, надевал на эту лапу ботинок. Сам себе чинил обувь аккуратно и очень хорошо. Дедушка приучил его к аккуратности и к экономии семейного бюджета.

Кстати, отец в любую погоду ходил на работу пешком, не тратился на трамвай. Тут была копеечная экономия, зато можно было не толкаться в общественном транспорте, походить, подумать. Может быть, эти утренние пешие прогулки были для него чем-то вроде физзарядки. Независимо от трамвая он всегда добирался без опозданий к началу рабочего дня на Московский проспект, дом 19, в свой институт Метрологии и стандартизации имени Д. Менделеева.

Моя мама – Александра Яковлевна – родом из Белоруссии. Я иногда говорю так: отец у меня украинец, мама – белоруска, а я – русский, ленинградец. Мама родилась в небольшом селе

Копцевичи. А потом ее отец, мой дед переехал через реку и вместе с семьей поселился в Чашниках. Чашники тоже были небольшим селом. Дед – человек очень сильный и трудолюбивый – работал там плотогоном. Сейчас это разросшийся город, районный центр в Витебской области. Эти места известны с древних времен, их упоминают летописцы, писавшие о Полоцком княжестве. Сколько сражений там было! С поляками в XVI–XVII веках, со шведами при Петре…

А недавно я узнал, что нобелевский лауреат Жорес Иванович Алферов и я – земляки. Дедушка академика тоже жил в Чашниках. Более того, он тоже был плотогоном! Бог даст, мы с ним вместе посетим Родину наших дедов.

На окраине села у дедушки был сад. К нему нужно было идти мимо кладбища. Как и положено, оно навевало на меня страх. Когда я немножко подрос, то, может быть, первый мой шаг в космос был таким: преодолевая страх, я заставлял себя в темноте идти мимо кладбища и не бояться.

Есть такой старинный анекдот, про взрослую женщину, которая боялась идти через кладбище, но, на ее счастье, встретила там мужчину, и он ее проводил, через кладбище. Она его благодарит, говорит: «Спасибо, что вы меня провели, потому что я боюсь ходить через кладбище», а он отвечает: «Так при жизни и я боялся».

Я помню, каким чудом казался тогда в Чашниках автомобиль! Когда он проезжал – то мы, мальчишки, толпой в пыли (дорога, ясное дело, была не асфальтовая) за ним бежали. И нам было радостно бежать за таким чудом техники как настоящий автомобиль. Помню белорусскую картошку-бульбу, которой славились Чашники. Помню, как меня взяли на уборку картошки, и я дотащил до корзины столько картошин, сколько смог, а в награду за такой труд мне дали самую большую бульбу. И она была такая большая, что в карман мне ее запихнули, а вытащить было нельзя. И целую сковороду из нее нажарили. Картошки хватало, но тем не менее мы, мальчишки, любили ходить в колхоз на кухню для поросят. Там в большом котле варилась некондиционная картошка. И вот эту картошку мы из кипящего котла доставали, она была самая вкусная.

У дедушки был яблоневый сад. Антоновка – до сих пор мое любимое яблоко. Он антоновку хранил в погребе на сене. К Новому году она желтела, источала аромат, а на разломе сверкала алмазными кристалликами. В сад, естественно, наведывались мальчишки. Однажды дедушка их увидел, шумнул на них – они бросились через забор. А тут как раз по дороге проезжал редкий в довоенных Чашниках автомобиль. Ребятки

чуть под колеса не угодили.

Итак, мои мама и папа приехали в Ленинград, поступили в Политехнический институт. Там и познакомились, решили пожениться. Папа был с 1901 года, мама – на шесть лет моложе. Современному человеку бывает трудно понять, как они, такие разные по возрасту, оказались в одном институте, как очутились на одном факультете? Но это же был рабфак, туда поступали не со школьной скамьи, студенты рабфака – это взрослые люди, которые получали высшее образование.

И даже дали им вспомоществование – 25 рублей. До моего рождения они жили в тесном общежитии, а, когда появился я, им выделили весьма просторную комнату на последнем этаже пятиэтажного дома у Пяти Углов. Загородный проспект, дом 26 квартира 7. Кстати, через четверть века отношение к молодым семьям станет суровее и, когда у меня родился первый ребенок, мою жену выгнали из общежития. И мы вынуждены были снимать комнатку в избушке. Мы же работали в Подлипках, а снимали рядом в Болшево. На работу нужно было ездить на электричке – одну остановку.

У нас в Ленинграде была огромная коммунальная квартира – на девять семей, с двумя туалетами. В каждой семье – от трех до пяти человек. Когда-то в квартире имелась даже ванная комната, но потом ее посчитали излишней роскошью. Ванну выбросили и поселили там еще семью. Зато у нас был большой балкон.

Когда я навестил квартиру своего детства через сорок лет – оказалось, что там живет шесть семей. То есть за это время только три семьи получили отдельные квартиры…

В нашем доме было три внутренних двора. Каждый последующий был меньше и грязнее предыдущего. И на последнем дворе была гигантская мусорная яма, куда весь дом выносил объедки и прочий мусор. И вокруг этой ямы располагались небольшие сарайчики, где каждый хранил дрова, поскольку отопление было печное. В наш сарайчик на второй этаж вела лестница. Эта лестница обледенела, а я туда залез, чтобы одно-два полена принести, поскользнулся и пересчитал носом все ступеньки лестницы. Кровь из носа потекла, получилось ярко-красное впечатление.

Что интересно, комната, которую дали родителям, была на удивление просторной – аж пятьдесят метров. Пятый, последний, этаж. Высоченные потолки – метра три с половиной, на потолке – лепнина. По краям шла красивая лепнина и в центре, где люстра. Я не помню, была у нас люстра или не было. А лепнину помню.

Родители пришли со мной на руках, увидели пятьдесят метров и сказали, что это невозможно жить в такой большой

комнате: «Дайте нам меньше!» Им говорят: «Меньше нет». Тогда они попросили разгородить комнату. Им отказали. Пришлось разгораживать за свой счет. Для человека, который сейчас живет, это кажется безумием. Ну, кто сейчас будет просить, чтобы ему дали меньшее? Дерутся за каждый метр. А тогда квартирный вопрос, видимо, ленинградцев еще не испортил.

Получились две комнаты: 28 метров и 22. В первой поселились мы, во вторую вселили другую семью. И образовался еще маленький тамбур перед комнатами. Там стоял какой-то старый столик, старый шифоньер. Это был такой угол, в который старые, ненужные вещи можно было сложить, чтобы не держать в комнате. Когда перегораживали комнату, конечно, лепнину повредили. Родителям предписали восстановить по краям лепнину – разумеется, за свой счет. Что ж, вызвали бригаду рабочих, оплатили их труд из своего кармана. И все это – ради того, чтобы не жить в просторной квартире! Современному человеку этого не понять.

Но жизнь далеко не прямолинейная и не все в ней просто, как дважды два четыре. Прошло лет семь – и я заболел малярией. Меня лечили отечественным лекарством, которое называлось акрихин. Завод, который его выпускал, до сих пор существует где-то под Москвой, он так и называется – Акрихин. Шестимиллиметровые плоские, безумно горькие таблетки. Достаточно было лизнуть – и тебя уже рвало. Родители мучили меня и сами мучились. Заворачивали таблетку в размоченный хлеб, сверху мазали маслом, чтобы эта конструкция скорее проскочила. А иногда она не проскакивала, застревала во рту, разваливалась… Лучшего средства от малярии в нашей стране не было, но и оно мне не помогло. Малярия протекала так: один день ты абсолютно здоров, а назавтра – температура сорок, тяжелейшее, опасное состояние. И вот, как в жизни получается. Сосед, который получил выгороженную вторую комнату, оказался моряком дальнего плавания. Из плавания он привез самое лучшее в мире лекарство – хинин. Акрихин был ухудшенным подобием хинина, а у нашего соседа-моряка имелся чистейший хинин. Хинин – это порошок. Если его взять в рот – напрочь вывернет на изнанку. Но хину насыпали в капсулу, а капсула растворялась в желудке. Поэтому я принимал ее абсолютно спокойно. Раза два-три я принял хинин – и помогло, пошел на поправку. А если бы мы поселились в пятидесятиметровой комнате, если бы не моряк?..

Перед войной мама работала на заводе главным инженером, а отец – в лаборатории менделеевского института метрологии. Он готовил диссертацию. Война не дала ему защититься. У него

имелась броня, он был невоеннообязанным, но настоящим патриотом! Он сдал эту броню, пошел в Ленинградское ополчение, пошел защищать город. У ополченцев 1941 года была одна винтовка на двоих, а то и на троих, не хватало патронов. Поэтому немцы, которые прошли школу войны в Европе, почти всех их за несколько дней уничтожили. Папу спасло ранение в одном из первых боев. Так бывает в жизни: ранение – это ужасно, но иногда оно оказывается спасительным… Его вывезли в госпиталь, потом в Среднюю Азию на переобучение. Там он прошел школу противотанковой обороны и уже на фронт приехал обученным специалистом в противотанковый батальон.

Все случилось в течение нескольких дней: война, народное ополчение, ранение, госпиталь, отправка долечиваться и военную специальность получать в Средней Азии. А когда мама шла к нему в один из госпиталей, за ее спиной разорвался снаряд. Если бы она шла на минуту позже – смерть. Вот так человеческая жизнь иногда зависит от того, кто твой сосед, иногда она зависит от того, ранят тебя или не ранят в первом же бою. Если ранят, то проживешь до 76-ти лет. Жизнь во время войны становится непредсказуемой.

Мама тридцать лет была главным инженером на хлебозаводе. Завод был небольшой, выпускал он нарезные батоны (по-ленинградски – булки). Интересно, что, когда наши войска освобождали Болгарию, конечно, среди солдат и офицеров были ленинградцы. Они ночевали у болгар или просто заходили, просили поесть. Есть такая солдатская просьба: мать, дай, пожалуйста, воды напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде. Так вот, когда есть хочется, то ленинградец просил булку. И болгары от этой просьбы звереют и иногда даже бьют, потому что, оказывается, булка по-болгарски – это девушка. И получалось, что солдат требует девушку или даже невесту…

Завод выпускал сухари, которые складывали один к одному, заворачивали в бумагу, а по торцам заклеивали лентой, чтобы бумага не развернулась. А на ленте было название этих сухарей: «Сухари ванильные». И, когда их заворачивали и заклеивали, работали не думая, на автоматизме. Обернул раз, обернул два, мазнул… И работница в какой-то момент осеклась и наклеила не по правилам. Чтобы сухари не рассыпались – все равно, хоть так клей, хоть эдак… И мама получила выговор – неожиданный, как говорится, на ровном месте. Потому что в результате один конец ленты наехал на другой – и, вместо надписи «Сухари ванильные» получилось издевательское: «хари ванильные».

Хлеб я очень люблю. И в детстве особенно любил самый вредный – свежий хлеб, очень вкусный. Может быть, во мне

говорит чувство ностальгии, но, мне кажется, сейчас такого вкусного хлеба нет. Иногда я ходил по заводу, с детства меня тянуло к технике, а потом к науке. И вот я ходил и смотрел на эти тестомешалки, на печи, как там двигаются люльки, как кладут тесто, а потом оттуда выходят булки. А поскольку это все-таки пищевое предприятие, пищевая промышленность, то я ходил в белом халате. И однажды рабочие приняли меня за проверяющего из какого-то министерства. Словом, как Хлестакова, приняли за ревизора. Ко мне подошли и сказали: «Мы хотим вам пожаловаться. Вот около печи, где человек работает, очень жарко, надо дополнительную вентиляцию!». Я передал эту просьбу маме. Вентиляцию усилили.

Мама и папа работали, домашних обедов у нас в рабочие дни не было. И я школьником ходил во взрослую столовую. Не в ресторан, конечно – именно в столовую. А потом мы с друзьями нашли на улице Марата детскую столовую, и там все было намного дешевле. И, между прочим, вкусно. На взрослую столовую мама каждый день давала мне рубль. А вечером я перед ней отчитывался, сколько стоило первое, второе, компот, и отдавал ей сдачу – пять или десять копеек. А в детской столовой получалось в два раза дешевле. И мальчишки из нашей квартиры подучили меня отчитываться перед мамой, как будто я кушал во взрослой столовой, а разницу тратить: газированной воды купить, пирожок купить, может быть, мороженое. Карандашик купить, стерку… Стерка, между прочим, это типично ленинградское слово, в Москве ее называли ластиком или резинкой. И я обманывал маму, но, естественно, это был такой обман, который очень легко разоблачался. Потому что мама прекрасно видела: появился новый карандаш, появилась стерка, они же лежали на виду…

Чтобы впредь я не обманывал, мама побила меня веревкой. Била символически, мне не было больно, но было невыносимо обидно! Я не мог слова сказать против мамы, но свою обиду выместил на веревке. Схватил ее, выбежал на улицу и бросил под трамвай… Вот так я на всю жизнь получил первый урок из десяти заповедей: не лгать.

После войны у нас было уже две комнаты в коммунальной квартире, по тем временам – это было просто богатство. Мы чувствовали себя олигархами. Это как сейчас – трехэтажный особняк на Рублевке. Таким образом, у меня была своя комната, свои книжные полки. Я собирал сначала фантастику и приключения, а потом и научно-популярные книги. Циолковского, Перельмана, жизнеописание академика Крылова… Сейчас я понимаю, что поначалу мама пробуждала во мне

интерес к научно-популярным книгам – но так незаметно, что я был уверен в том, что все выбираю самостоятельно.

Однажды отец нашел у меня книгу «Луна», и там на первой странице стояла надпись НИИМС. Он спросил меня: «Как тебе удалось взять книгу в нашей библиотеке? – Я не брал. – Но здесь же написано НИИМС – НИИ метрологии и стандартизации. – Папа, да это же я придумал НИИ Межпланетных сообщений!..» Он не верил, пока не сходил в свою библиотеку. А шутливое общество межпланетных сообщений я после войны увидел в мультфильме «Полет на Луну», где академика-космонавта озвучивал замечательный артист Яншин, которого мне посчастливилось не раз видеть на сцене МХАТа.

Книги… Я знал места, где их можно купить или выменять у букинистов, ходил на толкучки. Особенно интересовали меня книги про полеты, про планеты, книги по астрофизике. Мне удалось раздобыть даже два тома из знаменитой энциклопедии «Межпланетные сообщения» под редакцией Николая Алексеевича Рынина. Эти тома выходили мизерным тиражом и быстро становились библиографической редкостью. Даже у Королева не было полного Рынина – только три тома! Профессор Рынин жил в Ленинграде, я знал об этом. На последней странице «Межпланетных сообщений» было указано: «Отзывы направлять по адресу Ленинград, улица Жуковского… дом… квартира…».

Мне очень нужно было расспросить его: в какой институт мне нужно поступать, чтобы выучиться на ракетостроителя? Я долго собирался к нему сходить, но робел. Наконец, решился. Это было в 1947-м году. Дошел до дома, нашел дверь и стушевался. Не осмелился побеспокоить профессора, редактора такой книги. Вышел на улицу. Но тут я понял, что не знаю, как же стать ракетостроителем? И все-таки позвонил в дверь. Мне открыли, но на цепочке. На мою просьбу поговорить с Николаем Алексеевичем тихий женский голос ответил, что он умер в блокаду. Я ушел растерянным и потрясенным.

Несколько лет назад я был в ЛИИЖТе, где когда-то работал Рынин. Как мне сказали, там, в библиотеке были девять томов «Межпланетных сообщений». Мне очень хотелось на них посмотреть. Но библиотекарь не нашел ни одного тома: все разворовали.

Спасибо матери с отцом

Мой отец был удивительным человеком. Он прошел всю войну, был ранен, контужен, но вернулся практически здоровым, если можно после стольких лет войны остаться здоровым. Был награжден боевыми медалями и орденом, но только по праздникам их надевал. После войны защитил кандидатскую. Экономил на ботинках, на трамвае, никогда не пил газированную воду. Можно было подумать, что он жадный. Но… у нас много-много лет был маленький черно-белый телевизор «Ленинград». А своему брату он подарил большой цветной телевизор. Он экономил на себе, а отдавал родным, вот такой был человек.

Отец не возлагал на меня надежд. Он говаривал: «Были у отца три сына, двое умных, а третий футболист», и показывал на меня. Хотя в футбол я играл два раза в жизни и оба раза меня уносили с поля с подбитыми ногами. На третий раз я решил, что играть больше не буду.

Он говорил: «Сын, из тебя ничего путного не выйдет, потому что ты слишком много газет читаешь, зря тратишь время и ходишь на каждую премьеру Аркадия Райкина». Мама меня водила и в оперу, и в консерваторию, но ему запал в голову Аркадий Райкин… А еще однажды мы с мамой были в Музкомедии, и этим низким жанром (оперетка!) отец тоже меня попрекал. Такова была система ценностей ленинградской интеллигенции: существует только классика. Эстрада, оперетта, комедии – это низкопробное развлечение, на которое стыдно тратить время. Замечательный артист Аркадий Райкин был для него символом всего легкомысленного и легковесного.

Слава Богу, что папа на машине времени не мог перебраться в наш XXI век. Шутка, конечно. Но вернись мой отец в наше безвременье, он сказал бы: «Не за это я воевал…».

Стихи на полях:

Годы нашей жизни – памятные даты,
Мы на вас, ребята, смотрим сверху вниз,
Если б в сорок первом я не стал солдатом
Вы на свет, ребята, вряд ли б родились.

Свет роняют звезды на леса и хаты,
Между ними спутник в черной высоте,

Если б в сорок первом я не стал солдатом,
Вряд ли бы Гагарин в космос полетел.

Сергей Кузнецов

Папа, мама и я уже после возвращения папы с войны, но до моего полета в космос

Не вдохновляли отца и мои космические увлечения. Даже, когда я стал работать в КБ Королева, он упрямо продолжал считать меня непутевым. Упрекал, что я не остался в институте, в аспирантуре. А я не обижался. У нас было такое воспитание: отец и мать – это святое. Это сейчас можно выгнать их на улицу, а мы росли в другое время.

Но, конечно, когда я вернулся из первого полета в космос, папа был даже счастливее меня. Его беспутный сын, который что-то где-то взрывал, где-то тонул, где-то носился на мотоцикле, летал через руль. Ломал себе руку, когда прыгал со шкафа на диван, готовясь в парашютисты, и ногу, когда уже прыгал с парашютом, – оказался годен для большого Дела.

Во время второго моего полета отец умер – под Новый год. Мне, конечно, об этом не сообщили. В полете нельзя сообщать такое. И радость от счастливого возвращения на Землю оборвалась во мне, когда я узнал о горькой потере.

Родители дали мне чисто ленинградское образование. Например, когда из репродуктора лилась музыка, мать всегда экзаменовала меня: какое это произведение, кто композитор. А

музыка в те годы в репродукторе не прекращалась. И я полюбил музыку. Мама постоянно водила меня в театр, в музеи. И к этому я пристрастился на всю жизнь. В каждом городе, где я бываю, обязательно хожу в музей. А без театра жизни не представляю. Например, Евгений Лебедев в роли Холстомера меня потряс – а ведь я к тому времени уже побывал в космосе и потрясти меня было непросто.

Я могу предъявить претензии своим родителям за «неправильное» воспитание, потому что они не развили во мне черты, которые необходимы для современной жизни. Предавать я не умею, убивать тоже, даже врать не могу. Из-за этого всегда думаю, как жить-то буду в современных российских реалиях без таких качеств? Шутка, конечно. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды.

Шутки шутками, а однажды я непростительно обидел отца. Это было тридцать пять лет назад. Мы с отцом ловили рыбу на Волге. И вот у отца клюнул большой сазан. А папа уже был в возрасте, и я решил помочь. Перехватил его удочку и вытащил рыбу. Но, когда я увидел, какими глазами на меня смотрит отец, я понял, какого удовольствия его лишил из-за какой-то рыбы. Этот грех я до сих пор не могу себе простить. Стыдно.

Все началось с гайки

Не знаю, передаются ли способности по наследству, но однажды со мной произошла странная вещь. К нам в гости пришел преподаватель черчения и, между прочим, рассказал мне, как нужно чертить гайку. И тут со мной произошло необъяснимое. Правило черчения гайки произвело такое сильное впечатление, что я твердо решил стать инженером-механиком и никем больше. До сих пор удивляюсь, почему чертеж гайки так меня вдохновил? Просто заворожила она меня золотым сечением! Я всерьез увлекся механикой из-за этой гайки. Наверное, увидел в ней средоточие тайны, которую можно раскрыть, став технически образованным человеком.

Когда сегодня я выступаю перед школьниками, когда они просят у меня автограф – я никогда не отказываю. Из-за гайки. А вдруг с кем-то произойдет подобная история? Возьмет вот этот парнишка сейчас мой автограф и захочет стать космонавтом. А нам сейчас нужны молодые… У меня есть надежда, что и эта книга станет для кого-то такой «гайкой».

Моя страсть к исследованиям появилась в раннем детстве. В Ленинграде был Дом Занимательной Науки. Это гениальное изобретение Якова Исидоровича Перельмана – знаменитого популяризатора науки. У меня есть его книги, изданные еще до революции. В те годы умели пропагандировать науку, «заражать» наукой подростков. Вот я и заразился хронически. В этом Доме Занимательной Науки разные явления подавались столь необычно, что если у кого-то из ребятишек был хотя бы крошечный резонанс на науку, то он сразу же увлекался ею. Приходишь в комнату: синие обои, на часах двенадцать, на столе в чашечке вода… Вдруг что-то щелкает, и комната уже красная, на часах – час дня, а в чашечке «вино»… И сразу задумываешься: а что же произошло? Или стоит швабра. Нарисована точка, где у нее находится центр тяжести. Берешь швабру, кладешь этой точкой на палец – она уравновешена. Потом ты разделяешь швабру по этой же точке на две части. Кладешь их на весы, и оказывается, что одна часть перевешивает другую. Как же так?! Ведь было рав-но-ве-си-е! И подобные опыты в этом доме ставились настолько наглядно и интересно, что хотелось разобраться, что же происходит.

В тринадцать лет я прочитал «Межпланетные путешествия» Перельмана – это был важный рубеж. Я заболел астрономией и тем, что позже будут называть космонавтикой. Собирал быстро ставшие библиографической редкостью тома «Межпланетных

сообщений» профессора Рынина – знаменитую энциклопедию. Читал Циолковского и Крылова.

Великий кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов стал моим кумиром. Им я восхищался. Однажды в кабинете некоего корабельного магната Крылов увидел макет корабля. «Скажите, этот макет в точности повторяет ваш корабль?» – спросил он. Хозяин макета даже обиделся: «Конечно!». «Тогда, если вы обрежете лопасти винтов на фут, скорость увеличится на два узла». И этот диагноз Крылова подтвердился!

Когда нужно было погрузить на судно для отправки в Россию шведские паровозы – он предложил наиболее экономный метод погрузки, чем вызвал восторг бывалых стивидоров Британии и Швеции. От теории он легко переходил к практике. И обо всем писал азартно, остроумно, живым русским языком. Не терпел скуки и рутинерства. Он был не только кораблестроителем, но и астрономом, и математиком. Я знал, пожалуй, еще лишь троих ученых со столь широкими научными интересами: А. М. Обухова, Т. М. Энеева и Б. В. Раушенбаха.

А вот узкие специалисты делятся на два разряда. Одни узнают все больше о все меньшем. И в конце концов – знают все ни о чем. Другие узнают все меньше о все большем – и в результате знают ничего обо всем…

Но я, конечно, был прилежным читателем не только научно-популярной литературы, но и научной фантастики – Богданова, Казанцева, Владко… И жадно смотрел фильмы – «Аэлита», «Космический рейс», немецкий фильм «Женщина на луне»… Я там просто жил, мысленно влезал в экран, был с героями. Старт ракеты в фильме «Космический рейс» меня поразил. Я мечтал стать ракетостроителем! Дух Космоса, мне кажется, там передан блестяще! То есть этот фильм зовет в Космос, зовет человека расширить круг своего обитания – и это самое главное, мне кажется, как профессионалу. Я его очень полюбил, когда впервые увидел, и много раз смотрел. Мне кажется, что фильм замечательный.

В космос меня позвала фантастика… В годы моего детства фантастики в СССР было немного, так что я перечитал все, что было издано. Писатели гораздо раньше Гагарина и Титова освоили полеты, и не только вокруг Земли, но и в дальний космос, и на Марс, и на Венеру, и в другие миры.

Сегодня, по-моему, фантастической литературы в сотни раз больше, но новых качественных, прорывных книг еще меньше. Не так давно я принимал участие в семинаре молодых фантастов и услышал там, что Стругацкие устарели. Я сказал этому молодому писателю: «Давайте подождем хотя бы десять лет и посмотрим,

вас будут печатать или по-прежнему Стругацких».

С писателями-фантастами, братьями Стругацкими, Ольгой Ларионовой и Станиславом Лемом мне посчастливилось встречаться и беседовать. С Лемом мы встретились во время конференции в Варшаве. Я любил его книги, считал и считаю Лема одним из лучших фантастов. Мы говорили о «Солярисе» – фильме, который Тарковский снял по его роману. Лему фильм категорически не понравился: «Я видел своих героев другими!». Я возразил: «Литература и кинематограф – два разных искусства. Если снять роман с буквальной точностью – получится подстрочник. А зачем он нужен, когда можно прочитать вашу замечательную книжку? По законам кинематографа Тарковский сделал героев такими, какими он видел их глазами режиссера».

Я признался Лему, что очень люблю его рассказ «Нашествие с Альдебарана», в котором простые польские крестьяне побеждают представителей высшей агрессивной цивилизации. Я очень люблю и некоторые рассказы о пилоте Пирксе. Вообще, несмотря на небольшой спор, это был добрый разговор. Общались мы, конечно, по-русски.

Много лет я был активным читателем фантастики. Сегодня я фантастику почти не читаю, больше интересуюсь научно-популярной литературой. Полеты в космос не так меня волнуют, как вопрос, кто мы, откуда и куда? Гомо сапиенсы мы или еще не сапиенсы… или уже не сапиенсы. Я хочу понять логику нашего существования в истории. Действительно ли мы произошли от обезьян, эволюция которых заняла миллионы лет? А мы преодолели путь от них до себя за несколько десятков тысяч лет? Вмешался ли кто-то в этот процесс и его ускорил? Или обезьяны – это предыдущая цивилизация, и раньше они были тоже людьми, но деградировали, оттого что стали потребителями…

Школа, книги, Дом Занимательной Науки – вся система образования помогала мне стать ученым и космонавтом. А что сегодня, в XXI веке? Поделюсь тревогой. И в школе, и в научных институтах, и в космонавтике главную роль стали играть деньги. Ими можно созидать, но можно и разрушать. Специалистов пенсионного возраста стали быстренько увольнять, добиваясь экономии средств. До всех этих «денежно-базарных» отношений, например, в нашей космической отрасли был мощный сплав опыта и молодости. Бережно передавался тот опыт, который не передать в указах, приказах и чертежах. И уходили лишь тогда, когда знания были переданы. А потом был допущен разрыв: поспешили убрать пенсионеров, и молодежь стала робкой. Мы решали любые задачи – первый спутник, первый человек, обратная сторона Луны, – что бы ни ставилось, решалось все.

Когда мы обогнали в космической гонке американцев, всегда считавших фаворитами себя, когда мы запустили первый спутник и первого космонавта, американцы изменили свою систему образования. Под нашу. Они поняли, что все их богатства не дали им технического превосходства. Наша система образования была очень правильной. Сейчас множество лучших специалистов во всех отраслях за рубежом, особенно в кибернетике, математике, компьютерах – русские. И наши хакеры, чего скрывать, самые лучшие. Советские мозги, получившие советское образование, всюду ценятся не зря.

Нынешнее изменение нашей системы под американскую – это не шаг в российское будущее, а возврат в американское прошлое. Получается, что этим мы выполняем задачу, поставленную бывшим премьер-министром Великобритании Тэтчер, видевшую Россию поставщиком нефти и газа. И где не должны вырастать высокие технологии и научные достижения. И ныне внедряемая система образования хороша лишь для того, чтобы обслуживать эти трубы. Я считаю, система образования и науки не должна зависеть от коммерции. В конечном итоге это и коммерчески не выгодно!

Шахматный дебют

Играть в шахматы я научился самостоятельно с небольшой помощью соседей по коммунальной квартире. Выучил правила и играл без шахматной теории, как бог на душу положит. И вдруг стал всех обыгрывать – соседей, товарищей по школьному шахматному кружку – всех, кто попадал под руку. Пошел в кружок при Дворце пионеров. А в Ленинграде была сильнейшая шахматная школа, воспитавшая как раз в те годы немало гроссмейстеров, которые тоже начинали с Дворца пионеров.

Я и там начал всех лихо обыгрывать. При этом я не знал ни испанской партии, ни сицилианской защиты, ни чего-либо другого из шахматной теории. И тут мне сказали: «Кто ж так играет? Ты делаешь неправильные ходы! Тебе теорию читать надо». Тогда я проштудировал шахматные книжки, разобрался в теории и… стал проигрывать. Оказывается, пока я не знал теории – мои безумные розыгрыши приносили победу. Я ставил своих противников в отупение. А тут стал, как все – и меня начали обыгрывать. Так я и остановился на третьем разряде, бросил играть. С тех пор играл изредка.

В полете с Юрием Романенко у нас были шахматы, но мы их ни разу не раскрыли, времени не было. Зато через много лет, в казино «Космос» я стал чемпионом мира по игре в шахматы в поддавки, самым главным поддавалой. Турнир проходил первого апреля. Там даже В. Корчной принимал участие – знаменитый гроссмейстер международного класса. Я пришел туда в отвратительном самочувствии, мне перед этим плохо вылечили зуб. Думал, быстро проиграю и уйду.

Но не сумел проиграть, стал чемпионом. Призами были сервизы. Кто займет первое место, тот первым и выбирает. Все смотрели, думали, что я самый дорогой сервиз заберу, а я взял простую вазочку. Выхожу оттуда, и тут вспомнил, что всем участникам казино подарило по пять фишек. Дома они мне не нужны, значит нужно побыстрее их проиграть. Я возвращаюсь и ставлю их все на «зеро». Поставил – и быстро пошел домой. Когда я был уже у выхода, то меня вернули, оказывается, я выиграл 1700 долларов.

Делать жизнь с кого?

Помню, было мне совсем мало годков, и дедушка в деревне дал мне горсть зерна, покормить кур. А я был очень маленький и, когда я вышел с зерном, то куры облепили меня с головой. Это мое первое яркое впечатление – как эти куры взлетали, кудахтали, клевали.

Другой случай из раннего детства помню по рассказам мамы. Когда я засыпал, всегда хотел держать маму за руку. Мама дожидалась, пока я крепко усну – и отходила. А я спал беспокойно, постоянно сбрасывал одеяло, мне его даже привязывали потом. И вот мама встала посреди ночи поправить одеяло, а меня нет в кровати. Она огляделась – и в комнате нигде меня нет. Мама в ужасе: куда делся ребенок? Оказалось, я выпал из кровати, закатился под кровать и там преспокойно продолжил спать.

Когда я подрос, то обожал с отцом ходить в пневматический тир. Еще не доставал до стойки, но отец меня приподнимал, и я стрелял по мишеням. Так я захотел стать снайпером. И, надо сказать, впоследствии всерьез занимался стрельбой и всю жизнь увлекался охотой. Звери от меня не уходили. Только однажды, взяв жену на охоту, промазал. Оказалось, что она молилась, чтобы я не попал.

Однажды посмотрел фильм про танкистов. Три сеанса подряд просидел! И решил стать танкистом. Я любил технику, а танки в кино эффектно преодолевали любые препятствия и били врага «малой кровью, на его территории». А уже во время войны я залез в подбитый немецкий танк, закрыл люк и понял, что в щели ничего не видно, в кабине темно и тесно. Так желание быть танкистом пропало.

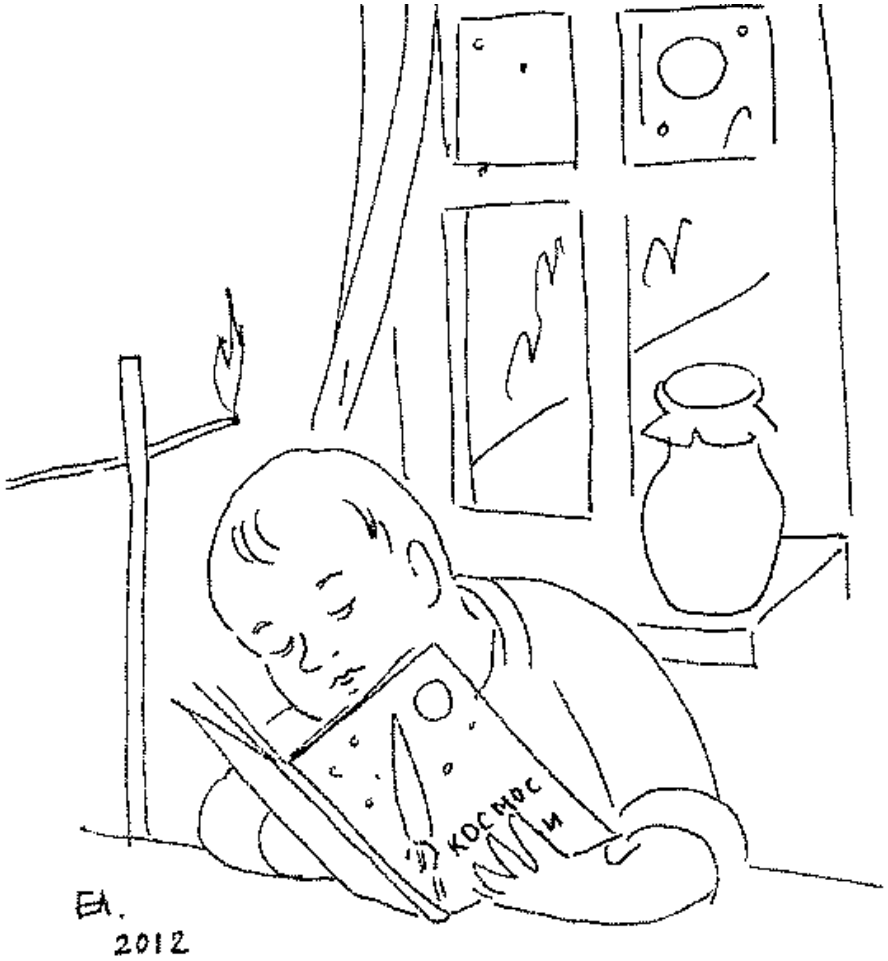
Потом увидел, как на поле сел кукурузник, и решил стать летчиком. Снова подоспел кинематограф, фильмы про летчиков подкрепили это мое желание.

А когда я прочитал какую-то книжку про советских разведчиков, то захотел связать жизнь с разведкой или контрразведкой. Поэтому, когда в школу приходил фотограф и нас всем классом снимали – я убегал. Как будущему разведчику, мне было важно, чтобы ни у кого не было моих фотографий. А то еще опознают.

А будучи в 9-м классе, пошел в цирк, посмотрел на выступление воздушных гимнастов и «обрадовал» маму тем, что по окончании школы тоже буду выступать под куполом цирка. Маму чуть инфаркт не хватил.

К счастью для мамы, я полюбил фантастическую литературу и захотел участвовать, как тогда говорили, в межпланетных путешествиях. Первыми фантастическими книгами, который я прочитал еще во время войны, были романы Григория Адамова – «Тайна двух океанов», «Изгнание владыки». А потом я уже читал в этом жанре все, что мог найти. Особенно нравился Александр Казанцев со своим «Пылающим островом», который публиковался с продолжениями в «Пионерской правде», а потом вышел отдельным изданием. Казанцев заинтересовал меня и тайной Тунгусского метеорита.

Да и сама жизнь Казанцева, это пример для других. Дожить до таких лет и продолжать творческую жизнь – просто невероятно! Я потрясен, что на десятом десятке жизни (а Казанцев прожил 96 лет) он сохранил ясность ума, творческий талант. Я не знаю больше писателей, чтобы до таких лет сохранили талант, духовные силы, потому что силы физические хочешь не хочешь уходят. Это человек, который сам жил и других звал. И в этом я вижу, хотите всечеловеческую, хотите всемирную роль. Ведь построить космический корабль, это можно, современная техника позволяет, на Марс полететь можно.



Но попробуйте воспитать человека искреннего, творческого, волевого, когда на улице, в школе бог знает что творится. Когда книги на прилавках полны убийством и кровью. Когда за один фильм убивают десятки людей. То есть когда на молодого еще не оформившегося юношу обрушивается столько крови и грязи, родители уже ничего сделать не могут. Все, что они говорят, полностью противоречит тому, что молодой человек видит вокруг себя. А тут выступает, как рыцарь, писатель и учит добру, творчеству, верности, любви. Вот Стругацкие пишут, что в будущем самая престижная профессия, это воспитатель. Но воспитатель у них воспитывает десять человек, а Казанцев воспитывал тысячи.

Мне очень нравится идея А. Казанцева о летающих тарелках и снежном человеке. Он предлагает такую идею, что есть настоящее, будущее и прошлое и что все это существует параллельно. И тогда случайно на параллельных курсах из

будущего вываливаются тарелки, а из прошлого снежный человек. Парадоксальная идея! В ней острота ума, неординарное мышление.

Он был еще и шахматным композитором! Это может показаться лишним. Вот Эйнштейн теорию относительности создал и мог больше ничего не делать. Двадцать лет бился над общей теорией поля, но не получилось. Так и Казанцев воспитывал людей на своих произведениях. Казалось бы, от него ничего больше не требуется. А он еще вел активную жизнь. И, наверное, еще многое сделал, чего я не знаю. Я очень благодарен А. Казанцеву за его творчество, за его ум, талант, потому что таких, как я, он воспитал если не миллионы, то уж тысячи, это точно. Если бы не начитался я в детстве этих книг о внеземных мирах, не знаю даже, кем бы стал. А Стругацких я упомянул не случайно. Это мои любимые писатели. Но они появились гораздо позже.

Первая книга Стругацких – «Страна багровых туч» – выйдет в 1959-м году, а тогда я читал Казанцева, Казакевича, Уэллса, Жюль Верна, любил Джека Лондона. Ну, еще почитывал Мопассана. Его книгу «Милый друг» я прятал от родителей в шахматной коробке. Гораздо позже пришло увлечение Грэмом Грином и Достоевским.

Пора было всерьез определяться, кем я хочу быть. Мне запали в душу герои этих писателей. Я хотел быть таким же решительным, волевым, сильным, мудрым, знающим, остроумным. Для меня в жизни было два примера: любимые литературные герои и герои войны. День Победы для меня и сегодня – самый любимый и самый главный праздник.

В детстве на каникулы я приезжал в дедовскую деревню Чашники. У нас не было ни электричества, ни керосиновых ламп, ни даже свечей. Зажигалась щепка, при ней дедушка читал журнал «Нива», Библию. Я при этой лучине жил, а потом вырос и полетел в космос. Это говорит о том, что на протяжении маленького отрезка времени в пределах жизни одного человека техника шагнула от лучины до космоса.

Но это только наука и техника шагнули за сорок лет. А за несколько тысяч лет сам человек не изменился, остался тем же, не стал совершеннее. Как он был героический и трусливый, щедрый и алчный, ревнивый, завистливый, жестокий – таким и остался. Это было заложено в природе человека и вряд ли изменится к лучшему в условиях нашего дикого капитализма.

А дедушка воспитывал меня по офицерскому принципу – «Делай, как я!».

Та же «Нива» была очень интересным журналом. Куда лучше

всей вот этой гламурной дребедени, что сейчас. Там были шутки, аналитические статьи, рассказы интересные, рассказы страшные, замечательный был журнал. А еще дед брал меня с собой ловить рыбу, причем даже ночью, с острогой и факелом. Послал меня зачерпнуть кастрюлей воды для пойманной рыбы, а там оказалось сильное течение. Оно вырвало у меня кастрюлю, и кастрюля куда-то уплыла. Но на следующий день, когда рассвело, мы поплыли на лодке, нашли кастрюлю и багром ее вытащили.

В саду мы яблоки собирали, на поле картошку. Мне никто не говорил, что вот это хорошо, вот это плохо, вот это делай так, делай иначе. А просто брали с собой, и я в силу своих маленьких сил работал и учился. Главное, чему я научился у дедушки, – если кто-то рядом работает, то нужно присоединяться и работать, а не сидеть и смотреть, как работают другие.

Школьные годы чудесные?

Как я пошел «в первый раз в первый класс» – не помню. Учеба в первых двух классах в памяти не сохранилась. Знаю, что первая моя школа была недалеко от дома, на Социалистической улице.

А потом началась война, и в третий класс я пошел в оккупированном немцами Чернигове. Советские учебники было приказано сжечь, тетрадей и перьев не было. Учились, кое-как сшивали себе тетрадки из обрывков обоев. На уроке математики учитель однажды спросил: поднимите руки – кто списывал. Некоторые ребята честно подняли руки. Тогда он спросил: а теперь поднимите те, кто давал списывать. Я поднял руку. Тогда он сказал мне: «Будешь с ними, кому давал списывать, после уроков заниматься дополнительно».

Когда я вернулся в Ленинград – блокаду, разумеется, уже прорвали. Отец был на фронте. А маму, как главного инженера хлебозавода, перевели на казарменное положение. Ее поселили около завода и если, не дай Бог, бомба, то надо было перебежать улицу и на завод. А если мама была нужна, то посыльный в любое время суток перебегал улицу и ее из дома вытаскивал. Она обязана была докладывать, когда и куда уходит с завода, где она будет: дома, в кино, у знакомых, чтобы ее всегда могли при необходимости найти. Вот что такое главный инженер.

Я поселился вместе с мамой и поступил в мужскую школу, расположенную неподалеку. Потом ту школу закрыли. Новая моя школа находилась возле Большого проспекта на Васильевском острове. Из этой школы я очень хорошо помню две вещи: учительницу по литературе и школьный шахматный кружок. Учителя были требовательные, спуску нам не давали.

А поскольку я учился первые два класса в Ленинграде, вторые два класса на украинском языке, а следующие классы опять на русском, то эти два языка у меня перемешались. И мне было очень трудно успевать по русскому языку и литературе. Есть такая присказка. Учительница говорит в классе: «Дети, не говорите „ага“, а говорите „да“. Поняли?» – «Ага». Вот примерно так я и учился. Но учительница добивалась от нас хороших знаний, добивалась, чтобы мы писали хорошие сочинения. Мне это давалось с большим напряжением. Сочинения получались плоховатые. Приходилось получать и двойки. Их я исправлял на четверки, в результате по русскому и литературе мне выводили тройку… По математике, физике, химии – сплошные пятерки, а по литературе – тройка на тройке. Я считаю, если я сейчас более-менее грамотно пишу – это заслуга той учительницы. Мне было

тяжело, родителей в школу таскали за каждую двойку, но в результате она все-таки вбила в меня знания. Во всяком случае, когда мне сейчас приносят документ, я нахожу ошибки, даже если я не первым читаю этот документ… В старших классах я литературу подтянул и закончил школу с хорошим аттестатом.

Потом я учился в пятой мужской школе. Интересная была школа, я и сейчас иногда туда захожу, когда бываю в Ленинграде, хотя школа и переехала в другое здание. Школа носит имя Карла Ивановича Мая – талантливого педагога, который еще в XIX веке основал нашу школу. В этой школе к каждому ученику относились с уважением, раскрывали способности ребят. Нашим директором или, как тогда говорили, заведующим школой был фронтовик С. И. Пашков. Он поддерживал традиции Мая.

Там был потрясающий, просто удивительный физический кабинет, в виде аудитории, громадный массивный стол, громадные доски, а в кабинете видимо-невидимо приборов. Нас учили не по бумажке, а на приборах. Чудом техники был гигантский телескоп, вызывавший во мне трепет и восхищение. Я по физике имел твердую пятерку.

Иногда хулиганил. Однажды в кабинете физики, во время экзамена, я забрался под стол с приборами и оттуда всем подсказывал. Учитель так и не заметил меня! Там были дверцы – и, если я видел, что кто-то «плывет» у доски – я мелом писал на дверце решение и показывал товарищу. Выходит, я был неплохой ученик, но всю жизнь все-таки хулиганил. Но паиньки-мальчики в космос не идут, а я рос хулиганом. Но не потому, что дрался с мальчишками, хотя и это было, а потому, что очень любил что-нибудь поджечь, взорвать… но это не мешало мне учиться. Наоборот – я все сильнее интересовался техникой, физикой, астрономией.

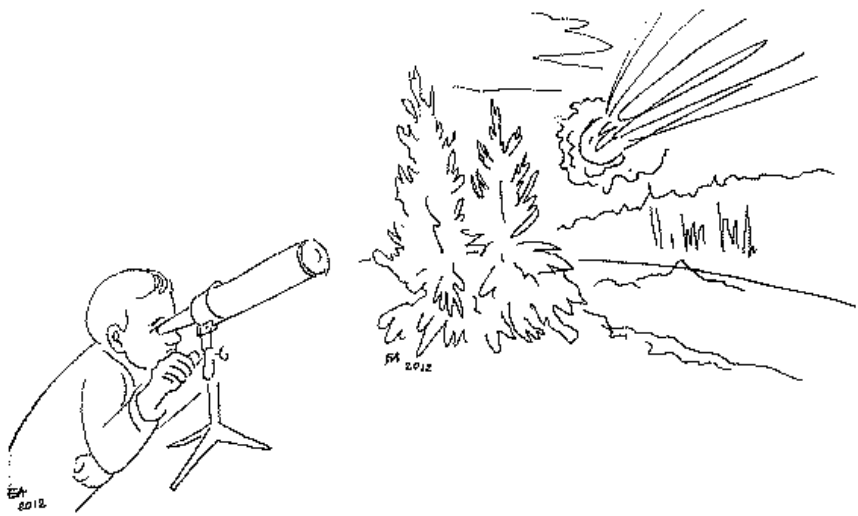
И мне разрешали прийти в школу ночью, достать телескоп, поставить на крышу, и проводить наблюдения – самостоятельно, без учителей. Одному мне было тяжело это все таскать, а у меня, как выяснилось, есть умение обучать. Такому педагогическому подходу обычно учат в педагогическом институте, а у меня как-то это от природы было.

Со мной в одном классе учился сын генерала, которому не давалась физика. Он был немножечко с ленцой. Его отца затаскали в школу. Однажды он сказал учителю: давайте я буду платить, а вы дополнительно занимайтесь с моим сыном. Ну, о деньгах в те времена не могло быть и речи. Но учитель сказал, что позаниматься с его сыном мог бы Жора Гречко. И я сидел с ним после уроков, занимался. Он стал получать иногда даже четверки. Прогресс!

За это он помогал мне в наблюдениях. Штатив таскал, телескоп. Я Луну наблюдал – в первой и третьей четверти, очень уж она красивая. Все думали, что Луна – просто огромный замерзший камень. А наш ленинградский астроном Николай Александрович Козырев наблюдал выброс пара из лунного кратера Альфонс. Это было потрясающее открытие, и я о нем знал.

Однажды вечерком вытащили мы телескоп, установили, посмотрели на планеты, на четверку галилеевых спутников Юпитера. Тут мне понадобился фильтр и я спустился в кабинет физики. По дороге обратно на крышу я услышал громкий крик моего товарища: «Скорее! Скорее сюда!» Я думаю: повезло, увидел выброс пара и воды из кратера Альфонса! Это редкое наблюдение! Я опрометью бросился на крышу. Смотрю – а телескоп у него направлен вниз. Он крикнул мне: «Смотри, раздевается женщина!». Оказалось, в мое отсутствие он шарил телескопом по окнам.

А еще мне запомнилась учительница географии. Очень требовательная! Двойки нам лепила, заставляла все учить назубок. В результате кое-какие знания сохранились. Был такой анекдот: урок географии в школе рабочей молодежи. Вопрос: Что нам экспортируют китайцы? Великовозрастный школьник замялся. Учитель подсказывает: «Ну, что вы по утрам пьете?» – «Неужели рассол?»



Потом я заканчивал 299-ю школу. Там мне запомнился учитель математики. Он требовал мгновенного ответа на любой вопрос. Знания синусов-косинусов-тангенсов, чтобы ночью разбудили – и от зубов отскакивало. Много формул и значений

мы помнили наизусть. А я тогда уже читал про Л. Ландау, который говорил: нельзя загружать память цифрами. Память нужно заполнять идеями, а для цифр есть справочник. Я был согласен с Ландау, а не с нашим учителем.

Но через много лет был у меня такой случай: я заведовал на полигоне заправкой ракеты. А кислород испаряется. За два часа половина бака испарится. Поэтому была подпитка кислородом по мере его испарения. Мы сидим в бункере рядом с ракетой. Над нами несколько метров бетона. Наша миссия закончилась. Мы рассчитали заправку и ждем старта.

И вдруг вбегает человек, отвечающий за старт, и говорит: отказала подпитка. Что делать? Остается 5–10 минут. Бак теряет кислород и к моменту старта будет недостаток кислорода. Двигатель остановится, пуск будет сорван. Там есть система СОБИС, она начнет выравнивать, но хватит ли нам кислорода до разделения ступеней? Если не хватит – запускать нельзя. Если ошибешься – снимут голову. Если запретишь пуск – в КБ просчитают процессы и скажут: «Почему ты запретил? Ты мог посчитать». Ошибка в любую сторону будет стоить дорого. У меня ни логарифмической линейки (хотя в этом случае она бы не помогла), ни справочника, ни объемов и размеров емкостей. Стал я лихорадочно вспоминать, какой объем у бака, с какой скоростью испаряется кислород, с какой скоростью в баке будет понижаться уровень. Тогда система СОБИС столько-то выберет, а столько не выберет.

И вот тут не Ландау, а учитель оказался прав. Циферки надо помнить. Я посчитал в уме, и получилось, что можно пускать. Мы смотрим на ракету, она поднимается. По мере того, как подходила 120-я секунда, все решалось – доработает боковушка за счет гарантийных запасов или нет? Стоим мы, держимся за… головы. Идет репортаж: «120-я секунда, полет нормальный. Разделение ступеней». Мы вздохнули.

Мы выиграли, что разрешили пуск. Но начальник устроил мне разнос: «Как ты посмел разрешить пуск? Ты должен был сказать: условия не выполнены, один бак из 10-ти недозаправлен, пуск запрещаю. Мальчишка, ты рисковал, не твое это дело!» Но если бы я ошибочно запретил пуск – с нас бы сняли головы. И прежде всего с начальника. Ему бы вломили по первое число. Я говорил ему о государственном деле, о значении пуска для людей… Он мне – о риске и правилах – как не остаться козлом отпущения. Мы говорили на разных языках. А нашего школьного математика я тогда вспомнил добрым словом.

Находился на оккупированной территории? Да

(Из моей анкеты)

Немцы довольно быстро захватили Украину город за городом и вскоре подошли к Чернигову. Помню, в сильную бомбежку, мы спрятались под кручей в такую пещерку, одеялом завешивались от осколков. Это, конечно, смешно: одеяло нисколько бы не помогло, если бы осколок туда попал. Оно давало нам иллюзию защищенности. Потом уже немцы подходят, мы спрятались в погребе. Все затихло и разрывы, и стрельба. А мы сидим в погребе, темно, погреб закрыт, ничего не видим.

Ну, затихло, значит, надо выглянуть. И вот кто-то, самый смелый приоткрыл крышку погреба и говорит «Немец!», и другой полез: «Немец!». Пришла моя очередь, я полез, спускаюсь и говорю: «Нет там никакого немца». Мне твердили: «Ну как, вот же стоит немец!», а я свое: «Да нет, там человек стоит, а немца там нет». Мне было десять лет, я находился под впечатлением советского антигитлеровского плаката. Там была нарисована нора, а оттуда змея вылезает. «Фашистская гидра вылезла, напала на нас!» И я так и думал, что немец это змея, фашистская гидра, и когда я увидел человека в форме, то мне не пришло даже в голову, что это немец. Немец должен быть в виде змеи. Но это был немец, оккупант, а я оказался на оккупированной территории.

Было трудно. До третьего класса я рос маменькиным сыночком, а в оккупации пришлось около трех лет жить без родителей. Мы десятилетние вдвоем с двоюродным братом Федей, царство ему небесное, кормили семью из шести человек. Обрабатывали 35 соток земли без лошади, без плуга. Целыми днями, вскапывали, поливали, пололи.

Этот труд, наверное, и сделал из меня космонавта: появились силы, координация, ответственность. Когда я сейчас вижу десятилетнего мальчика, мне кажется, что он пустую лопату не поднимет. А 35 соток без лошади и без плуга, это невероятно. В войну мы мужали быстро.

В оккупации было голодно: утром картошка, вечером картошка, днем картошка. И, чтобы заглушить голод, мы стали курить, но не табак. Мы собирали окурки, табак из окурков доставали, складывали в стакан. Когда набирался стакан табака, мы шли на рынок, продавали табак и покупали мыло. Какая

валюта наиболее ценна во время войны? Не золото, серебро, платина или алмазы, а мыло, спички и соль.

И поэтому, конечно, мы не могли позволить себе курить табак, когда на него можно было приобрести «военную валюту»… Мы курили труху от деревьев, сухие листья от вишни, чтобы заглушить голод. Ну, и делали самокрутки из газеты. Кладешь туда эту труху, сворачиваешь, крутишь самокрутку, заклеиваешь языком. Вот так и курили.

Как-то под потолком в избе мы нашли секретную полочку. Смотрим, а там настоящая папиросная бумага! Мы ее схватили, побежали, курить дома-то нельзя, бабушка не дает. Мы побежали в колхозный сарай, где раньше лошади стояли, и поэтому весь пол там был в навозе. И стали крутить самокрутки из настоящей папиросной бумаги. Только там между папиросной бумагой какая-то блестящая бумажка лежит, вот как конфеты заворачивают, что-то золотистое, фольга. Она нам не нужна, мы ее, естественно, выбрасываем в грязь, а папиросную мы ценим, она хороша для самокруток. Покурили, лишнее все выбросили.

Вернулись домой, и вечером вдруг тетка спрашивает «Кто из вас взял сусальное золото?» Мы говорим: «Мы не брали». «Ну, вот там лежало, между листами папиросной бумаги сусальное золото!» Когда мы все поняли и признались – тетка нам не поверила. «Идите, покажите». И мы пришли в сарай, а там действительно золото, втоптанное в навоз, и ничего уже нельзя исправить… Для нас это было не сусальное золото для икон, а конфетная бумажка, которая в отсутствие конфет не представляла для нас интереса…

Было страшно. Жизнь человеческая зависела от настроения фашистов-эсэсовцев. Однажды иду в школу – переступаю через убитого. Возле стола учителя, в стене – след от пули. А потом прошел слух, что наше село сожгут вместе с людьми. Мы, десятилетние мальчишки, ворвались домой, схватили за руки бабушку, хотели вместе с ней бежать. А она говорит: «И куда ж мы, дети, побежим? Здесь у нас дом, огород…».

И мы остались – и ждали, когда нас сожгут.

Вот, казалось бы: мама в Ленинграде, папа на фронте, я в оккупации, казалось бы, что может быть хуже? Но папа получил ранение и контузии. Мамин дедушка умер в блокаду от голода. Мой двоюродный брат после пожара на Бадаевских складах поел жженого сахара, который затвердел в уличной грязи – и подхватил смертельную болезнь. А я в оккупации все-таки остался жив. Такая судьба: оккупация была менее опасна для меня, чем, скажем, ленинградская блокада. В оккупации я выжил. Так иногда бывает: большое горе оборачивается удачей. Об этом

надо помнить и не отчаиваться.

Неожиданное возвращение

Красная армия освобождала Украину. Когда фронт откатился обратно, немцы убежали, вернулись наши. Помню, как из леса вышли партизаны – вступать в армию. Они вышли со своим оружием, но без еды. И вот два партизана к нам пришли, с автоматами, голодные. Мы их накормили коржиками, они за эти коржики дали нам два автомата. Мы, мальчишки, сразу отправились стрелять, но у нас эти автоматы отняли.

Долго еще милиция отнимала у нас военные игрушки – оружие, взрывчатку. Милиционеры примерно знали, куда мы ходим стрелять, и нас ловили. Кстати, нас не судили. Дело было так: отнимут взрывчатку или револьвер, дадут подзатыльника и отпускают. Наладилась связь с Ленинградом и наконец пришла весточка от мамы, пришла посылка с письмом. Там были кое-какие вещи для меня – например, новенькая синяя телогрейка. Теплая, удобная, в округе ни у кого такой не было, я в ней расхаживал как король!

И самое главное – мама прислала мне вызов в Ленинград, потому что Ленинград, освобожденный от блокады, считался стратегическим городом, и кто попало во время войны туда попасть не мог. Чтобы иметь право приехать в Ленинград, нужно было заполнить кучу документов. И вот с этими мамиными бланками я пришел в райком ВКПб, и там все заполнили. К счастью, мне выдали справку, что я с оккупантами не сотрудничал. Это касалось и лично меня, одиннадцатилетнего школьника, и моих близких. И вот эти документы лежали в комоде, а мама прислала деньги на билет и дала указание тетке, у которой мы жили, что приедет из Ленинграда наш человек (я уже не помню кто именно) и заберет меня. Чтобы документы все были готовы к отъезду!

Однажды кто-то из нас рылся в комоде – и выпали эти самые деньги. И я их нашел. Я очень тосковал по маме… Как только я их увидел, у меня мгновенно созрел план, что не буду я никого ждать, а уеду-ка я в Ленинград сам! И стал готовиться к поездке, но подготовка была, мальчишеская. Я приготовил пустой рюкзак и все. И взял я эти деньги и – к счастью – не забыл про документы. Тут как раз поезд днем уходит, а меня послали корову отогнать, потом дали задание что-то сделать в огороде. Я испугался, что могу опоздать на поезд. Но потом все разошлись по делам, и я своему брату двоюродному Феде говорю: «Федя, я уезжаю». Он отмахнулся: «Ладно, шутки» – видно, я и тогда частенько розыгрышами занимался. Я говорю: «Да нет, это не

розыгрыш, я действительно уезжаю. Только смотри, пожалуйста, до вечера никому не говори, что я уехал, чтобы меня не вернули. А вечером начнут беспокоиться, где я, тогда скажи: Он уехал в Ленинград».

Ну, взял я этот пустой рюкзак, пошел в огород, нарвал огурцов, пошел через рынок, купил стеклянную баночку с маслом, пару яиц, а еще хлеб пекли из печки русской, настоящий. Как я его полюбил после оккупационного хлеба «на опилках»! Взял я кусок хлеба и пошел на вокзал, купил билет в Ленинград. А до поезда еще несколько часов. И там были военные раненые, и они говорят «Пацан, принеси воды», – я принес, «Пацан, сходи туда-то, что-то узнай», – я сходил. И так мы с ними сошлись, и, когда пришел поезд, мы сели с ними в вагон, а раненых сажали вперед, раненым полку освобождали, поэтому мы не висели на подножке поезда, а в купе сидели. Я все время ждал, что прибегут тетка, бабка и меня снимут. Когда поезд тронулся и замелькали станционные постройки, я думаю: «Ну, все, слава богу, поехали в Ленинград». Поехали благополучно. Правда, ночью нас разбудил жуткий холод. Оказалось, что в этом купе выбито окно, и ночью нас просквозило…

А Федя не поверил мне, и, когда ночью я не вернулся домой и все стали меня искать, он не сказал, что я уехал. Он считал, что я разыгрываю и где-то прячусь. И чтобы дураком себя не представить, он молчал. И там был большой скандал.

Я поехал. Поезда шли вне расписания, во многих окнах были выбиты стекла. Мы останавливались на каких-то станциях, у нас была трудная долгая пересадка. Высадили нас на какой-то станции. Раненых пустили на вокзал, меня с ними. Я когда-то маленький выпадал из кроватки, а на вокзале мне досталась узкая скамеечка. И я на ней спал и никуда не упал.

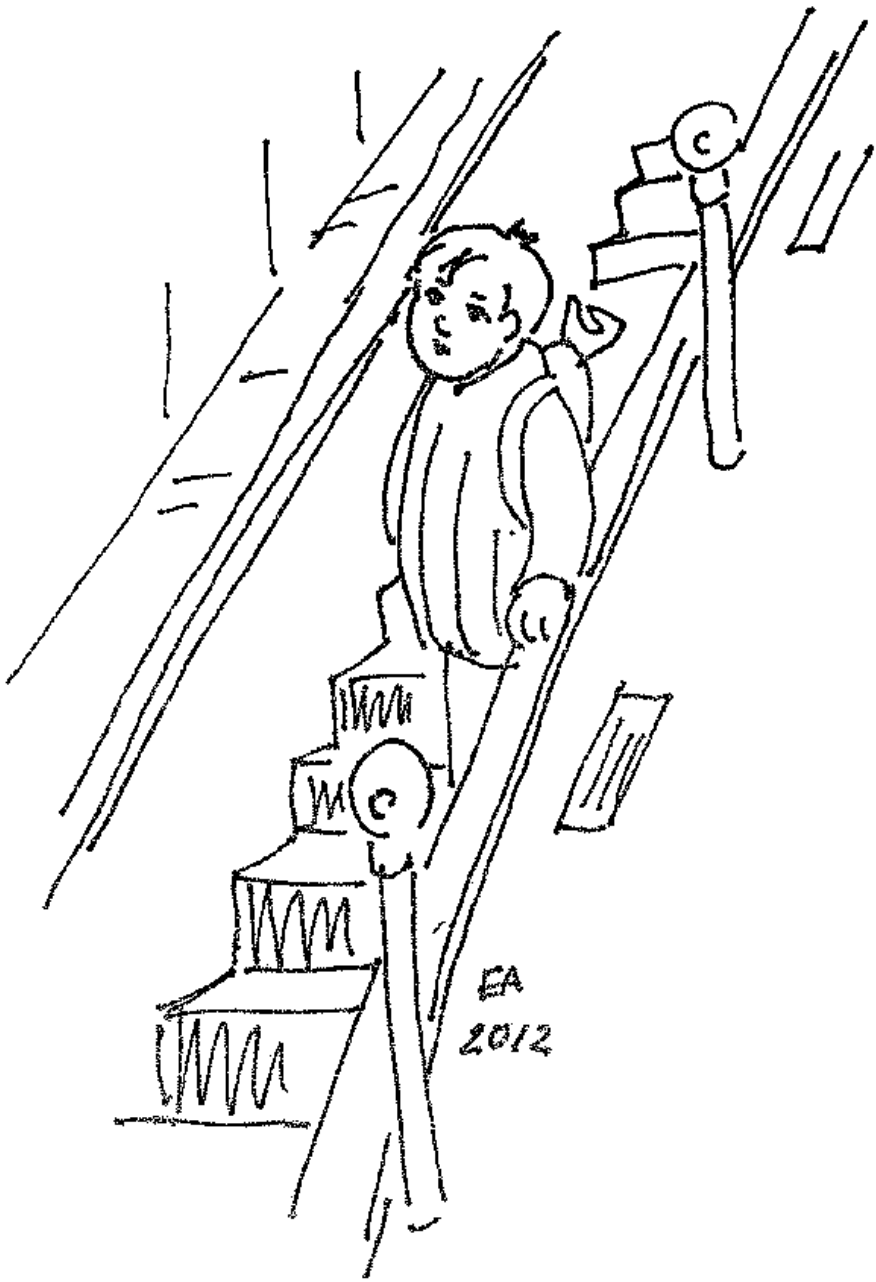
А днем, в ожидании поезда на Москву, я пошел к рельсам, увидел маневровый поезд и сел на подножку. Я катался на этом поезде. Он распихивает вагоны по разным путям, а я балдею от счастья, катаюсь. Потом мы приехали в Москву, опять пересадка, целый день в Москве, вечером на Ленинград. Меня интересовало метро – чудо света, как тогда говорили. В Ленинграде метро пустят еще не скоро – через десять лет после Победы. Я знал стихи, песни про метро:

Есть такие люди – настойчивые люди.
Они сказали: будет сдана работа в срок!
Проходчики, бетонщики, забойщики, кессонщики.
Где такие люди? На метро!

Знал про лестницу-чудесницу. Про нее был стишок: «Придумано не худо, устроено хитро, плывет и не качается, течет и не кончается!». Это было заманчиво – технические чудеса. И вот я в Москву приехал – и мне подавай «лестницу-чудесницу». Спустился в метро – красиво, сказочно, но где волшебная лестница? Обычные ступеньки. Доехал до какой-то станции, вышел, опять ступеньки. Еще вышел на какой-то станции, нигде нет «лестницы-чудесницы». Наконец, мне подсказали: «Киевская». Я туда приехал, и давай на лестнице кататься вниз-вверх.

Потом я узнал, что в парке Горького выставка военных трофеев. Я туда добрался, и провел там весь оставшийся день. Там я облазил самолеты, танки, пушки… Я тогда как раз уже разочаровался в танковых войсках и мечтал об авиации. Увидел даже ракетный самолет – Ме-163, по-моему. Сегодня мы знаем самолеты реактивные, у них используется атмосферный воздух. А там был чисто ракетный, он ничего из атмосферы не брал, такой был немецкий перехватчик.

Оттуда начиналась моя тяга к ракетам. Кстати, когда нас освободили, фронт постепенно уходил от нас. А в это время в газетах прошла информация, что немцы изобрели «ФАУ-2», ракету. Дальность полета 300 или 400 километров. И вот я все с замиранием сердца ждал, когда же фронт отодвинется на 400 км, чтобы «ФАУ-2» не достала до Чернигова. Это было наивно, потому что зачем немцам обстреливать Чернигов «ФАУ-2», они по Лондону, в основном, их запускали. В общем, интерес к технике во мне кипел. И я с наслаждением провел день на этой выставке в парке Горького.



Вечером, я помню, на вокзале давка была страшная, потом открываются какие-то ворота, и все мы бежим к поезду. Толпа

гигантская, летят все, садятся, и я тоже вскакиваю в плацкартный вагон. Гляжу, первое купе занято, второе – занято, дальше – занято, занято, только в последнем купе третья полка свободная. Я туда свой рюкзачок, а там уже половина съедена, но еще баночка с маслом осталась. И я залез на третью – багажную – полку, рюкзачок под голову, и заснул.

Среди ночи меня будят: «Эй, тут видишь, люди стоят. А ты что, будешь целую ночь спать? А ну-ка слезай». Меня согнали с третьей полки, и кто-то там лег отдыхать, а я поехал сидя. Так я и приехал в Ленинград, и прямо пешком с вокзала домой. Повторю свою мысль: если современного двенадцатилетнего мальчишку бросить в те условия военной неразберихи на железной дороге – я не уверен, что он добрался бы от Чернигова до Ленинграда с пересадками, без Интернета и мобильного телефона. А для меня это было интересным приключением.

Я поехал, пошел, нашел дом, нашел квартиру, подошел к квартире, сердце колотится. Звоню – и слышу мамин голос. Два – три года не слышал! Мама спрашивает: «Кто там?», я говорю: «Откройте!». А она же меня не ждет, она же знает, что я в Чернигове и что скоро должен кто-то приехать за мной. Она же не знает, что я убежал. Потом мама мне рассказывала, что в те дни частенько грабили квартиры. Действовала «Черная кошка» или еще кто-то. И поэтому незнакомым не открывали. Она вспоминала: «Я слышу, что голос мальчишеский. И думаю, что, если он на меня кинется, мальчишка этот, я от него отобьюсь». Она открывает, а я на нее кидаюсь, потому что я-то уже заранее узнал мамин голос. Я на нее кидаюсь, она от меня отпрянула, не узнала, не ожидала.

Потом узнала и прежде всего стала меня отмывать, потому что я дня три ехал и, конечно, весь был чумазый. Она отмывает меня и говорит: «Слушай, что-то я не пойму, кто тебя отправлял? Почему на одежде нет ни единой пуговицы, все на веревочках?» И спрашивает: «А вещи твои где?». Я говорю: «На старой квартире оставил, в предбанничке». Поехали мы за вещами, я достаю этот рюкзак, там остатки масла, но все уже крысы подъели, какие-то крошки и все. Она говорит: «Вещи где?», я: «Вот же вещи». Она-то ждет, что там мой ватник, мои ботинки, какая-нибудь рубашка, а мне и в голову не пришло, когда я собирался, что это нужно взять. Мама говорит: «Подожди, а как ты уезжал? Кто тебя провожал, кто в дорогу тебя снаряжал?» И тут я ей рассказал, что я сбежал.

А на следующий день в кабинете стоматолога мне поставили сразу девять пломб. Три из них вылетели тем же вечером.

Это путешествие из Чернигова в Ленинград было авантюрой,

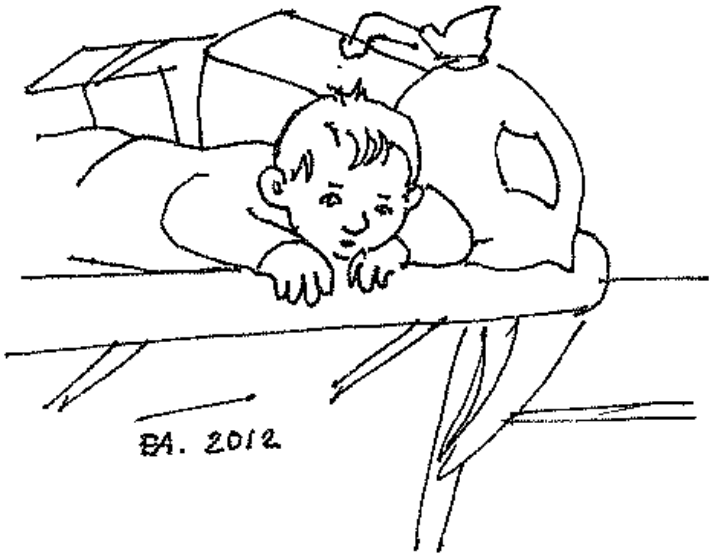
но я проявил самостоятельность. Я всю жизнь принимаю на себя ответственность, с детства. Если я что-то делаю, я сам за это и отвечаю. Если приходится отвечать тяжело, больно, я понимаю так: сам заслужил, сам отвечаешь. Плохо, когда ты не виноват, а обвинения на тебя сыплются, вот тогда плохо. А, если сам виноват, сам и отвечаешь – это норма для нас, для нашего поколения. Сейчас, по-моему, в ходу другие принципы. Пришло другое поколение – не знаю, хуже ли оно, лучше, но… другое!

В годы войны в Чернигове в нашей слободе только у одного мальчика был велосипед. Он на нем катался, а мы бежали за ним в клубах пыли. И нам было так приятно! Вот, что такое для нас был в детстве велосипед.

Потом, когда мама отдала мне свой, женский велосипед с погнутой рамой, «потому что он как-то под машину попал», я был счастлив. Он был без ниппельной резины, потому что во время войны ее достать нельзя было. Я для велосипеда сам сконструировал специальные детали. На женском погнутом, переделанном велосипеде я ездил как король. Ездил на нем на большие расстояния. Так что для нас велосипед в те времена был, можно сказать, как мотоцикл или автомобиль сейчас.

Помню День Победы. Нас отпустили с уроков – и мы радостно выбежали на улицы. Почему-то ярче всего запомнилось, что отпустили с уроков… Отец оставался в армии. Он даже отказался от очередного повышения в звании – кажется, от производства в майоры – чтобы поскорее демобилизоваться и вернуться к нам. От него приходили посылки – раз в полгода. Чаще не разрешалось. Там были кружки, вилки, продукты. Однажды пришло две посылки: от него – нам, и от его приятеля – родителям приятеля. Родители эти не объявлялись, мы их тоже найти не могли. Посылка у нас полгода пролежала. Когда отец вернулся с фронта, оказалось, что эта посылка тоже предназначалась нам. Он просто схитрил, чтобы послать две посылки. Мы вскрыли посылку. Там был чернослив. Он не испортился, мы его с удовольствием съели. А в черносливе был спрятан бинокль. Вот такое воспоминание – уже не военное, а послевоенное. С этим биноклем для меня закончилась война.

Даже сейчас, когда после Победы прошло столько лет, для меня непонятно, как это – не знать войны. Даже трудно представить. Война так по нам прошлась. Что захочешь – не забудешь.


EA. 2012

Глава 2. Мои университеты

Из книжного мира в реальный

Моя первая экспедиция была не космической, а геологической. В мае 1947-го мне исполнилось шестнадцать. Я получил паспорт, стал полноправным гражданином СССР.

Начиналось лето, школьные каникулы – и я прямиком отправился во Всесоюзный геологический институт и устроился рабочим на поисках в геолого-разведочную партию, которая уезжала на Кольский полуостров.

В те годы страна оправлялась от войны, разворачивались грандиозные стройки. Нам, пацанам, хотелось доказать и себе, и другим, что мы чего-то стоим. Стыдно было сидеть в сторонке. Я хотел действовать, как герои моих любимых книг Джека Лондона, Александра Казанцева. Как мужественные герои газетных статей и кино хроники, которую нам показывали перед художественным фильмом. И вот я отправился на свою первую взрослую работу – в заполярную геолого-разведочную партию. Отправился искать урановую руду и закалять характер. Мама, конечно, была в ужасе, но мое решение было твердым.

Уже много позже, размышляя о жизни, о том, как я пришел в космонавтику, я понял, что заполярная тундра сыграла-таки свою роль. Ведь когда шел отбор в космонавты, я думал, что не пройду, что в космонавты идут исключительно, как сейчас говорят, супермены. А я, хотя и был мечтателем, и романтиком, оставался человеком городским, привыкшим ходить по асфальту. Но решил попробовать, потому что мне было интересно испытать себя.

Думаю, я был принят в отряд космонавтов отчасти и потому, что меня закалила работа в геологической экспедиции. Это была очень хорошая школа жизни. Здесь я выучился ходить по болотам с тяжелым рюкзаком за плечами, переносить лишения, большие физические нагрузки, здесь ковался характер.

Воспоминания, как все из юности, остались очень яркими. Прежде всего, это, конечно, тундра и, как оказалось, очень мало романтики – одни комары чего стоили! Дорог как таковых здесь просто не было, помню дорогу-лежневку, выложенную поперечными бревнышками. Рассказывали, что ее строили заключенные еще в 1941 году, так что бревна были полусгнившими. Помню, однажды, собираясь в путь с образцами породы, я услышал разговор, что якобы на том направлении видели медведицу с медвежатами. Всякого зверья в те годы в тундре было много, так что я и не удивлялся, а вот бояться – боялся. Поэтому сначала старался ступать по бревнам осторожно, чтобы не трещали под ногой, ну а потом плюнул и припустил во

всю мочь, топая как слон. И успокаивая себя тем, что со мной старенькое ружьишко.

Помню, что не хватало еды, было голодно. Помню, как мне выдали ботинки – американские, желтые, красоты невероятной… И как они мне стирали до мяса кожу на сгибе большого пальца. Чтобы облегчить страдания, перед выходом на маршрут я выбирал лужу, садился около нее и опускал туда ноги в ботинках, таким образом размачивая их. Какое было счастье, когда получил старенькие, разношенные солдатские… Это был праздник.

Именно там, в Заполярье, я в первый и в последний раз вел дневник. Прилежно исписал карандашиком тетрадь. Прошло много лет, а тетрадь сохранилась. Только записи, конечно, поблекли.

Экспедиция была большая – человек сорок. Работали мы на Кировогорском месторождении – то есть на горе Кирова. Начальником экспедиции, было Эра Ивановна (или, как звали ее для простоты, Вера Ивановна) Сорокина, очень волевая и строгая женщина.

Не так давно я побывал в Оленегорске. С 47-го там, конечно, многое изменилось. Тогда была лишь железнодорожная станция Оленья. Ну а еще – оленеводы, геологи и бескрайняя тундра. И была романтика первой экспедиции, были хорошие товарищи рядом. И моя первая профессия – геолог. За один сезон я сделал «карьеру» от рабочего до геолога-коллектора.

По пути в Военмех

Будущее принадлежит тем, кто строит университеты.

В. И. Вернадский

Я поступил в Военмех благодаря ленинградскому трамваю и ректору института.

Дело было так. Меня с детства привлекали скорость, высота, грохот, огонь. Поэтому я, учась в школе, хотел быть танкистом, потом летчиком, наконец, ракетостроителем. Почему именно ракетостроителем? Я мечтал о межпланетных полетах. Хотел летать дальше всех и выше всех. Но Циолковский говорил, что человек полетит в космос через 100 лет – а ведь его считали великим мечтателем! Я об этом знал и понимал: даже, если стану долгожителем и проживу сто лет – я физически не смогу стать космонавтом. И у меня возникла такая идея: найти институт, где учат на ракетостроителя, участвовать в создании ракеты, чтобы мой сын или даже внук полетел в космос на ракете, которую я сконструирую… А я – старый хрыч – буду сидеть и пускать скупую мужскую слезу.

На самом деле, без Циолковского не было бы прорыва в космос. До него многие интересовались полетами на Луну – скажем, Сирано де Бержерак предлагал не менее восьми способов. Байрон писал:

Проложенная Ньютоном дорога
Страданий облегчила тяжкий гнет;
С тех пор открытий сделано уж много,
И, верно, мы к Луне когда-нибудь,
Благодаря парам, направим путь.

Я запомнил эти стихи, прочитав их у Рынина. Кроме пара, надеялись на артиллерию – Жюль Верн рассказал, как из пушки запускают на Луну ядро с пассажирами. Именно Циолковский выдвинул идею ракетных поездов – многоступенчатых ракет. Но он считал, что на реализацию идеи уйдет век, а у Королева ушло двадцать пять лет. Роль Королева в истории космонавтики огромна. В моей жизни сложилось так: без Циолковского я не стал бы ракетостроителем, а без Королева – космонавтом.

Но здесь я немного забежал вперед. В девятом классе я уже

читал Циолковского, мечтал о ракетах, но не знал ответа на простой вопрос: «Куда пойти учиться?». Я сунулся в Политех, где учились родители – там ракетного факультета не было. После девятого класса я самостоятельно поехал в Москву – наводить справки, где можно учиться на ракетостроителя.

Я нашел Московский Авиационный Институт (МАИ). Меня в здание института, конечно, не пустили. О секретности я представлений не имел. Я спрашиваю сторожа: – Почему не пускаете? – А что тебе надо? – Хочу знать, где изучают ракеты. А слово «ракета» было секретным. Даже через десяток лет в ОКБ-1 я в отчетах писал на птичьем языке не «ракета», а «изделие». Что мог подумать сторож? Ну, точно, шпион, только очень уж нахальный. Сторож чуть со стула не упал. Я настаиваю: Пропусти!! Он куда-то позвонил и высунул в окошко трубку. Я спрашиваю: «На каком курсе изучают ракеты?» На том конце трубка из рук падает. Так я и уехал в Ленинград, и никто мне не сказал, где учиться.

И очень хорошо, потому что вскоре я увидел в трамвае рекламу нашего ленинградского Военмеха. Все экзамены я сдал на «отлично», поскольку увлекался физикой, химией, математикой и уже в школе заглядывал в вузовские учебники. Но на факультет реактивного вооружения, который для маскировки как раз начиная с того года назывался просто «А» или «Конструкторский», меня не стали принимать. Потому что в анкете было красным карандашом обведено, что я находился в оккупации. И это несмотря на то, что в оккупации я был ребенком, и в райкоме ВКПб мне выдали справку, что с немцами я не сотрудничал. Я был комсомольцем, а тут вдруг такое недоверие…

Выпускник факультета «Реактивного вооружения» Ленинградского Военно-Механического Института. 1955 г.

Дошло до заседания у ректора. Сидели деканы факультетов, профессура. На экзаменах я хорошо себя показал, им хотелось иметь такого студента. Ректор спрашивает меня: «У нас есть другие факультеты, почему ты хочешь на „Конструкторский?“» – «Потому что там изучают ракеты.» – «Ты был в оккупации да еще и знаешь про ракеты. Откуда?» Кажется, снова за шпиона меня приняли. Отвечаю: «Да в прошлом году в трамвае висело объявление, там было указано: факультет реактивного вооружения. Сейчас названия факультетов изменились, но нетрудно понять, какой из них стал называться

конструкторским!» Голоса разделились пополам. Слово было за ректором – и он меня поддержал. «Этот парень не просто псих, он целенаправленный парень!». А я рассказал комиссии, как собирал книги, как к Рынину ходил…

Меня приняли, а через полгода хотели выгнать. Начались лекции для служебного пользования. Мне не дали разрешение. Только собрались выгнать – а тут мне дали в первом (секретном!) отделе разрешение. Я говорил: «Никого не боюсь, только первый отдел боюсь».

Институт я полюбил уже потому, что там не было литературы, истории, зоологии и ботаники. Для меня наступило настоящее счастье: наконец-то я избавился от сочинений, диктантов, изложений, от тычинок и пестиков. Вы не поверите, но до сих пор мне снится страшный сон из детства: идет урок литературы, и нужно писать сочинение, а я не знаю тему – то ли «луч света в темном царстве», то ли какие-то «лишние люди». Просыпаюсь от безнадеги.

Это был институт, где можно было научиться на ракетостроителя. И я люблю свой институт, потому что у нас учили не только высочайшей математике, теоретической механике на самом высоком уровне, но нас учили работать руками. Мы отливки делали, мы слесарили, ковали, точили, строгали, сверлили. То есть выпускники института, мы действительно были инженерами широкого профиля. Может быть, даже переборщили, потому что среди наших выпускников были артисты, певцы, директор театра. Ведь наш институт был известен на весь Ленинград.

К нам всегда была большая очередь из других институтов – на наши «капустники», на нашу самодеятельность. Мы даже выставляли у дверей ребят, которые у нас боксом увлекались, и когда приходил мальчик с девочкой из другого института, мы девочку пропускали, а мальчика не пропускали. Потом целую ночь дрались, гонялись друг за другом. Та к что из наших выпускников получались настоящие люди, которые умели постоять за себя и на каком-то очень высоком математическом соревновании, и на улице.

Институт не только учил, как делать ракеты, но и давал цельное представление обо всем, чтобы любая задача не ставила тебя в тупик.

В Военмехе учился и мой товарищ Сергей Крикалев. Он шесть раз летал в космос! Однажды он привез мне из космоса ленинградский подарок – фотографию нашего родного города. Да не простую, а уникальную. Фотографии Ленинграда с наших станций получаются не слишком выразительными: город мы

видим на горизонте, очень трудно выбрать удачный ракурс. Крикалев вообще хороший фотограф, а тут ему еще и повезло: он заметил, что в сторону Ленинграда идет солнечный блик! Солнечный блик делает воду на земле золотой, сияющей, удивительно красивой. Золотом загорелись Нева, Ладога, Финский залив. Получилась лучшая космическая фотография Ленинграда с окрестностями.

Из Военмеха вышла и Катя Иванова. Одна из немногих женщин-космонавтов, с которой бы я с удовольствием поработал на орбите. Она ходила в тот же дом пионеров, что и я, только в ее время там был уже Клуб Юных Космонавтов. Я бывал в этом клубе в роли слетавшего космонавта, рассказывал о нашей работе. Жаль, что Катя так и не слетала, была только дублером. Планировался еще чисто женский экипаж на Салют-7, в котором Савицкая была командиром, а Иванова – бортинженером. Но станция вышла из строя, на ней отключились все системы. Нужен был ремонт – и туда направили мужчин, Джанибекова и Савиных.

А теперь нас, космонавтов из Военмеха, вместе с А. И. Борисенко уже четверо.

Двойка первая и последняя

В Военмехе я учился увлеченно, даже получал именную стипендию. У меня за пять с половиной лет обучения, кроме пятерок, никаких других оценок не было. Но у каждого правила есть исключение. И у меня была одна-единственная двойка.

По теоретической механике у нас был такой профессор Окунев, до сих пор помню, очень строгий. На экзамене я ответил ему на одиннадцать вопросов, а, когда он мне задал двенадцатый, я сказал: «Вы знаете, мы готовились вместе с моим товарищем Толей Петреевым. И как-то так из шалости подожгли конспект. Последняя лекция у нас сгорела, потому что мы спорили, кто более выдержанный. Лекция горела, а мы выясняли, у кого больше выдержка». Окунев говорит: «Ничего, ничего, ладно, да, я понял». И двойку мне раз… выводит.

Потом я пришел пересдавать, а профессора не было, на кафедре сидели одни ассистенты. Они задавали мне дополнительные вопросы – пятый, десятый, пятнадцатый, а я все отвечаю, потому что я все-таки прочитал лекцию, которая сгорела. В конце концов, я уже нервничаю, почему так много вопросов. Они тоже не выдерживают и спрашивают: «Слушайте, скажите, ну почему профессор вам двойку поставил, когда вы на все отвечаете?» Я говорю: «Да мы конспект подожгли». Они облегченно выдохнули. Ассистенты не решались поставить пятерку, когда профессор поставил двойку. Но история с поджогом стала смягчающим обстоятельством. В моей студенческой жизни это был единственный случай, когда я получил двойку, но пересдал тоже на пятерку.

Первые деньги

Вообще-то я и до этого получал какие-то деньги – за работу в экспедиции, о которой уже рассказал. Плюс – стипендия. Но теперь я хочу рассказать о первом профессиональном, официальном инженерном заработке.

Моя мама тридцать лет работала главным инженером небольшого ленинградского хлебозавода. Когда я был старшеклассником и студентом, иногда приходил к ней на завод. Был тогда такой закон: работники завода могли есть хлеб, находясь на работе. Но выносить хотя бы булку за пределы предприятия строго воспрещалось. Так что я понемножку дегустировал булки в стенах завода.

Однажды мама обратилась ко мне с просьбой: «Ты учишься на инженера. Вот мы модернизировали печь, она стала выпекать больше хлеба. Но теперь контрольные приборы не справляются с такой печью. Посмотри, пожалуйста». Нужно было модернизировать конструкцию, иначе положения не спасешь. Мама подвела меня к печи и показала некий аппарат, который, конечно, для меня был все равно как НЛО. То есть разобраться в этой электрике, куда я сунулся, прежде всего, чтобы она работала быстрее, я не смог.

Но потом мое внимание привлекла механика. Я механикой куда сильнее увлекался, чем электрикой. И я внимательно рассмотрел этот аппарат и увидел, что, если вынуть одну шестеренку, то будет то, что надо. Смешно, конечно, но факт. Я эту шестеренку вынул, и аппарат стал управлять модернизированной ускоренной печью. Конечно, была радость, чувство успешно решенной задачи. И мама, наверное, поняла, что я не зря в институте штаны протираю.

Мне полагалось вполне официальное денежное вознаграждение – через бухгалтерию и с налоговыми вычетами. Я не только получил тогда, насколько помню, 110 рублей (это были пятидесятые годы, после войны уже), но искренне гордился тем, что моя модернизация этого прибора была описана в журнале «Хлебопекарная промышленность». И, поскольку на всех заводах модернизировали печи, это нововведение было рекомендовано всей хлебопекарной промышленности. Вот так я заработал свои первые деньги – внушительную по тем временам сумму. До этого, если не считать геологической экспедиции, я держал в руках максимум – два рубля. Должен признаться, тот маленький успех мотивировал меня к более усердным занятиям механикой. И я еще сильнее полюбил избранную профессию инженера.

Лейтенант Балтийского флота

Морские офицеры с детства были моим примером для подражания. По книгам, по фильмам, таким, как «Гибель „Орла“» или «Крейсер „Варяг“», – вырисовывался образ настоящих людей чести. Они не умеют лгать, открыто бросают перчатку обидчику, а, если не могут заплатить карточный долг – пускают пулю в лоб. Верные присяге, они не кланяются пулям, защищая Родину. Это истинная элита страны!

Честно говоря, бывает смешно, когда нынешняя пресса преподносит нам в качестве элиты какого-нибудь молодого бизнесмена или эстрадного артиста – миллионера. Морские офицеры прошлых лет – вот наша элита.

Увы, приходится делать эту оговорку – «прошлых лет». Потому что некоторые современные морские офицеры внушают сомнения… Когда случилась трагедия с подводной лодкой «Курск», офицеры флота, даже боевые командиры и те, кто призван обеспечивать «связи с общественностью», спокойно произносили «на камеру» взаимоисключающие сведения. Было очевидно, что, как минимум, половина сказанного – неправда. И никто не застрелился! Значит, научились врать.

Мне повезло. В Военмехе у нас была морская военная кафедра. Нас готовили в офицеры флота. Мы ездили на сборы в Кронштадт. И даже жили на разбомбленном немцами линкоре, который в войну назывался «Маратом», а с 1950-го года, когда он стал учебным кораблем, его переименовали в «Волхов». Носовая часть линкора была разбомблена, но три орудийные башни и зенитные установки оставались в рабочем состоянии.

Самое сложное задание – морской бой. Тогда не было управляемых торпед и ракет. Бой вела артиллерия. Точность попадания зависит от маневра корабля. Кстати, вопреки массовым представлениям, у кораблей бронируют не борт, а палубу. Траектория снарядов такова, что они чаще поражают именно палубную часть корабля. И нужно было провести маневр таким образом, учитывая изменения зон обстрела, чтобы вероятность поражения корабля противника оказалась максимальной, а вероятность поражения твоего корабля – минимальной. Мне удалось на отлично сдать этот экзамен. Кажется, единственному на курсе, и мне присвоили звание лейтенанта. Не младшего, а «полного» лейтенанта.

«Если завтра война», я стал бы командиром БЧ-2 – второй боевой части. Командовал бы морской артиллерией. Через несколько лет, когда я уже работал у Королева и участвовал в

пусках ракет, меня перевели в ракетные войска. К счастью, войны не случилось и повоевать в качестве офицера-ракетчика мне не довелось.

Послужить морским офицером в учебном или боевом походе мне тоже не пришлось, но все-таки я считаю себя не чужим человеком для флота. А на память осталась фотография, на которой я – студент – запечатлен в морской форме, которую надевал с гордостью.

Глава 3. Инженер, испытатель

Жизнь и работа в Подлипках

В Подлипки я приехал в 1954-м году, когда еще учился в Военмехе – писать диплом. Это был проект старта ракеты с подводной лодки без вспомогательных средств. Ракета должна была быть выброшена газами из своего же двигателя. Этот процесс я рассчитал. Для диплома – весьма самостоятельная тема. Уже с 54-го года я работал в КБ, получал полставки техника – 35 рублей. Отец настаивал, чтобы я остался в Военмехе. Кафедра, диссертация, приличная зарплата, Ленинград. Комфорт: у нас все-таки были две (!) комнаты в коммуналке! Узнав, что я собрался в Подлипки, многие смотрели на меня как на сумасшедшего. Но я не хотел посвящать жизнь теории. Хотел чувствовать жизнь «на пике». И таким пиком для меня в ракетостроении было королевское ОКБ-1, ведь я мечтал о Космосе! Но будучи человеком активным, мечтать, лежа на диване, я не умел и не умею. Если о чем-то мечтаю, начинаю искать пути осуществления мечты. Я понимал, что самая большая боевая ракета когда-то обязательно станет космической. К концу обучения узнал, что такие ракеты делают в конструкторском бюро Королева. Поэтому я и поехал в Подлипки.

Меня поселили в общежитии, условия были спартанскими даже по тем временам. Вскоре я женился. С моей женой мы учились в Ленинграде. Звали ее Нина Тутынина. Однокурсники так обыгрывали ее фамилию: «Куда Жора, тут – и – Нина». Расписывались в каком-то бараке, который назывался ЗАГСом.

В этот же день женился мой сосед по общежитию. Прихожу в комнату, а он сидит на кровати в пальто, в шляпе, с поникшей головой. Спрашиваю: «Что случилось, поссорились?» – «Представляешь, когда мы расписывались, у меня руки тряслись, а этой заразе хоть бы что».

Его семейная жизнь прошла, как песня:

Холостою жизнью я извелся.
Жалок мне мужчина холостой,
И поэтому я обзавелся
Молодой красавицей женой.
Мне теперь не надо гладить брюки.
Помощь мне прислуги не нужна,
У меня для этой самой штуки
Есть своя законная жена.

(Припев):

Был холост я и жил ей-богу, как дурак.
Теперь не то, имею дом и свой очаг.
Жена, она, она от Бога мне дана.
И с ней одной и счастье и покой.

Мне не надо бегать на свиданье,
По ночам на улице торчать,
Ради мимолетного лобзанья
На коленях плакать и рыдать,
Целовать какой-то дуре руки,
Умолять, чтоб сжалилась она,
У меня для этой самой штуки
Есть своя законная жена

(Припев)

Холостой готов полезть на стену,
Чтоб достать куда-нибудь билет.
Он готов платить любую цену,
Чтоб попасть на драму иль балет.
У меня же дома эти трюки
Драма и комедия сполна.
У меня для этой самой штуки
Есть своя законная жена.

(Припев)

Холостой, покуда не женился,
Не узнает, что такое ад,
Что такое бешеная львица
И какой есть у гадюки яд.
Я ж прошел все хитрые науки,
Знаю, что такое сатана.
У меня для этой самой штуки
Есть своя законная жена.

(Припев)

Вскоре они развелись.

А в нашей семье родился первенец Алеша. И нас с женой выселили из наших общежитий. Пришлось снимать комнату в

избушке в Болшево.

В КБ мне в шутку посоветовали выбросить из головы все, чему меня учили профессора… Шутки шутками, но я понял, что мне не хватает математических знаний для сложных расчетов. Нужно было дополнить знания на мехмате МГУ, но, не отработав три года, я не имел права на второе образование.

Я отправился к Королеву: «Мне нужен университет!». Сергей Павлович подписал на нашем бланке заявление на имя ректора МГУ. Им был академик Иван Георгиевич Петровский. Получив наш бланк, на котором красовались три ордена Ленина, Петровский удивился: «В первый раз вижу такое предприятие!». Словом, я стал студентом вечернего отделения Мехмата МГУ. И началась для меня жизнь в бешеном ритме…

В шесть часов заканчивался рабочий день в Подлипках. Электричка, троллейбусы. К полночи заканчивались занятия в университете – и я отправлялся в трехчасовой путь домой. В электричке я крепко засыпал и нередко проезжал свою остановку. И оказывался где-нибудь на конечной станции аккурат к началу перерыва в хождении поездов… Ждать на платформе было скучно и холодно и я частенько возвращался в свое Болшево пешком. Где – то в конце пути меня достигала первая утренняя электричка…

В пять утра я мог отдохнуть, а в девять нужно было быть уже на работе. И не отбывать номер! Это продолжалось два года. Сейчас мне трудно представить, как я выдерживал такой график. Мечтал только выспаться хотя бы один раз в неделю в ночь с субботы на воскресенье.

Знания, полученные на Мехмате, особенно матричное исчисление, очень пригодились. Мне предстояло рассчитать скорость падения аппаратуры на Луну. Эта скорость не должна превышать 20 м/сек. Мне нужно было просчитать, с учетом разбросов, скорость – меньше она будет или больше этих самых 20 м/сек? Нужно было учесть все вероятности. И я создал новую методику расчета. По полученным мной результатам установили высоту и остаточную скорость выключения двигателей. Стали сажать – шарик не лопнул, и аппаратура благополучно выехала из него на Луну.

Как в те годы использовали вычислительную машину? Вводили в нее формулы и подставляли числа. Я одним из первых заставил машину вывести уравнение, а потом подставлял туда данные. Шарики Луна-9 и Луна-13 были доставлены на Луну и сработали успешно.

Много лет материалы по этой работе валялись у меня без хода. Не было времени работать над диссертацией. Только когда я сломал ногу, нашел время для кандидатской. Моим научным

руководителем был Дмитрий Евгеньевич Охоцимский, создатель научной школы в области динамики космических полетов. Один из его сотрудников скептически отнесся к тому, что у меня машина сама выводит уравнения. Я выбросил из доклада описание этого метода. Но мой оппонент, гениальный ученый Тимур Магометович Энеев, ознакомившись с диссертацией, оценив «расчеты наизнанку», воскликнул: «Да у тебя же машина сама выводит уравнения! А описания этого нет», – и я вернул в текст «умную машину».

Защищался я на костылях. На доске начертил уравнения, развесил плакаты. Коллеги потом шутили: когда Гречко задавали неудобный вопрос – он всем своим видом показывал, что из-за больной ноги не может дотянуться до нужных цифр на доске… Если вопрос был подходящий – резво дотягивался куда угодно…

Но вернемся к первым годам работы у Королева. Я хотел работать в отделе баллистики. Туда и попросился. Но мне ответили, что там нет вакансий, и предложили полгода поработать в отделе динамики конструкций. А там – найдется место в отделе баллистики. Но добавили: «А может быть, тебе понравится и в отделе динамики. Увлечешься – и уходить не захочешь».

Работа и вправду была интересная: я рассчитывал изгибные колебания корпуса ракеты. Насколько важна такая работа – показывает случай с продольными (не изгибными!) колебаниями. Подряд несколько ракет, предназначенных для полетов на Луну, падали и рассыпались. В чем дело? Высказывались разные мнения вплоть до диверсанта с винтовкой… Оказалось, что пульсация двигателя совпадает с частотой продольных колебаний, отчего возникает роковой для ракеты резонанс. Лишнее доказательство того, что мелочей в нашей работе не бывает.

И все-таки через полгода я пришел к Бушуеву – заместителю Королева. Но в отделе баллистики снова не было мест: «Поработай еще полгода. А может, тебе понравится…». После полутора лет мытарств и разговоров я все-таки стал баллистиком. Мне очень повезло: я рассчитывал полеты наших беспилотных зондов к Луне, Марсу, Венере. А когда работали над полетом человека в космос, как раз выбирал оптимальный угол, под которым надо входить в атмосферу, чтобы посадить корабль. Так что в каком-то смысле и здесь оставил свой след…

Начальником нашего отдела был Святослав Сергеевич Лавров – большая умница. Он одним из первых внедрил программирование, это было прорывом в научной работе. Не могу не вспомнить добрым словом начальника сектора Рефата Фазыловича Аппазова и начальника группы Евгения Макарова.

Они были старше меня, опытнее, и я у них учился.

Я принимал участие в создании «семерки», которая отбросила американские бомбардировщики от наших границ, запустила первый спутник, первого человека. Обеспечила достижение Луны, фотографирование ее обратной стороны, полеты к Марсу. И знаете, я горжусь нашей «семеркой». Специалисты признали нашу ракету самой надежной, потому что у нее число аварий на сто запусков меньше, чем у всех, то есть, это техническое чудо.

А в мире таких технических чудес было совсем немного – по пальцам пересчитать. Можно назвать секстант эпохи Колумба, который до сих пор мы, космонавты, используем – в усовершенствованном виде, конечно. Можно назвать пассажирский самолет «Дуглас ДС-3», который тоже летает больше пятидесяти лет. И наша семерка, сделанная в 50-е годы, пока единственная, которая «возит» космонавтов, и никакой замены до сих пор не найдено.

Поэтому я горжусь, что принял участие в создании и испытаниях самой надежной в мире ракеты, Работа в командировках на полигоне Тюра-Там, (будущий космодром Байконур) позволяла воочию увидеть результаты своего труда. Сначала мы использовали «семерку», как боевую, стреляли по Камчатке. Как говорят, «целились в кол». Когда начали использовать «семерку» для космоса, я вычислял траекторию для спутника, определял заправку, рассчитывал параметры орбиты.

Закончу я эту главу словами песни инженеров-ракетчиков, которую написали Геннадий Сошнин и Иван Мирошников на мелодию популярной песни О. Фельцмана «14 минут до старта». Я по сей день часто напеваю эту песню, каждое слово в которой напоминает мне нашу работу на полигоне-космодроме.

Заправлены ракеты, конечно, не водою,
И кнопку пусковую пора уже нажать.
Давай-ка, друг, в сторонку мы отойдем с тобою,
Эх, только б улетела, не дай нам Бог сливать!

(Припев):

Я знаю, друзья, что пройдет много лет,
И мир позабудет про наши труды,
Но в виде обломков различных ракет
Останутся наши следы.

В космические дали ракеты улетают,
Героев космонавтов уже не сосчитать.
Космические карты в планшеты заправляют,
А нас в командировку отправили опять.

Пусть завтра с перепоя не двигаются ноги,
Ракета улетела, налей еще стакан,
Мы кончили работу, и нам пора в дорогу.
Пускай теперь охрипнет товарищ Левитан.

Гостиницы с клопами и пыльные дороги
Все это нам, дружище, пришлося испытать.
И пусть газеты пишут, что мы живем, как Боги,
А мы сомнем газету и сходим…погулять.

(И снова припев):

Я знаю, друзья, что пройдет много лет,
И мир позабудет про наши труды,
Но в виде обломков различных ракет
Останутся наши следы.

Спутник

Итак, в 1955-м году я стал работать уже не техником, а инженером в ОКБ-1 у Сергея Павловича Королева. И буквально через год-полтора мне поручили расчет траектории выведения первого Спутника. Требовалось рассчитать, в частности, программы тангажа и характеристической скорости таким образом, чтобы ракета вышла на первую космическую скорость с нулевым наклоном над местным горизонтом.

Сначала я вел расчеты на арифмометре с моторчиком. Требуемые программы считали расчетчицы – «девочки», как мы их называли. Конечно, «девочкам» было и по сорок-пятьдесят лет, но так у них было принято обращаться. Первая смена расчетчиц работала с девяти утра до пяти вечера; потом они уходили, приходила вторая смена, которая считала с шести вечера до двенадцати ночи. После этого все расходились, и я мог отдыхать. Но поскольку к девяти утра приходила новая смена расчетчиц, то, чтобы далеко не уезжать, я ночевал на работе: надевал пальто и спал на своем рабочем столе. А с утра этот цикл повторялся.

Во время работы произошел «интересный» случай. Очень сложно подобрать такую траекторию, чтобы ракета вышла в конечной точке с нулевым наклоном к горизонту. В расчетах она летела над горизонтом то «в плюс», то «в минус». Приходилось идти методом итераций, последовательных приближений.

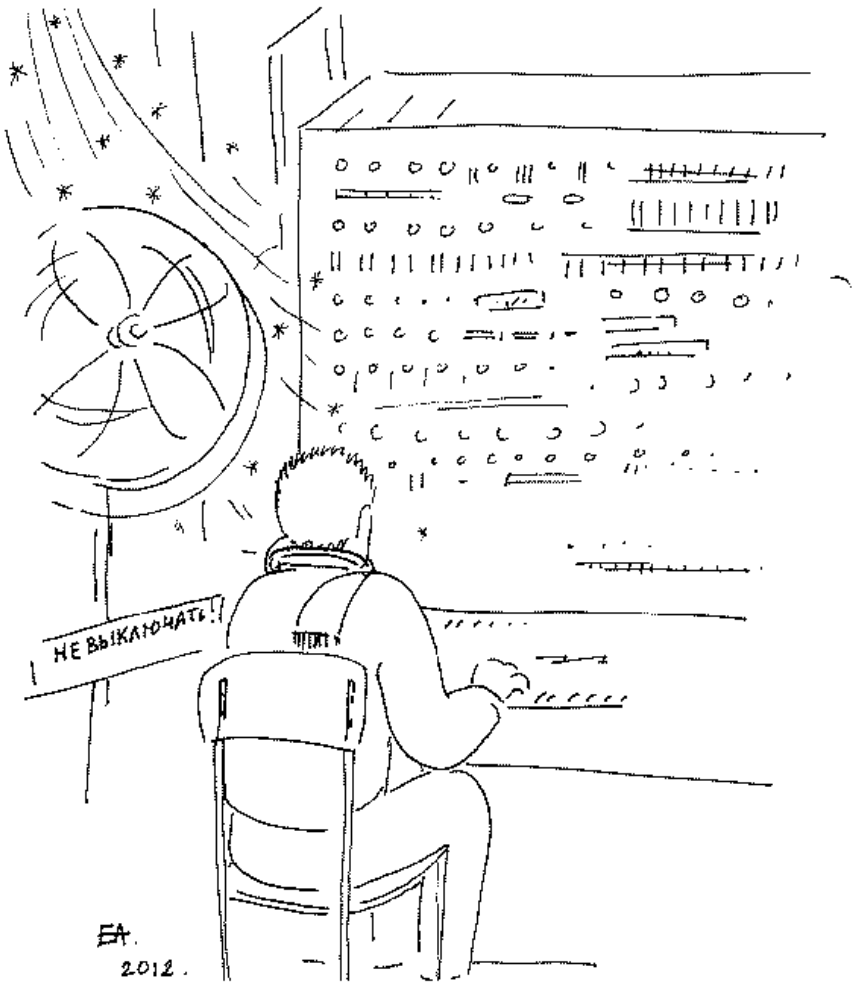
Электромеханические машины, которые мы использовали, не могли считать тригонометрические функции. Поэтому их приходилось брать из таблиц. И вдруг выяснилось, что мы берем тригонометрические функции из таблиц Брадиса с четырьмя знаками после запятой, а на расчет траектории в конце выведения очень сильно влияет пятый и даже шестой знак.

Мне пришлось принести девочкам таблицы Хренова, где тригонометрические функции указывались с восемью знаками после запятой. Они вначале подняли бунт: как же так, мы всю жизнь считали с Брадисом, а теперь надо гонять восемь знаков. В общем, вопрос об этих таблицах решался… на профсоюзном собрании. Расчетчицам объяснили, что они всю жизнь считали траектории боевых ракет, для которых не требовалось рассчитывать угол, близкий к нулю. Поэтому в тех расчетах не так сильно «скакали» тригонометрические функции.

К этому времени американцы уже сделали, кажется, две попытки запустить первый спутник. Они, правда, кончились неудачей, но мы понимали, что за ними буквально вот-вот последует третья, поэтому нам надо было спешить.

И последние расчеты мы проводили уже на Большой Электронной Счетной Машине (БЭСМ). Первая и единственная тогда в Советском Союзе БЭСМ была установлена в Институте точной механики и вычислительной техники им. Лебедева на Ленинском проспекте.

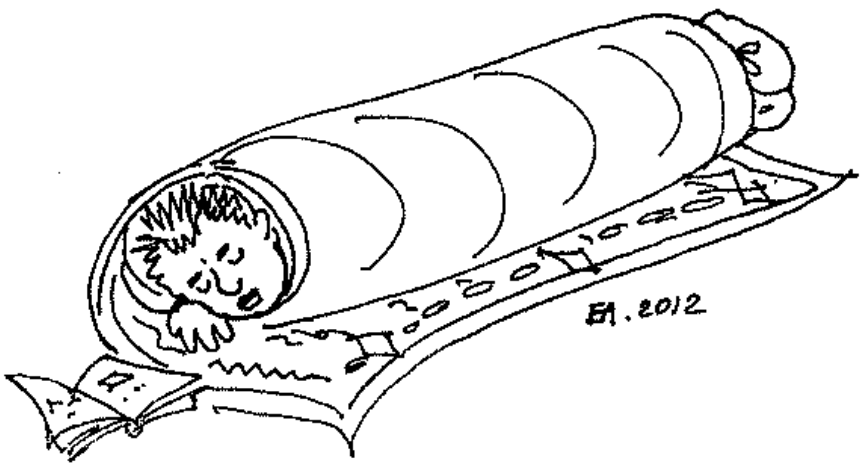
Действительно большая электронная машина занимала огромный зал. Она работала на лампах и, чтобы лампы не перегревались, даже зимой в зале были открыты окна и всегда работал вентилятор. Нам приходилось сидеть в зимних пальто. Когда в зал приходил новичок, он первым делом тянулся выключить вентилятор. Но над выключателем висела табличка: «Вентилятор – друг труда, пусть работает всегда».



Весь день на БЭСМ вели расчеты атомщики. Всю ночь – мы, ракетчики. Остальным институтам давали по десять минут.

Иногда их программисты проводили у БЭСМ целую ночь в ожидании «Ав. Оста» (Аварийного Останова) в расчетах у нас, ракетчиков. Пока мы устраняли ошибку, они использовали несколько дополнительных минут для своих расчетов.

Когда мы ночью заканчивали считать, общественный транспорт уже не работал, а автомашин у нас, естественно, не было. Поэтому приходилось спать там же. А было холодно и, чтобы согреться, изобретали разные способы. Вплоть до того, что спали в коридоре. Там лежали ковровые дорожки, в которые можно было завернуться и так пролежать до утра.



Мне особенно запомнилось утро, когда расчеты были закончены. Я получил окончательную траекторию выведения первого спутника. Взял бумажную ленту, на которой она была напечатана, вышел из института и дождался, когда откроется гастроном напротив. Там продавали сосиски, а у нас в Подлипках сосисок не было. Я купил сосиски, положил их в сетку-«авоську» вместе с этой лентой и поехал на электричке в Подлипки.

Доехал без приключений и, к счастью, на этот раз не проспал свою станцию, как это часто бывало. Там у меня эту ленту сразу же забрали наши секретчики, поставили штампы «секретно». Хотя понятно, что, пока я доехал до Подлипок, мог эту ленту и потерять, и сколько угодно копий с нее снять. Но туда, где мы проводили расчеты, секретчики приезжать не хотели. Вот такая была система секретности.

Эту траекторию взяли в работу. На ее основе создавались программа тангажа, по которой разворачивалась ракета из вертикального полета в горизонтальный, и программа

характеристической скорости. Когда это было сделано, мы отправились на Байконур за несколько недель до пуска, который был назначен на 6 октября.

На полигоне ракету уже испытывали в собранном виде, а моя задача состояла в том, чтобы перед пуском проверить, как выставлены уставки на запуск. Кроме этого, я должен был быть на старте до того момента, когда в кислородном баке закроется дренаж. Если закрыть его сразу, то бак просто взорвется от давления. Поэтому приходилось выпускать пар и постоянно подливать жидкий кислород, чтобы нужный уровень держался до самого старта.

К этому времени был подготовлен и спутник. С ним получилась интересная история. На самом деле, наш спутник, который должен был быть первым, весил почти полторы тонны и нес много научной аппаратуры. Но ее не успевали отладить к запуску 6 октября и поэтому решили отложить (позже его запустили уже третьим по счету). А первым мы запустили ПС-1, то есть простейший спутник-1. Это была сфера весом 83,6 кг. А внутри только батарея и радиопередатчик.

Конечно, мы, молодые романтики, когда узнали об этом, то спорили с Королевым. Как же так, вместо серьезного научного прибора мы запускаем простой передатчик. Давайте хотя бы установим на нем датчик давления и датчик температуры. Королев объяснял, что мы сейчас это никак не можем себе позволить. Пока мы будем готовить спутник под эти датчики, американцы уже третий запуск осуществят, а вдруг он будет успешным?

И вот в очередной брошюрке научно-технической информации, которые у нас выпускались регулярно, мы прочитали, что 5-го числа американцы делают доклад, который называется «Спутник над планетой». Это нас насторожило. Вдруг это сообщение делается «по следам» запущенного американцами спутника? А мы планируем запуск только 6-го.

Мы бросились к Королеву, показали ему эту информацию. Королев вначале ничего не сказал, куда-то вышел. И только потом, через много лет я узнал, что он связался с комитетом госбезопасности. И задал им вопрос: есть ли у них сведения, что американцы собираются сделать очередную попытку запуска своего спутника 5-го октября. Из КГБ пришел такой ответ: «У нас нет сведений, что они хотят запустить в этот день спутник. Но у нас нет сведений, что они не хотят запустить в этот день спутник».

И Королев приказал сократить подготовку. Убрать какие-то проверки, которые не очень важны, и перенести запуск на 4-е

октября. Конечно, это был риск, но он на него пошел. Итак, пришел день пуска. До получасовой готовности моя группа была на старте, проверяли все необходимые параметры. А потом, как поется в нашей песне, «давай-ка, друг, в сторонку, мы отойдем с тобою», отошли за теодолитную башню, откуда мы и наблюдали за пуском.

Ракета пошла из пламени. И было немножко любопытно смотреть, что она как будто кургузая. Ее «родная» боеголовка была очень длинная, а обтекатель для Первого спутника – совсем короткий колпачок. Кстати, саму боевую часть я до этого видел только на рисунке и то как схематический треугольник. И лишь через пятьдесят лет я увидел настоящую боеголовку гигантскую, под самый потолок, в музее в Сарове.

Итак, «семерка» полетела, потом разделение, по шли команды, измерялась телеметрия… И вдруг, крики: «Падает, падает!» И мы увидели, как она вначале приподнялась над горизонтом, а потом пошла вниз. Ракеты тогда, действительно, падали. Мы только отрабатывали «семерку», поэтому сердце у всех замерло. Но, на самом деле, ракета «падала» только относительно нас – то есть относительно горизонта старта. На нулевой наклон ее надо было вывести за сотни километров от места старта. Поэтому мы и должны были видеть, как она идет «вниз», чтобы потом «лечь» на местный горизонт. Я говорю: «Да нет, ребята, все в порядке, просто траектория у нее другая…». Но люди, не привыкшие к запускам спутников, испугались.

Потом информацию о ракете и спутнике давала уже телеметрия. Она показала, что ракета отработала столько, сколько было в расчетах, скорость была запланированной. Но мы на всякий случай подождали, когда спутник облетел Землю и появился над нами. Это произошло приблизительно через час. И только когда стало окончательно ясно, что он на орбите, начали расходиться. По местному времени была уже глубокая ночь.

Королев по спецсвязи доложил о запуске в Кремль. А потом вышел к нам. Это происходило в чем-то вроде барака, люди набились в коридор. Он сказал: «Товарищи, я благодарю вас. Теперь вы можете пойти и выпить…»

Чтобы понять, как это прозвучало в той ситуации, надо знать, что представлял собой тогда Байконур. Собственно, самого космодрома Байконур в 1957 году еще не было. Гигантские сооружения: старт, монтажно-испытательный комплекс и другие – назывались «полигон». И был он расположен около железнодорожной станции Тюра-Там. Была еще песня: «Тюра-там, Тюра-там, здесь раздолье одним ишакам».

Сейчас ракеты готовят к запуску несколько часов, а то и

несколько минут. Тогда же на это уходило недели две. А от того момента, когда на полигон привезут отдельные блоки, и до самого старта проходило больше месяца. И все это время на полигоне действовал «сухой закон». Нельзя ни водки, ни вина, ни пива. Да и негде их было купить, так как Тюра-Там тогда – это только железнодорожная будка, маленький пристанционный поселок и ни одного магазина. Когда построили полигон, то его обслуживала воинская часть. Магазины и кафе там были, но алкоголя в них не продавали.

Конечно, люди каким-то образом «выходили из положения». Вина на полигоне не было, но всегда был спирт. Его использовали для протирки стекол, контактов. Больше всего спирта было у телеметристов, потому что, проявленные киноленты с информацией для быстроты сушили спиртом. Ну, а после сушки этот спирт вполне можно было пить.

В общем, положение было достаточно напряженным. И вот в этой обстановке Королев говорит: «Можете пойти и выпить…». Он был артистичный человек, поэтому сделал, как положено, паузу и добавил: «чаю». А я только-только начал работать на полигоне, был еще наивный, поэтому и говорю: «О! А у меня есть бутылка вина».

Королев только что улыбался, а тут сразу нахмурился: спиртное привозить на космодром запрещалось.

Он сказал: «Бутылку сдай коменданту». Я говорю: «Бутылку – сдам».

Он засмеялся и спросил: «Ты кто? Инженер? Будешь старшим инженером». На этом и закончилось, а дальше, разумеется, начался праздник.

Но вот что интересно. Хотя мы сами же и запустили спутник и даже написали проект сообщения для радио, но не расходились, пока не услышали, как его прочитал в эфире Левитан.

Само сообщение мы составили в каком-то сдержанном духе и, помимо прочего, написали, что, может быть, сейчас это событие останется незамеченным, но пройдут годы, и современники в будущем оценят его настоящее значение. Левитан же, когда читал его по радио, ошибся и произнес вместо слова «современники» слово «соотечественники». Вышло так, что это событие будет интересно и через много лет только соотечественникам.

На следующий день 5 октября газета «Правда» вышла, как совершено обычная газета, и лишь где-то в уголке была напечатана маленькая заметочка о том, что в Советском Союзе был запущен спутник и приведены какие-то цифры.

А первые полосы газет мира были полностью посвящены запуску спутника: цветные рисунки, мнения, комментарии… Так

из иностранных газет мы поняли, что же мы совершили на самом деле. День спустя к ним присоединилась и «Правда». Стали печататься рисунки статьи, интервью ученых, а потом начали публиковать расписания, когда и над каким городом можно увидеть эту звездочку – первый спутник (вернее, последнюю ступень ракеты).

Вслед за «Правдой» за дело взялись и все остальные газеты и журналы Советского Союза. О спутнике стали рассказывать с телеэкранов, появились документальные фильмы. Контуры спутника стали использовать в сувенирной продукции. Он стал символом XX века, символом прогресса. За первый спутник Королев получил Ленинскую премию, а должен был получить Нобелевскую. Но Хрущев, тогда Генеральный секретарь КПСС, «засекретил», не назвал Нобелевскому комитету, фамилию Королева.

Частушка на полях:

Спутник, спутник, ты могуч!
Ты летаешь выше туч,
Прославляешь до небес
Мать твою КПСС.

(Слова народные)

В конце концов, за участие в этой работе Королев получил только Ленинскую премию. Мой начальник, насколько помню, получил знак Почета. А я получил медаль «За трудовое отличие» – самую маленькую невоенную медаль. Она у меня хранится до сих пор и очень дорога мне, потому, что я получил ее за Первый спутник. Хотя она порядком поржавела за эти годы. Существовала еще медаль «За трудовую доблесть». Но на доблесть я, видимо, не потянул, а отличиться – отличился…

Большим счастьем был ордер на квартиру в хрущевской пятиэтажке. Потом я узнал, что Королев уже давно поставил положительную резолюцию на моем прошении улучшить жилищные условия. Но я тогда был совсем молод, многие старшие сотрудники ОКБ-1 с семьями ютились в коммуналках. И никто не поторопился выполнять резолюцию Главного. Только после смерти СП, когда я уже несколько лет жил в отдельной квартире, мне подарили на память ту бумагу из архива Королева…

Того, кто хрущевки хает, я готов вызвать на дуэль. Потому что делает это тот, кто не жил в общежитии, кто не снимал углы в частном секторе. Да, в хрущевках были низкие потолки, да, совмещенный санузел. Там сквозь стены в дождь лилась вода. Но это была своя квартира, а не кровать в общежитии, не комнатка в чужом доме, где тебе все запрещают! Мы получили квартиру, в которой можно было жить. Ввернул лампочку, поставил раскладушку – и живи.

Недавно мы с большим трудом, обойдя с шапкой по кругу друзей и знакомых, купили (за огромные деньги!) квартиру для дочери Ольги. И в ней нельзя жить! Нет ни пола, ни потолка, ни раковины, ни туалета. После трех лет ремонта мы скоро отпразднуем новоселье.

Шампанское за невидимую сторону Луны

Как-то один известный французский винодел поспорил на вагон шампанского с другим виноделом, что люди никогда не увидят обратную сторону Луны. Я думаю, что спор на такую тему возник у них после распития не одной-двух бутылок шампанского.

А в это время мы создали автоматическую станцию «Луна-3». Она должна была сфотографировать Луну «со спины» на фотопленку, проявить ее на борту и высушить. Затем, пролетая высоко над территорией Советского Союза, передать снимки с помощью фототелевизионной системы.

Для обеспечения успеха миссии «Луны-3» нужно было мне баллистику рассчитать и предложить очень сложную траекторию. Прежде всего, «Луна-3» должна пролететь на совершенно определенном расстоянии от Луны. Чуть больше – уйдет от Луны на орбиту вокруг Солнца (такое у нас уже было). Чуть меньше – упадет на Луну. Гравитационное поле Луны должно захватить свою тезку «Луну-3». А главное отпустить в точно рассчитанный момент. Так, чтобы она пролетела высоко над Северным полюсом Земли. У нас это называется пертурбационным маневром.

Мы опубликовали фотографии невидимой стороны Луны! Так что этот винодел проспорил. Как честный человек, он прислал в Москву целый вагон шампанского для людей, которые запустили «Луну-3».

Высокое начальство получило по ящику прекрасного шампанского, рангом пониже – по бутылке. Рядовым служащим достались уже только пустая бутылка и пробка. Нам же даже этого не хватило. В качестве поощрения за труд инженерам дали лишь премию – 20 рублей. У нас еще гуляла шутка: «Чем отличается спутник от премии? – спутник сгорает в нижних слоях атмосферы, а премия – в верхних».

Королев и мы

Я с гордостью называю себя королевцем.

Наше общение началось неординарно. Я рядовой инженер, каких у Королева сотни. Только начал работу в КБ и вдруг, через месяц или два, меня вызывает Главный конструктор. Я слышал о его крутом нраве, и сначала мне стало не по себе.

А потом я подумал: работаю здесь без году неделя, я же еще ничего ни плохого, ни хорошего не сделал… Но волнение все равно осталось. Являюсь в назначенное время. Он выходит из-за стола, садится рядом и начинает со мной разговаривать, как будто у него нет более важных дел.

Спрашивал, какие предметы я любил в институте, что читал по специальности, где жил, где рос… Он не торопился, не смотрел на часы, а просто разговаривал с человеком, стараясь понять, кто к нему пришел на работу. Для него было важно чем живут люди, о чем они думают, чего хотят, с чем приходят. Потом перешел на театр, музыку, литературу. Я довольно подробно рассказал о своих пристрастиях. Из меня наивность и до сих пор не выбили, но тогда я был особо наивным. Мне почему-то казалось, что это нормально – то, что Королев со мной так беседует.

И только потом, после его смерти, я понял, какой он был потрясающий человек. Потому что, когда меня принимали в отряд космонавтов, никто не спрашивал, какие я книжки читаю, какую музыку слушаю, в какие хожу театры и какие люблю фильмы. Все больше интересовались моими медицинскими анализами… Почему же он тратил время на обстоятельный разговор со мной – с одним из сотен молодых инженеров? Королеву нужно было знать, сможет ли в будущем он опереться на этого человека. На мой взгляд, мы именно поэтому опережали американцев.

За что я его люблю и уважаю? Королев всегда делал ставку на людей и потому побеждал. До войны Сталин пустил в ход лозунг: «Кадры решают все» – это Сергей Павлович усвоил лучше других. Никто так не соответствовал этому принципу, как Королев, высоко ценивший профессионалов. Не винтиков, а именно творческих профессионалов. В этом сила Королева – он мог сконцентрировать усилия всех, кто у него работал, на выполнении задачи. И в этом я вижу его гениальность и уникальность. Такие, как он, рождаются раз в пятьдесят лет… Вот пятьдесят лет прошло, а равного ему еще нет. Значит, раз в сто лет.

Он умел работать с «неудобными» людьми. С такими, которые всегда имели свое мнение, свою точку зрения, обсуждали приказы, но зато были талантливы. Их мнения сталкивались с другими, в том числе и с мнением Королева, и тогда рождалась искра. Я присутствовал на нескольких заседаниях, которые проводил Королев. Он приглашал главных специалистов, которых хорошо знал, и молодых, вроде меня. Ставился, к примеру, вопрос о топливе для ракет будущего: керосин или водород? Он опрашивал всех, в том числе и меня. Я ничего умного, отличного от того, что уже было сказано, предложить не мог. Но вставал и высказывал свое мнение. Лишь много позже я понял, что Королев приучал каждого говорить то, что думает. Ведь потом, рано или поздно, человек обязательно выскажет нечто такое, что будет отличаться от мнения других.

Через пару лет это произошло и со мной, когда я заявил, что третий спутник не взлетит. Дело было в инструкции по заправке ракеты. По моим расчетам получалось, что сделана она неверно. Королев выслушал меня, а затем позвонил моим начальникам и сказал, что их сотрудник на космодроме высказывает такое мнение. Ему ответили, мол, не соображает или «выпендривается». Потом оказалось, что я прав, и Королев прислал моего начальника на космодром мне в подчинение…

А бывало и так: на «мозговом штурме» все склонились к одному варианту. Главный встает и говорит: «Товарищи, и все у вас правильно, и вариант вы выбрали правильно, и технически обосновали, но сделать так нельзя». И вдруг открывает нам совсем другую сторону этого вопроса, другой аспект. И показывает, что надо сделать наоборот. Он был Главным конструктором, он мог приказать почти всем, когда дело касалось ракетной техники, а вот инженерам своим не приказывал – он их убеждал. Если он говорил, что не так надо решать вопрос, то всегда объяснял почему, и только после объяснений мы уходили. Хотя решение принято не то, которое мы предлагали, но мы уходим от Главного конструктора выполнять решение как свое, потому что он не приказал нам, а рассказал, убедил, доказал. На протяжении всех лет, что мне пришлось с ним работать, всегда такой стиль.

Однажды я предложил усовершенствовать ракету. А сроки уже поджимали. Королев согласился с предложениями, но сказал: «Лучшее – враг хорошего. Ведь можно бесконечно совершенствовать проект, но так и не увидеть его реализованным. Твое предложение мы используем в новом проекте».

Перед полетом в мемориальном кабинете Ю. Гагарина мы обещаем ему достойно преодолеть все трудности нашего космического полета

У меня есть друг – ученый из келдышевского института Прикладной математики РАН Александр Константинович Платонов. Келдышевцы создавали для нас формулы. Мы с ними параллельно считали траектории, а потом сверяли результаты. Если они расходились – искали, откуда ошибка. Саша – святой человек не от мира сего. Для него в жизни существует только наука. Это мой самый старый и самый верный друг. Еще в седьмом классе он хотел стать моряком, но был забракован из-за якобы слабого вестибулярного аппарата. Почему «якобы»? Потому что его отец, профессор психологии, хотел, чтобы сын получил высшее образование. И он попросил врачей, чтобы они посильнее раскрутили Сашу на кресле Барани со склоненной к плечу головой. После такого подстроенного испытания Саша встал, пошатываясь, задел какой-то шкаф…

Мы с ним вместе подавали заявление в космонавты. Только тогда не брали тех, кто ростом выше 175 см. Я оказался на полсантиметра ниже, а Саша – повыше. Так он остался в науке – к счастью для науки! И до сих пор талантливо работает – например, над роботами, которые когда-нибудь полетят на Марс.

Когда мы с Платоновым работали на полигоне, Королев несколько раз приглашал нас в свой, теперь уже мемориальный,

домик и рассказывал о себе. Вскоре после того, как он стал главным конструктором, Сталин потребовал отчета по планам развития ракетной техники в СССР. В кремлевском кабинете собрались члены Политбюро, министры, маршалы. Королев был младшим по должности. Но все боялись делать доклад перед Сталиным и выдвинули на эту опасную роль Королева. А ему даже кресла за столом не хватило! И тогда, рассказывал Сергей Павлович, Сталин взял стул и приставил к столу для Королева. Сергей Павлович доложил о ракетах: Р-1, Р-2, Р-3, дошел до Р-10, которую планировал для полета на Марс. Сталин выслушал благосклонно и подвел итоги: «Р-1 запускайте, Р-2 готовьте, об Р-3 думайте, а об остальном пока забудьте!». Так рассказывал нам сам Королев.

Как-то после неудачного испытания ракеты Королев увидел нас с Платоновым. Мы понуро шли по дороге. Королев выглядел бодрее нас, хотя вся ответственность лежала на его плечах. И он принялся утешать нас: «Вы еще молодые люди, будут у вас еще лучшие времена, будут успешные пуски. Какие ваши годы! Да и я, тоже не старый – за ночь еще могу три „палки“ бросить!». Мой друг Платонов получил академическое образование и таких выражений не понимал. «Сергей Павлович, какие палки?». Королев сразу понял, что к чему: «А об этом тебе Гречко расскажет».

Первый спутник фактически был запущен вне планов партии и правительства. Конечно, у наших достижений была военная подоплека. Когда американские бомбардировщики летали вокруг границ СССР, наши самолеты с ядерными бомбами не могли летать вокруг Штатов. В Советском Союзе не было военных баз в странах, сопредельных с США. Поэтому было принято решение сделать ракеты, которые доставали бы до любого противника. Если бы Королев изначально сказал: «Дайте мне деньги, я сделаю ракету для спутника!» – не дали бы. На мечтателя-Королева долго бы махали руками. Но он воспользовался тем, что деньги дали на боевые ракеты, и спросил, а можно я из одной боевой ракеты сделаю ракетоноситель для спутника?

Мы создавали нашу «семерку», как межконтинентальную боевую ракету. На первых испытаниях она не хотела летать, взрывалась, падала нам на головы. Наконец, «семерка» начала уверенно доставлять учебную боеголовку к заданному квадрату на Камчатке.

Очень страшная тайна о запуске нашего первого спутника раньше американского состоит в том, что наша ядерная боеголовка была намного тяжелее американской. Поэтому боевая «семерка» была создана тяжелее и больше, чем боевые ракеты

США. Для военного применения это хуже. Но в рамках Международного геофизического года (1957–1958) была поставлена задача запуска искусственного спутника Земли. И теперь наше отставание в ядерном оружии превратилось в решающее достоинство в начале освоения Космоса.

Королев предложил снять боеголовку и поставить большой спутник – и семерка превратилась из боевой ракеты в космическую ракету-носитель. А американцы сняли свою небольшую боеголовку, поставили очень маленький спутник (примерно 10 кг) и… не получилось космического носителя! Пришлось добавлять еще две твердотопливных ступени со стабилизацией вращением. Получилось сложно, ненадежно, но две попытки запустить спутник они сделали. Нам повезло, что спутники, которые американцы официально и самоуверенно называли «Авангард», а простые американцы – грейпфрутом, не вышли на орбиту.

Королеву не разрешили взять боевую «семерку» из программы Министерства обороны. Ведь после принятия ее на вооружение американцы прекратили провокационные полеты своих бомбардировщиков с ядерными бомбами вдоль наших границ. А какой-то там спутник воспринимался наверху как ненужная государству «блажь» Королева.

И вот опять случайная неудача (на этот раз с учебной боеголовкой, которая не хотела падать в квадрат, разрушалась) дает Королеву ракету-носителя. И в этом состоит еще одна страшная тайна. Необходимость доработать боеголовку освобождает одну «семерку» из боевой серии. Королев устанавливает на нее спутник. И мы первые в космосе. Навсегда.

Мне посчастливилось в этом участвовать. Я рассчитывал траекторию, заправку ракеты на старте, участвовал в составлении коммюнике.

После запуска первого спутника Королева вызвал Хрущев и сказал: «Мы не верили, что вы обгоните американцев. Через месяц большой праздник, запустите что-то новенькое…» Новенькое? За месяц? Это и сейчас невозможно. Но Королев пришел к нам и сказал, что времени мало – чертежей не будет, будут только эскизы, а техническим контролем будет наша совесть. И люди работали за совесть, запустили еще один спутник – с Лайкой, который стал новым словом космонавтики. Я уверен, что сейчас, при всех достижениях техники, никто не запустит за месяц новый спутник. А мы это сделали. И сделали это потому, что во главе стоял Сергей Павлович Королев.

Анекдот на полях:

Луна спрашивает у спутника:
«Как же тебя одного из СССР выпустили?».
«А за мной еще один идет, большой и с собакой», – ответил первый искусственный спутник Земли.

В годы разрухи после Гражданской войны наше государство только-только вставало на ноги. А Сергей Королев, Фридрих Цандер, Валентин Глушко мечтали о полете на Марс. Они умели мечтать созидательно. Королев говорил: «Я люблю фантастику в чертежах».

Скажу больше: если бы был жив Королев, то яблони на Марсе, как в песне, сажали бы не американцы, а наши космонавты. Потому что главный конструктор усиленно работал над тем, чтобы лететь на Марс уже в 60-х годах. А мы, как всегда, откладываем полет туда в светлое будущее, которое почему-то у нас никак не наступает. А Королев уже тогда создал институт медико-биологических проблем. Там думали над тем, что нужно сделать с точки зрения медицины, чтобы человек слетал на Марс и вернулся живым и здоровым. Еще тогда был создан макет корабля, в котором только совсем недавно был проведен эксперимент «Марс 500».

Однажды Королев собрал нас в кабинете. Мы приготовились к «мозговой атаке» на очередную задачу, однако повод для встречи оказался неординарным. Главный устроил конкурс на лучшее название конструкции, в которой первому космонавту предстояло облететь Землю – нашего изделия. Посыпались предложения:

Космолет! Звездолет! Ракетолет! Все не то…

«Значит так, – воспользовался Королев своим правом старшего. – Пусть будет космический корабль».

Мы невольно засмеялись. Разве это похоже на корабль? Корабль – он во-о-о какой! Тогда уж челн или лодка. Мы, наверное, не до конца осознавали масштаб дела, которым занимались. Знаете, как говорят: «Отойдем и поглядим – хорошо ли мы сидим?» Отойти мог Королев, а мы не могли, не понимали. Так и вошло во все языки мира очень яркое и точное определение нового вида транспорта – космический корабль.

Гагарин мог полететь и раньше, если бы программа испытаний укладывалась в график. Но пуски, к сожалению, шли плохо. Один корабль ушел в космос, другой погиб во время спуска, третий потерпел аварию. Если бы не было терний, то к звездам мы пришли бы быстрее… Нельзя забывать, что мы

соревновались с американцами, а потому торопились и мы, и они. Да и с запуском Юрия Гагарина не все соглашались, считали, что нужно еще раз проверить корабль в реальном полете. Но Королев четко понимал, когда надо рисковать, а когда надо подстраховаться. Он пошел на определенный технический риск. Даже сегодня при старте корабля есть риск, а требовать тогда, чтобы его не было совсем, – нереально.

Королева очень боялись, говорили, что он был жестокий. Но прошли годы, и мы поняли, что хотя он и учинял жуткие разносы, багровел, кричал, рвал чертежи, но никого не выгнал, не лишил зарплаты или жилья. Более того, Королев никогда не был недоступен для сотрудников, независимо от их статуса. Не отгораживался цепочкой секретарей (в которой, надо заметить, у других крупных руководителей нередко возникает путаница). Каждое утро, около восьми часов, на ступеньках КБ в холле к нему подходили с просьбами и вопросами. И он внимательно выслушивал каждого – от уборщицы до именитого научного сотрудника. Вникал в проблемы, именно вникал, а не забывал тут же. Свои утренние минуты (помимо кабинетных часов приема по личным вопросам) он уделял сотрудникам. Так было заведено.

Когда в КБ был создан трехместный корабль, Королев предложил посылать в космос не только летчиков, но инженеров и ученых – лучших из лучших. Начался ажиотаж. Военное руководство выступало против. Но Королев отстоял идею – и в нашем КБ желающих, понятно, было хоть отбавляй. После медкомиссии осталось всего тринадцать человек. Нас пригласил на беседу Сергей Павлович. Коротко рассказал о будущих полетах и вдруг спросил: – Зачем вы хотите лететь в космос? Мы отвечали, как казалось, удачно: – Хотим приложить свои знания не только для создания корабля на Земле, но и для выполнения на нем программы полета. Королев слушал нас и хмурился. Наконец не выдержал и «разбушевался», пообещав вообще разогнать нашу команду. Мы были в недоумении.

Сейчас, много лет спустя, мне понятно, почему его не устроили наши общие ответы. Сергей Павлович по-мальчишески верил, что наступит то время, когда медицинские требования не будут такими жесткими и он сможет сам полететь в космос. Поэтому, собрав претендентов в кабинете и немножко ревнуя к той участи, что выпала нам, он хотел услышать какие-то более теплые и человечные слова, созвучные его мыслям. Когда же мы в своих рассуждениях не поднялись выше стереотипов, он рассердился.

К. Э. Циолковский предсказывал, что человек полетит в Космос через 100 лет. С. П. Королев сократил человечеству дорогу в Космос до 25 лет

Мне рассказали такой случай. В молодости Сергей Павлович любил ездить на мотоцикле. Я его прекрасно понимаю, сам любил. Однажды, когда он куда-то спешил, мотоцикл сломался. С трудом он добрался до города, замерзший, голодный зашел в булочную у дороги, купил сдобную булку и тут же, сидя на тротуаре, съел. Спустя много лет Главный конструктор возвращался с совещания, и путь его проходил мимо старой булочной. Королев попросил остановить машину. Зашел в булочную… Прохожие с удивлением смотрели на человека в

дорогой шубе, сидевшего на тротуаре с булкой в руках рядом с лимузином «ЗИМ». Не знаю, был ли такой случай в действительности, но те, кто знал Сергея Павловича, согласятся со мной, что это похоже на Королева.

Многие из вас видели в кино или по телевидению, как раздвигаются двери монтажно-испытательного корпуса. И медленно выкатывается огромная сигара ракеты. В солнечных лучах медно-красноватые сопла двигателей вспыхивают каким-то неземным огнем, и вся картина вывоза ракеты представляется кадром из фантастического фильма. Не раз накануне старта мы пытались увидеть это зрелище. Но режим на космодроме был строгим. И во время этой операции за шлагбаум, который преграждал путь к стартовому комплексу, не пускали.

Однажды у шлагбаума остановилась машина Королева. Сергей Павлович посмотрел на нас, на мгновение задумался, а потом озорно скомандовал: – Давайте ко мне в машину… На возвышении Королев остановил автомобиль: – Здесь самое удобное место… И мне подумалось тогда: значит, и он приезжает полюбоваться этим зрелищем. Каким же романтиком нужно оставаться, чтобы на рассвете каждый раз мчаться сюда, любоваться волнующей картиной, делом своих рук…

К. П. Феоктистов – проектант от Бога

Для меня Константин Петрович Феоктистов – один из самых уважаемых ученых и космонавтов. Феоктистов – это проектант от Бога. Наши корабли и первые орбитальные станции – все это были проекты Феоктистова, создававшиеся под руководством Королева.

Когда в 1964-м году медицинскую комиссию прошла наша, первая группа гражданских кандидатов в космонавты, Королев первым из нас выдвинул на полет Феоктистова. Хотя Константин Петрович не подходил по физическим критериям, не обладал бычьим здоровьем и завидной спортивной подготовкой. Все-таки это был 1964-й год, опыта полетов не хватало, а условия были экстремальными… Но Королев не прогадал, он снова оказался прав. Главный конструктор заслуженно наградил Феоктистова за его проектный гений. В полете Феоктистов первым из профессионалов-ученых проверил, как работает его техника в космосе. Он стал нашим первым гражданским космонавтом, первым космонавтом-бортинженером. Мы пошли вслед за ним.

У Константина Петровича было какое-то удивительное чутье, он без данных, без расчетов мог скомпоновать корабль. Феоктистов всю жизнь считал, что это именно он сделал корабль. Вроде бы по всем данным так и получается. Но я считаю, что корабль сделал все-таки Королев. Феоктистов недооценивает роль организационных способностей Главного. Даже десять гениальных инженеров, собравшись вместе, не смогут сделать корабль, если не будет человека, который рационально организует их работу. В этом и был гений Королева. Феоктистов – умнейший человек. Меня всегда поражала его способность решать задачи. Он самостоятельно решал любую проблему. Безусловно, Феоктистов – самый умный из нас, а Королев – самый мудрый.

Феоктистов был очень образованный, думающий и деятельный человек, не знавший покоя. Он выпустил несколько книг. Он был очень упорный. Все свои решения он отстаивал до того, что иногда даже выводил из себя Сергея Павловича Королева. Тогда Королев отбирал у него пропуск, рвал его и говорил: «Я тебя увольняю». Но проходил день-два, без Феоктистова дела не шли. «Где Феоктистов?», – спрашивал Королев. «Вы же его уволили». «Никого я не увольнял. Пусть приходит на работу».

Константин Петрович на работе – это яростный спорщик, убежденный в своей правоте и потому нередко – непримиримый. Я мог не соглашаться с его позицией, у меня всегда была своя. Но

я всегда уважал его позицию, его взгляды, его подход. Внешне Феоктистов производил впечатление сурового, суховатого человека, но был он и замечательным рассказчиком – остроумным, азартным, с яркой фантазией.

Феоктистов вместе с Комаровым и Егоровым входил в состав экипажа, который в 1964 году совершил полет на первом аппарате серии «Восход». В этом полете советские космонавты впервые отправились в космос без скафандров.

И военная судьба у него была экстремальная. Партизаны послали его – мальчишку в разведку. Но немцы что-то заподозрили, поставили к яме и расстреляли. Но пуля его только ранила, а не убила. Он упал в яму, а ночью оттуда вылез.

В самом длительном из моих полетов я осознал, что пилотируемые орбитальные станции – это очень дорогой и малоэффективный метод исследования космоса. На борту сотня приборов, но навести на цель можно лишь несколько из них, а остальные смотрят неизвестно куда. Априори КПД станции низок. Сразу после приземления ко мне подошел академик Глушко со свитой. В ней и Феоктистов.

Надо быть мальчишкой, слишком уж прямолинейным человеком, чтобы сразу же после успешного полета сказать Главному конструктору, что это направление – тупиковый путь развития космонавтики. Но я не удержался и сказал, что думал. Глушко напрягся и ответил, что я думаю не так, как все прогрессивное человечество. И сразу же ушел. Свита за ним.

И лишь Феоктистов остался. Он внимательно выслушал мои доводы, а потом заметил, что в них есть рациональное зерно. Честно говоря, правда никому не нравится. И позже Феоктистов пришел к схожей точке зрения. В последние годы у нас не было серьезных противоречий во взглядах на будущее пилотируемой космонавтики.

Кстати, Феоктистов был единственным беспартийным космонавтом в СССР. Он никогда не состоял в КПСС. Я-то был коммунистом и до того, как попал в отряд космонавтов, и ничуть об этом не жалею. Не берусь судить за Политбюро и прочие верха, но мы, на своем рядовом уровне, неплохо решали производственные и социальные вопросы. Так что я ничуть не стыжусь, мы делали хорошее дело.

Но Феоктистов не был в партии до отряда космонавтов. Молодые ребята, которых зачисляли в отряд, тут же писали заявления в партию. А Феоктистов был постарше и сказал: «Некрасиво как-то: не был коммунистом, а тут вступлю не потому, что идейный, а чтобы карьеру сделать». Это благородная позиция принципиального человека, не карьериста.

Тунгусская тайна

Еще в юности, в 1946-м году в журнале «Вокруг света» я прочитал рассказ Александра Казанцева «Взрыв». О том, что Тунгусским метеоритом был межпланетный марсианский космолет, потерпевший катастрофу. Это была увлекательная историческая загадка. Ария Штернфельд, известный исследователь межпланетных полетов, рассчитал, что на Землю он летел не прямо с Марса, а сначала на Венеру и только потом – на Землю. Так вот, оптимальная дата такого прилета является датой падения Тунгусского метеорита. Мы тоже так летели к комете Галлея. Сначала до Венеры, а потом воспользовались ее гравитационным полем, которое и добросило нас до кометы. Это называется пертурбационный маневр.

Есть и другое объяснение загадки Тунгусского метеорита, которое, например, больше нравится ленинградскому исследователю Валерию Уварову. Взрыв в сибирской тайге стал результатом попадания метеорита в палеовулкан. То ли случайное совпадение метеорита с вулканом, то ли кто-то специально стреляет из космоса по вулканам и вызывает извержения. Я к чему клоню – как же это все интересно! Мне не интересно читать в гламурном журнале о том, кто с кем живет, кому изменяет. Меня интересуют такие вот основательные загадки, загадки даже не веков, а тысячелетий.

Прочитав статью Казанцева, я заболел этой тайной. Хотел рвануть в район падения метеорита, но посмотрел на карту – далеко! Денег у меня не было и экспедицию пришлось отложить. Но я твердо сказал себе: «Я там буду!» Дал себе слово, что когда-нибудь туда доберусь и начну искать остатки этого корабля. У меня был не только дух приключений, но и дух поиска, стремление докопаться до истины, понять, как было на самом деле. Надо было идти в тайгу, чтобы своими руками потрогать тайну.

Годы шли, но про Тунгусскую тайну я не забывал. Возможность представилась, когда я уже вовсю работал у Королева. Мне удалось заразить товарищей интересом к этой загадке. Нам нужно было заинтересовать Королева. Для этого мы пошли на военную хитрость. Мы использовали отчет Золотова, страниц на пятьсот, из него следовало, что это был марсианский космический корабль. Он взорвался на высоте пять километров, и мощность взрыва составила порядка пяти мегатонн. Хитрость в том, что мы понимали несерьезность золотовского отчета. Золотов пробыл там пару дней – и накатал огромный отчет.

Но в главном мы были честны: загадка существует и это загадка мирового значения. Значит, ее исследование – в интересах науки. Мы понимали, что весь отчет Королев читать не будет. Но в предисловии и заключении говорилось о космическом корабле – и Сергей Павлович про явил интерес к его остаткам, которые можно найти. Королев даже денег дал из своего фонда материальной помощи – пятьсот рублей на авиабилеты туда и обратно. Дал вертолет, двух солдат с рацией и сухой паек. Резюме Королева звучало так: «Поезжайте и разберитесь на месте!»

Мы вложили в экспедицию и свои деньги и за несколько месяцев провели очень серьезную работу. Я горжусь тем, что при моем участии была определена точка, над которой произошел взрыв. Мы прибыли в район Тунгуски и присоединились к научной экспедиции Г. Ф. Плеханова, состоявшей в основном из сибирских ученых и студентов. Нашу королевскую группу возглавлял В. А. Кошелев. Встретили нас на заимке с восторгом. Особенно всех впечатлял вертолет, на котором кружили над эпицентром взрыва с радиометром – искали источники радиации. Искали так же в бассейне Подкаменной Тунгуски все, что напоминало частицы метеорита.

Там на Тунгуске я получил нужный на всю жизнь урок. Помню, прем мы по тропе с рюкзаками – сорок – пятьдесят килограммов груза у каждого за спиной. На первой же остановке буквально рухнули мордой в сырой мох, кое-как прикрывшись штормовками от гнуса. И, что называется, отрубились. Сколько я проспал, час – полтора не знаю. Прихожу в себя, вижу – костер горит. И Руфина Журавлева, сестра нашего товарища Виктора, кашу уже сварила, что-то зашивает. Она же с нами шла, с таким же рюкзаком! Хрупкая на вид девушка, а мы – здоровые мужики! Мне стыдно стало. Я этого никогда в жизни не забуду.

Из Красноярска я позвонил Королеву. Звонил из здания КГБ. Две толстые двери – за ними находился пункт ВЧ, правительственной связи. Начальник поинтересовался, кому хочу звонить. Я назвал фамилию. Он полистал какую-то книжечку, потом молча посмотрел на меня, набрал номер и сразу же вышел из комнаты… Я начал говорить Королеву, что мы взяли семь тысяч проб, получили радиоактивную золу, изучили падение деревьев и так далее и тому подобное. Это была чистая правда. Он вежливо слушал, а потом вдруг спрашивает: «Обломок

корабля нашли?» Отвечаю – нет. «Тогда продолжайте искать». «Сергей Павлович, так отпуск заканчивается!» – «Я вам его продлеваю». Но мне надо было возвращаться в КБ. Я дал честное слово своему начальнику, что вернусь в срок.

И вернулся.

А Владимир Кошелев остался в экспедиции еще на месяц. Мне, к сожалению, не пришлось спускаться в озеро Чеко за пробами донного ила. Это проделал Кошелев, когда я уже работал в Подлипках. Кислородная аппаратура была сложная и опасная. Причем наш товарищ, который его страховал при погружении, перепутал сигнал нормального погружения с сигналом опасности – и резко вытащил Кошелева. У Владимира тогда лопнула барабанная перепонка. Несколько лет назад озеро Чеко исследовали итальянцы, убежденные, что это озеро возникло на месте кратера того самого взрыва.

А не так давно после большого перерыва я встретил Владимира Кошелева. Между нами произошел вот такой диалог: «Чем занимаешься?» – «Пишу диссертации» – «А что сейчас дает диссертация?» – «Ты не понял, я пишу диссертации не для себя, а для других. И так навострился, что все защиты проходят без сучка, без задоринки. По любой специальности научился писать – вплоть до гинекологии. Хочешь, для тебя напишу?» – «Да я уже защитил две диссертации». Вскоре мой старый товарищ Владимир Кошелев умер.

Хотя тогда мы ничего сенсационного не нашли, я убежден, что над Тунгуской взорвалось нечто необычайное. Мне по душе такая версия: пришельцы, зная, что мы не можем защитить Землю от крупных метеоритов, установили в окрестностях нашей планеты антиракеты. Тунгусский метеорит летел на Петербург, но они сбили его.

Мы – энтузиасты поисков метеорита, друзья по экспедициям – называем себя космодранцами. У нас есть и своя «метеоритная» поэзия. В некоторых стихах остроумно отражены мои приезды на Тунгуску…

Стихи на полях:

Я в маршруты водил королевских ребят,
Был за Хушмой, за Чамбою-речкой,
И общался я несколько суток подряд
С засекреченным Жорою Гречко.
Он приехал в тайгу НЛО изучать

В середине XX века.
На челе Жоры Гречко лежала печать
Выдающегося человека.
Мы по вывалу топали день и другой,
Утопали в тунгусском болоте,
А потом он меня прокатил над тайгой
В персональном своем вертолете.
Я вернулся в свой Н-ск, где и ныне живу,
Не обласкан общественным строем,
Жора с вывала прямо уехал в Москву,
Став прославленным дважды Героем.
С той поры засыпаю и вижу во сне,
Будто спирт завезли на Заимку,
И мы песни горланим в ночной тишине,
Сидя с Жорою Гречко в обнимку.
Чуден вывал в лучах восходящей луны.
Сколько тут открывается взору!
А на звездах пилотов погибших сыны
Ожидают землянина Жору.

Геннадий Карпухин

И еще:

В наше тихое местечко
Заявился Жора Гречко,
Прокатился по дворам,
Получился тарарам.
Чтобы не было позору,
Коньяком поили Жору.
Жора выкушал коньяк.
«Не такой уж я маньяк!
Бросьте вы свою комету,
Все равно ведь смысла нету,
Занимайтесь НЛО,
От него сегодня зло».
До забору, до крылечка
Проводили Жору Гречко,
Повторяя горячо:
«Приезжайте к нам ешчо!»

Обязательно еще приеду! Ведь тайна Тунгусского метеорита не раскрыта. Существует более 90 версий того, что же произошло на самом деле. Я пришел вот к какому выводу – и не надо ее раскрывать. Пока эта загадка существует, туда будут стремиться люди. И какие люди! Наша интеллектуальная элита.

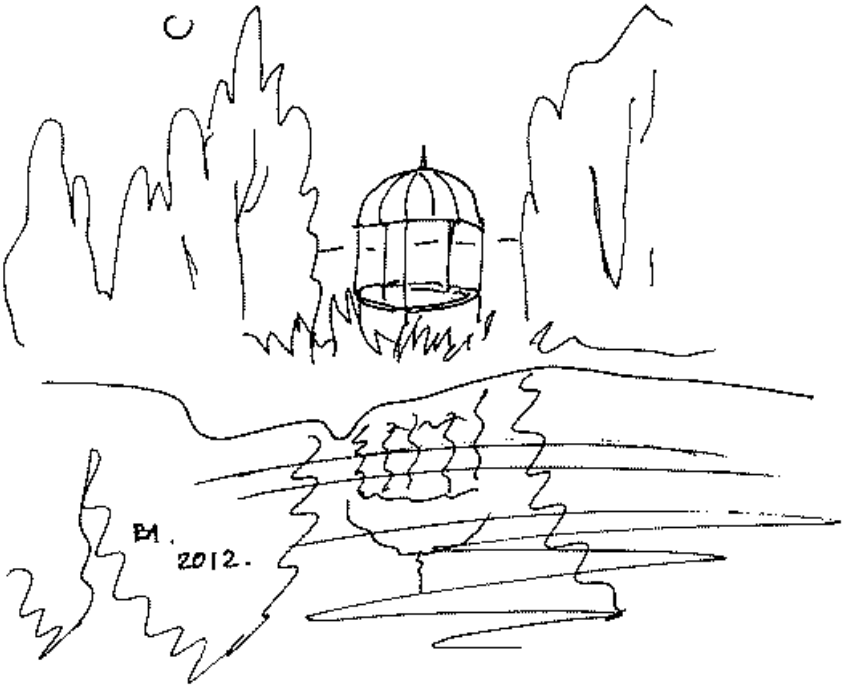
А то откроют – и все, незачем комаров кормить. Так считаю не я один, но и другие «космодранцы». Кто-то, кажется, Черников, сказал: «Пусть никогда не будет открыта тайна тунгусского метеорита». Или вот еще, из тунгусского фольклора: «Бороться и искать, найти и перепрятать!». Так что, если мы и найдем этот метеорит, то закопаем его, чтобы было, что искать дальше. А если кусок метеорита найдет кто-нибудь не из наших друзей – мы позволим ему сфотографироваться, написать статью, а потом все равно спрячем находку обратно. Потому что каждый, кто сюда приходил, не нашел метеорита. Но все нашли друзей, нашли науку, нашли проблему, нашли себя, как человека, который пусть боится медведя, но комара точно не боится.

Анекдот на полях:

Существуют два способа вывести Россию из кризиса, фантастический и реальный.

Фантастический, – что мы сами справимся, а реальный – что прилетят инопланетяне и все сделают за нас.

Может быть, тогда, в 1908-м году, они хотели нам помочь?


BM.
2012.

Тюра-Там

Мне, конечно, повезло. Я видел, как все начиналось. Тогда слово «космодром» никто не говорил, это место называлось «полигон». Жили мы в бараках, на треть в земле. А если не нравится в землянке – живи в вагоне, который стоит на путях на солнце 16–18 часов. И даже когда ты приходишь поздней ночью на ночлег, туда, в эту духовку, даже сунуться невозможно. Питались даже не осетриной второй свежести, а мясом третьей свежести в солдатских столовых. Работали день и ночь.

Так было в Тюра-Таме в пятидесятые годы. Да, именно в Тюра-Таме. Вы уже знаете, что именно так и никак иначе называется место в Казахстане, где появился самый известный советский космодром. Байконур придумали, чтобы сбить с толку американскую разведку. Есть в Казахстане город Байконур, но он в нескольких сотнях километров от места, где мы полвека стартуем. Американцы, которых мы хотели обдурить, измеряли с горы Арарат наши координаты с точностью до метра.

Когда меня привезли на космодром, я должен был заниматься расчетом заправки боевых ракет, проверять уставки, чтобы ракеты летели куда надо. В первый раз меня привезли, а во второй послали одного: подумаешь, залезть в таблицы, найти нужную страницу, найти перекрестье и вот эту цифру выписать вот сюда. Но получилось так, что я привез новую инструкцию по заправке. По военному закону – а полигон ведь был воинской частью – надо один документ ввести, а другой уничтожить. Однако я, человек не военный. Положив рядом две инструкции, обнаружил, что в новую поправки внесены, только в обратную сторону: знаки «плюс» и «минус» перепутаны.

Моим единственным начальником на полигоне в этот раз был Королев. Я ему и доложил, что завтрашний пуск не пройдет: в такой-то момент вся схема предстартовой готовности сбросится. У меня, должен признаться, есть еще одна отрицательная черта – я всегда лезу туда, куда лезть не мое дело. Я не верю в астрологию, потому что сам астроном. Рассчитывал вывод спутников на орбиту вокруг Земли и полеты к Марсу. Но один астролог мне сказал, что родившийся 25 мая, обречен лезть не в свое дело. Так что я нашел для себя оправдание.

Мне это мое качество доставляло множество неприятностей. В любом институте, в любой организации трудно доказывать начальству свою правоту. Но в нашей работе балом правят цифры, и история кончилась тем, что Королев срочно вызвал на полигон моего начальника мне в подчинение.

Были и другие случаи. Например, когда Королев принял решение, чтобы опередить американцев, запустить вместо спутника весом почти полторы тонны (с множеством научной аппаратуры постоянно возникали проблемы) – простейший спутник с батареей и радиопередатчиком. Ну, как я мог это вытерпеть? Да, конечно, пришел к Королеву советовать, чтобы туда поставили хотя бы датчики давления и температуры. Я был прав. И потом американцы издевательски писали, что русские запустили в космос пару кирпичей. Но в тот момент более прав был Королев. Пока наши датчики туда бы лепили, американцы нас опередили бы.

Когда полигон Тюра-Там стал космодромом «Байконур», после космических полетов мы приходили в себя в гостинице «Космонавт». Хотелось домой, к семьям – а тут степи, пустыни… Но однажды к начальнику космодрома явился солдат, который очень профессионально доказал, что с помощью бульдозеров и самосвалов можно создать настоящее озеро в районе Байконура. Начальник быстро все организовал – и действительно, возникло красивое озерцо с островком. К островку вел мостик, построили беседку. Отдых космонавтов стал веселее. Все мы любили приходить к озеру, гулять, рыбачить. Потом бухгалтерия отчитывалась о годовых расходах. А расходы на озеро, конечно, не входили в изначальную смету! И нового года, новой сметы начальник не ждал – сразу вызвал экскаватор и бульдозеры. Начальник космодрома получил выговор. Но больше всего в этой истории мне нравится его реакция на выговор. Он сказал: «Выговор снимут, а озеро останется».

Невозможный Б. В. Раушенбах

Мне повезло. Я знал Бориса Викторовича Раушенбаха больше сорока лет.

Это было в конце пятидесятых годов. Лечу я однажды на полигон Тюра-Там на испытание ракеты. Путь из Москвы до Тюра-Тама долгий. Летим всю ночь. У меня с собой была книжка, но я, пожалуй, больше дремал, чем читал. Я, то засыпал, то просыпался. Как-то, проснувшись, я бросил взгляд на соседа. Он увлеченно читал огромную красную книгу в солидном переплете. В самолете обычно читают что-нибудь легкое, в пестрых обложках – детективы, приключения. А тут сразу видно – солидный труд. Я удивился и спросил: «Что вы читаете?» Он очень дружелюбно ответил: «Китайскую книгу „Сон в красном тереме“». – «И это интересно?» – «Очень интересно! Это же Цао Суецинь описывает смену эпох в Китае– от династии Мин к династии Цин. А вы что читаете?» – он посмотрел на мою книгу. А я читал «Фауста». «И в чьем переводе?» – «Пастернака». Это был новый перевод. «Разрешите посмотреть?». Мой сосед взял «Фауста», быстро нашел нужное ему место и прочитал с полстраницы. «Ну, вот, я так и знал, что неправильно переведена молитва ведьмы», – сказал он, возвращая мне книгу. Я поразился, что коллега так сходу критикует Пастернака, которого считал незыблемым авторитетом в области поэзии. «Что же здесь неправильно?». «А вы прочитайте», – предложил Раушенбах (а это был именно он!):

Ты из одной
Десятку строй,
А двойку скрой,
О ней не вой.
Дай тройке ход,
Чтоб стала чет,
И ты богач.
Четверку спрячь,
О ней не плачь,
А пять и шесть
С семеркой свесть,
И до восьми
Их подыми.
Девятка – кон,
Десятку – вон.

Вот ведьмина таблица умноженья.

«И вам не кажется, что это бессмыслица?» – «Так это же молитва ведьмы! Она и должна быть бессмысленной. Это же сами по себе несовместимые понятия – молитва и ведьма!». И тогда он мне рассказал, что у Гете в ведьминой молитве было описание волшебного квадрата. В котором цифры расположены так, чтобы по горизонтали, по вертикали и по диагонали при сложении получалась одна и та же сумма. Самый простой волшебный квадрат вот такой, что каждый раз в сумме 15:

2 7 6
9 5 1
4 3 8

Я смотрел на него с восхищением и удивлением: кто же это у нас в КБ интересуется историей Китая да еще так разбирается в немецкой поэзии? Потом я узнал, что Раушенбах был крупным светилом сразу в нескольких науках.

И не в соседних, а в очень разных областях знания. Он был выдающимся физиком, лучшим специалистом по системам управления космическими аппаратами, правой рукой Королева. А еще – изучал геометрию иконописи, исследовал африканскую живопись, был богословом. Без книг и статей Раушенбаха сегодня невозможно изучать древнерусское искусство. Я понял, что это великий человек. Он был из немцев и пострадал в годы войны, хотя всегда был патриотом Советского Союза и России. Как немца его сослали в Нижний Тагил. После войны его взял к себе Келдыш, а с 1960-го Раушенбах работал у Королева.

Два раза Борис Викторович рассказывал мне о Святой Троице, объяснял «логику троичности» как физик и богослов. Объяснял подробно. Есть такая шутка: «Сколько раз тебе объясняю, уже сам понял, а ты все не понимаешь!» У нас вышло по-другому: Раушенбах изначально все понимал, а я так и не понял. Незадолго до смерти Б.В. мы с ним выступали перед какой-то аудиторией. Ему задали вопрос о войне, о ссылке. Он стал рассказывать об этом и… заплакал.

Он был истинным ученым, одним из самых высокообразованных людей XX века. Когда мы вспоминали о Крылове – я приводил шутку про узких и широких специалистов. Так вот Раушенбах был уникален: он узнавал все больше и больше обо все большем и большем. Жизненный путь его не был гладок, он прошел огонь и воду. И останется в истории науки как Настоящий Академик.

Имена собственные

Кто дал мне имя, кто придумал назвать меня Георгием – не знаю. А называли меня обычно Жорой. И в школе, и в институте, и позже в Звездном городке. Только мама с детства звала меня Жорик.

У Королева все называли друг друга по имени-отчеству. Но это было очень обыденно, по-простому. А если по имени – ну, так, что назвал только имя, и сразу понятно, о ком идет речь, – это уже более уважительно. Поэтому обращение «Жора» значило больше, чем «Георгий Михайлович».

Иногда возникали прозвища. Вот, например, космонавт Филипченко, в паре с которым я готовился к полету, к испытанию новой системы стыковки. Поработали мы хорошо, но в итоге стали дублирующим экипажем. Все даже забыли его настоящее имя, потому что звали просто Филипп. А иногда даже Железный Филипп! Но вот самые-самые известные и уважаемые люди вообще сокращались до двух букв. Сергея Павловича Королева у нас звали просто СП. Он и сам подписывал бумаги именно так – «СП». Или академик Раушенбах. С моей точки зрения – Настоящий Академик, каких очень мало. Он был БВ, Борис Викторович. Еще космонавт Феоктистов – КП, Константин Петрович. Огромным уважением пользовался академик Мстислав Всеволодович Келдыш. Его у нас тоже почтительно называли МВ. Эти люди – наша подлинная элита. Не потому, что у них больше денег или больше власти, а потому, что велик их вклад в науку.

Академик М. В. Келдыш. Главный теоретик (практической) космонавтики

В моем военном детстве я хотел стать летчиком, таким как Покрышкин и Кожедуб. После войны с большим интересом читал книги о рекордных полетах, о новинках самолетостроения. Тяжело переживал катастрофы новейших самолетов из-за флаттера и «шимми». Восхищался и даже завидовал академику М. В. Келдышу, который создал теории и методы расчета этих смертоносных режимов. Тем самым он спас жизнь многим летчикам – испытателям. А ведь я тоже, если бы не был принят в отряд космонавтов, постарался бы стать летчиком-испытателем.

Жизнь свела нас с академиком М. В. Келдышем на полигоне при подготовке к запуску первого спутника. Там я узнал, что Келдыш помог Королеву «пробить» постановление о создании в СССР спутника Земли. Это было практически невозможно, т. к. ему требовалась ракета Р-7 – наша, теперь уже легендарная, семерка. Но тогда шли испытания Р-7, как боевой ракеты с ядерной боеголовкой. Нужно было дать адекватный ответ полетам американских бомбардировщиков вдоль наших границ. Каждая боевая ракета была на счету. Авторитет М. В Келдыша, с одной стороны, и проблемы с учебной боеголовкой, с другой, позволили Королеву получить ракету для спутника. Дальнейшее было для него делом техники, космической техники.

Как теоретик космонавтики, М. В. Келдыш развивал идеи К. Э. Циолковского. Космическое пространство должно быть зоной объединения всего человечества. Тем более, что Земля как колыбель человечества стала меньше, теснее.

Как теоретик практической космонавтики М. В. Келдыш возглавил научный космос.

Он создал Отделение Прикладной Математики (преобразовано затем в Институт Прикладной Математики). Он открыл Институт Космических Исследований (ИКИ), помог Крымской Астрофизической Обсерватории (КРАО) в развитии космической тематики. Возглавляемый им Институт Прикладной Математики (ИПМ) оказался на передовых, опережающих позициях в создании математических методов расчета космических орбит и траекторий. Тесное сотрудничество с ИПМ позволяло нам, ракетчикам избегать ошибок при запусках космических аппаратов.

Это я знаю и на собственном опыте работы баллистиком в ОКБ-1. Как только мне были нужны математические методы

расчета, оказывалось, что они уже созданы в ИПМ трудами Д. Е. Охоцимского, Т. М. Энеева, А. К. Платонова, Р. К. Казаковой и др. С тех пор ИПМ – один из самых востребованных институтов для космических программ нашей страны.

Наконец, как только я прошел реадаптацию после рекордного по длительности космического полета в 1978 году, Мстислав Всеволодович пригласил меня в свой институт. Он внимательно, с интересом расспрашивал о работе на борту орбитальной станции. Казалось, что ему это нужно знать на долгие годы творческой жизни. Но 24 июня этого года его жизнь оборвалась…

Т. М. Энеев – гений

Впервые я услышал о начальнике сектора ИПМ (Института Прикладной Математики) Тимуре Магометовиче Энееве от его сотрудников. С ними мы параллельно рассчитывали траектории и орбиты различных спутников.

Энеев занимался и системой управления ракет-носителей, и эволюцией орбит спутников. И, что самое важное для нас, космонавтов, – баллистическим спуском космических кораблей с орбиты на Землю. Он рассчитал, что перегрузки при баллистическом, не требующем управления спуском, не превышают перегрузок у летчиков-испытателей. Именно так первые космонавты и возвращались на Землю. Перегрузки оказались не легкими, но безопасными для человека. Уже давно штатно используется управляемый спуск, но до сих пор баллистический является запасным, дублирующим.

А еще сотрудники Энеева рассказали мне, что однажды математики ИПМ долго не могли найти решение очень трудной и сложной задачи. Посовещались, поспорили, повернулись к Тимуру Магометовичу, а Тимура уже нет. Вот только что был, активно участвовал в обсуждении, и нигде нет. Так бывало не один раз, это даже назвали «Тимур эффект». Но через день он появился… с оригинально решенной задачей.

Когда мы начали рассчитывать выведение беспилотных аппаратов к Луне, Марсу и Венере, то получали сначала неприемлемые результаты. В принципе на Луну можно было летать каждый месяц, а на Марс каждые два года. Но, при конкретных расчетах непрерывного разгона 4-хступенчатой «семеркой» (каждая следующая ступень стартует с работающей предыдущей) в 1962., 1964 и 1965 гг., космические аппараты не долетали до Марса. А на Луну долетали только один раз в год. Боюсь, что такие сроки устроили бы кое-кого сейчас, но не тогда. Совет главных конструкторов во главе с Королевым даже слышать об этом не хотел.

Вы уже догадываетесь, что решение нашел опять Т. М. Энеев. Он «просто» предложил сделать оптимальный по времени перерыв между выключением двигателя 3-й ступени (выход на промежуточную орбиту) и включением двигателя 4-й (уход с орбиты вокруг Земли к планете). Правда, технически это не просто. Пришлось освоить запуск двигателя 4-й ступени в невесомости. Но теперь так летают во всем мире. А вот «Фобос-Грунт» в 2011 году так и не ушел с промежуточной орбиты.

Когда-то давно мы зачитывались книгой И. С. Шкловского

«Вселенная, жизнь, разум». В книге с единой точки зрения излагалось развитие всего сущего от большого взрыва до наших дней. Там были все загадки мироздания. Энеева, и меня, особенно заинтересовали две из них.

1. Почему и как возникла Солнечная система с Землей и Луной (а может быть, сначала было две луны, но одна упала и образовала Карибское море).

2. Еще более интересный вопрос, как на Земле появились мы – люди.

Но вот в чем даже две большие разницы: я с интересом читаю книги и смотрю научно-популярные телефильмы на эти темы, а у Энеева все намного активнее и серьезнее. Он решил проверить гармонию Солнечной системы алгеброй, а точнее, численным моделированием.

Он рассчитал образование Солнечной системы с позиции только теоретической механики. Решение этой задачи потребовало нескольких лет работы с использованием самой мощной в то время вычислительной машины БЭСМ-6. Так он получил модель Солнечной системы со всеми планетами, их массами и расстояниями от Солнца. А вот ни одной Луны у Земли не образовалось. Возможно, Луна возникла не из газо-полевого облака в соответствии с теорией О. Ю. Шмидта, а в результате столкновения двух протопланет.

Стихи на полях:

Как будто каким-то загадочным кругом
Планеты, спешат, обгоняя друг друга,
В космический холод, в кромешную тьму.
Кто сможет ответить: зачем, почему?

Сотрудники Нижегородского Планетария

Под руководством Т. М. Энеева возникло новое направление в науке – «биоматематика». Получены обширные, многолетние и неожиданные результаты. Цитирую: «найденные уникальные свойства закономерностей структурообразования нуклеиновых кислот в транспортной РНК не могли возникнуть по воле случая». Вы что-нибудь поняли? Я ничего не понял.

Но при встрече Тимур Магометович объяснил мне, что из этой формулировки можно сделать нетривиальный вывод. Homo sapiens, т. е. человек разумный (если нас еще можно так

называть), мог бы в принципе произойти по Дарвину. Но для такого случайного процесса не хватает… даже миллиардов лет существования Земли. Значит, был сокративший время возникновения человека Акт Творения. А тогда кто творец?

Постановка новых принципиально-важных задач. Предложения неожиданных способов и путей для их решения. Обширнейшее поле разнообразных научных интересов. Все это ТИМУР МАГОМЕТОВИЧ ЭНЕЕВ!

Мой Гагарин

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Б. Пастернак

Мне посчастливилось с ним не только общаться, но и работать, тренироваться.

Первый раз я увидел Гагарина на космодроме Байконур, где я работал испытателем ракет. Привезли космонавтов. Нас от них отгородили. Мы могли смотреть на этих небожителей только издалека. Им показывали ракету, которую мы испытывали. Нам было, конечно, интересно, ведь мы гордились ракетой, на которой им предстояло летать. Ракета сначала не хотела летать, но она была очень красивая. И, как показало время, она остается самой надежной ракетой всех времен и народов. Красивая конструкция всегда работает лучше…

Ровней с ними мы себя не считали. Смотрели на них с восхищением… Среди небожителей был Гагарин, официально еще не отобранный как первый космонавт. Слухи о нем уже ходили и по некоторым словам Королева, было ясно, что ему нравится Гагарин. Мы, зная, что какой-то Гагарин Королеву нравится, выглядывали издалека и присматривались: что это за Гагарин? Какой он есть?

Наше КБ занималось подготовкой полета Гагарина, по-этому у нас проходила прямая радиотрансляция его полета. Все собрались в зале и переживали весь полет буквально по минутам – пока Юра благополучно не приземлился.

Второй раз я видел его на митинге в нашем подмосковном Калининграде. После полета первый космонавт приехал на предприятие, чтобы поблагодарить тех, кто создавал для него корабль, который вывел его в космос и невредимым вернул на Землю.

Наше ОКБ-1 – закрытое предприятие. О его существовании иностранцы не должны были знать. На Ярославском шоссе в районе Калининграда к каждой притормаживающей машине подъезжали представители охраны. Секретность!

А у нас была фабрика-кухня при заводе. Недорого можно было пообедать. За час перерыва успевали и выскочить, и

перекусить, и вернуться на работу. Однажды фабрика решила подзаработать и открыла на базе своей кухни ресторанчик. В «Вечерней Москве» было опубликовано скромное, ординарное объявление: в Подлипках открыт ресторан. И на следующий же вечер вся площадь была запружена экзотическими машинами с иностранными номерами. Вот такое внимание привлек несчастный ресторан в Подлипках при всей секретности!

На заводе была строгая пропускная система. И вот нам объявили, что приедет Гагарин, что митинг пройдет на самой большой площади. Внутри предприятия – сразу за проходной. В городе никто не должен был об этом знать. Но когда настало время митинга – по ту сторону ворот собралось полгорода. Это не удивительно: в КБ и на нашем заводе работало полгорода. Слава Богу, что охрана поступила мудро – и ворота открыли. Митинг расширился, из закрытого превратился в открытый. Полгорода оказалось на территории секретного «ящика» – дело по тем временам неслыханное.

Что такое был Гагарин для русских людей и для всего мира – сейчас трудно объяснить. Трудно было сдерживать эмоции. Одна из наших работниц приготовила для Гагарина букет цветов. И она с такой скоростью к нему рванула с букетом, что он невольно отшатнулся. Потом быстро сориентировался и принял букет.

Тут же родился первый анекдот о полете Гагарина: самый страшный момент полета – когда на меня стремительно бросилась женщина с букетом. Встреча с Гагариным была для всех нас счастьем. Такое было отношение к первым космонавтам. Это не простые смертные, не мы. Супермены!

Я снова встретился и на этот раз познакомился с Гагариным, когда сам был принят в группу гражданских космонавтов и был направлен на подготовку в ЦПК (Центр подготовки космонавтов). Гагарин был заместителем командира по летной части. Гагарин был для нас даже не вторым после Бога, а первым. И в то же время это был наш человек. У него не было крыльев и нимба, он искренне и добросовестно беспокоился за подготовку. Вникал во все. Ему шли навстречу. Под его руководством подготовка шла максимально хорошо.

Мы видели, как он к своим товарищам из первого отряда относился без зазнайства, помогал даже в личной жизни. И мы пришли к выводу, что он с честью прошел не только огонь и воду, но и медные трубы. То, что Гагарин прошел огонь и воду – это понятно, так как любого космонавта готовят по этой программе. А вот то, что он прошел через такие медные трубы, которые выпали на его долю, – это бы не каждый выдержал! Королев его выбрал и не ошибся!

Хотя многим из нас, сотрудников Королева, тогда казалось, что первым должен был быть Герман Титов. Он был очень интеллигентным, начитанным, образованным: как-никак, из учительской семьи. Играл на скрипке, читал наизусть Лермонтова во время испытаний в сурдокамере, сам писал стихи… В общем,

мы были не согласны с выбором Королева, а оказалось, что правы не мы, а Королев. Гагарин выдержал все. Хотя он возвысился по популярности выше небес, он оставался с друзьями и товарищами равным. Королев сказал, что Гагарин был очень способным, ярким человеком и, если бы он получил соответствующее образование, то мог бы стать большим ученым. В любой области он оказался бы среди лидеров.

Тогда на Земле не было равного ему по известности человека.

Гагарин – «сын Земли», (песня на полях)

В то утро по весне Земля узнала,
Что Сын Ее на старте в корабле.
– До скорого! – она ему сказала;
– Поехали! – ответил он Земле!

Никто не слышал грохота сильнее:
В нем содрогнулся весь Двадцатый Век!
За триста километров в апогее
Поднялся в Космос первый человек!

Припев:

Улыбчивый простой обыкновенный…
Он за один космический виток
Один был на один со всей Вселенной
На корабле по имени «Восток»!

Мы – кандидаты в космонавты – инженеры конструкторского бюро С. П. Королева, научились в Коломенском аэроклубе летать на Як-18 самостоятельно, без инструктора. Тогда это было бесплатно

Когда мы уходили домой с работы, его продолжали эксплуатировать в пользу страны и партии. Если не по-черному, то по-белому уж точно. Каждый день он участвовал в форумах, конференциях, митингах. Он был лицом нашей страны. И он достойно справлялся с нелегким грузом общественных забот и поручений. Оставался самим собой, был ли среди рабочих, комсомольцев или на приемах у королей. За него, за его слова или поведение никогда не было стыдно. Для укрепления авторитета Советского Союза в мире в то время он сделал так много, как никто другой. Вся планета была озарена гагаринской улыбкой.

Когда он погиб, остался его мемориальный кабинет в том виде, как был при нем. На столе можно увидеть приглашение на концерт, приглашение на встречу с трудовым коллективом. И на перекидном календаре, который открыт на 27 марта, записаны все его многочисленные обязанности и, в частности, – договориться с Серпуховским аэроклубом о полете гражданских.

Это про нас гражданских космонавтов. Я и мои товарищи были недовольны, что в Звездном городке мы летали только с инструкторами. Ведь в полете с инструктором можно просто сидеть и спать. Только зад отсидишь. Управлять можешь шаляй-валяй: знаешь, что ты прикрыт инструктором. В случае любой

опасности он возьмет на себя инициативу. Я говорил: это мало что дает, просто трата времени. Мы хотели летать самостоятельно, но нам не разрешали.

Я до прихода в ЦПК уже летал сам на планерах и самолетах Як-18, прыгал с парашютом. Я просил: раз у вас нельзя – давайте договоримся о занятиях в аэроклубах. Там можно летать самостоятельно. Там ты не будешь спать в кабине, там никто тебя спасать не будет. Это заставляет лучше изучать технику, тренировать выходы из различных ситуаций, быть к ним готовым морально.

Управлять космическим кораблем и самолетом – совершенно разные вещи. И некоторые гражданские космонавты говорили: «А зачем нам летать на самолете? Военные летают лучше нас. Мы с ними никогда не сравняемся. Опыт пилотирования в космосе не нужен». В самолете нужно принимать решения очень быстро, там доли секунды могут решить проблему или усугубить. А в космосе наоборот, нужно очень крепко подумать, прежде чем отреагировать.

А я говорил: «Нужно уметь держать жизнь в своих руках, верить своим рукам и глазам. Чтобы в сложной обстановке полета можно было ориентироваться по многочисленным приборам в облаках, на скорости, во время исполнения фигур высшего пилотажа». Вот если ты это можешь делать в полете, ты достоин места в самолете и корабле. Гагарин это понимал и помогал нам. Он мог сослаться на устав и отказать, это легче всего. Но он подошел неформально, хотел помочь. Он был военным человеком. Но не просто дисциплинированным, а с сознательной дисциплиной.

А еще он был хорошим русским парнем. Не вундеркинд и не выскочка. Молодой, но уже квалифицированный военный летчик, сформировавшийся как личность, со своими убеждениями и опытом достаточно трудной, небогатой жизни. С ремесленным училищем за плечами, школой рабочей молодежи.

Полет в космос действует на человека как усилитель: усиливает все хорошее и плохое в характере его и натуре. Не случайно Королев выбрал первым именно Гагарина. Все его достоинства высветились и обозначились столь ярко, что какие-то малозначительные недостатки сошли на нет. Но ангелом он не был. Мог с друзьями на вечеринке в меру выпить, любил пошутить, мог даже схулиганить.

У первых наших космонавтов был такой розыгрыш: когда кто-то из них получал машину, ее обязательно «выкрадывали» свои же друзья. Участвовал в этом и Юрий. Начинались поиски, конечно же, без милиции, без расстройств, и в конце концов

«потерпевшим» приходилось выкупать свою «пропажу» за бутылку шампанского.

Он был летчиком, и, естественно, рвался в небо, хотел летать и в космос, и на самолетах. Но «наверху», насколько я знаю, ему сразу сказали, что в космос он больше не полетит. Его берегли, как могли, а вот совсем запретить ему, военному летчику, летать, было бы, конечно, невозможно.

Вспоминаю, как-то мне довелось быть на телемосту в Финляндии. И вот с самого севера этой страны, из Лапландии, финн спрашивает с укором: «Почему вы дали погибнуть вашему хорошему парню космонавту Гагарину?» Я так ответил ему на этот больной и горький вопрос: «В космос Гагарина решено было больше не направлять. Он после космического полета всегда летал на самолете с инструктором, причем с лучшим. Я, например, после космоса летал один…

Известно, что в автомобильных авариях людей гибнет больше, чем в авиационных. Значит, надо было запретить ездить в автомобиле. И для Гагарина для всех поездок подавали небольшой автобус. Вероятность травмы в автобусе меньше, чем в автомобиле. Но случается в жизни, что кирпич падает на голову – запретить выходить на улицу? А дома могут быть сквозняки – запретить открывать форточку? Посадить под стеклянный колпак?»

Остановились, мне думается, на самом разумном. В космос не летать, а на самолете – только с инструктором. И все-таки беда случилась. В авиации ведь как? Кажется, все предусмотрено, отработано тысячу раз на непредвиденную аварийную ситуацию. А на тысяча первый раз происходит трагедия.

Как Гагарин погиб, непонятно. Когда они с Серегиным возвращались с задания, самолет разбился. Это понятно. А вот что было тому причиной, до сих пор не ясно. Во всяком случае, не было диверсии, он не сошел с ума, его не забрали инопланетяне и он не летел пьяным в Ташкент на футбол. Обломки после аварии сохранены и запечатаны. Может, когда-нибудь их откроют, и мы узнаем всю правду?

«Последний дюйм»

Это был мой любимый фильм. Как ни странно, он мог прервать мой путь к звездам.

Только-только появились книжки о подводном плавании. Я сам сделал себе маску и стал плавать под водой. Подводная стихия увлекла меня, потому что это совершенно новый мир. А подводная охота – потрясающий вид отдыха и спорта. В фильме «Последний дюйм» была и авиация, и подводный мир. Поэтому я смотрел его очень много раз, даже со счета сбился. Видеомагнитофонов тогда не было. На катушечный магнитофон мы записали из этого фильма так называемый саунд-трек.

Помните песню?

Тяжелым басом ревел фугас,
Ударил фонтан огня.
А Боб Кеннеди пустился в пляс:
«Какое мне дело до всех до вас?
А вам до меня?»

Потом я узнал, что написал эту песню композитор Моисей Вайнберг, ученик Шостаковича, автор симфоний и… знаменитой песенки Вини Пуха из мультфильма. Отличную музыку он написал для «Последнего дюйма»! А спел запоминающимся «тяжелым басом» Михаил Рыба – певец, который бежал из Польши в СССР, когда Польшу захватили немцы.

Мы знали наизусть все диалоги и реплики. А фильм был детский и шел только на утренниках. На мое несчастье, когда я однажды утром сбежал с работы, Королев собрал инженеров, которые у него успешно работали пять – десять лет. Они стали кандидатами в первую группу будущих космонавтов-бортинженеров. А меня там не было, я сидел в кино, на детском сеансе… Они все написали заявления и подали Королеву. А я рвал на себе волосы, потом написал заявление на имя Королева и передал его в отдел кадров.

Кстати, на мое семидесятипятилетние мне подарили это мое заявление в рамочке. Нашли где-то в отделе кадров. На нем есть надпись карандашом: «В списках нет». Потому что я прогулял собрание во время сеанса «Последнего дюйма». Я смотрю на это заявление. Пожелтела бумага, бледнее стали буквы, пропечатанные на пишущей машинке. К этому времени я проработал у Королева больше десяти лет. Конечно, знал, что его

звали Сергеем Павловичем, а по инициалам – С. П. Но я настолько волновался, что в заявлении, вместо «С. П.» написал «С. С. Королеву» – по аналогии с «совершенно секретно». Королев был великим человеком и на такие вещи не обижался…

Глава 4. Через тернии в «Звездный»

Медкомиссия в ЦНИАГе

Итак, в 1962 году я написал заявление, что хотел бы стать космонавтом, отдать все свое умение, все силы, а если надо, и жизнь. Расписался и подал в отдел кадров. Прошло какое-то время, и меня послали на обследование в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь.

Самыми страшными для меня были вестибулярные обследования, когда тебя качают, крутят, заставляют вертеть головой. Кого-то мутит, кого-то рвет, кто-то останавливает качели. Маленькая центрифуга нас сначала в ужас приводила! И я все жду, когда меня спишут. Давление у меня, как у космонавта: 110 на 65, 120 на 70. И вдруг мне в сотый раз его измеряют, и оно оказывается 95 на 55. Ну все, значит, спишут, это же ненормально. Но почему-то не списывают, я прихожу к врачу и говорю, «Ну, что теперь делать-то?». Он говорит «Наплевать и забыть».

Я понял, что легче пройти испытание, если взять себя в руки, если настроить себя на прохождение. Я не знаю, что там делается в организме, но вот сосредоточишься, настроишься – и проходишь то, что по идее даже пройти бы и не смог.

У меня выработалось правило: я никогда не интересовался, что у меня там внутри. Другие ребята, скажем, при анализе почек засыпали доктора вопросами: «А что там такое? А почему такой коэффициент? А почему вот так?» Мне казалось, что это копание, не способствует прохождению, и поэтому мой стиль другой. Какое бы испытание ни было, я просто спрашивал, прошел или не прошел. А в детали не лез и только видел, как мне ставят букву «N» – норма. Значит, прошел испытание…

И вдруг однажды обследуют глаза. Один аппарат, другой, третий. Пишут: норма, норма, и вдруг на тебе, трихромат! На трахому похоже, неизлечимая страшная болезнь. Ясное дело, спишут, значит, надо то ли разобраться, то ли подлечиться. Я бегу в институт Гельмгольца, прошу обследовать. Естественно, я не говорю, что я прохожу комиссию на космонавта.

Окулисты меня всячески обследовали – и говорят: «Да здоровые у тебя глаза, хорошие». Я даже видел самую нижнюю строчку в таблице, хотя достаточно и третьей. Я попросил еще раз меня проверить на другом аппарате. Они проверяют, все нормально. Наконец, говорят: «Слушай, чего ты от нас хочешь? Чего пришел?». – «Знаете, мне на обследовании диагноз поставили» – «Какой диагноз? У тебя все нормально» – «Трихромат». Они захохотали, я-то думал, трихромат это трахома,

а слово «трихромат», оказывается, означает, что я три основных цвета различаю нормально. Поставил бы врач «N», я бы не чувствовал, что вот проходил-проходил – и на тебе, списывают… Не совался бы в институт Гельмгольца. Врачи, конечно, посмеялись и выгнали меня.

Целый месяц мы жили в этом самом госпитале, который больше походил на тюрьму. Нам пришлось выдержать около восьмидесяти испытаний. Подчас не просто тяжелых, а жестоких. Так, например, чтобы провести дополнительные исследования, в мочеиспускательный канал вводили катетер. Эта процедура невероятно болезненная. После нее у мужиков еще пару недель подштанники были в крови. У нас забрали одежду и выдали больничные пижамы. Кроме того, отняли бритвы, чтобы никто не смог вскрыть себе вены, и ремни, чтобы не вешались…

Одно из медицинских обследований и испытаний. Всего их было около 80-ти. Трудных, жестких, часто противных, иногда жестоких. И каждое из них могла решить твою судьбу – быть или не быть космонавтом

Я был уверен, что не стану космонавтом именно из-за здоровья, подорванного войной. Ведь два года моего детства прошли в фашистской оккупации, вокруг был голод, холод и антисанитария – откуда тут здоровье?! Я и простужался частенько, и чувствовал легкие боли то в ноге, то в плече. Я не был суперменом.

Правда, спортивная подготовка у меня была для ученого очень неплохая. Я был заядлым автомобилистом и вскоре стал кандидатом в мастера по автоспорту. Гонял на мотоциклах, что впоследствии чуть не сыграло в моей судьбе роковую роль. Много занимался подводным плаванием, подводной охотой. Всерьез увлекался горнолыжным спортом – вплоть до семидесяти лет не бросал этого увлечения. У меня были разряды по планеризму, по самолетному спорту, по стрельбе из винтовки и пистолета и разряд по парашютному спорту. И все-таки к своим физическим возможностям я относился скептически.

И меня едва не забраковала медицинская комиссия! Врач Брянов тестировал нас, будущих космонавтов, на вестибулярную устойчивость и просил: «Не бойтесь говорить о своем состоянии всю правду! Я вас не заложу, это нужно для науки. Я пишу диссертацию». Я называл эти процедуры «вестиблюйными испытаниями». Кстати, потом я заметил, что нередко те, кто с трудом проходит испытания на «вестиблюйную» пробу, – в космосе чувствуют себя вполне нормально.

В ответ на призыв Брянова все, конечно, помалкивали, а я, наивный, выкладывал, как есть. Что подташнивает, что есть неприятные ощущения, есть боли. У меня уже тогда был принцип – не врать. К тому же он сказал, что это необходимо для науки, для диссертации, я и старался. И в итоге получил от Брянова отрицательный отзыв.

Он написал, что я не высидел пятнадцати минут на вращающемся стуле. Коллеги сказали: «Тебя списывают». Спасла меня старшая медсестра: пока Брянова не было в лаборатории, она провела еще один тест и результаты занесла в протокол. Я просидел на «куке» – вращающемся стуле – больше часа (в сумме: вращение + отдых), перекрыл все нормы. Пульс остался на семидесяти двух! И, когда Брянов на комиссии сказал, что меня надо выгнать, я попросил медсестру показать последний протокол. Он-то меня и спас.

Почти двести человек из нашего конструкторского бюро пытались пройти комиссию. Но на вестибулярных пробах больше половины завалились. Надо было высидеть на качелях 15 минут, а уже через 5–7 минут человек говорил, что не хочет быть космонавтом, только бы остановили качели. Когда ты на этих качелях качаешься, то, если тебе плохо, у тебя под носом появляется белый треугольник, губы становятся белые или даже зеленые.

Был такой случай: врач видит, что испытуемый или не выдержит, или ему будет плохо. А уже шла двенадцатая-тринадцатая минута; считалось, кто столько высидел, тот и до

пятнадцати досидит. Но врач увидел, что человек бледнеет, и сказал сестре: «Приготовь тазик». Сказал чересчур громко, испытуемый услышал – и мгновенно тазик пригодился. Как мы тогда говорили, похвастался харчами.

Все складывалось не гладко. Ильей Муромцем я не был. Но настолько хотел полететь в космос, что на первой медкомиссии многие очень тяжелые для меня тесты переносил, собрав всю силу воли, через «не могу». А вот все последующие медкомиссии я проходил уже гораздо легче.

Но вот испытания позади. Позади и проверки мандатной комиссии – а это ЦК КПСС и КГБ. Я оказался в числе тринадцати отобранных гражданских космонавтов из ОКБ-1. На какое-то время нас поселили в профилактории. Среди больных мы, здоровые, молодые ребята, конечно, выделялись. А сказать, что мы – кандидаты в космонавты, было нельзя: секретность! И тогда нас представили как футбольную команду королевского КБ, которая готовится к соревнованиям.

Воспитателем у нас был легендарный летчик-испытатель Сергей Николаевич Анохин, о котором говорили, что он может выполнить абсолютно все. Он ведь и горел, и выпрыгивал из падающих самолетов. Израненный, но не сломленный боец – подтянутый, худощавый.

Так случилось, что испытывая очередной самолет, он в аварийной ситуации лишился левого глаза. Но не смирился, разработал глубинное зрение и вернулся к летно-испытательной работе. Его высоко ценил Королев, обещал ему полет в космос. И он бы полетел, несмотря на возраст и ранения, если бы Сергей Павлович прожил чуть дольше.

Он стал руководить подготовкой гражданских космонавтов, то бишь нас. Анохин делал из нас людей высоты, людей космоса, прививал нам мышление и психологию испытателей. Я иногда думал, что, если бы мне пришлось начинать жизнь сначала, с нуля – я стал бы летчиком. И, может быть, мне удалось бы оказаться достойным профессии летчика-испытателя. Космонавт полетит один раз, ну, три раза, ну, шесть или семь раз – а испытатель совершает сотни трудных полетов, в которых испытывает и себя.

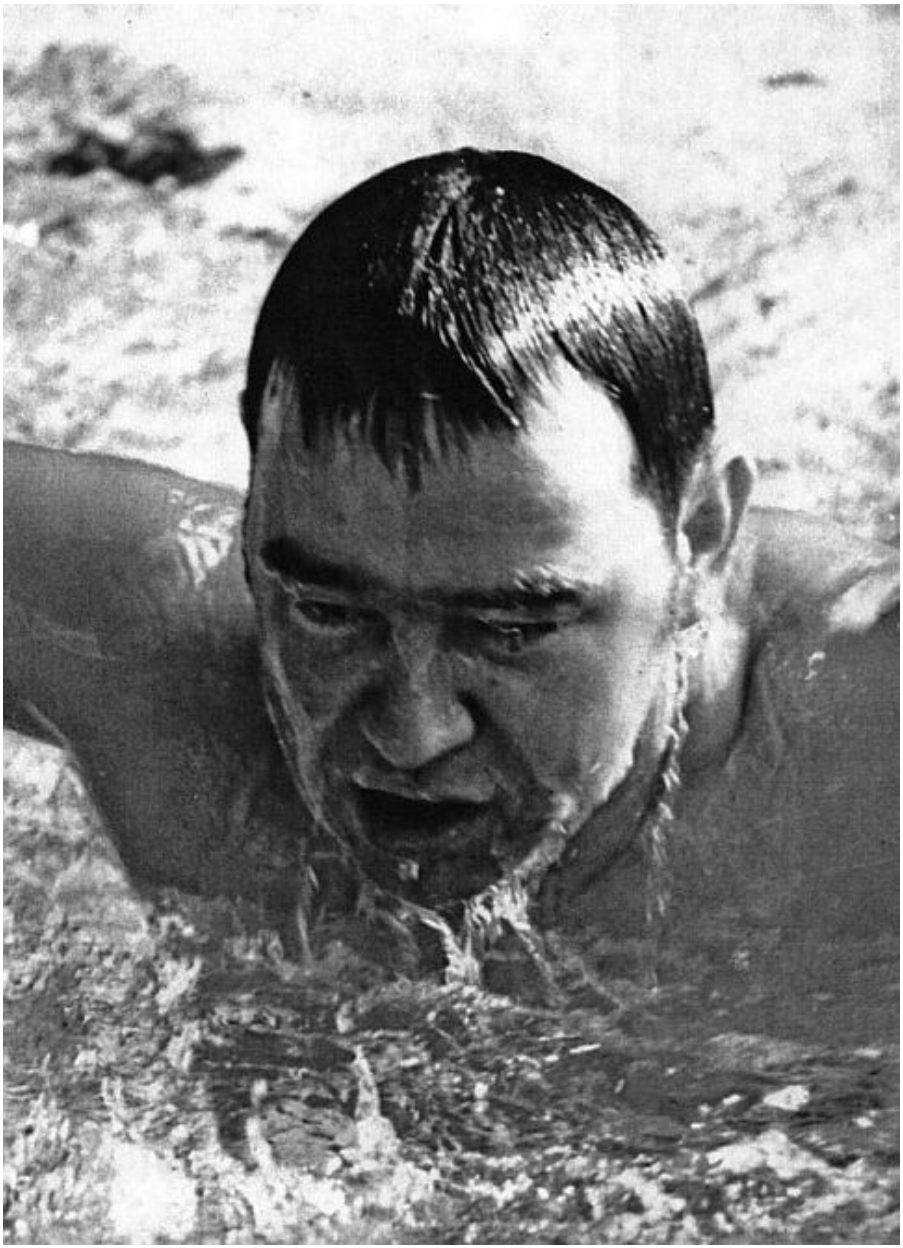
Анохин был и остается для меня примером уникального летчика-испытателя. Он такой был, если не самый лучший, то, по крайней мере, из первой пятерки.

Испытания медицинские и не только

Через два года нас, первый отряд гражданских космонавтов, послали на подготовку в Звездный городок. Там мы с военными летчиками начали готовиться вместе. Но они встретили нас не слишком дружелюбно. Однажды на тренировке в лесу около Звездного городка к нам подошли несколько летчиков и недвусмысленно дали понять, что мы очень опрометчиво поступили, решив стать космонавтами. Оказывается, не наше это дело – в космос летать. Наше дело – ракеты собирать, а не занимать их места в кораблях.

А мы выполняли наказ Королева: «В корабле не должно быть трех военных. Пусть будет один командир из военных, один бортинженер и один ученый». Вот тогда возникло это важное для космонавтики и, конечно, лично для меня слово – бортинженер. Нас спрашивали: «Зачем вы здесь? Ваше место в конструкторском бюро!»

Медицинские испытания для космонавтов в «Звездном» гораздо тяжелее, чем в ЦНИАГе. Нас дольше крутили на переносимость кориолисова ускорения (так называемый кук). Нас качали на качелях Хилова тоже пятнадцать минут. Но, в отличие от ЦНИАГа, на качелях в это время вращался стул, на котором ты сидел. Но и этого было мало докторам: они еще заставляли головой качать, а на глазах у тебя – черные непроницаемые очки. В результате создавалось впечатление, что ты уже вылетел из качелей и сейчас тебя размажет об стенку. Нам, инженерам, даже смотреть на эти качели было муторно!



Общефизическая подготовка в Центре Подготовки Космонавтов

Было и такое мучительное испытание: мы надевали зимнее меховое летное обмундирование – самое теплое, какое только бывает. И надо было просидеть минимум 75 минут в термокамере при температуре плюс 90 градусов. Это как в сауне, только гораздо жарче. Если за это время температура тела не повысилась на два градуса, то заставляют сидеть еще. Врачам важно узнать,

как твое тело сопротивляется нагреву – на случай, если в полете откажет система терморегулирования и температура значительно повысится.

После того, как я высидел 75 минут, мое тело, как назло, продолжало держать температуру. Я решил: хватит, испытание я прошел, даже с запасом, но так можно вывести из строя организм. Еще полчасика в термокамере – и можно не только с космосом, но и со здоровьем проститься.

А у меня градусник во рту торчал, и я стал потихонечку подсасывать горячий воздух. Поднял температуру до необходимых двух градусов – и конец мучениям. А что такое два градуса? Если тебя сажают туда с температурой 36,6, значит, нужно, чтобы было 38,6, а это температура больного человека.

Но это были еще цветочки. Потом против нас, гражданских, развернули «химическую» и «бактериологическую» войны.

Началось с того, что вдруг у одного нашего парня в анализе мочи обнаружился белок, а это повод для списания космонавта. У нас был знакомый врач, мы с ним договорились, что вместо нашего товарища, у которого нашли белок, анализ сдаст другой, абсолютно здоровый парень. И что вы думаете? В новом анализе опять оказался белок! А это означало, что кто-то подменяет результаты анализов. Так вскрылась эта химическая война…

Однажды меня под руки вывели с занятий и заперли в палате для инфекционных больных. Я не понимал, что происходит, и тогда мне объявили, что у меня на шли редкий смертельный микроб, якобы завезенный из Экваториальной Африки.

Меня и моих близких надо было срочно изолировать. Нас привезли для обследования в институт, который занимался тропическими болезнями, взяли кучу анализов… И ни одного микроба не обнаружили! А когда доктора из Центра подготовки космонавтов попросили показать его находку, он сказал, что давно уничтожил анализ. Дескать, не мог держать смертельный тропический микроб в Центре.

Юрий Гагарин и Владимир Комаров были в отряде в числе немногих, кто встретил нас замечательно. Оба всегда старались помочь в том, в чем они, военные, были сильнее нас.

Позже я узнал Андрияна Николаева – еще одного потрясающего человека из числа первых космонавтов. Не было задания, которое бы он не выполнил. Не было долга, который бы не исполнил. Не было друга, которому бы он изменил. Его выдержка меня восхищала. Они с Севастьяновым вернулись из труднейшего 18-суточного полета в тесном, как «Жигули», корабле. От невесомости тогда практически не защищали! И когда врачи попросили космонавтов просто постоять на ногах, то

напарник Николаева упал. А Андриян устоял. Он был весь белый, бескровный, но стоял. Он умер бы, но стоял. Вот такой это был человек. Когда мы проходили тест на запоминание слов – нужно было запомнить семь из десяти. У меня как раз и получалось запомнить семь. А Андриян запоминал все десять!

Мои шансы полететь первым из нашей группы были достаточно велики. Сначала на роль бортинженера планировался инженер из КБ Туполева Владимир Бендеров. Туполев когда-то спас Королева, назвал его фамилию Сталину в числе конструкторов, которых необходимо вернуть из ссылки. Туполев мечтал, чтобы в космос полетел инженер из его КБ. Королев, конечно, не мог отказать выдающемуся авиаконструктору. Как-то Бендеров общался в кабинете с нашим руководством. Выходит он из кабинета – и сразу: «Кто здесь Гречко?». Я ответил. «Обсуждали включение тебя для подготовки в экипаже!». Я понял, что на меня серьезно рассчитывают. После испытаний на центрифуге у Бендерова нашли белок в моче и окончательно списали.

Случалось всякое. Однажды мы выехали на прыжки в Серпуховской аэроклуб, где я занимался еще до приема в космонавты. Там я был своим человеком, всех знал и меня знали. Как-то раз все мы выполнили по прыжку и ребята отправились ужинать. А я помог работникам аэроклуба собрать парашюты. К ужину пришел с опозданием, а угодил на разбирательство. Разбирали меня. Говорили, что я хотел сделать еще один лишний прыжок, чтобы получить преимущество. Упрекали в карьеризме. Но я не прыгал, я просто помогал своим знакомым ребятам укладывать парашюты. Это, во-первых. А во-вторых, у меня и так было прыжков больше, чем у всей нашей группы вместе. И один дополнительный не увеличивал моего преимущества. Более того, это был бы дополнительный риск.

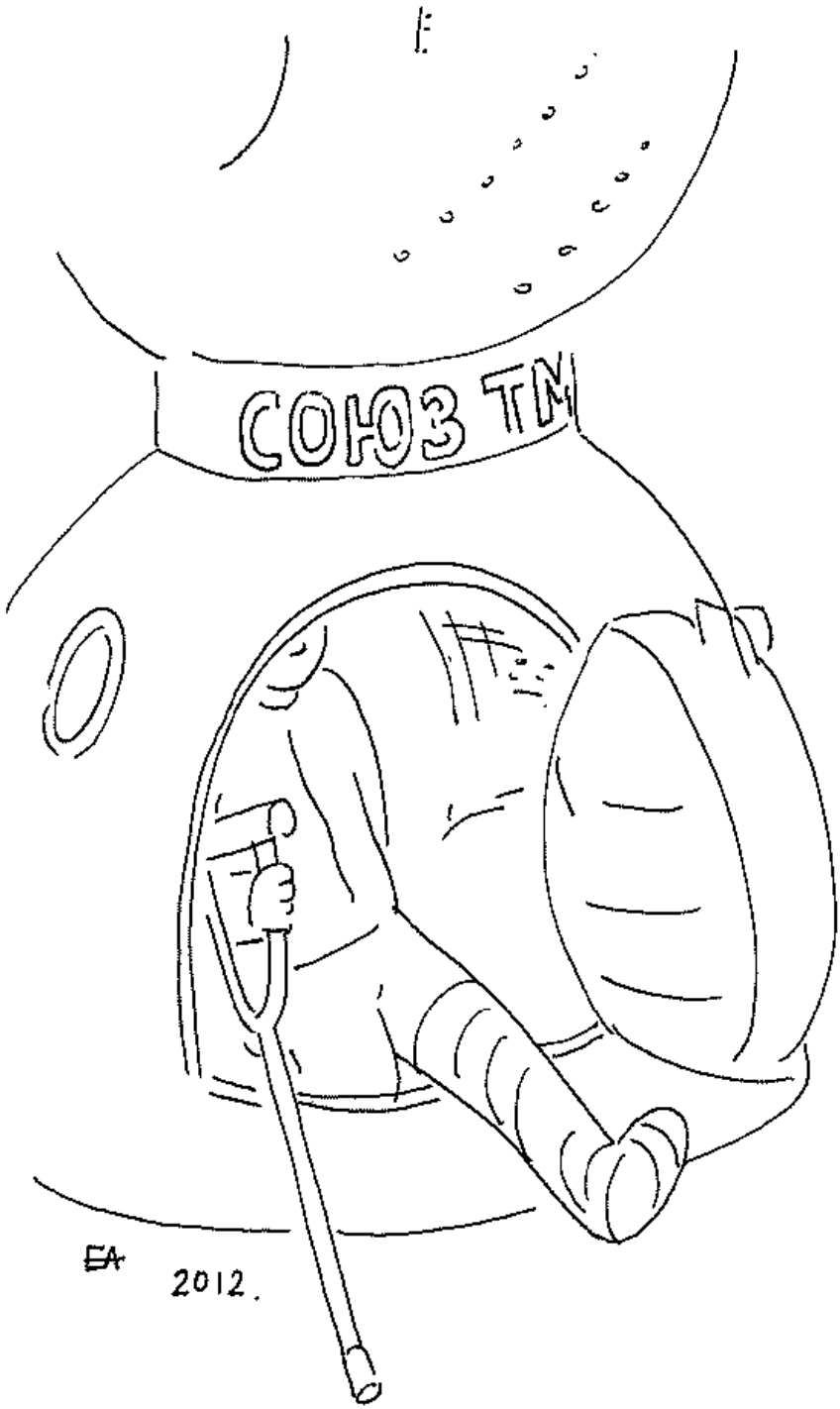
Но мои доводы никого не убедили. Против меня был настроен и Леонид Кувшинов – герой Советского Союза, фронтовик, летчик-испытатель, который курировал наши занятия. Сложилась такая ситуация: Звездный городок поддерживал мою кандидатуру. А руководители нашей группы – Анохин и Кувшинов – склонялись к кандидатуре Алексея Елисеева. Через несколько лет сам Анохин мне рассказывал, что Елисеев ходил за ним как нитка за иголкой. А Королев и его первый заместитель Мишин, конечно, прислушивались к легендарному летчику-испытателю.

Эпизод на полях:

В связи с Кувшиновым вспоминается интересный военный эпизод, который он нам рассказал. Однажды после воздушного боя Кувшинов потерял ориентировку. Во время войны можно было ориентироваться по железнодорожным станциям. Кувшинов полетел вдоль железной дороги, пролетел над станцией, но названия прочесть не смог. Тогда он посадил самолет и пешком отправился на станцию. Название станции оказалось такое: «Кувшиново».

Слом

Критический момент я пережил в октябре 1966-го, когда активно готовился к первому полету в космос. Я уже проходил испытания в барокамере. Участвовал в водных тренировках на Черном море на макете спускаемого аппарата корабля «Союз». У меня было уже 30 прыжков с парашютом, причем последние с большой высоты, с задержкой раскрытия до 40 секунд. И надо же такому случиться – ударился ногой о колышек, вбитый в землю, и сломал ногу! Закрытый перелом!



Руководитель Центра подготовки космонавтов, знаменитый

летчик Николай Петрович Каманин записал тогда в дневнике: «В субботу при выполнении прыжков с парашютом сломал ногу Георгий Гречко – один из четырех кандидатов от ОКБ-1 на полет на корабле 7К-ОК. На его счету имелось уже 30 прыжков, и в ЦПК он выполнял четвертый прыжок… Из числа кандидатов от ОКБ-1 Гречко – самый сильный, и очень жаль, что он выбыл из игры».

В госпитале им. Бурденко мне наложили гипс и оставили в палате на 22 дня. Перед выпиской я позвонил в КБ нашему руководителю и услышал ответ: «Мы тебя отвезем домой, подлечишься, на следующий год опять будешь проходить комиссию».

Это было списание, я был в отчаянии. Чувство было такое, что я вышел на вершину, о которой только мечтал. И в этот момент – обрыв и мечта разрушилась, потому что даже мои руководители сказали, что я сейчас не нужен.

Так высоко в мечте своей взлететь и тут же рухнуть на землю – это было очень больно и морально, и физически. Мир сразу раскололся пополам: вот только что я – космонавт, прыжки, скоро полет. Значит, все идет нормально. И вдруг этот мир отошел от меня, а я почти инвалид. Нога вывернута, гипс на полгода. Это как птица, подстреленная на самом взлете.

К тому же в ту же боль, общая тенденция военных была – вытеснять нас. Да и мои друзья, гражданские, тоже не очень огорчились, что я сломал ногу. Одним конкурентом меньше. Все шло к списанию.

А потом опять вмешался ангел-хранитель в лице Владимира Комарова.

Вдруг он заходит в мою палату. По сути, мой соперник из отряда военных летчиков. Он для меня тогда был небожителем: «слетавший» космонавт, грудь в орденах… А я – с костылями. Думал – «добивать» меня будет, понятное дело. Конкурент сломал ногу! А он оглянулся по-мальчишески и достал чудодейственный бальзам для сращивания костей. Изготовлен из яичной скорлупы, сока лимонов и коньяка. Средство оказалось действительно чудодейственным.

Рецепт на полях:

«Надо взять несколько десятков яиц и несколько десятков лимонов. Помыть яйца и сложить в трехлитровую банку. Выжать в нее лимоны, чтобы полностью покрыть яйца соком. Лимонная кислота

растворит скорлупу, и кальций из раствора проникнет в срастающиеся кости, Пить перед едой несколько столовых ложек. Можно и без коньяка, но с коньяком вкуснее».

Уходя, Комаров спросил: «Может, чем-то помочь?» Я говорю: «Да понимаете, помочь мне невозможно, даже мое начальство гражданское, от меня отказалось. Я бы, конечно, хотел продолжить обучение, теоретические экзамены, теоретические занятия, а нога постепенно бы срослась». – «И что?» – «Мне сказали, отвезут меня домой». И я, ни на что особенно не надеясь, добавил: «Хочу, чтобы меня отсюда повезли не домой, а в Звездный городок». И Владимир Комаров сказал: «Я попробую».

В день выписки за мной пришла машина, а в ней хирург из ЦПК Мокров. От Бурденко до Звездного – около часа езды. Весь этот час он, не переставая, твердил: «Ну и кому это пришла в голову такая бредовая идея – везти тебя, безногого инвалида, в Центр Подготовки Космонавтов. Чтобы ты там со своими костылями портил вид такого учреждения? Разве мало у нас людей с целыми ногами?!» Так говорил врач – представитель гуманной профессии. Битый час говорил!

А Комаров добился, чтобы я вернулся в свою комнату в Звездном и продолжил теоретические занятия. Кроме Комарова, помог генерал Николай Федорович Кузнецов, фронтовой летчик. Он сказал: «Вот я посмотрел, Гречко за то время, которое он у нас был, парень думающий, парень храбрый, прыгает нормально, все экзамены сдает на отлично. Нога сломана, но ведь космонавту важнее голова…» Так меня и восстановили.

Тогда как раз составляли экипажи, в которые, конечно, попали ребята со здоровыми ногами. А я со своей сломанной надолго оказался где-то в хвосте. Я не лежал на печи, как Илья Муромец в молодые годы. Изучал инструкции для экипажей, работал с приборами. Гипс у меня был от паха до кончиков пальцев.

Вопреки советам космонавта Беляева, я на костылях ходил в наш спортзал и делал упражнения. Зимой шел по льду. Для устойчивости в костылях были гвозди. Это был серьезный риск: второе падение означало бы инвалидность. Но риск оправдал себя. Когда сняли гипс – нога была тонкая и вся в струпьях, мне страшно было на нее смотреть. Но врачи сказали, что нога сохранилась хорошо. Лучше, чем можно было ожидать – во многом благодаря физическим упражнениям.

Я ходил в планетарий Звездного. Я учился определять созвездия через искусственный иллюминатор. В космосе это, ох

как пригодилось. Иногда просил ребят взять меня с собой на тренировки в учебный корабль. Внимательно за ними наблюдал. Помню, все космонавты шли мне навстречу и только один однажды сказал, что я своими костылями порчу вид Звездного городка.

Мы должны выполнять по 12 прыжков ежегодно. Я подождал, пока окрепнет нога. Первые прыжки были назначены на зимнее время. Чтобы я, на первом прыжке, оберегая ногу, мягко приземлился в снег. С третьего прыжка в тот же день я приземлился на бетон. Больно, но нога осталась целой и сомнения рассеялись. Врач мне сказал: «Ну, теперь сломанная нога в старости будет у тебя побаливать!». Мне уже за восемьдесят – и все еще не побаливает. Значит, я еще не старый! Только раньше я слышал о себе, – талантливый, спортивный, молодой, а теперь говорят: «Хорошо выглядишь».

Экзамены научно-технические и другие

Вся профессиональная жизнь космонавта – это экзамены. И в прямом, и в переносном смысле. Мы постоянно должны доказывать свою профессиональную состоятельность. Испытания начинаются на Земле, длятся долгие годы и продолжаются в космосе.

Полет на космическом корабле – разве это не экзамен? Экзамен, и сложнейший! Не столько перед экзаменационной комиссией, сколько перед самим собой. А работа на орбитальной станции – разве это не череда экзаменов? Но сначала – общекосмическая подготовка. Изучается астрономия, космическая навигация, принципы управления космическим кораблем.

А вот когда тебя назначают уже в экипаж – на конкретный корабль, с конкретной программой полета, тогда начинается уже конкретизированная подготовка. По системам именно этого корабля, по научным приборам, которые именно на этой станции стоят, по задачам, которые стоят именно перед тобой в этом полете. Создаются условия полета, условия работы на орбитальной станции.

Тогда у космонавтов много занятий на различных тренажерах, специфических тренировок в скафандрах, отрабатываются различные аварийные ситуации. Проводятся комплексные тренировки, идет постоянная учеба и постоянные экзамены. Космонавты летают месяцами, а готовятся к полетам в космос годами. У меня было три полета в космос, а экзаменов за время подготовки я сдал не одну сотню.

Первым из королевцев слетал в космос Феоктистов, за ним Елисеев. Я считал, что всех годных к полетам бортинженеров нужно было испытать в космосе по одному разу. А потом, проанализировав работу в космосе, выбрать лучшего для второго полета.

Но все сложилось иначе. Анохин хотел сделать из Елисеева «шеф-пилота». Военные продвигали для этой же роли Шаталова. За короткий срок они слетали по два раза. И вот уже казалось, что победу одерживают те, кто ставил на Елисеева. Он готовился в третий полет с командиром Георгием Шониным. Но Шонин нарушил режим, и кто-то заинтересованный его сдал. Поднялся шум, и Шонина от полета отстранили.

Кто полетит с Елисеевым? Полетел командир дублирующего экипажа Шаталов. У обоих стало по три полета… Карьера Елисеева пошла вверх, он стал заместителем главного конструктора.

Со временем принципы подготовки космонавтов устаревали. Все большее значение приобрели орбитальные станции. На космическом корабле мы находились только в первый день полета и в последние полдня. Весь остальной срок полета работали на орбитальных станциях. А при подготовке 75 % времени уделялось изучению корабля. И только 25 % станции с ее сложнейшими приборами, к каждому из которых нужен индивидуальный подход.

Мы, несколько космонавтов, обратились к Елисееву с предложением изменить такое положение вещей, больше изучать орбитальные станции. Елисеев почему-то воспринял это как критику, как вторжение на его территорию. Он стал на нас давить, заставлял взять предложения назад. «Трамбовал» и всех вместе, и каждого по отдельности. У нас все было обосновано, не меньше двадцати причин, но он и слушать не хотел.

Почти все отказались от предложений. Я не отказался. Тогда он вызвал меня в свой кабинет и возвысил на меня голос. Я сказал: «Когда со мной спорят, когда предлагают аргументы – я еще могу как-то соображать. А, когда на меня орут – я соображать перестаю». Больше никогда я не подавал ему руки.

Однажды я отдыхал на юге, и там одна гадалка предсказала мне на кофейной гуще: «С твоего пути ушел большой враг». Я вернулся в Москву и узнал, что Елисеев ушел из «Энергии», стал ректором Бауманского института. А в подготовке космонавтов, все равно пришлось больше времени уделять орбитальным станциям. Плакат с нашими предложениями до сих пор у меня хранится.

Командир + бортинженер = Экипаж

В мое время у космонавтов были две, по существу, разные должности, – командира и бортинженера. Во внештатных ситуациях нам иногда приходилось брать на себя обязанности товарища. Такие ситуации тренировками были предусмотрены. Конечно, из бортинженера не делали полностью командира корабля. И командир не мог полностью заменить бортинженера. Но в тех знаниях и навыках, от которых зависит жизнь самих космонавтов или станции, мы, конечно, друг друга подменяли.

Я летал в космос бортинженером, но я мог сориентировать корабль, мог посадить. А командир, соответственно, знает главные системы жизнеобеспечения и навигации. Так что, в космическом экипаже обязательно есть взаимозаменяемость в основных вопросах. А все полностью знать и уметь одинаково я считаю невозможно и не нужно. Слишком большой объем специфических навыков у каждого специалиста. А назначать иностранца бортинженером российского космического корабля – это, по моему мнению, просто профанация.

Профессия космонавта-бортинженера появилась не сразу. Для полетов на первых космических кораблях нужны были просто молодые крепкие летчики, потому что, собственно говоря, в корабле от них мало что зависело. Но эти полеты были очень важны для космонавтики. Первые космонавты подробно докладывали Земле о своем самочувствии и ощущениях на разных стадиях полета. Они подробно описывали, что конкретно видно из Космоса. Они проверяли на себе, как влияет невесомость.

Хотя первыми космическими кораблями и управляла автоматика, космонавты были обучены работать с ручным управлением. И могли полностью взять управление кораблем на себя в случае отказа автоматики. Так, кстати, и получилось в полете космонавтов П. Беляева и А. Леонова, когда отказала система ориентации корабля. При таком отказе двигатель, который должен был затормозить полет, чтобы они могли вернуться на Землю, мог начать работать «на разгон» и увести корабль в далекий космос. Но космонавты вручную сориентировали свой корабль и благополучно приземлились.

Космонавты-командиры владели высоким операторским искусством управления. Раньше командир очень много часов тренировался управлять кораблем. И он очень быстро и точно работал множеством ручек. Ну о том, что там внутри, за ручкой, командир имел обязательно общее представление. А бортинженер

должен был знать системы корабля более конкретно и детально. И когда что-нибудь ломается, у бортинженера больше знаний и навыков, чтобы починить.

Можно было сказать, что командир, в основном, умел эксплуатировать системы корабля, пока они работают, и немножко понимал в ремонте.

А бортинженер мог управлять кораблем похуже, чем командир, потому что у него меньше тренировок. Но он должен глубже знать, как функционирует электрическая система, системы терморегулирования, радио, ориентации, управления движением, выхода в открытый космос. И как они взаимодействуют. А в случае отказа прибора или системы, он должен быстрее разобраться, что случилось и как можно исправить поломку.

У бортинженера больше практического опыта по исправлению неисправностей, потому что он дольше этому учился и тренировался.

Психологи работали с каждым из нас по отдельности. Потом они с нами работали, когда нас объединяли в экипаж, а потом писали заключение. И был случай, когда психологи написали в заключении, что один экипаж нельзя запускать в космос. Потому что и командир, и бортинженер – высокоразвитые, знающие, профессиональные люди, но каждый сам по себе. Такой не сплоченный экипаж может справиться с программой полета, но если возникнет аварийная ситуация непредусмотренная, могут не справиться.

За неделю до полета экипаж сняли, заменили дублерами, и более того, эти космонавты так никогда и не слетали.

Когда главный конструктор Сергей Павлович Королев отбирал сотрудника конструкторского бюро для медицинского обследования, то были требования, чтобы у человека был не только опыт не менее пяти лет работы. Но чтобы о нем отзывались, как о хорошем специалисте, чтобы человек был коммуникабельным, чтобы его уважали в коллективе. Нас, первых бортинженеров, набирали не в академическом институте, где ученые работают с формулами на бумаге.

Мы все работали в конструкторском бюро Королева, то есть по своей работе уже знали корабли и устройства «вживую», а не только по чертежам. Мы знали, например, не только, что этот узел сделан из металла, а эта штучка из пластмассы, но мы могли объяснить, почему так надо. То есть у нас было больше знаний о технической стороне полетов, чем у летчиков.

С самых первых экипажей получилось, что у летчиков был один профессиональный и жизненный опыт, а у бортинженеров –

другой. Но только так и можно достичь совершенства, ведь когда каждый умеет свое, то экипаж, получается, знает и умеет все!

Мне говорят, что сейчас стерлась грань между командиром и бортинженером, что они подготовлены одинаково. Это значит, что они уже не дополняют друг друга. Мне это не нравится. По-моему, это не экипаж, где командир не отличается от бортинженера. Так же как это не семья, где не отличаются друг от друга муж и жена.

Дублеры

Дублером быть все же тяжело, морально тяжело, знаете, почему? У нас была такая система, что и дублирующий экипаж, и основной должны готовиться одинаково. Даже на старт и Гагарин, и Титов ехали вместе. Когда снимали на кинопленку Гагарина в автобусе, а в кадр попадал и Титов, то офицер вставал и перекрывал Титова. Получалось, что основной экипаж становится всемирно известным, а ты исчезаешь, тебя не было. Но ты же знаешь, что ты готов не хуже, а может, даже лучше! А у американцев всегда публиковали и основной экипаж, и дублирующий, и вспомогательный, поэтому морального такого удара никто не получал.

Вот улетел основной экипаж. Что делали дублеры? Первые дни вместе с преподавателями работали в центре управления полетами (ЦУП). А потом со временем у космонавтов на орбите работа и жизнь налаживались. И тогда дублеры получали другое назначение и готовились к другим полетам. Но иногда дублеров могли вызвать в центр управления и сказать, что у ребят в космосе такая-то проблема, а мы не очень понимаем. Дублер может прямо на наземном оборудовании показать руководителям полетами, что происходит.

Говорят, что сейчас обходятся без преподавателей и без дублеров. Дай Бог…

Тысячу раз прав психолог В. И. Лебедев: «При подготовке космонавта самое трудное – ждать». Вспоминаю ребят с Кавказа, которые нередко лучше нас проходили испытания, но психологически ломались от ожидания. Я тоже клял свою судьбу, это было очень трудно пережить. Из-за сломанной ноги целых девять лет был дублером, оказывался в третьем экипаже или в группе поддержки.

Я много раз, наверное, больше всех был бортинженером дублирующего и резервного экипажей. Это важная работа, хотя и не публичная. Нас, дублеров, не называли в официальных документах, о нас помалкивала пресса. Но в конце концов, это несчастье – мой перелом – стало для меня хотя и очень тяжелой, но наукой. В результате я хорошо знал корабль, станцию, научные эксперименты и подготовился к своему будущему полету. Несколько раз полет был близок, но вмешивались обстоятельства…

В 1970-м году мы с Анатолием Филипченко были в первом экипаже, но программу «Контакт» (это радио-техническая система стыковки, которую разрабатывали для лунного корабля) закрыли

и полет отменили.

Как-то раз я удивил наш байконурский гарнизон рыбацкой удачей: притащил сома весом в 22 кг и длиной в 180 см. Я рассказывал, как добывал такого богатыря, как тянул, как порезал руки леской. Мы с Филипченко сфотографировались с этим огромным сомом. Потом с ним сфотографировались и Николаев с Севастьяновым – первый экипаж. Во многих газетах потом вышла фотография с сомом – но, конечно, не наша, а николаевская. Одни газеты писали, что сома поймал Николаев, другие – что Севастьянов. Дублеров показывать было не принято!

На самом деле сома мне подарили солдаты, подцепившие его на мелководье напильником.

А сбылась моя мечта в самом начале 1975 года. Незадолго до этого, когда мы с Губаревым на космодроме заканчивали подготовку к полету, приехал главный конструктор Юрий Семенов. Встретил меня и с ходу спросил: «Где Макаров?»

Мы с Петром Колодиным парим в невесомости, как орлы, только гораздо выше. Один из лучших снимков, если не лучший во взлетающем и падающем, как камень, самолете

А Макаров был бортинженером дублирующего экипажа. Я понял, что нас будут менять. Макаров тогда прямо мне сказал: «Я сделаю все, чтобы полететь вместо тебя» – «Почему?» – «Я летал

всего однажды и это был очень короткий полет – меньше двух суток. Я хочу в длительный полет!». Он не учитывал, что к тому времени за девять лет работы в отряде я не летал ни разу… Но полетели все-таки мы с Губаревым.

Экипаж дублируется иногда по частям, иногда в полном составе. Был такой случай, что перед полетом Леонов, Кубасов и Колодин были первым экипажем, а Добровольский, Волков, Пацаев – вторым. И вдруг у Кубасова находят на рентгене какое-то образование в легких. Его с этим пятном в полет посылать нельзя. И тогда решается вопрос: или экипаж менять, или только Кубасова. Все-таки пришли к выводу, что надо менять весь экипаж. Полетел дублирующий экипаж – все думали: «Как ребятам повезло». А они погибли при посадке…

Очень тяжело сложилась жизнь и у Петра Колодина. Так случилось, что он уже никогда так и не полетел в космос. Судьба поставила его перед двумя вариантами, один хуже другого. Остаться в живых, но не полететь или полететь, но не остаться в живых.

Здоровье, как у космонавта

Здоровья из космоса точно не привезешь, страдают практически все системы организма. Все-таки человек жил, может быть, миллионы лет в условиях земного тяготения. Невесомость для него является фактором из ряда вон выходящим, сильно влияющим на самочувствие.

Самое неприятное, что страдает иммунная система. Потому что, можно так сказать, лечат не лекарства. Они воздействуют на иммунную систему, а иммунная система лечит. Поэтому если иммунная система выходит из строя, то же самое лекарство, которое на Земле помогало, там может не помочь. То есть защитная система космонавта страдает, это, наверное, самое опасное.

Витамины в полете принимаем ежедневно. А если заболел, то у нас есть большая аптечка, а в ней подробные инструкции, какое лекарство от чего. Да и в Центре управления обязательно дежурит врач и всегда с ним можно проконсультироваться.

Самое незначительное в космосе – это то, что страдают мышцы. Ты по земле ходишь и у тебя мышцы ног, хочешь – не хочешь, постоянно «качаются». А в космосе ты на руках «ходишь» и внутри корабля, и снаружи. А ноги болтаются, как хвост, и мышцы ног, естественно, атрофируются. Когда я летал 3 месяца, у меня на 7 см окружность ноги уменьшилась. Но мышцы можно потом нарастить на Земле физкультурой, которой я увлекался с детства.

В школьные годы, как все мальчишки, бегал, прыгал, зимой не кутался. До сих пор храню грамоту за 1-е место в стометровке и прыжках в длину. И 2-е место за прыжки в высоту, но я, помню, обиделся, что меня «засудили».

Мой девиз тогда был, как в песне:

Чтобы тело и душа были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода.
Закаляйся, как сталь.

В юности регулярно занимался утренней гимнастикой по радио, йогой и даже по системе Мюллера.

Стихи на полях:

Женщины мажутся,
Мужчины по Мюллеру мельницей машутся,
Но поздно, морщинами множится кожица,
Любовь поцветет, поцветет и скукожится.

В. Маяковский

После 70-ти лет – лечебная физкультура под девизом: «Здоровье надо не закалять, а беречь».

После 80-ти лет – беречь уже мало что осталось.

Но вернемся в Космос.

В моих полетах я меньше, чем положено занимался на спортивных тренажерах. Нарушал в этом смысле программу и предписания врачей. Командиры, они люди военные, более дисциплинированные. Они точно соблюдали режим, занимались физкультурой сколько положено.

У людей, далеких от нашей профессии, иногда складывается впечатление, что грозный всевидящий ЦУП круглые сутки следит за каждым нашим движением. На самом деле, на корабле нет никаких камер слежения за нами. Ведь космонавты не подопытные кролики! Мы сами давали специалистам на Земле сведения, кто сколько физкультурой занимался. Но я иногда, каюсь, подвирал, что сделал больше, чем на самом деле. Потому что в это время занимался научными экспериментами.

У каждого космонавта в полете есть еще нагрузочный костюм. Если кто-то летает долго, то он носит этот костюм постоянно. В костюм вшиты парашютные резины. Если в космосе расслабишься, то эти резины тебя собирают в комок, как в утробе матери. А в комке работать и есть неудобно, поэтому ты невольно разгибаешься. И получается, что ты весь полет как бы занимаешься физкультурой, тонус сохраняешь.

С прачечной в космосе лучше всего, на Земле мужчины об этом только мечтают. Поносил одежду и засунул в контейнер с мусором. А мусор вообще ни хранить, ни возвращать на Землю не надо. Мы помещали все ненужное в алюминиевые ведра-контейнеры и отстреливали их от станции. Контейнеры с мусором быстро сгорают без остатка в атмосфере.

Спускаемый аппарат тоже горит, когда спускается. Но у него очень толстая специальная обмазка, поэтому космонавты живыми-здоровыми приземляются. А ведра с мусором без защиты-обмазки сгорают, как спички. Вы видели когда-нибудь метеорит? Как он – чирк, вспыхнул, и нет его. Может, это как раз сгорело ведро с мусором!

В орбитальной станции – особый тяжелый запах.

Парфюмерией мы не пользовались, там и так запахов хватает. Все-таки наружной вентиляции, форточки в космосе нет! Есть, конечно, системы поглощения запахов и вредных примесей. Но я иногда шутил, что эти системы одни вредные примеси поглощают, а другие выделяют. Поэтому когда ты уже там прилетался, принюхался, то не чувствуешь, какая на станции тяжелая атмосфера. Но когда с Земли прилетает корабль и в станцию попадает свежий воздух, то, конечно, это две большие разницы.

Интересно, что запахи концентрируются в волосах. Даже если ты уже вроде притерпелся к запахам в станции. И вдруг случайно ткнулся носом в шевелюру товарища. То тебе бьют в нос эти запахи. А смесь запахов там жуткая. Запахи горелой пластмассы, горелой резины, от пищи, от остатков, от чего-то пролитого. В общем, запахов хватает. Но каждый ощущает их по-разному. Например, космическая туристка Ануша писала, что в космосе пахнет горелым печеньем. Очень романтическая трактовка! По-моему, скорее уж горелой изолентой, чем печеньем.

И когда на Землю возвращаешься, люк открываешь – надышаться не можешь! Какой тут воздух! Воздух нашей большой Родины – Земли.

Личное дело

Семидесятые годы… Дело шло к первому полету, к первой работе в космосе. Я был идейный, честный, с книжными представлениями о жизни. Подошел мой час лететь в космос. И тут я едва сам себя не выгнал из космонавтов. Моя первая жена – Нина Викторовна, И вот я решил, что все равно у нас с женой совместная жизнь не ладится, и если я слетаю в космос, а потом подам на развод, скажут: «Когда он был инженером, ему жена подходила, а стал космонавтом – подавай ему артистку!»

Незадолго до полета я подал на развод, мы развелись. Я это, естественно, вписал в анкету… И началось. Страшнее было, только когда мы с братом в оккупированной деревне ждали смерти. Собралась партгруппа – все коллеги, все должны лететь в космос. Многих из них я считал друзьями. Я думал, они собрались, чтобы помочь мне, чтобы меня из-за развода не выгнали из космонавтов. И какое же было изумление, когда никто ничего хорошего обо мне не сказал!

Один, он уже погиб, царство ему небесное, произнес: «Ты разводишься с женой, значит, ты предаешь жену, а значит, можешь предать и Родину!». Я обратился к другому: «Ты ведь тоже разводился! Ты меня поддержишь?» Он покачал головой: «Нет!». Я от всего этого похолодел – мы клялись в дружбе, обещали, что будем умирать друг за друга, а тут вдруг все наоборот…

А третий сказал: «Мы даем тебе выбор». Ну, тут я немного ожил. «Слава Богу, – думаю, – хоть один порядочный нашелся». А он продолжает: «Ты же, Жора, не идиот. Просто так разводиться перед полетом, конечно, не стал бы. Поэтому, ты признаешься, что у тебя есть любовница, которая от тебя ждет ребенка, и тогда мы тебя выгоним за аморалку. А если не признаешься – за неискренность перед партией». У меня не было любовницы с ребенком, я не мог в этом признаться.

И пошла страшная цепь собраний. Я цитировал на партсобраниях Ленина: «Аморален не развод, а жизнь без любви в семье». Даже цитата Ленина не помогла… Я был в отчаянии. Двадцать лет шел к цели, и сам себе ее перечеркнул.

И снова как будто чья-то рука помогла мне. На этот раз, на мое счастье, дело взял в свои руки Яков Исаевич Трегуб – курировавший нас заместитель Королева по испытаниям. Вызывает он меня к себе в кабинет, материт и заявляет: «Да ты и вправду полный идиот! Из-за того, что ты сделал, и из-за того что блеешь на собраниях, про Ленина и честь члена партии. Завтра на

парткоме, если вякнешь хоть слово, я первый от тебя откажусь». И так доложил на парткоме мое дело, что меня не только не выгнали, а даже дали неделю на отдых, из-за тяжелого морального состояния.

Якова Исаевича я всегда видел в цивильном, в штатском костюме. Но однажды при нем рассказал анекдот.

Анекдот на полях:

«Капитан должен уметь организовать работу.

Майор должен знать, где что делается.

Подполковник должен уметь доложить, где что делается.

Полковник должен уметь самостоятельно найти место в бумагах, где ему положено расписаться.

Генерал должен уметь расписаться там, где ему укажут».

Когда я дошел до полковника, Трегуб сказал: «Будь осторожен! Я генерал».

Надя Рушева

Мне с давних пор очень нравится творчество молодой художницы Нади Рушевой. Несколькими линиями она могла нарисовать портрет – и в нем было не только сходство с оригиналом, но удавалось передать и характер, и настроение. Поражал лаконизм, экономия средств: черный фломастер – и все. А какая выразительность! И герои Пушкина, и герои Булгакова, и Гамлет, и Маленький Принц Экзюпери – все оживали под ее рукой. Там была и детская наивность – и взрослая гениальность.

Признаться, я ценю в искусстве лаконичность, выразительную сдержанность. Владимир Высоцкий – мой любимый поэт и бард, я жить не могу без его песен, но как актер он не производил на меня огромного впечатления. Именно потому, что на сцене он держался несколько утрированно. Высоцкий-Гамлет бегал по сцене, бросался на стены, кричал, много размахивал руками – и мне это казалось чрезмерным. Хороший актер, но не гениальный.

А вот поворот головы Евгения Евстигнеева в роли Короля на сцене театра «Современник» не могу забыть до сих пор. Хотя больше сорока лет прошло после того спектакля «Голый король». Спектакль был буффонадный, веселый, а Евстигнеев играл очень сдержанно. И попадал в десятку. У него не получался перебор – как в картах, двадцать два.

За чувство меры преклоняюсь перед Рембрандтом. В его картинах нет ничего лишнего, все строго и экономно. Некоторые детали можно не рассмотреть, когда разглядываешь картину с близкого расстояния. А отойдешь на несколько шагов – и увидишь бокал, согнутые пальцы… Мне кажется, уникальное чувство гармонии и меры были и у Нади Рушевой. По лаконизму я не нахожу ей равных среди портретистов!

Художники не раз писали мои портреты. И что получалось? Круглое лицо, толстые щеки, прищуренные глаза, а характера не было. На одном из портретов я вышел похожим на молодого Брежнева. Правда, недавно я был на телепередаче «В нашу гавань заходили корабли», рассказывал о любимых песнях и даже немножко попел.

А у них так принято – художник Константин Мирошник за время эфира набрасывает портрет гостя передачи. И этот портрет мне очень понравился! Вот там был характер!

После передачи я решил поблагодарить художника, подошел к нему. А когда вернулся к своему креслу – портрета не было. Стащили. Передача посвящена песням, пришлось вспомнить Высоцкого: «Зазеваешься – он хвать – и тикать!». Я рассказал об

этом, чтобы стало ясно: нечасто художникам удается проникнуть в характер героя!

А Наде Рушевой и Константину Мирошнику это удавалось и удается.

Рисунки Нади Рушевой мне попались на глаза, когда я уже был в отряде космонавтов, но в космос еще не летал. В журнале «Юность» я увидел замечательные иллюстрации, обратил внимание на возраст художницы – двенадцать лет. Чудеса! У нее было удивительное понимание характеров литературных героев.

В конце шестидесятых годов рисунки Нади Рушевой полюбились многим. Она выставлялась в Москве, в Ленинграде, в Варшаве, в Дели. Появлялись новые рисунки. Несколько линий – и образ, над которым можно часами размышлять.

Писала она сразу набело, в ее душе рисунки рождались сразу законченными – оставалось только перенести на бумагу фломастером. Надя говорила: «Я их заранее вижу… Они проступают на бумаге, как водяные знаки, и мне остается их чем-нибудь обвести». Это было чудом.

Я помню, как часами под дождем стоял в очереди, чтобы попасть на выставку Нади Рушевой в музее на Волхонке. И нисколько не жалел об этом. После выставки восторженные впечатления переполняли. «Люди нуждаются в таком искусстве, как в глоточке свежего воздуха. Гениальная девочка обладала поразительным даром проникновения в область человеческого духа», – так писал академик Лихачев, не слишком щедрый на громкие слова.

И вдруг – неожиданно для нас в 1969-м году она умерла из-за разрыва врожденной аневризмы сосуда головного мозга… Как несправедлива ранняя смерть! Ей было семнадцать лет. Она мечтала работать в мультипликации, иллюстрировать книги. Но человек не умирает, пока о нем помнят.

Когда мы с Губаревым готовились к первому космическому полету, то Нади Рушевой уже несколько лет не было в живых. Мне захотелось взять в полет ее рисунок! Я нашел родителей Нади – и они пригласили меня в гости.

В гости к Рушевым – в район московских новостроек Царицыно – я поехал вместе с младшим сыном Мишей. Пятикласснику тоже хотелось «побывать у Нади». В скромной квартире Надин уголок остался неприкосновенным. Тот же письменный стол, за которым она работала, фломастеры и карандаши, та же лампа, те же рисунки на стенах.

Родители Нади встретили нас радушно. Помню до сих пор их имена – Николай Константинович, Наталья Дойдаловна. Дали нам целую кипу Надиных рисунков. Почти всю ночь мы

перебирали рисунки, чтобы выбрать для полета один-единственный. Сначала я думал взять рисунок на космическую тему – известно, что Надя рисовала космонавтов.

Но космические рисунки не произвели на нас должного впечатления. Зато, увидев Мальчиша-Кибальчиша, мы в один голос с сыном воскликнули: «Вот!» Не было сомнений: именно этот рисунок берем в полет. Мы сразу узнали Мальчиша и увидели его характер и настроение в данную минуту. Эти три линии – узнавание, характер, настроение – пересеклись. Сказку Гайдара о Мальчише я знал и любил с детства. Мама приносила мне книги Гайдара, когда писатель был еще жив. Потом он отдаст жизнь как герой, сражаясь с немецкими захватчиками на Украине, а книги останутся с нами навсегда.

Когда хмурой осенью 1991 года на политическую авансцену вышел Егор Гайдар, я подумал, как же все-таки правильно говорят, что на детях и внуках великих людей природа отдыхает.

Итак, было решено: Мальчиш полетит с нами.

Перед полетом журналисты спросили нас, что мы берем с собой в полет, кроме необходимых вещей? Первым отвечал Губарев. Он сказал: «Ничего. Не для того шесть лет Госбанк тратил на меня червонцы, чтобы я отвлекался от работы на орбитальной станции!» Вот такой максималист.

После резкого ответа Губарева мне было неловко перечислять все, что я взял в полет: несколько почтовых марок в кляссере, три книги, рисунок Нади Рушевой. Но все-таки я сказал, что беру книги и марки. По-моему, мой командир к этому относился скептически и насмешливо. Может быть, как к очередной прихоти мягкотелого интеллигента. Да не прихоть это, не причуда и, уж конечно, не суеверие! Для меня первый полет в космос был событием, праздником, и я не мог не взять что-нибудь для души.

Кому-то покажется, что для покорителя космоса это слишком сентиментальные мысли. Но мы же не роботы! Я инженер, во многом прагматик, люблю опираться на рациональную логику, но и символические начала мне не чужды. Книга в космосе, рисунок в космосе – это символы, символы человеческого духа.

А еще – книги, марки и рисунок стали праздником не только для меня. И для Ларионовой, и для Стругацких, и для родителей Нади Рушевой, и для многих ревностных филателистов эта моя «прихоть» тоже стала маленьким праздником. Книги я брал на орбиту только из уважения к авторам и к литературе, и, конечно, я их в полете не открывал. Читать книги в сравнительно коротких космических полетах – это, по-моему, недопустимая роскошь.

31 января – день рождения Нади Рушевой. Я помнил об этом в полете. И отметил этот день на календарном графике буквой

«М» – Мальчиш.

В красном уголке у нас было два портрета – фотография космонавта Владимира Комарова и Мальчиш-Кибальчиш. Они оба были героями. Оба пошли на подвиг и погибли. Рано ушла из жизни и художник Надя Рушева. «Пришла беда, откуда не ждали», – как писал Аркадий Гайдар. Глядя на этих героев, мы не думали о трагическом, а вот об их отваге и самоотверженности думали.

Весь месяц в полете они были нашими спутниками. Я считаю большой удачей, что мне пришла в голову идея взять в полет рисунок Нади Рушевой. В широко открытых глазах Мальчиша есть человечность, хрупкость, но есть и сила, стойкость. Рисунок не просто помогал нам работать в космосе, он жил рядом с нами. Мальчиш-Кибальчиш разделил с нами высоту полета, он разделил и трудности. Посадка выдалась тяжелая, нас помяло и рисунок помялся.

В московской школе, где училась Надя Рушева, есть ее музей. Сама школа – обыкновенная московская школа из двух типовых корпусов – теперь носит имя Нади. Там хранится множество удивительных рисунков. Я бывал в этом школьном музее, общался с ребятами. На копии портрета Мальчиша я написал несколько строк для школьников: «Дорогие ребята! Творчество Нади Рушевой пленило меня еще тогда, когда она была ученицей вашей школы. Мальчиш-Кибальчиш Аркадия Гайдара и Нади стал поэтому нашим спутником в космическом полете. Пусть и для вас станут примером смелость, верность Мальчиша и неустанное творческое горение Нади!»

«Зенит»

Я был 34-м космонавтом СССР. Но первым коренным ленинградцем в космосе. В моей жизни было много счастливых, удивительных совпадений. Об одном из них я вспомнил, когда прочитал в «Записных книжках» (они опубликованы) нашего прекрасного космического журналиста Ярослава Голованова такие слова: На орбитальную станцию «Салют-4» летят Губарев и Гречко. Вес научной аппаратуры около 2 тонн. Жора очень возбужден, подробно рассказывает, какая большая научная программа… Их позывной «Зенит». Жора говорит: «Это символично! Я – ленинградец, болельщик „Зенита“!»

Все правда. Болельщику ленинградского «Зенита» в первом полете достался соответствующий позывной. Я давно живу в Москве, но и сегодня радуюсь победам «Зенита», который в последние годы играет очень неплохо.

Стихотворение на полях:

Он родился в Ленинграде.
Он освоил целину.
Он тактично, мягко сядет
И за руль, и на Луну
Три полета, две защиты!
Он всемирно знаменит —
Больше игроков Зенита —
Он ведь сам в душе «Зенит»!
И «Зенит», и даже хлеще:
Он «Салют», «Чегет», «Памир»,
Он – и физик-атмосферщик,
И ныряльщик, и банкир!
Он – во всем. Он сам – как Вечность.
Касманафт Георгий Гречко!

Вадим Кузьмин, Австралия

Вообще я очень скучал по Ленинграду, пока были живы родители. Когда они умерли – город для меня наполовину опустел. Но остались друзья, любимые места. Одно из них – на Загородном проспекте, где я вырос. Там раньше был кинотеатр

«Правда», а теперь джазовая филармония. Там выступает «Ленинградский диксиленд», который я очень люблю. Мой восьмидесятилетний юбилей друзья из «Ленинградского диксиленда» превратили в музыкальный праздник для меня и моих гостей.

Глава 5. Летчик-космонавт на Салютах-4, 6 и 7

На Салюте-4. Приметы и «Белое солнце пустыни»

Иногда говорят, что этот фильм – добрая примета космонавтов. Думаю, здесь дело посложнее. Традициями и суевериями феномен нашего любимого фильма не объяснишь.

Приметы, между прочим, срабатывают не всегда. Например, я собираюсь на парашютные прыжки и разбиваю зеркало. Но 12 прыжков выполнил, и все было в порядке. А через год – никакого зеркала не разбивал, но сломал ногу.

Перед полетом мы надеваем скафандр. До взлета проходит много часов. Американцам проще – у них памперсы. А мы, когда едем на старт, и уж последний поворот на дороге – выходим, расстегиваем скафандры, и – мальчики направо, девочки налево. Есть примета, что колесо автобуса не должно остаться сухим. Но это не примета, а медицинский факт.

А в ночь перед полетом смотрим кино, «Белое солнце пустыни». Этот фильм настраивает тебя как камертон. В космос нельзя идти зажатым. Но нельзя идти и с чувством: «Мне все по плечу, я сейчас совершу подвиг».

А как посмотришь «Белое солнце» – настроишься, все в порядке будет!

В последнюю ночь перед полетом, перед сном просто необходимо посмотреть кино. Необходимо успокоиться, отвлечься от мрачных мыслей, от тревоги. Когда медики посоветовали перед сном смотреть веселый фильм – выбор пал на комедию Георгия Данелия «Тридцать три».

Там у героя по фамилии Травкин, которого играл всеми любимый артист Леонов, по ошибке находят тридцать третий зуб. Его принимают за марсианина, потом – даже запускают в космос. Он проходит медицинские процедуры и летит на Марс. Все это, конечно, преподносится в юмористическом ключе. Остроумный фильм, местами – язвительно сатирический.

Некоторое время ребята смотрели его перед полетами. Мне там запомнился один эпизод. Перед полетом Травкин говорит: «Мне надо посоветоваться с семьей!» Его на черной «Чайке» привозят к жене, которая развешивает белье. Жена с размаху бьет его мокрым полотенцем по лицу. И Травкин резюмирует: «Семья согласна!»

Но, когда появилось «Белое солнце пустыни», то уже «Тридцать три» смотреть не стали. Не прижились и такие яркие, казалось бы, беспроигрышные комедии, как «Бриллиантовая

рука» и «Ширли-мырли». Оказалось, что нужна не комедия и не трагедия, а именно такой фильм, какой получился у режиссера Владимира Мотыля. И фильм «Белое солнце пустыни» смотрят на космодроме много лет.

Мы смотрим, как Сухов идет по пустыне и встречает врагов, как он себя ведет. Ты знаешь, что в космосе тебя ждут и перегрузка, и невесомость, и опасность, которая может быть даже смертельной. И ты учишься у красноармейца Сухова, как надо себя вести в опасной ситуации. Не терять присутствие духа, надо сопротивляться до конца, при этом нельзя терять чувство юмора. Этот фильм задает некую линию поведения, учит одновременно не зажиматься и не лихачить. И мы настраиваемся на сложную коллективную работу. В детстве я читал книгу Сергея Колдунова «Ремесло героя». Героизм это действительно ремесло. Профессионализм не терпит суеты, нужны хладнокровие, выдержка, как у Сухова.

Сначала фильм не выпускали в прокат, потом его случайно посмотрел Брежнев. Ему картина понравилась и ей дали зеленый свет. Когда мы, космонавты, стали рассказывать, как много значит для нас этот фильм, то режиссеру Мотылю и актеру Кузнецову присудили Государственную премию.

Говорят, был случай, когда экипаж не посмотрел «Белое солнце пустыни». Сколько у них потом различных внештатных ситуаций случилось в космосе! Как никогда раньше. Я думаю, это совпадение… Но после этого случая мало кто решается нарушить обычай. Отправляться на трудное и опасное дело нужно в определенном настроении. Ни один фильм так не настраивает на нужную волну, как «Белое солнце пустыни».

Поехали на работу!

В космосе надо не летать, а работать. Если Гагарин сказал перед стартом: «Поехали!», то я сказал: «Поехали на работу!» Гагарин был прав: тогда нужно было «поехать» в неизвестность, сделать первый шаг, доказать, что человек может попасть в космос. А в мое время важнее была исследовательская работа. И я всегда старался работать хорошо. Вот сейчас я сыну говорю: когда серьезное дело делаешь, ты должен вставать с этим делом, ложиться с этим делом, во сне думать об этом.

Сотни раз мне задавали вопрос: «Что чувствует космонавт в момент старта?» Пожалуй, точнее всех ответил на этот вопрос космонавт Константин Петрович Феоктистов. Он сказал, что почувствовал облегчение. Бывали случаи, когда один экипаж дважды сажали в корабль и потом «вынимали», и только на третий раз они летели. И у американцев так бывает. Эта неопределенность – что-то случилось, сегодня высадили обратно, а завтра ты вывихнул ногу, простудился, и уже никогда не полетишь. Поэтому взлет – это облегчение, наконец-то закончилась эта неопределенность, и ты едешь на работу.

Гагарину, конечно, было тяжелее. А я космонавт номер 34. У меня и на машине номер 34 – чтобы не забыть, каким по счету советским космонавтом я был. Я 30 раз слышал от других космонавтов, какие перегрузки, какие вибрации, на какой секунде что происходит. Плюс, я был хорошо тренирован физически, и те небольшие перегрузки – они игрушечные для профессионала. А потом открывается окно в космос, и большая радость наступает. Поэтому, как это ни странно, ты не боишься и не страдаешь, а радуешься.

Кроме облегчения, после первого старта чувствуешь небольшое разочарование. Ты много лет готовишься, потом садишься в ракету на Земле… А потом проходит 10 минут – и ты уже в космосе. И наступает тишина. Чтобы понять, что происходит, мы обычно что-нибудь перед собой вешали на веревочке, у меня, например, куколка была. Сначала эта веревочка натягивается. Потом эта куколка прыгает, раскачивается, а наступает невесомость, и она плавно начинает летать…

Первый раз бережешься. Нельзя крутить головой, надо все делать очень плавно, поворачиваться вместе с туловищем. Глазами лучше не водить, иначе можно себя загнать в тошноту или даже в рвоту. Кажется, что тебя перевернуло головой вниз.

В состоянии невесомости я чувствовал легкий дискомфорт.

Когда становилось не по себе – я обычно возвращался в кресло, затягивал себя ремнями, создавая «тяжесть», минут 10 так лежал, и все проходило. Все по-разному переносят невесомость. Процентов 90 космонавтов привыкают в течение нескольких часов, одного дня. Легкое подташнивание, легонькое укачивание, думаю, у большинства было. Ведь отбирали очень строго по вестибулярной устойчивости, потом тренировки.

И все же не все соответствует реальной космической невесомости. Поэтому некоторые люди страдают несколько дней. Причем не просто тошнота или головокружение, а сильная рвота. Они ничего не едят, и непонятно, чем их бедняг рвет. Но, в конце концов, через два-три дня все приходит в норму. А, может быть, 5 % космонавтов на невесомость никак не реагируют – им хорошо сразу. Таким был Валерий Федорович Быковский, наш космонавт номер пять. Он раньше всех полетел в космос из ныне живущих советских космонавтов. Быковский всех удивлял своим стойким восприятием невесомости.

Обед в невесомости. Еда закреплена на подносе резинками. Я любитель попить кофе с сыром. В невесомости я пил кофе из пластикового мешочка с сыром из консервной банки

По расписанию на станции, как на Земле, полагается завтрак, обед, ужин, 8-часовой сон. Обязательно – два часа физических упражнений. Но мы – ученые, люди немного сумасшедшие. Поэтому, если у меня шел какой-нибудь очень интересный эксперимент, то я не делал зарядку, не ел… Вот и называли иногда меня на Земле неуправляемым космонавтом…

Помню, когда у меня был загруженный день. С утра вскочил,

сразу на работу, а чтобы перекусить – шоколад в карман. А вечером смотрю – шоколад так в кармане и лежит нетронутым. Нарушение? Это нехорошо, конечно, нарушать режим. Но я знаю свои силы, и знаю, что на Земле меня ждут хорошие доктора, которые меня откачают. Все три мои полета прошли успешно, а значит, излишнего риска я не допустил.

После короткого полета (неделя, десять дней) никакой адаптации нет – выспался, отдохнул и все. А после многомесячного полета, даже спать тяжело. Привыкаешь спать, есть, ходить заново. Что касается самочувствия, то где-то через месяц, кажется, что ты адаптировался. Но анализы обычно показывают, что организм пока не пришел в норму, на это требуется 2–3 месяца. Та к было после моего первого месячного полета и после длительного полета вместе с Юрием Романенко. Но сейчас речь о первом полете.

Я взял с собой в полет марки с изображением Королева, портрет Комарова. Если бы не было Королева, я не пришел бы в космонавтику. Если бы не было Комарова, меня бы исключили из отряда со сломанной ногой. Вы уже знаете, что я взял и рисунок Нади Рушевой. А еще – три книги. Две на русском языке, одна – на английском. «Трудно быть богом» братьев Стругацких, сборник Ольги Ларионовой с повестью «Леопард с вершины Килиманджаро» и Грэма Грина – «Наш человек в Гаване».

Эту книжку, побывавшую в космосе, я потом, когда мне посчастливилось встретиться с Грином, ему подарил. Почему я взял с собой книги? Конечно, не для того, чтобы читать. На это в космосе нет времени. Это был символический жест благодарности писателям, литературе, которая меня воспитала.

Моим командиром в полете был летчик Алексей Губарев. Мы с ним долго вместе готовились, тренировались – и в дублирующем, и в первом экипаже. Мы ровесники, Губарев на пару месяцев меня старше. Оба долго ждали своей очереди на полет.

Мы были очень разными людьми. В опубликованном дневнике Ярослава Голованова есть свидетельство: «Губарев говорит, что Жора Гречко, который собирается с ним лететь, парень хороший, но „чересчур интеллигентный“. Представляешь, он говорит мне на тренировке: „Леша, сделай, пожалуйста…“. Я ему объясняю: „… твою мать! Пока ты произнесешь свое „пожалуйста“, мы же 20 километров пролетим!“».

Губарев был настойчивый, по-народному смекалистый, прагматик, крепко стоявший на земле. Кое-чему я у него научился: например, Алексей любил говорить: «Загад не бывает богат».

Нам нужно было прожить и проработать месяц в 90-кубометровой станции, заполненной научной аппаратурой. Пожалуй, самой важной целью нашего полета был эксперимент с орбитальным солнечным телескопом ОСТ. Это был огромный приборище, внести его через люк в станцию было невозможно. Поэтому его встраивали в конструкцию станции, как коническую колонну. Создали ОСТ в Крымской астрофизической обсерватории. Аналогов такому космическому телескопу в мире не было. Это был не первый, а четвертый экземпляр. Но до сих пор ни один ОСТ на станции не работал.

В первом телескопе заело крышку – и ребята со станции Салют-1 не смогли его использовать. Два следующих телескопа оказались на станциях, которые не эксплуатировались. Случилась беда: станция вышла на орбиту, но через полтора часа баки с горючим, рассчитанным на длительную работу, оказались пустыми. Станция вошла в автоколебания – и истратила горючее. Вместе с ней, увы, пропал и драгоценный телескоп.

Знаю, как переживали в обсерватории! Тут и моральные, и материальные проблемы: сметы, оплата работы смежников… И все-таки они героическими усилиями сделали четвертый телескоп. Я тогда пошутил: «Знаю, у вас не осталось материала на новый телескоп. Вы его смастерили из консервных банок и стеклянных бутылок!» После полета я подарил Андрею Владимировичу Брунсу (научному руководителю группы, создавшей телескоп) зеркальце от моего скафандра: «Именно этого зеркальца не хватило в твоем телескопе!».

К счастью, уникальный фильтр для телескопа должны были привозить космонавты с собой, и он не погиб в предыдущих полетах. С ним мы тренировались на Земле и взяли его на нашу орбитальную станцию.

Когда мы прилетели, открыли крышку телескопа, проверили визир и тут же направили ось телескопа на Солнце. Зеркала должны были поймать Солнце и отслеживать, независимо от колебаний станции. Можно было направить телескоп, например, на солнечные пятна, на протуберанцы, на «волокно». Спектрограмма шла (а точнее – должна была идти) от самых энергичных событий на Солнце.

Оказалось, что зеркальца не работают, щель, которая должна записывать спектр, не может удерживаться на объекте. Получить научный результат невозможно.

Выход в открытый космос не предполагался, у нас для этого не было скафандров. Что ж, нужно было, не покидая станции, заставить неработающий телескоп заработать. Для этого я должен был сопоставить, где находится солнце на визире и где в конусе

телескопа. От конуса до визира было расстояние метра три. Я заглядывал в оконце-иллюминатор на конусе, просовывал голову, царапая нос и лоб. ЦУП настаивал, чтобы я прекратил работу с телескопом. Сломался – так сломался, починить его невозможно. Нам не рекомендовалось тратить на это время. Но я не отходил от телескопа.

А. Губарев в своей книге вспоминает обо мне: «стала проявляться нервозность, иногда даже различие в оценке одного и того же события. Скоро заметил, что Георгий стал еще более резок, взвинчен, чего никогда не было. Ситуация складывалась не лучшим образом. Но оба мы старались побороть новое состояние. Приходилось как-то сглаживать острые углы, прощать, мириться с отклонениями в поведении партнера».

По правде говоря, все было иначе. Наша размолвка не была связана с напряжением в полете. Я бы и на Земле, в обычных условиях, реагировал так же! Потому что это принципиальный, а не досужий вопрос. Дело было так.

Я увидел через конус телескопа, что изображения Солнца подползает к визиру. Мне нужно было срочно узнать – где оно на визире? Я не мог одновременно смотреть внутрь телескопа и на визир. А Губареву было достаточно повернуть голову, опустить глаза. Такой шанс может больше не выпасть! Я попросил его посмотреть, но он не отвлекся от еды и даже сказал мне: «Ты помрешь со своим телескопом, а я стану героем Советского Союза!». Вот тут я и накричал на него.

Он прагматик, у него были свои резоны: Губарев считал, что я суечусь бессмысленно, выпендриваюсь. В какой-то мере его можно понять, он не верил в результат. ЦУП же сказал, что починить телескоп не удастся. Говорят, в американских уставах космонавтов прописано, что командир имеет права до рукоприкладства. У нас такого, к счастью, не было. Я как человек гражданский не находился в прямом подчинении у командира. А в исследовательских делах был опытнее.

Я не понимал где зеркальца. Нужно было выставить их по оси телескопа. Тогда датчики точного наведения захватили бы луч и удерживали его. Я их не видел, но слышал. Слышал двигатели зеркал. Я принялся давать команды на зеркальца и прослушивать. Двигатель одного зеркальца я засек невооруженным ухом. Второе не поддавалось.

В Военмехе нас учили прослушивать дизельный двигатель через палочку. Я вспомнил те уроки. Что у нас было на борту? Палочек не было. Но было кое-что получше: фонендоскоп, медицинский аппарат для прослушивания больных. Фонендоскоп куда лучше палочки. Это была находка!

Я стал прослушивать телескоп и наконец услышал звук второго моторчика – очень тихое жужжание. Я измерил время движения зеркальца от одного упора до другого. Поделил этот результат пополам и тем самым определил момент, когда оно находится в среднем положении. Выставил оба зеркальца по оси, включил телескоп. И начал ловить случайное прохождение солнца по визиру.

Однажды даже пошел на махровое нарушение всех инструкций: внештатно включил двигатели ориентации. Мы не имели права на расход топлива по своему усмотрению, а я на это пошел. Двигатель заработал, станция чуть-чуть повернулась. Губарев что-то услыхал, навострился, но я нарочно сел на визир. Мы иногда туда садились, это было удобное местечко. Я что-то соврал о причинах шума.

Я пошел на это лукавство только для того, чтобы, если нас будут пропесочивать за самовольный расход топлива, его бы не наказали. За все отвечал один я, и это было бы справедливо. И вот на четырнадцатый день работы зеркала схватили Солнце!

Я порадовался, но… очень скоро этот режим сорвался и опять зеркала куда-то ушли. В отчаянии выключил и включил телескоп. Повезло! Заработало! Начинать сначала мне бы наверняка не дали… Да и времени не было.

Телескоп начал работать на славу, с Земли таких результатов получить невозможно. Я снял в ультрафиолете спектральные характеристики активных образований на Солнце – протуберанцев и пятен. По нашим данным были просчитаны температуры, скорости во внешней короне Солнца, степень ионизации. И скорость, и степень ионизации оказались выше прежних предположений. Все последующие экспедиции работали по нашей методике.

После меня с этим телескопом на «Салюте» работали Севастьянов и Климук. Крымская обсерватория, а вместе с ней и вся советская наука, получила данные, на семь лет опередившие Соединенные Штаты. А мне объявили выговор «за нарушение режима труда и отдыха». За то, что, вводя ОСТ в действие, я работал больше, а отдыхал меньше положенного по программе полета.

Награда за «лечение» телескопа пришла неожиданно, через несколько лет. Меня вызвали в Дом Ученых. Оказалось, что астроном Черных нашел новый астероид и предложил Астрономическому союзу присвоить ему мое имя. Астрономический союз мою кандидатуру одобрил. На торжественном заседании в Доме Ученых я спросил Черных: «Почему именно я? Я далеко не самый заслуженный человек в

нашей стране!». Черных ответил: «Потому что мы помним, как ты спас телескоп!». Так что моим именем названа не только самая вкусная каша, но и астероид, на котором я предлагаю отдохнуть нашим космонавтам во время полета за Марс. Добро пожаловать!

Сон и женские голоса

В первом полете был случай, когда в Центре управления полетами меня едва не сочли сумасшедшим и не вернули досрочно на Землю.

Встаю утром, командир Алексей Губарев спит, хотя ему по расписанию надо выходить на связь первому. А мне бабушка всегда говорила: «Спящего будить грех». Я ушел в другой отсек и стал вести связь с Землей вместо Алексея, прикрыв микрофон руками. Только я не учел, что от этого тембр голоса меняется. В ЦУПе сидит специалист, который голос раскладывает на 19 характеристик и выводит состояние человека. В моем измененном голосе ему послышалась некая угроза.

Он спрашивает, почему не вышел на связь командир? А я, большой любитель драматургии Пристли, многие фразы из его пьес помнил наизусть. В пьесе «Скандальное происшествие с мистером Кэттлом и миссис Мун» у героини спрашивают: где мистер Кэттл и как он себя чувствует? А он еще не проснулся. Она отвечает полицейскому: «Лучше быть не может».

Я это вспомнил и не смог удержаться от цитаты. Прозвучало из-за прикрытого микрофона чуть ли не с издевкой. Они услышали странную фразу, произнесенную странной интонацией. Тогда этот специалист доложил, что Гречко полусумасшедший, а за жизнь командира он не ручается. Срочно собрали руководство, решили сажать корабль. Командир проснулся, начали работать, ни о чем не подозреваем. Вдруг – связь с Землей, чувствуем какое-то напряжение в ЦУПе.

У них еще и другие подозрения были. Дело в том, что перед этим я решил проверить надежность кораблей связи. Они стоят в океане для того, чтобы в случае экстренной посадки рассчитать, где ты садишься, и направить туда поисковую группу. Я подумал: вот мы летаем-летаем, а интересно они хоть нас слышат или нет. Можно на них надеяться-то в аварийной ситуации? Вышел самовольно на связь с кораблем. Там ответили, какая-то женщина пожелала хорошего полета. Мы ей свидание назначили на Земле.

И тут в ЦУПе спрашивают, что у нас происходит. «Ничего плохого, – радостно говорю. – Более того, вот уже две недели летаем, и первый раз услышали женский голос!». А женщины в то время никогда на связь не выходили. ЦУПу все понятно – командира убил, сам сошел с ума, и ему еще женские голоса мерещатся. Надо сажать.

Спас старый психолог, он спросил, какая у меня реакция на женский голос. Я говорю: «Очень приятная, все-таки две недели

не слышали». Он сказал: «Если мужику приятно слышать женский голос, значит, он не сумасшедший. Пусть летает дальше». И полет, который журналисты назвали «фантастически удачным», продолжился.

Пожар

Из нештатных ситуаций первого полета как не вспомнить про пожар на орбитальной станции.

Я сидел за пультом управления, а когда обернулся, станции не увидел – все было в дыму! Конечно, стало страшно, хотя нас готовили к пожарам. Обучали как: «Это огнетушитель, вот эту чеку дернул, на курок нажал, струя пены выскочила, все погасила. Понятно?» – «Понятно!». На этом занятие заканчивалось.

А я человек немножко нудный и въедливый, говорю: «А вот мне непонятно». – «Что тебе непонятно? Чего дурака валяешь?» – «У меня вопрос. Если я погашу горящий прибор, пена не выведет из строя соседние?». И директор Института пожаротушения говорит: «Нет-нет, мы проверяли – эта пена не может повредить электронику». Я предлагаю: «Хорошо, давайте попробуем разрядить этот огнетушитель в ваш телевизор!» – «Нет, нельзя!» – «А в телефон можно?» – «Нельзя!» «Ну, – думаю, – все ясно».

Поэтому, когда начался настоящий пожар, я к огнетушителю даже не прикасался. Тушил пожар по-своему! Помогло умение нырять с трубкой и ластами. Я надышался как следует (это называется «гипервентиляция») и, задержав дыхание, вплыл в невесомости в этот дым и стал искать источник возгорания. Если бы я хоть раз вдохнул дым горящей пластмассы, второго вдоха уже не было бы.

Я все-таки нашел и выключил загоревшийся прибор. По инструкции надо было гасить пламя огнетушителем и выключить вентилятор, который я, наоборот, включил, чтобы дым вытянуло. Конечно, сейчас рассказывать об этом спокойно: храбрец! А тогда было страшно. Ведь не выпрыгнешь: 350 километров до Земли.

Страх

Страх мы оставляли на Земле еще до того, как пойти в космонавты. Я много тренировал себя – и на горных лыжах катался, и под водой плавал, и участвовал в соревнованиях по автоспорту. Однако делал и глупости: ходил по узкой железной балке на высоте нескольких метров, а внизу лежал металлолом. Или иногда прыгал, летел к вертикальной стойке и, схватившись за нее, приземлялся. Промахнись я – костей не собрал бы. В общем, учился преодолевать страх. Пока не убедился, что действительно могу.

Если же случатся нештатные ситуации, я скажу себе: «Ты космонавт-испытатель, профессионал, ты должен найти выход. Ты ленинградец и не должен подвести это звание. Ты Гречко и не должен позорить фамилию…» Правда, когда случился пожар в космосе, было, конечно, страшно. Или когда в указанное ЦУПом время не раскрылся парашют спускаемого аппарата, было еще страшнее – это было смертельно страшно. Вообще, я вам скажу, страх парализует, сковывает, преодолеть его очень трудно. Мне это удалось. И я не боюсь теперь признаться, что мне было страшно…

Воспитателем у нас был легендарный летчик-испытатель Сергей Николаевич Анохин. В качестве лучшего парашютиста-инструктора его послали в Турцию президента Ататюрка. Во время национального праздника там были и прыжки с парашютом. Все парашютисты приземлились нормально. А у дочери президента парашют не раскрылся, и она разбилась насмерть.

Тогда Анохин снял с нее нераскрывшийся парашют, ничего не контролируя и не переукладывая, надел на себя. Он поднялся в небо и выпрыгнул из самолета. У него парашют раскрылся. Надевая на себя нераскрывшийся парашют без осмотра и переукладки, он шел на смертельный риск, но доказал, что парашют был в порядке, а виновата была сама парашютистка.

Учениками Анохина, кроме меня, были все бортинженеры первого отряда гражданских космонавтов. Однажды мы сказали ему: «Вам-то хорошо, вы ничего не боитесь!» На что он ответил: «Да что я дурак, что ли, ничего не бояться?!» – «Как?! – удивились мы. – И вы боитесь?!» – «Конечно…»

Если уж Анохин боится, чем тогда отличается трус от храброго? Но все дело в том, что храбрый, когда ему жутко страшно, сохраняет способность мыслить и действовать. Трус же так «надействует», что лишь усугубит опасность. Вот и вся

разница. У храброго человека в минуту страха остается сосредоточенность, умение, может быть, наоборот, какой-то всплеск мышления.

Настоящие герои открыто признавались в том, что страх им не чужд. Однажды Суворов сказал графу Ростопчину: «Трех смелых человек знал я на свете. Это Курций, Яков Долгорукий и мой деревенский староста Антон. Один бесстрашно бросился в пропасть, другой не боялся говорить царю правду, а третий ходил на медведя». А о своей храбрости Суворов говорил с иронией.

Исторический анекдот:

Состоявший при Суворове секретарь Фукс во время одного из сражений попал под боевой огонь. Это ему не понравилось. Чтобы избавиться от таких сюрпризов на будущее, он сознался Суворову, что боится. «Не бойся ничего, – сказал ему Суворов. – Держись только около меня, я ведь сам трус, и в пекло не полезу».

«Оазис»

Одним из интереснейших экспериментов в моем первом полете был «Оазис». Передо мной поставили задачу – вырастить на станции Салют-4 горох. Дальний прицел эксперимента – подготовка к длительному (ну, скажем, марсианскому!) полету. В длительной экспедиции, кроме консервов, космонавтам понадобятся свежие продукты с орбитальной грядки – горох, морковка, пшено. Они будут поддерживать баланс белков, углеводов, жиров и витаминов. Прообраз оранжереи марсианского корабля работал у нас на Салюте-4. Это был космический огород «Оазис».

Земли в моей оранжерее не было. Оранжерея была гидропоническая. Гидропоника – это способ выращивать растения без почвы. Горошины должны были прорастать в пропитанной марле. Я включил установку, которая поддерживала нужную температуру, освещение, включала фотоаппарат и регулярно поливала горошины в двух кюветах.

Меня этот оазис притягивал. Когда целыми днями летаешь в большой консервной банке, где все время что-то шумит, звенит и плохо пахнет, – живой росток привлекает. Я то и дело безо всякой нужды подлетал к этому «Оазису» и любовался. Неосознанно подлетал! Горошинки меняются, растут – живые, зелененькие. Они казались мне красивой зеленой рощей!

До полета я был равнодушен к природе. Любил асфальт и бетон, мотоциклы и троллейбусы. Когда отец меня приглашал на дачу – это было мучение, я там скучал, изнывал. А в полете, возделывая оазис, я полюбил природу. Особенно люблю нежно-зеленый цвет нашей русской весны и красно-желтое великолепие осени…

Вскоре я увидел, что автомат в условиях невесомости работает плохо. В одну кювету вода не поступает, а в другую поступает слишком обильно, от чего горошины подгнивали. Из канала срывались огромные капли воды и я гонялся за ними по станции с салфеткой. Нужно было спасать эксперимент. Я заменил горошины, отрезал шланг и стал аккуратно поливать вручную. Несколько часов пришлось повозиться с аппаратом.

Перед нами поставили вопрос: на земле все растет вверх, а на станции нет верха и низа. В каком направлении будут тянуться ростки? Ученые считали, что расти они будут на свет. Тут я заметил, что ростки запутываются в марле и потому растут не по науке. Я освободил их от марли, но вскоре они опять запутались.

Дело в том, что в школе я ненавидел биологию и ботанику!

Пестики и тычинки просто выводили меня из себя. И я просто перепутал корешки со стебельками. Я зря копался в марле: это был корень и развивался он правильно.

Из-за нелюбви к ботанике я чуть не погубил эксперимент. Когда я выступаю перед школьниками, всегда рассказываю им этот эпизод и призываю учиться на отлично по всем предметам, а по тем, к которым лежит душа, – на отлично с плюсом.

Эксперимент прошел успешно. Горох пророс! За месяц стебли выросли, а уже другие экипажи довели горох до цветочков, ну, а потом стали выращивать на орбите и другие продукты. Это не только научный эксперимент, но и психологическая поддержка для космонавтов.

С тех пор я слежу за биологическими экспериментами. Я знаю, что в Красноярском Институте Биофизики испытатель провел тринадцать месяцев в совершенно замкнутом пространстве! Ему туда ничего не подавали: ни воздуха, ни воды, ни пищи. Он сам обеспечивал уход за оранжереей и сам от этой оранжереи и дышал, и пил, и ел. Вот этого в мире кроме нас еще никто не достиг. В США даже не смогли замкнуть пространство по воздуху и свой эксперимент прекратили.

А у нас беда в другом: этот Красноярский институт прекратили финансировать! И чтобы не прекращать разработку этих уникальных новейших технологий, не существующих нигде в мире, они вынуждены работать на иностранные гранты. И если мы не будем финансировать свои научные программы сами, то уже через год или два нашими системами будут владеть иностранцы. Кто платит, тот и заказывает музыку. Я не вижу, в чем еще, кроме туалета, мы можем вырваться вперед, чтобы нас просили: «Пожалуйста, примите участие в межпланетных полетах! Вы это делаете лучше нас. Мы без Вас не справляемся. У Вас лучше, дешевле, надежнее».

«Командировка на орбиту»

Так назывался документальный фильм, который мы с Губаревым сняли в полете о вводе в строй солнечного телескопа. ЦУП считал эту задачу невыполнимой. Мне за самодеятельность влепили выговор. Наконец я додумался, как можно починить телескоп, но… В чем-то ошибся, и ничего не получилось. И хочется, и не получается, и ЦУП не поддерживает. Именно эта история легла в основу фильма. Мы с Алексеем Губаревым были и сценаристами, и режиссерами, и звукооператорами, и осветителями.

На Земле мы доснимали только некоторые крупные планы, в которых не было необходимости показывать невесомость. При этих досъемках мне приходилось играть, вспоминая свои ощущения. Получилось неплохо! Нам помогал режиссер Капитановский. Я пытался озвучить фильм, но у меня это вышло неудачно, я упорно не попадал в движения губ. Тогда пригласили актера, который озвучил еще хуже, хотя и красивым голосом. Я-то знал, о чем говорю, а он путался в терминологии, в произношении и ударениях.

Хотя до нас было много фильмов о космосе (это естественно, ведь я – космонавт № 34). Но все они были о великолепно работающей технике, суперменах-космонавтах, которые рапортовали: «Аппаратура работает нормально. Чувствуем себя хорошо». Даже когда аппаратура ломалась и космонавтам было не хорошо. Наш фильм «Командировка на орбиту» не о безупречных покорителях космоса, не о сверхчеловеках. А об обычном человеке в космосе, который так же ошибается, так же переживает, как и на Земле, и так же болеет.

И все равно из «Командировки» цензоры вырезали наши слова, что в космосе тошнит и голова болит. Хотя мы боролись и даже представили справку Минздрава, что такое действительно случается. На то время столь откровенный взгляд на космонавтику был уникальным для кино. Так что на Московском международном кинофестивале в конкурсе документальных фильмов картина получила Серебряный приз: земной шар из полудрагоценного камня с серебряной орбитой.

Он, правда, у меня не задержался. Председатель кинофестиваля, вручая приз, хотел меня обнять. И я эту тяжелую штуку, чтобы не мешала, отдал кому-то, кто рядом стоял. А когда обернулся, приза уже не было! Исчез! Я его лет через 10 случайно увидел в кабинете директора киностудии «Центрнаучфильм». Где он сегодня? Не знаю. Давно ничего не слышно про

«Центрнаучфильм».

Спуск с орбиты

И все-таки самое опасное в космическом полете – это спуск. Последние круги ада. Начать с того, что когда ты включаешь программу на спуск, если двигатель не включится, то ты уже на Землю не вернешься. Спрыгнуть с космического корабля нельзя. Включился двигатель – слава Богу, уже полегче. Но дальше он должен проработать заданное время, потому что если он совсем мало проработает, то ты спустишься на Землю, но только через неделю, когда у тебя ни воздуха там не будет, ничего. Двигатель должен отработать весь импульс.

Например, во время приземления совместного советско-болгарского экипажа двигатель перестал работать, они его включают – он несколько секунд поработает и опять выключается. Там был запасной двигатель, но когда горел основной, он пережег цепи запасного. Они чудом спустились. Коля Рукавишников, царствие ему небесное, сначала думал, что болгарин (официально Иванов, реально Какалов) не понимает, что происходит. Он совершенно не волновался, все что надо делал. Оказывается, он все понимал – выдержка была такая. А вот когда они сели в конце концов, болгарин вышел, лег лицом на землю и так лежал долго… Ему трудно достался опыт аварии; еще труднее оттого, что он это все держал в себе.

Счастливое возвращение. Парашют доставил нас на Землю и

улегся отдохнуть. Спасатели и врачи подоспели к месту посадки вовремя. На этот раз посадка действительно была мягкой, не только по названию

Само по себе приземление уже опасно, а еще и эмоционально тяжело: ты ждешь окончания длительного полета, а чем он кончится, неизвестно. Еще физически тяжело потому что, когда корабль входит в атмосферу, начинается перегрузка. При нормальном планирующем спуске она небольшая, как если бы на тебя встали четыре человека. Это, в общем, можно выдержать. Но после длительного полета ты слабый, и четыре уже кажется как шесть. А еще были случаи, когда по техническим причинам из такого плавного планирующего спуска корабль срывался в баллистический.

Если вы бросали плоские камни в реку, то видели, как они подпрыгивают. Так и мы на плоском лобовом щите «подпрыгиваем». Но бывает, что система, которая удерживает нас под нужным углом, выходит из строя. Корабль закручивается, начинает падать как камень. И тогда уже перегрузка восемь «g», то есть восьмикратная. В конце длительного полета кажется, что десять или одиннадцать. Это тяжело.

Помню аварийный полет, когда у ребят была перегрузка двадцать три. Они выжили, но на пике они ничего не видели, не могли дышать. У одного даже сердце останавливалось на несколько секунд, не могло биться при такой перегрузке.

Словом, спуск – это физически и эмоционально очень тяжело. Потому что все ситуации прокручиваешь в голове, а там, снаружи, температура больше 1000 градусов. И все это ты видишь в иллюминатор, видишь языки пламени. Слышишь такой скрежет, как будто попал в лапы к огненному зверю, и он огненной лапой пытается содрать защиту с корабля и тебя оттуда выковырять. Перегрузка, вращения, вот этот скрежет, грохот, когда отстреливаются ненужные отсеки, – в общем, серьезное дело.

Ты можешь расслабиться, только когда парашют раскрылся и выходят на связь вертолеты. А парашют ведь может неправильно раскрыться… Например, у Комарова парашют плохо раскрылся, и он погиб. Очень сильный удар о землю был. Только когда командир вертолета говорит, что он видит корабль и что парашют нормальный – вот тут уже облегчение. Потому что ясно, что все-таки на Землю ты вернешься. Как там тебя Земля встретит – это уже другое дело. В воду попасть можно, очень сильно удариться о грунт, но это еще цветочки.

В 1975-м году нам с Губаревым пришлось испытать, что такое спуск. Центр управления полетами, как положено, заранее

сообщил, что парашют раскроется в такое-то время (часы, минуты, секунды). И вот время пришло, парашют не раскрывается, а мы продолжаем падать. В этом случае через определенное время должен раскрыться запасной. Но он тоже не раскрылся, и тогда стало ясно, что нам осталось жить несколько минут. Пошел обратный отсчет жизни. Знаете, страх смерти очень сковывает человека, его мысли и движения, потому что очень не хочется умирать. Как-то глупо было кричать «прощай, мама! Прощай Родина!», к тому же все пишется на магнитофон…

И я тогда подумал: я же космонавт-испытатель. Вот и нужно за оставшиеся минуты попытаться определить, какие отклонения произошли в работе автоматики. И успеть прокричать их на Землю. Это было моим долгом испытателя. На специальное устройство я начал вызывать параметры разных систем и смотреть, соответствуют ли они норме. Вдруг, чувствую, сильный удар. Ну, думаю, все… А это раскрылся основной парашют. Уж не знаю, сколько – минуту или две – я считал себя мертвецом, и это было так страшно, что врезалось в память на всю жизнь.

Когда потом на Земле стали разбираться, оказалось, что кто-то в ЦУПе просто-напросто перепутал и неправильно задал время раскрытия парашютов. Ошибся, по-моему, минуты на две. Обычно мы приходим после полета в ЦУП и благодарим за работу. Помню, я тогда сказал: «Когда вы посылаете набор цифр, то, как говорил Жванецкий, делайте это тщательнее. Потому что вы ошиблись на две минуты, а у меня поседели волосы».

Но на этом проблемы моего первого в жизни космического спуска не закончились. Нас очень сильно приложило об землю, потому что корабль посадили в буран. На такую посадку мы не рассчитывали. Ветер должен быть небольшой, а там был порывами больше 20 метров в секунду. Зима, земля как камень замерзшая. Парашют превратился в парус, и этот огромный парус нес наш корабль как пушинку. Корабль бился о землю, прыгал, перекручивался и опять бился о землю.

Когда в такую ситуацию попал беспилотный корабль, его практически расплющило. Чтобы нас так же не расплющило, мы стали отстреливать парашют. Оказалось, – это было непросто. После нашего полета по настоянию специалистов ЦПК и космонавтов кнопку «отстрел стренг» разместили так, чтобы экипаж мог ее нажать даже во время опрокидывания и кувыркания аппарата. В конце концов мы отстрелили, последний раз перекувыркнулись и остались висеть в корабле вниз головой.

В это время к нам подбежали спасатели. Открывают люк – и снаружи свежий, морозный земной воздух… Ничего нет приятнее. Спасатели кричат: ну, как вы? Моему товарищу спину повредило,

мне из ноги маленький кусочек мяса выдрало. Поэтому мы не сказали «хорошо», мы сказали – «живы». Они обрадовались, что мы живы, захлопнули люк и убежали. А мы висим на ремнях вниз головами. Потом спросили их – куда вы побежали, нам же помогать надо было! Оказывается, они побежали докладывать, что все в порядке. Тому, кто первый доложит – то ли премия, то ли именные часы.

Доложили, вернулись. Стали тянуть Губарева за плечи, как рванут, а я смотрю – они ему плечевые-то ремни отвязали, а ножные – нет. Ну, думаю, разорвут пополам. Я ему отвязал ноги, они его вытащили, потом меня. Кругом – буран, пурга свирепая, темнеет, надо скорее лететь. Они бегут с Губаревым, на носилках тащат, спешат. Первый спотыкается, падает. Губарев летит с носилок в снег. Они достают его из снега, отряхивают, кладут на носилки, опять бегут…

Его в один вертолет, меня в другой. Это для того, чтобы, если, не дай бог, авария с вертолетом, хотя бы один космонавт оставался живой. А когда несли – показали ямы, которые наш корабль выбил в мерзлом грунте. Ямы крупные – больше, чем от снаряда.

В вертолете мне на скорую руку перевязали ранку. Переодели в теплое летное обмундирование. Вдруг девушки – медицинские сестрички – откуда-то из-под тулупов достали букет белых калл и преподнесли мне.

«С окончанием полета!» Каждый из нас получил по букету в своем вертолете.

Мы полетели над степью. Я видел: под нами раскинулись горы. «Над какими горами мы пролетаем?» – спросил я медсестру. Оказалось, это просто стог сена, кучи бревен, даже мусорная свалка – такие вот «горы». Я-то привык к космическому расстоянию! Из иллюминаторов нашей орбитальной станции именно так выглядели Уральские горы, Памир или Кордильеры. Теперь нужно было привыкать к земным масштабам.

После полета бывает так: ты счастлив. Ты вернулся живой, выполнил программу. Эмоционально ты летаешь. Но физически ты ползаешь, ты опустошен. На аэродроме нас попросили сфотографироваться возле вертолета. Мы с Губаревым обнялись, изобразили улыбки. Обнялись, потому что нужно было поддерживать друг друга, мы ведь валились с ног.

Конечно, были поздравления, цветы, аплодисменты – торжественная встреча на аэродроме, когда мы с букетами брели вдоль каре встречающих. Нас встретило руководство тогдашней Казахской ССР во главе с Д. Кунаевым. Наградили медалями «За освоение целинных земель». Я сказал: «Правильно, и мы пахали».

Такое было приземление. Как сказал мой напарник Алексей Губарев: «Ни хрена себе – мягкая посадочка…»

«Как аргонавты в старину…»

Когда я вернулся из первого полета, еще обессиленный, меня положили в кровать в моей комнате в Звездном городке. Приходят мои дети, мы не виделись больше полутора месяцев. Мне сорок четыре, сбылась мечта жизни, я ведь с юношества о космосе мечтал. Весь в эйфории, рассказываю – какое там Солнце, какие восходы, какие эксперименты. Они минут десять послушали и говорят: «Пап, вот там у вас бильярд, мы лучше пойдем, поиграем». Я сразу вспомнил рассказ Джека Лондона «Как аргонавты в старину». Герой прошел через трудности, смертельные опасности, нашел золото, стал богатым. Рассказ заканчивается примерно так: «Я сейчас сяду у камина, согреюсь, позову внуков и расскажу, каким трудом все это досталось. Если не поймут, расскажу еще раз. Если опять не поймут, возьму полено и так их отхожу!» У меня тоже было желание взять кий и как следует их отходить. Чтобы поняли, что такое космос. Давно известно: нет пророка в своем Отечестве.

В гостиницу «Космонавт» принесли газеты. Крайний слева – лучший за все годы руководитель Центра Подготовки Космонавтов генерал Н. П. Каманин. За участие в спасении со льдины экспедиции с корабля «Челюскин» удостоен «Золотой звезды № 2» Героя Советского Союза. В центре в белой рубашке кандидат в космонавты Георгий Гречко

На Салюте-6. Экипаж «Романенко – Гречко»

Все началось с неудачного полета «к Седьмому ноября». Первым экипажем новой орбитальной станции Салют-6 должны были стать командир Владимир Коваленок и бортинженер Валерий Рюмин. Мы с Владимиром Ляховым составили запасной экипаж того полета, а Романенко и Иванченков были дублерами. Коваленок и Рюмин стартовали 9 октября. То есть к празднику, к 60-летию Октябрьской революции (которое, напомню, отмечалось 7 ноября 1977 года) ребята должны были обосноваться на станции. И поздравлять из космоса советский народ и все прогрессивное человечество. Планировался рекордный стосуточный полет. Космический рекорд должен был стать центральным праздничным событием, подтвердить советский приоритет в космосе. Увы, эти планы провалились. Корабль не состыковался со станцией.

Анекдот на полях:

Брежнев вызвал группу космонавтов:

– Американцы высадились на Луне. Мы тут посоветовались и решили, что вы полетите на Солнце.

– Так сгорим ведь, Леонид Ильич!

– За кого вы нас принимаете? Партия подумала обо всем! Полетите ночью!

Брежнев позвонил нашему «космическому» министру – министру общего машиностроения Сергею Александровичу Афанасьеву. Брежнев редко бывал резок, но тут поговорил с ним строго: «Еще один такой подарок к празднику, будем делать оргвыводы». Стало начальство совещаться, как не дойти до оргвыводов…

Потом мне рассказали, что Афанасьев сказал другому нашему начальнику – генералу армии Владимиру Федоровичу Толубко, который командовал Ракетными войсками стратегического назначения. «Если не полетят Гречко и Романенко, то полетим мы с тобой». Они бы полетели, разумеется, не в космос, а со своих кресел.

Атмосфера в Звездном городке и в Центре управления полетами установилась тяжелая. Все понимали, насколько важен полет на так и не обжитую станцию «Салют-6». Нужно было

реабилитировать советскую космонавтику. Станция-то была для того времени уникальная! Два стыковочных узла гарантировали ей долгое существование за счет возможности приема транспортных кораблей «Прогресс». И так печально начиналась ее жизнь на орбите.

Через несколько дней ко мне в ЦУПе подошел Константин Петрович Феоктистов и сказал:

– Есть предложение: лететь тебе…

Помню, только спросил:

– С кем?

– С Романенко…

Вот так сразу… Из любой книжки по космонавтике можно узнать, как тщательно подбираются экипажи. Работают специальные группы ученых-психологов. Проводятся тесты на психологическую совместимость, многочасовые эксперименты. Скажем, в одной из анкет, которую надо заполнить, пятьсот вопросов. Непростая это проблема выбор членов экипажа. А тут вот так: полетишь с Романенко? И надо давать ответ.

Я стал вспоминать: кто же такой Романенко? Не часто пересекались мы с ним на занятиях. Лицо у него такое открытое, симпатичное. Энергичный. Кажется, увлекается подводной охотой, так же как и я. По-моему, неравнодушен к английскому языку, то ли владеет свободно, то ли терпеть не может… С Филипченко, с Губаревым мы месяцами вместе работали на земле, готовились к полетам. А тут нужно было отправляться в длительную космическую экспедицию практически с чистого листа.

Секунд тридцать ушло у меня на эти беглые воспоминания. Я ответил односложно: «Согласен…»

Оставалось ждать окончательного решения. Позже я узнал, что отправиться в экспедицию на «Салют-6» предложили еще нескольким бывалым космонавтам, но энтузиазма они не проявили.

Почему после полета основного экипажа на старт не вышли дублеры? Руководители подготовки считали, что после неудачи в экипаж должен быть включен человек, прошедший проверку космосом, имеющий опыт стыковки.

А у меня имелся в послужном списке длительный и признанный успешным полет с Губаревым. В случае возможных чрезвычайных обстоятельств такой космонавт да и экипаж будут чувствовать себя на орбите уверенно. Вот и появилась идея к одному из дублеров, который хорошо знал программу полета (это был Юрий Романенко), добавить кого-то из «стариков».

Именно поэтому ко мне подошел Константин Петрович… Его

предложение, конечно, стало известно и моим коллегам. Один из них настойчиво, казалось бы, из лучших побуждений убеждал меня: «Послушай, зачем тебе идти в такой длительный полет? Пусть молодые, кто еще ни разу не был на орбите, пробуют силы. Кандидаты в космонавты готовы на все. А ты уже слетал. Можешь полет себе сам выбрать…»

И в самом деле, предстоял трехмесячный полет. Иными словами, после 63-х суток – именно такого рубежа достигла тогда советская космонавтика – надо было шагнуть к 96-дневному! Тогда это представлялось проблематичным. Подсознательно я чувствовал, что три месяца – это очень долго… Помню, я вполне искренне ответил тогда своему советчику: – Понимаешь, у меня есть принцип, заимствованный у Гринева из «Капитанской дочки»: на службу не напрашиваться, а от службы не отговариваться.

Почему же длительные полеты на тот период «не котировались» среди бывалых космонавтов? Дело в том, что альтернативой сложному длительному полету была гостевая экспедиция в составе международного экипажа. А международный экипаж – это в два раза больше наград и приятной шумихи. В те дни планировался первый международный полет – советско-чешский.

Длительный полет – это в несколько раз больше риска, больше сложностей, нервного напряжения. А мне очень хотелось подольше поработать на орбите. Солидного по меркам советской космонавтики 47-летнего возраста я тогда не чувствовал. А трехмесячный полет давал возможности для прорывной научной работы, для экспериментов, к которым я так пристрастился в первом полете.

Я сдавал экзамены. Романенко экзаменов не сдавал: как дублер Коваленка, он это сделал раньше. Огромный зал, полукругом стояли столы. За ними – несколько десятков экзаменаторов. В центре зала за маленьким столиком – я. Передо мной стопка чистых листов и несколько карандашей. Тут я впервые порадовался, что не умею пользоваться шпаргалками и никогда к ним не прибегал. Правило неизменное, китайское – опора только на свои силы.

Шел час за часом. Экзаменаторы менялись, а я оставался… На дотошность тех, кто спрашивал, не обижался, знал: космос ошибок не прощает. Развитие космической техники идет своим путем. Когда-то главную роль в корабле играла автоматика. Да и первые задания космонавтам были относительно простые: попробовать поесть, попробовать попить, выглянуть в иллюминатор, попробовать выйти из кресла. Мы только

присматривались к космосу, пытались понять роль человека в его освоении. В 1977-м и сложной техники было много, и научная программа насыщенная. Потому и экзамены сложнее.

Кто бы мог подумать во время тренировки в 1974 году, что в 1978 я буду проверять электроразъем в пустоте открытого космоса?

Когда нас провожали, главный конструктор Юрий Павлович Семенов сказал: «Ребята, вы только состыкуйтесь, больше ничего можете не делать». Ну – уж нет! У меня настроение было, как и перед первым полетом: Поехали на работу! Если ты отправляешься в космос не как на работу, а как на подвиг, значит, ты просто не готов к полету.

Если бы мне сегодня довелось выбирать напарника для длительного полета – я бы выбрал Юрия Романенко, с которым провел в космосе рекордные на тот момент 96 суток. Я старше его на тринадцать лет. Для меня это был второй полет, а по продолжительности работы в отряде космонавтов я был одним из самых опытных. У Юрия это был первый полет. У В. Глушко тогда возникла здравая идея: посылать в полет одного летавшего и одного не летавшего.

Перед командировкой на орбиту я сказал: Юра, если ты мне будешь доказывать, что ты летчик, командир, а я всего-навсего бортинженер, а я тебе буду говорить, что я летавший и у меня есть опыт полета, а ты в первый раз, мы начнем каждый раз выяснять, кто главнее – испортим полет.

Давай, говорю, сделаем так: и я не летавший, и ты не командир, и вообще нет в космосе, ни Романенко, ни Гречко. А есть экипаж. Пусть нам дают задание на экипаж, а мы его выполним. Мы даже подсказали такой принцип и ЦУПу: «Вы нам не указывайте, что делать „Таймыру-1“ (позывной Романенко), а что „Таймыру-2“ (мой позывной). Просто сообщайте: „Таймыры“, выполните то-то и то-то, а кому что делать мы сами разберемся».

Как условились, так у нас в полете и было. И, я думаю, у нас был один из лучших экипажей в истории пилотируемых полетов. Мы ни разу с ним толком не поссорились. Знали твердо: когда хватает просто здравого смысла, тогда полет идет очень хорошо. И Юра, конечно, молодец, он был моложе, но оказался очень выдержанным, смелым, умным. Право слово, если буду опять лететь на три месяца, то только с ним.

Так получилось: с Юрой мы ни разу не поссорились. А потом, после полета, я с женой раза три, наверное, все-таки ссорился. Просто, на орбите осознаешь ответственность за большое дело. Там мы сдерживаемся, а на Земле позволяем себе распуститься. Ведь в космосе было ясно: если ты хочешь что-то сказать партнеру по полету, сперва посмотри на него, в каком он состоянии. А после рассуди, как сказать – в мягкой манере, в жесткой или вообще сейчас промолчать и отложить этот разговор. А на Земле мы так бережно друг к другу не относимся, подчас говорим, не думая. Длительный полет – это школа взаимоотношений.

Стыковка с «Салютом» прошла ко второму, кормовому стыковочному узлу. Чтобы войти в станцию – нужно открыть люк. Я стал вертеть ручку по стрелке, где было написано «Откр.». Хорошо, что я много возился с мотоциклами. И руки мои привыкли к такой работе. Как пригодился мне этот опыт! Я почувствовал, что не развинчиваю, а завинчиваю люк. Запираю!

Как известно, если гайку завернуть дальше упора – металл «закусывает», и отвинтить ее уже гораздо сложнее. Я передал в ЦУП: «Неправильно указана стрелка! Мы закрываем, а не отпираем люк!». На Земле у кого-то взыграло самолюбие, и мне ответили: «Не паникуйте, отпирайте по стрелке!». Я упорствовал. Наконец, они, видимо, с кем-то проконсультировались, посмотрели чертежи и признались, что стрелка прорисована ошибочно. Я крутанул в обратном направлении – и люк благополучно открылся.

Отправляясь в космос, всегда надеешься на встречу с неведомым. И действительно, нередко с Земли слышишь ответное: «Этого еще никто не видел» или «Этого не может быть». Естественно, в необычном, встречаемом в космосе, нет никакой чертовщины вроде зелененьких человечков или их «тарелок»-кораблей. Это, прежде всего научные феномены.

Ответ «этого не может быть» мы получили, например, после сообщения о том, что видим второй эмиссионный слой в ночной атмосфере. О его существовании где-то на высоте 350 километров ученые знали, но даже не предполагали, что его можно наблюдать невооруженным глазом. Мы с Юрой Романенко запросили особо чувствительную пленку. Джанибеков с Макаровым доставили ее нам.

Мы отсняли второй эмиссионный слой и с новой оказией, а именно с Губаревым и Ремеком вернули пленку на Землю. Снимки обработаны и результаты уже опубликованы в «Докладах Академии наук СССР». Наше небольшое открытие помогло разработать другие методы изучения верхнего эмиссионного слоя.

Однажды психологическое напряжение долгого полета все-таки чуть не привело нас к конфликту. Мы обсуждали перспективы пилотируемой космонавтики, вели вполне профессиональный разговор. И вдруг оказалось, что точки зрения у нас резко противоположные. У каждого – своя, как говорил Горький, «кочка зрения». Я считал, что время космонавтов-летчиков уже проходит. Во всяком случае, они перестают быть главным звеном покорения Вселенной. Наступает «наша» эра – эра бортинженеров. Во время длительной экспедиции дел больше у бортинженеров. Юра, летчик по профессии, со мной категорически не соглашался. Да и я уступать не хотел.

На Земле проще – «хлопнул» дверью и ушел. У нас же на станции «хлопать» дверью некуда. Вот наш спор и катился к «опасной черте». Мы уже говорили на высоких тонах. Наконец, почувствовав, что до добра эта дискуссия не доведет – ведь у Юры темперамент – ого-го, только заведи его. Я оттолкнулся от стенки станции и поплыл в другой отсек, бросив Юрию: «Я спор прекращаю…» Тягостная пауза длилась недолго. Почувствовал руку на плече, обернулся. Юрий улыбается: «Жора, и что это мы с тобой завелись? Полет идет хорошо. А поссоримся, в одну минуту все смажем…»

Хорошие космические экипажи можно разделить на два разряда. Иногда хорошо срабатываются люди, похожие друг на друга – со схожим темпераментом, кругом интересов, профессиональным и человеческим опытом. Но бывает и по-

другому: очень разные люди дополняют друг друга. Когда уважаешь сильные стороны товарища, который не похож на тебя.

Так получилось у нас с Юрой. Мы, может быть, не противоположности, но люди очень разные. И, может быть, поэтому сдружились и сработались. Ведь общаться три месяца в замкнутом пространстве со своим двойником, честно говоря, скучновато.

Мы хорошо дополняли один другого – командир и бортинженер, Юрий и Георгий. Между прочим, мы ведь почти тезки. Юрий – это славянский вариант произношения греческого имени Георгий. Мы с Романенко представляли различные разновидности древнего имени, принадлежавшего святому каппадокийскому великомученику – Георгию Победоносцу.

Юрий Романенко прекрасный космонавт и прекрасный товарищ, очень надежный. Достойный сын морского офицера. Я ему завидую, потому что у него не только мозги хорошие (моложе моих!). Мозги, честно говоря, и у меня были неплохие. Но у него и руки золотые! Я это ощутил в полете и потом еще не раз поражался.

Открываю «Технику молодежи», а там о том, как ребята делают экраноплан под его руководством. И песни сочиняет, и поет, и на гитаре играет. Говорят, что космос помогает проявиться творческим склонностям, талантам. Конечно, космос ничего не добавляет. Но он усиливает, что есть в человеке, и хорошее, и плохое.

Во мне творческого дара космос не открыл. В юности я любил Маяковского. И сочинял такие рекламные стишки, ему в подражание:

Для всех и в том числе для вас
Всегда в продаже хлебный квас!

Квас я, кстати, очень люблю и, должен вам доложить, квасы в мою юность готовили превосходные. Правда, не было такого богатства сортов, как во времена Петра Первого. Тогда каких только квасов не было! Словом, наш родной бочковой квас вдохновил меня на стишок.

Но серьезным это увлечение не стало. Несколько моих идей превратились в сценарии для кино – к сожалению, не реализованные. Но у Романенко творческая жилка посильнее. Из своего следующего полета он привез двадцать песен. И это, на мой взгляд, очень хорошие песни, настоящие, глубокие стихи!

На Земле он песен не писал, а в космосе открылось дарование. Во время радиосвязи с женой Романенко пел: «Что

тебе снится ночами там, от меня вдалеке? Звезды наш комплекс качают, словно кувшинку в реке». Нам эти песни, конечно, были близки. Сначала он пел их под гитару в нашем дружеском кругу. Но мы его уговорили выступить перед любителями авторской песни, на Грушинском фестивале. Там человек триста было, хлопали, и даже кто-то крикнул «браво». То есть он был признан. Кто-то спросил: а кто написал песни, которые вы поете? Он говорит: я. – Не может быть!..

Сегодня можно говорить о космической династии Романенко. Сын моего друга – Роман Юрьевич Романенко тоже совершил длительный полет. Это вторая такая династия в нашей стране – после Волковых.

И с главами обеих династий мне довелось работать на орбите.

Мухи и слоны

Всем знакома картина: в разгар лета на кухне вывешивается отвратительная на вид липкая лента, на которой помирают мухи. В один из первых дней полета я заметил в нашей станции мушку-дрозофилу – красивую, с золотыми крылышками. Я подплыл к Юре: «Ты знаешь, что у нас на борту есть безбилетники?».

Сначала мы просто посмеялись. Потом обследовали биоблок (у нас на станции была специальная разработка ленинградских ученых – термостат «Биотерм-2М»!). В нем развивались насекомые, приготовленные для генетического эксперимента на орбите. Предполагалось исследовать состояние наследственного аппарата плодовой мушки после длительного пребывания в условиях космического полета. Длительность эксперимента – 91 сутки.

Оказалось, что условия для них были настолько благоприятными, что их стало много, им стало тесно, и они по воздуховоду начали вылетать наружу. Чрезвычайное происшествие! Мы аккуратно заделали щели, как говорится, задраили все входы и выходы, но несколько мушек уже летали по станции. Размножаются они очень быстро.

Юра взял листок бумаги и с помощью нехитрой геометрической прогрессии убедил меня, что через неделю дрозофилы вытеснят нас со станции. Из ЦУПа категорически рекомендовали немедленно уничтожить мух: могли в полете замкнуть микроконтакты или залететь кому-то из нас в дыхательные пути. Я, как любитель живой природы, отвечал ЦУПу: «Давайте сделаем так, чтобы и волки были сыты, и мухи целы».

Юрий тоже не без интереса наблюдал за жизнью дрозофил. Они не досаждали нам, как это бывает на Земле. Мирно дремали на иллюминаторах. Но всегда перелетали на солнечную сторону. Мы почти подружились с ними, лично мне они нисколько не мешали. Приятно было смотреть на живое существо. В космосе мухи воспринимаются как птички. Нам они заменяли попугайчиков или канареек. Мы с ними жили не тужили несколько дней, а потом все-таки выполнили приказ.

Пришлось устроить довольно коварную охоту. Сначала мы истребляли их пылесосом. Потом дождались орбитальной ночи, включили одну-единственную лампу, заманили самых живучих мушек на свет и покончили с безбилетниками. Вскоре мы вышли на связь с Землей и для центрального телевидения рассказали про судьбу дрозофил. Тот сюжет многим запомнился. Это было

действительно забавно: орбитальная станция – и мухи.

Ситуация комичная и в то же время – как будто из фантастического романа. А эксперимент с мухами, несмотря на нештатную ситуацию с безбилетными беглецами, прошел успешно. Через полтора месяца полета мы провели пересадку дрозофил в новый контейнер со свежей питательной средой. Эти мухи дали хорошее потомство в невесомости – 38 самцов и 30 самок, которые и были доставлены на Землю для дальнейших исследований. Шутки шутками, а работа работой.

С другим биологическим экспериментом возникла нештатная ситуация. Разобравшись, я понял, что конструкция работает неправильно. Там надо было сначала дать питательный раствор, чтобы какие-то бактерии выросли. А потом надо было дать другой раствор, чтобы, говоря красиво, зафиксировать их – то есть уничтожить на стадии развития, интересной для науки. А я понял, что в этой конструкции сначала дается убийственный раствор, который фиксирует, а потом уже мертвых их начинают кормить.

На Земле к моим замечаниям не прислушались. Авторы эксперимента, наверное, обиделись за мою въедливость. И я решил без их указаний усовершенствовать этот приборчик. Но для этого нужно было его разобрать. Деталек там много. При разборке их нужно куда-то класть – а куда? Разлетятся ведь! Пришлось зажимать их во рту. Это было неприятно. Но все прошло хорошо: я доставал их изо рта и завинчивал на место. Эксперимент прошел нормально.

Интересный научный результат мы получили, занимаясь фотографией. Чтобы удобнее было фотографировать, мы разработали систему гравитационной стабилизации станции без расхода топлива, без двигателей. Вот как поплавок стоит в воде. Вода – это его гравитационное поле. А мы заставили вертикально стоять и не кувыркаться станцию в гравитационном поле Земли. Сначала специалисты в нашем КБ этим динамическим режимом не заинтересовались. И не ввели в бортовой журнал. Космонавты передавали его из уст в уста.

Только в институте Келдыша, в отделе Охоцимского ученый В. Сарычев занялся этой проблемой, обсчитал, обосновал теоретически. Мы с ним написали доклад об этом режиме. А на конференцию в Лондон поехал один из тех ученых, кто первоначально идею не принял. Подействовал принцип: «наказать невиновных, наградить непричастных». Его выступление о нашей работе имело успех: «Наконец-то русские привезли интереснейшие материалы».

Фотографирование Земли из космоса – это творческая и

трудная работа. Я долго и упорно гонялся за Фудзиямой: хотел сфотографировать знаменитую японскую гору. Для японцев она имеет сакральное значение. Много дней в любое время суток Фудзияма была закрыта облаками. Я знал, что существует альбом «Сто видов Фудзиямы». Хотел сфотографировать и подарить японцам сто первый вид – из Космоса. Наконец мне удалось сделать снимок. А повез его и подарил японцам главный конструктор.

Космическая стоматология

Итак, мой второй полет, на тот момент самый длительный в мире – 96 суток. Работаем на станции «Салют-7» вместе с Юрием Романенко. Со станцией состыковались, в открытом космосе поработали. Дел на станции невпроворот. Словом, все развивается успешно. И вдруг я замечаю, что Юра несколько раз в день принимает обезболивающие препараты. Причем в руководстве к таблеткам было написано: принимать не более двух штук в день, а мой напарник значительно превышает этот лимит! Признаться, я занервничал: в чем дело?

Оказалось, у Юрия заболел зуб, причем очень сильно – врачи на Земле прозевали кариес, который дошел до нерва. Романенко заматывался шарфиком, надевал шапку, снова и снова принимал обезболивающие таблетки в тройном размере – ничего не помогало. Серьезнейшая проблема! В космосе стоматологов нет, пойти некуда. В детстве бабушка заговаривала мне зубную боль. Я до сих пор помню тот заговор: «На синем море, на белом камне пресвятая мать-Богородица сидела, иголочку держала, шелковою ниткой ранку зашивала, зубную боль унимала». И проходило. А в космосе заговоры не действуют. Или, чтобы подействовало, необходима бабушка, а ее с нами не было.

Зато у нас было на борту японское малогабаритное (размером с обыкновенную зажигалку!) устройство для акупунктуры, в работе которого мы не слишком разбирались. Там надо найти в ухе точки от самых разных болезней, и на эти точки воздействовать электрическим импульсом чудесного японского приборчика. И у нас был рисунок уха с указанием, в какие точки посылать импульсы. Мне нужно было найти точку зубной боли. Но там еще была указана некая точка чуть ли не смерти! Это меня тревожило.

Сравнил этот рисунок с ухом, а у Юры совсем другое ухо – не такое, как на схеме. Где нужная точка, непонятно, а если в точку смерти попадешь? Но Юра был настроен решительно, «Нет, мне больно, давай лечить».

Я прикинул: наверное, вот тут наша точка! Поставил крестик шариковой ручкой, и стал воздействовать хитроумным приборчиком. Не помогает. Юра говорит: «Усиливай сигнал». Я усилил – все равно не помогает. Он говорит «Усиливай еще». Я отвечаю: «Нельзя, уже максимум», он снова за свое: «У тебя болит, или у меня болит?» Я говорю «У тебя». – «Усиливай!». Я усилил и прожег ему насквозь ухо, на том и закончили сеанс лечения. А зуб все равно болел. Видимо, я в нужную точку не попал, но и в точку

смерти, слава Богу, тоже не попал.

Командир мучается, но на Землю не сообщает. Говорит: «Я офицер, командир корабля и буду на больной зуб жаловаться! Это позор!» Тогда я пошел на военную хитрость: сообщил в Центр управления полетом, что зуб болит у меня, описал все Юрины симптомы. С Земли пошли советы: как прогревать зуб, чем полоскать. Ни то, ни это не помогало. А ведь программа у нас была такая, что выкладываться нужно изо всех сил. Мы ожидали экспедицию посещения – наших гостей, первый в истории международный экипаж.

И вот на станцию прилетели Губарев с чешским космонавтом Ремеком. Они привезли стоматологические инструменты, в том числе и бормашину на батарейках. Ремек вызвался лечить зуб. А на эти блестящие хищные крючки и иглы на земле-то смотреть противно, а уж в космосе… Ну, мы объяснили ребятам, что зуб болит не у меня, а у Романенко. Ремек был готов заняться зубами командира. Но тут я спрашиваю: «Тебя хоть учили зубы лечить? Ты же летчик-истребитель!» Хотя, если вспомнить историю, Петр I тоже зубы вырывал, правда, иногда вместе с челюстью: силушка-то у императора была неимоверная… Ремек гордо отвечает: «Конечно, учили! – Сколько?» «Полтора часа!» В общем, на правах старшего, не дал я этому «доктору» к Юриному зубу прикасаться. По-русски предложил – лучше давай привяжем ниткой к вашему кораблю, пойдете на расстыковку и вырвите зуб.

Эту идею тоже не реализовали. Пришлось Романенко дожидаться конца полета, и зуб ему удалили уже на Земле. Хотя я ему предлагал улететь с Ремеком, а я бы долетал с Губаревым. Но тогда бы нам с ним не засчитали рекорд, и мы бы «не побили» американцев. Юрий держался молодцом.

Да и мне с ним хорошо работалось и я рад, что наш экипаж не распался.

На его работе недомогание почти не сказывалось, поблажек он себе не давал. Нелегко ему приходилось во время телерепортажей с борта станции. Он снимал теплую шапочку, разматывал шарф и, улыбаясь, рассказывал миллионам телезрителей, о том, как красива планета из космоса.

После приземления ко мне прибежали врачи – мой больной зуб лечить, а я уж и забыл про ту хитрость… Перед следующим полетом доктора в отместку предложили мне расстаться со всеми зубами и поставить, для надежности, съемные протезы. Но я, естественно, не согласился.

Коньяк

Анекдот на полях:

Огромная очередь за спиртным стоит, не двигается. Крайний не выдержал: «Пойду – убью Горбачева!». Через час возвращается.

«Ну что, убил?» – «Нет, там еще больше очередь».

Спиртные напитки в рационе космонавта присутствуют лишь в символических дозах. Недавно писали, что американские астронавты напились перед стартом. Полная чушь, ерунда, чьи-то фантазии ради сенсации. Если русские еще могли как-то похулиганить, американцы к этому вопросу щепетильно относятся. Ну, пришел, предположим, к космонавту друг проститься, выпили они за двое суток до полета бутылку пива. Не опьянели, но нарушили режим. Их за это, может быть, наказали. А желтая пресса раздула до того, что они якобы пьяные в полет отправились.

Что можно сказать о моих отношениях с алкоголем? Пьяным я был один раз в жизни – в одиннадцать лет. Шла война. Я жил на Черниговщине. Мы, ребята, видели, что взрослые пьют самогон. И договорились испробовать этот напиток. Каждый принес из дому самогон – кто баночку, кто шкалик. Выпили. Что такое алкоголь, как он действует, чего от него ждать – никто из нас понятия не имел.

Всем стало плохо – кто-то ползал на четвереньках, кого-то тошнило. Я тоже чувствовал себя довольно омерзительно и физически, и морально. Мы потеряли человеческий облик. Это произвело на меня такое впечатление, что я не пил до 1955 года. Не пил в старших классах, не пил после поступления в институт – ни грамма. Вообще не пил спиртного. Так сильны были воспоминания!

Только в двадцать четыре года, когда я после долгих мытарств был зачислен в КБ Королева в группу баллистики, ребята предложили мне отметить это событие. Мы пришли на фабрику-кухню. Ребята достали бутылку вина.

– Ребята, я не пью!

– Но сегодня исполнилась твоя мечта, такой день! Ты полтора года этого добивался! Грех не выпить…

– Да нет, я не пью…

– Ты не хочешь с нами выпить? Кто не пьет – тот или хворый, или подлюка.

Я такие слова слышал, конечно, не раз, но держался. А тут сдался. Так и выпил первый стакан вина. Вино я полюбил. Но пьяным был только один раз в жизни – от самогона в одиннадцать лет. В последующие семьдесят лет я никогда не чувствовал потребность выпить до состояния опьянения.

Итак, это был мой второй полет. Мы с Юрой Романенко прилетели на станцию «Салют-6». В космосе каждый день нужно по два часа заниматься физкультурой. Для этого у нас были специальные спортивные костюмы. Они быстро изнашивались. Поэтому у нас их было несколько.

Однажды, когда я примерял новый спортивный костюм, в невесомость выплыла фляжка – как позже оказалось, с коньяком. Ребята во время тренировок ее припрятали, а досталась она нам. На фляжке было написано «Элеутерококк-К». Элеутерококк – это энергетический напиток, который нам дают, чтобы выдержать нагрузки. Я сдуру спросил Центр управления полетами: «Что значит „К“?» Там какое-то замешательство возникло, потом ответили: концентрированный. Мы попробовали – ну, конечно, там коньяк.

Полтора литра коньяка – это много? На двоих, на двести человеко-суток получается по семь с половиной граммов в сутки. Говоря по существу, чтобы мужчина опьянел, надо 40 граммов чистого спирта. У нас было по 7,5 грамма, на человека. И не чистого спирта, а сорокаградусного коньяка!

Но конечно, мы употребляли не перед важными научными экспериментами, а делали по глоточку перед сном. Это примерно как столовая ложка – то есть даже и не пили, а лизали коньяк. И Юра говорил: «Не могу я по семь с половиной граммов, это издевательство». Важна была сама процедура, приятные эмоции. Мы снимали напряжение.

Была у нас на борту колода карт – скажем так, фривольного содержания. На каждой карте – изображение женщины. Пятьдесят две женщины на двоих космонавтов – целый гарем в картинках. Важным средством борьбы со стрессом были ежевечерние выборы женщины дня, нашей королевы красоты. Каждый вечер выбирали одну карту, одну даму – и она следила за нами на протяжении следующего дня. Мы только думали о том, чтобы при очередном сеансе телесвязи с Землей этот «портрет» не попал в кадр.

У нас было заведено: дела закончены, включаем приятную музыку, выбираем женщину дня, перед «упаковкой» в спальный мешок выпиваем свои «боевые» граммы. Так что на борту у нас было все: и алкоголь, и женщины.

Коньяк спас меня от сильной простуды: разгоряченный после физзарядки, угодил под один из многочисленных вентиляторов. Прополоскал горло коньяком – стало легче. Был у нас и «фирменный» стоматологический рецепт. В невесомости десны становятся рыхлыми, чистишь зубы – боль жуткая, словно обдает огнем. А в коньяке, как известно, имеются дубильные вещества. Прополоскали десны, сразу же облегчение. Разве что выплевывать некуда, «приходилось» глотать.

Спас этот напиток и от переохлаждения ног. Я выходил в открытый космос в скафандре, снабженном системой водяного охлаждения. К концу работы просто не чувствовал ног. А возвращаясь на станцию, первым делом ощупал их руками – проверил, на месте ли. Ноги были на месте, но ледяные. Тогда я выпил десятисуточную(!) норму коньяка – 75 граммов. Утром проснулся – все в порядке. За это я благодарен коньяку. Потому и стал отстаивать этот благородный напиток перед медиками!

Коньяк, правда, был не идеальный на вкус. Сказывалось, что фляжку заваривали электросваркой, которая, видимо, для пищевых целей не годилась. Ребята уверяли, что коньяк был первоклассный. И я им верю. Но сварка немного подвела. Точных сведений о том, что это был за коньяк, у меня не было.

Но самое обидное, когда там осталась половина коньяка, воздух и коньяк смешались в пену. И сколько фляжку ни дави, пену не выдавишь. Мы и так, и сяк изощрялись, даже пробовали извлечь коньяк из фляжки с помощью сильфона для сбора мочи (конечно, неиспользованного), но ничего не извлекли.

Летит следующий экипаж, Коваленок и Иванченков. Вернулись.

«А мы, – говорят, – ваш коньяк допили». – «Как? Это невозможно».

– «Мы вот как поступали. Один брал горлышко в рот и поднимался к потолку. Второй бил его по голове. И когда тот вместе с фляжкой летел вниз, коньяк по инерции устремлялся ему в рот». Вот так, поколачивая друг друга, они и допили коньяк. Они вполне резонно «подкололи» нас: «Кроме высшего образования, надо иметь хотя бы среднее соображение!».

Много лет спустя на банкете, посвященном шестидесятилетию моей альма-матер – Ленинградского Военмеха, я рассказал, как мы не смогли допить фляжку, а Коваленок с Иванченковым нас посрамили. Но способ я до поры, до времени не раскрывал. Я спросил именитых гостей славного Военмеха: «А как бы поступили вы, столкнувшись с такой проблемой?» За столом было немало крупных инженеров, ученых, корифеев механики, баллистики. Неожиданный тест на

сообразительность вызвал бурное обсуждение. Решения предлагались одно хитроумнее другого, но тут же отвергались оппонентами, оперировавшими математическими выкладками на салфетках. Никто не нашел правильного способа! Никто не превзошел моих космических товарищей Коваленка и Иванченкова!

Была и другая история с коньяком 11 января, когда мы с Романенко уже обжились на станции Салют-6 и к нам прибыли гости – Владимир Джанибеков и Олег Макаров. Их корабль Союз-26 состыковался со станцией – и нас на орбите стало четверо. Они, конечно, привезли с Земли письма, прессу, привезли и сувенирный штамп для гашения почтовых конвертов. А еще предложили попробовать кофе. Джанибеков достал миниатюрную тубу.

– Спасибо, но кофе у нас хватает. – сказал я.

– А наш посвежее.

В запаянной тубе оказался коньяк! Оказывается, ребятам удалось раскрыть емкость, не тронув горлышка. Они вылили оттуда кофе, влили армянский коньяк и аккуратно закрыли. Там было примерно сто граммов. Так мы вчетвером отметили на орбите уникальный праздник, который отмечают только в России, – Старый Новый год.

Я потом официально поставил вопрос в Министерстве здравоохранения о том, чтобы на борт доставляли коньяк. Как честный человек, я не хотел его контрабандой проносить. На коллегии министерства делал доклад, объяснял, что при простуде можно сполоснуть коньяком горло, десны распухшие подлечить: там же дубильные вещества. Говорил и о благотворном психологическом влиянии.

Медики пугали: выпьешь 20 граммов коньяка, опьянеешь, без скафандра откроешь люк и полезешь в космос. Или плеснешь в регенератор кислорода, он взорвется. В общем, всякую чушь несли. Ну, кто будет плескать 7,5 грамма в какой-то регенератор вместо горла.

Точку поставил Олег Георгиевич Газенко – директор Института медико-биологических проблем. Он сказал так: «Я, конечно, не знаю, как там горло лечить коньяком. Не думаю, что они будут выходить в космос без скафандра с семи граммов коньяка. Одно знаю точно: в космосе так мало положительных эмоций, что если им доставляет удовольствие капля коньяка, то его надо поставлять на борт».

А я еще подлил масла в огонь: «Разрешите вы или нет, а коньяк на борту будет. Так пусть лучше под вашим контролем, на научной основе, чем в антисанитарных условиях». Так и решили:

пусть уж лучше под контролем. Когда замминистра Бурназян подписывал решение коллегии, ему Газенко ехидно говорит: «Впервые в истории коллегия министерства за алкоголь проголосовала». Тот дрогнул, но было поздно.

Потом приезжают ребята с очередного пуска и рассказывают, что положили все, как положено, коньяк по ведомости провели. Вдруг приходит врач с запиской от Бурназяна: «Убрать коньяк с корабля». Видимо, испугался он ответственности. Они убрали. Я вскипел: как же так, было решение коллегии! Они говорят: «Да чего ты кипятишься: он ушел, мы обратно положили». Как я предупреждал, так и получилось: коньяк в космос провозят контрабандой.

Здесь можно вспомнить историю – уж и не знаю, быль это или выдумка? Когда при Горбачеве по всем фронтам шла борьба с алкоголем – в буфете Верховного Совета СССР не стало спиртного. Запрет! Дагестанский поэт Расул Гамзатов был недоволен этим обстоятельством, но в конце концов, прореагировал философски: «Что ж, тогда будем проносить в себе!»

Наши ребята – космические «контрабандисты» – проявляли чудеса изобретательности, стараясь пронести на станцию спиртное. Однажды сделали фляжку по форме бортового журнала. Обложка была от настоящего бортжурнала, отличная крепкая корочка с гербом СССР, а внутри закрепили плоскую канистрочку с коньяком. Положили эту обманку вместе с другими документами в целлофановый мешок, который потом проходил обработку ультрафиолетовыми лучами.

Космонавт благополучно миновал офицеров безопасности, и ребята уже праздновали победу. Но тут один военный, отвечавший за безопасность, подошел к космонавту, который должен был лететь, и что-то ему тихо сказал. Ребята замерли. Что именно сказал тот офицер, мы узнали только после завершения полета. Оказывается, он посоветовал в следующий раз наполнять «бортжурнал» по самую пробку, потому что иначе содержимое булькает…

Кроме коньяка, в моей космической истории промелькнуло и пиво. Я был в Чехословакии, а, если точнее – в нынешней Словакии. И впервые в жизни увидел пиво в банках. «Златы фазан» и сегодня всем известное пиво, и тогда оно было превосходным. Мне подарили две банки из первой «баночной» партии завода в Хурбанове. Сначала я, конечно, собирался лично продегустировать напиток. А потом подумал: на Земле я могу сколько угодно выпить пива – в бутылках, в разлив. Ничем не хуже баночного, даже получше. А в космосе пивных баров нет и

бутылки везти нельзя. Банки им в сто раз нужнее, чем мне!

И я решил послать контрабандой мои две баночки на орбитальную станцию. Каким-то чудом это удалось. Ребята потом рассказывали, что первую банку они вскрыли обычным способом – и пиво, как старик Хоттабыч, вылетело из банки, и видно было, как пена быстро растаяла в воздухе. Только запах остался. Вторую банку они проткнули иголкой, потом благополучно выцедили пиво. Такое нестандартное удовольствие во время длительного полета дорогого стоит. Уверен, что у ребят, благодаря одной выпитой банке пива, повысилось настроение на целую неделю.

Земля в иллюминаторе

Земля из Космоса очень красивая – и днем, и ночью. Если бы я был просто космическим туристом, наверное, неделю бы не отрывался от иллюминатора. Но работы было очень много. В первом полете мне, конечно, хотелось поскорее увидеть с высоты нашу Родину. Но не тут-то было. Наш запуск так запланировали, что первые две недели, когда пролетали над Советским Союзом, всегда была ночь. Темень! А нам не терпелось посмотреть на свою Родину при свете Солнца. Через несколько дней наше желание исполнилось. Самое красивое для меня место – это Камчатка. Кругом темно-синее море, а горы покрыты снегом. Возникала ассоциация, будто на синем бархате лежат бриллианты.

Самый фантастический вид из иллюминатора запомнился мне на всю жизнь. Мы пролетали в сумерках над Северной Америкой, я настроился наблюдать за полярными сияниями, Смотрю по обыкновению на горизонт, в высокие широты. И вдруг прямо под нами вижу картину, которая меня буквально очаровала. Прямо из Земли к нам словно устремились световые снопы тысяч зеленоватых прожекторов. Свет этих лучей был настолько слабым, что сквозь него видны были вечерние огни городов.

Я «помчался» за фотоаппаратом – ведь такого полярного сияния не удавалось наблюдать еще никому. По дороге сбил «с ног» Юру. Он тоже прилип к иллюминатору и сразу огорчил меня – такого слабого фосфоресцирующего свечения не возьмет ни одна пленка. Оставался один выход – фломастер. Юра быстро зарисовал эту феерическую картину и пообещал мне, что дома перенесет этот фантастический эпизод на холст.

Но было место, где становилось как-то не по себе – мыс Горн. Оно считается гибельным для судоходства, потому что там всегда низкое Солнце, полумрак, сильные ветра, течения, камни. А на высоте в 350 км ветров и камней нет. И все-таки, глядя на этот мыс, меня преследовало ощущение опасности – будто какой-то хищник хочет прыгнуть мне на спину.

НЛО в Космосе

Началось с того, что я увидел «летающие тарелки» и испугался! Я выглянул в иллюминатор и увидел, что нас преследуют «тарелки» – целая эскадрилья. Причем они идут четким зловещим строем, и иногда на них заметны даже красные проблески. Они меняли форму как ртуть – и это напоминало фантастические романы!

Я говорю Юрию Романенко: «Смотри, летят!» Он улыбнулся и ответил, что это просто пылинки, которые отделились от обшивки станции во время коррекции орбиты. Так как в космосе невозможно определить расстояние, то нам кажется, что объекты находятся далеко, на самом же деле пылинки у иллюминатора. Смотрелись они очень внушительно. Ну, если уж я напугался – надо и других напугать.

Когда к нам на станцию прилетели Владимир Джанибеков и Олег Макаров, я им честно признался: знаете, ребята, если вы увидите в иллюминатор на расстоянии в километр восемь летающих тарелок, которые нас преследуют, то не бойтесь. Они идут за нами уже давно, но не атакуют и вроде бы пока нам вреда не собираются причинять.

«Знаем мы тебя, – сказал Володя, – ты любитель разыгрывать». Я пожал плечами: «Мое дело вас предупредить». И пошел работать. Долго я их «накручивал», как бы между прочим намекал на НЛО. И подчеркивал, что в этом нет ничего страшного, что они не нападают. «Если бы я хотел вас разыграть – я бы вас пугал, а тут вообще-то ничего страшного, просто летят себе и летят».

Прошло некоторое время. Я почувствовал, что они уже «готовенькие». Как-то подхожу к иллюминатору и зову их: смотрите! И они видят жуткую картину: на фоне восходящего солнца и темного неба идут за станцией строем восемь сверкающих, горящих, переливающихся на солнце объектов. Когда на высоте в 350 км они идут на большой скорости, а строй между тем соблюдается: объекты не приближаются и не удаляются, – то это страшновато.

Мои коллеги шутки прекратили. Макаров говорит: «Я возьму бинокль и рассмотрю хоть один из них». – «Давай, – отвечаю, – только они уходят от нас со сверхсветовой скоростью!» Когда он возвратился, их уже и в самом деле не было… «Я же предупреждал!»

Но увы, это был розыгрыш. «НЛО» запускал я сам. Делалось это просто. Перед выходом станции на Солнце надо было около

иллюминатора постучать по корпусу станции, и в этом месте от него отделялись пылинки. Искусство было в том, чтобы выбить восемь крупных. Восемь потому, что В. Севастьянов говорил, что видел семь НЛО. Так что мне надо было превзойти его хотя бы на один объект.

Потом, дав им отлететь от станции подальше, можно было сказать: «Смотри, в километре НЛО!» А психика зрительного восприятия такова, что, если человек смотрит в расчете на километр, он этот маленький угловой размер переносит туда, и получается большой НЛО. А «уходили» они с огромной скоростью потому, что я выбивал пылинки в тот момент, когда солнце только взошло, а Земля и небо еще темные. Через несколько минут мы уже шли над светлой Землей, и в этом случае пылинки не видны…

Я человек незлой и обычно быстро раскрываю подоплеку розыгрыша – через час, через три. Но тут до самого расставания с Джанибековым и Макаровым не раскрылся. Только сказал им: «На Земле Севастьянов вам все объяснит!». Когда они вернулись на Землю – Севастьянов оказался в какой-то далекой поездке. Ребята не смогли его найти. И начали потихоньку раскрывать друзьям страшную правду о восьми НЛО.

Рассказали друзьям по секрету – и очень скоро об этом узнали все. Информация дошла до самого В. Глушко. Да что там генеральный конструктор – наши пылинки уже обсуждались на уровне ЦК и КГБ. В прессе начались сенсационные дискуссии. Когда я вернулся, мне было неловко перед ребятами, особенно перед Володей Джанибековым.

Я рассказал правду, но мне не поверили! Оказалось, что банальные пылинки никому не нужны, а НЛО интересуют многих. И до сих пор многие не верят, что никаких тарелок я в космосе не видел. То есть, конечно, видел, но сам же их и запускал!

Ремек и другие

Я герой Чехословакии и почетный гражданин Праги. Почему? Потому что первый чехословацкий космонавт Владимир Ремек совершил полет на станцию Салют-6, на которой хозяйничали мы с Юрием Романенко. Именно чехословацкий: мама у него чешка, отец – словак. Вместе с Ремеком мы работали на орбите. Это было не рядовое событие. До Ремека космонавтами были представители только двух стран – СССР и США. Полет представителя небольшой европейской страны, понятное дело, вызвал немалый резонанс в мире. Это было в диковинку.

Передо мной фотография – первая международная встреча на орбитальной станции. Встреча на высшем уровне: СССР – ЧССР. Романенко, Губарев, Ремек и я. В кадре – флаги и гербы стран, на станции – для торжественного случая – появились фотографии глав государств, Брежнева и Гусака.

Если приглядеться – заметно, что я единственный в этой компании надел галстук. Галстук – непривычный аксессуар для работы на орбитальной станции. Почему же я носил его в космосе?

Я – инженер-механик, выпускник Военмеха. Человек моей профессии должен делать все для того, чтобы все механизмы работали. А для этого нельзя быть брезгливым! Нужно не бояться пыли, не бояться очистить гарь, не бояться испачкаться в масле или в краске. Инженер в такие минуты похож на чернорабочего. Такая уж у нас работа…

Есть такой анекдот:

> Два сантехника – один постарше, другой помоложе ликвидируют аварию. Тот, что постарше, ныряет в канализационный люк, в самые нечистоты. Выныривает оттуда и кричит молодому: «Ключ на двадцать два!» Берет ключ, снова ныряет и выныривает. «Ключ на двадцать четыре!» И, снова, то же самое. Наконец, дело сделано. Он вылезает, отряхивает с себя фекалии и говорит молодому: «Вот смотри и учись, а то всю жизнь ключи подавать будешь!»

Иногда бортинженеры похожи на сантехников. Именно поэтому в те часы, когда мы не работаем руками, мы, инженеры,

должны быть чуточку элегантнее других. У кого-то из-под удобного орбитального костюма выглядывало нижнее белье, а я носил галстук. В полете у меня было даже два галстука. С синими ромбиками для будних дней и с красными ромбиками – для праздничных. И зарубежного гостя я встречал при параде.

Гостей мы ждали с нетерпением. Ремек должен был привезти нам посылку, письма. Но, когда они прибыли, Владимир неважно себя почувствовал, с трудом привыкал к невесомости. Когда он первый раз сходил в туалет, он там долго провозился, а, выйдя, сказал: «Ребята, я и до сих пор вас уважал, но теперь уважаю еще больше».

Мы поужинали, и он отправился отдыхать, сказав, что на следующий день возьмет пакет и все раздаст: письма, инструкции, фотографии. Но мы ждать не могли: нам жены еще до этого сказали, что передали сало.

А нам этого сала страшно хотелось. И мы начали разгружать корабль. Обычно на это уходит три дня, но мы управились за день. Обычно самое вкусное всегда кладут на самое дно, чтобы быстрее разгружали. И мы прошли его насквозь, а сала нет. А тогда в ЦУПе руководил Алексей Леонов. И он не разрешил послать в космос сало: мало ли что, вдруг оно будет испорченное…

Еще мы хотели хлеба, потому что хлебцы космические не очень вкусные. Нам его прислали, но было не ясно, как его есть. Хлеб нельзя кусать, потому что крошки полетят, начнут кружиться в воздухе, потом высохнут, заострятся и могут попасть в дыхательные пути. Но мы придумали. У нас был вентилятор на потолке с сеткой. Мы на эту сетку клали мокрую марлю и ели хлеб. Крошки летели, но присасывались к марле.

Кстати, когда Ремек с Губаревым прилетели к нам «в гости», мы, чтобы не терять времени, пока проверялась герметичность стыковочного узла, стали делать физические упражнения: Юра на велоэргометре, я – на беговой дорожке. Они из своего корабля как закричат: «Что происходит?!» Мы говорим: «Ничего особенного, физкультуру делаем». А они потом рассказывали, что их буквально из кресел выбрасывало.

Мы провели немало экспериментов, предложенных чехословацкими учеными. В советско-чехословацком биологическом эксперименте «Хлорелла» преследовалась цель дальнейшего изучения свойств удивительной водоросли, способной обеспечивать человека водой, белком и чистым воздухом.

Для изучения процессов окисления в организме человека в условиях невесомости на борту «Салюта-6» проводился

эксперимент «Кислород», задуманный и поставленный советскими и чешскими учеными. Техническим оснащением его был уникальный портативный прибор «Оксиметр». Для науки международные полеты плодотворны. Они ускоряют научное сотрудничество. Наш полет это доказал.

Ремек был гостем, поэтому мы старались во всем ему помогать и делились опытом. А дальше – все как на Земле. Представьте, что к вам приехал гость и живет у вас. В первый день вы его принимаете с радостью, на второй – ведете в Третьяковку, на третий – чем-то угостите, на четвертый – у вас уже накопились дела, и вы подсчитываете, сколько же еще он будет гостить… И хотя он хороший человек, но на четвертый-пятый день вы уже думаете, скорее бы пришел последний день, ведь у каждого свои заботы. Так и у нас в космосе…

Анекдот о Ремеке:

> «Когда чешский космонавт приземлился – все заметили синяки у него на руках. Спрашивают – отмалчивается. Потом говорит, что когда что-то пытался сделать, то Романенко и Гречко били его по рукам и говорили: „Не трогай, испортишь!“»

Естественно, на самом деле ничего такого не было, но потом этот анекдот стали рассказывать о каждом последующем космонавте из «соцстран». Может, основанием для таких анекдотов было то, что нас готовили к полетам годами, а их – неделями. Его учили тому, как пользоваться космической кухней, туалетом, он знал, как работать с приборами, которые поставила на борт его страна. Про остальное говорили, что это ему не надо трогать. А поскольку обучение было ускоренное, родился такой анекдот.

К иностранным космонавтам из дружественных стран, которые летали вместе с нами, советскими космонавтами, принято относиться иронически. В этом есть сермяжная правда: как правило, они были подготовлены хуже, чем мы, годами готовившиеся к работе в космосе. Но, когда я слышу шутки, например, о вьетнамском космонавте Фан Туане, мне хочется возразить.

Это человек героической судьбы, удивительный, достойный уважения. Вьетнамец был уникальным пилотом: считалось, что сбить Б-52 невозможно. А он в годы войны сбил и остался жив. Уникальный пилот и человек! Он ворвался в строй самолетов,

сбил Б-52 и полетел на свой аэродром. За ним следовали «Сэйбры», зная, что расстреляют его на посадке. И вдруг он исчез. Оказывается, он отработал посадку МИГа в темноте, а это непостижимо.

В космос он летал вместе с Виктором Горбатко. Между прочим, он стал первым космонавтом Азии. Не китаец, не японец, а вьетнамец. Позже генерал-лейтенант Фан Туан возглавлял управление оборонной промышленности Вьетнама.

В наше время было принято поздравлять дружественные страны из космоса с праздниками. По-моему, у нас с Юрой это неплохо получалось. Было как раз 8 марта, и мы поздравляли женщин всего мира с Международным женским днем.

И я тогда сказал: «Я поздравляю женщин всего мира, но чехословацких женщин я не поздравляю, потому что у нас на борту космонавт Владимир Ремек, молодой, красивый, смелый и до сих пор не женат. Куда смотрят женщины Чехословакии?»

Через несколько месяцев мне в Москву прислали журнал «Прага», статья начиналась так: «8 марта Гречко сделал чешским женщинам замечание, что космонавт Ремек до сих пор одинок. И женщины Чехословакии исправились. Передаем репортаж о свадьбе Ремека».

Космос по-немецки

Чтобы терпеть в космосе неприятное давление крови в голове нам делают ортостатические тренировки. Нас регулярно кладут на стол и то наклоняют головой вниз, чтоб кровь приливала, то обратно. Так тренируют сосуды и приучают терпеть давление крови в голове. Забавный случай вышел с немецким космонавтом Зигмундом Йеном. Немцы – они же люди методичные, прилежные, исполнительные. Так Йен даже ужесточил подготовку: он спал без подушки и на наклонной кровати, вместе с женой.

В августе 1978-го Йен вместе с советским космонавтом Валерием Быковским семь суток работал на орбитальной станции Салют-6. Это было событие: первый немец в космосе, представитель ГДР! После полета они поехали в Берлин, там проходили пресс-конференции, торжественные встречи.

Надо здесь сказать, что незадолго до этого страны «народной демократии» поспорили между собой на высоком уровне, кто должен первым лететь в космос на советском корабле. Немцы говорили, что они больше всех вносят денег в «Интеркосмос». Мы хотели немножко замазать свою вину перед Чехословакией за 1968-й год, за танковое вмешательство в их политическую жизнь. А поляки возмутились – говорят, почему чехи? Ведь во время революции 1917 года поляки, в том числе Дзержинский, выступали на стороне красных, а чехи – на стороне белых.

Политика в этом случае победила экономику и историю. Полетели все-таки в таком порядке: чех, поляк, немец. Конечно, в Варшаве, Берлине, Будапеште и Софии обиделись на Москву и Прагу.

И вот, после успешного полета, в стольном городе Берлине у Быковского спросили: «Как вы обеспечиваете безопасность космонавта в полете?» Быковский разъяснил, что мы сначала запускаем беспилотный корабль. Если все нормально – то корабль с собакой, если опять все нормально – то летит космонавт. А потом у Йена спросили о том же. А мы, говорит, сначала запускаем корабль с чехом, потом корабль с поляком, и, если все нормально, тогда летим сами… Это, конечно, анекдот!

Космическая почта

Я был первым в мире начальником орбитального отделения почтовой связи на «Салюте-6». У меня даже есть такое удостоверение. А моими почтальонами считались Владимир Джанибеков и Олег Макаров. Они-то и привезли на станцию сувенирный штамп «Борт орбитальной станции „Салют-6“» круглой формы с рисунком станции. Этим штампом я должен был проштамповать конверты для почтовых музеев разных стран.

Почтовая мастика в невесомости вела себя коварно, собиралась в капельки, размазывалась по конверту. Я начинаю штемпелевать конверты, но ничего не получается. Невесомость. Если ты жмешь на этот штемпель, то сам улетаешь, и отпечаток получается плохой. Если ударяешь, то рука отскакивает, так как ничего не весит, и получается двойное изображение. В конце концов, я приловчился это делать на подлокотнике моего кресла, но отпечаток все равно был нечеткий.

Джанибеков доставил на «Салют» вместе с основной корреспонденцией и открытку от моей доброй знакомой,

писательницы Ольги Ларионовой. Вначале эта открытка побывала у меня дома. Ольга написала, что она поздравляет меня с наступающим Новым годом заочно, поскольку, к сожалению, почта в космосе еще не работает.

Я, как начальник почтового отделения «Салюта», поставил на открытку штемпель и отправил назад с припиской: «Как же так: ты придумываешь фантастические сюжеты о полетах во вселенной, о жизни на других планетах, а такую элементарную вещь, как почта, просмотрела!» Ответ Ольга получила, когда я еще был в космосе.

Джанибеков и Макаров с космической почтой вернулись на Землю, а почтовая история продолжилась со следующей гостевой экспедицией – Ремека и Губарева. Они привезли нам письмо от министра связи СССР Талызина, написанное от руки:

«По согласованию с Инстанцией Министерство связи СССР приняло Ваше предложение об открытии отделения связи „Салют-6“ на орбитальной станции, для чего изготовлены штемпель спецгашения и десять заадресованных конвертов. Прошу возвратить Министерству связи СССР штемпель и конверты для отправки их по назначению. Прошу Вас поручить экипажу станции на заадресованных и обработанных штемпелем конвертах поставить автографы».

А еще – распоряжение узла связи Ленинска от 1 марта 1978 г.:

«Борт орбитальной станции „Салют-6“. Бортинженеру тов. ГРЕЧКО Г. М. Направляется специальный календарный штемпель первого в мире космического отделения связи „Салют-6“. Примите поздравления с назначением Вас нештатным сотрудником космического отделения связи „Салют-6“».

Я снова взялся за штемпель. У меня была задача: штемпелем, который на Земле не использовался, проштемпелевать для почтовых музеев всего мира конверты. После этого штемпель должен был уничтожиться, а в музее остаться уникальные конверты.

Но я заметил, что этой печатью уже пользовались. Вид у нее был бывалый. Штемпель изображал нашу станцию и звездное небо. Мы с Романенко аккуратно срезали одну звездочку, чтобы конверты, проштемпелеванные в космосе, имели радикальное отличие. Если вы увидите якобы наш конверт с лишней звездочкой – знайте, что его штемпелевали не в космосе!

Наши конверты из первой партии должны были разойтись по музеям. Нас уверяли, что штемпель был уничтожен! По крайней мере, мы вернули его почтовикам. А потом в Мюнхенском музее почты я увидел наши конверты, проштампованные с блестящей

четкостью. Но у меня на орбите штампы получились куда менее красивыми! Значит, как мне кажется, все-таки кто-то подстраховал меня, подправил на Земле.

Так и американцы, я думаю, подсняли в Голливуде эффектные кадры пребывания на Луне. Но это не означает, что астронавты не были на Луне!

Между прочим, байконурские филателисты, устроившие крупный по тем временам бизнес на наших конвертах, через некоторое время даже попали под суд…

В самой популярной и содержательной Интернет-энциклопедии, которую читают на разных языках, обо мне написано как о заядлом филателисте. Я далеко не главный филателист среди космонавтов. На эту роль скорее мог претендовать рано ушедший от нас Лев Демин, а сейчас, увлеченным филателистом остается Виктор Горбатко.

Марки никогда не были для меня всепоглощающей страстью. Куда сильнее и дольше я увлекался театром. В товстоноговским БДТ в Ленинграде я готов и на студенческих местах сидеть, на самой галерке.

А с филателией дело было так. На девятилетие отец подарил мне альбом марок. Я тогда мало что понимал в филателии – и, когда обменивался с мальчишками, охотно отдавал ценную марку за более красивую, но не имеющую ценности. В блокаду альбом пропал.

В шестидесятые годы я снова стал собирать марки на волне космических достижений, к которым был причастен. Выходили марки, связанные с космическими победами, это меня вдохновляло. Я любил и люблю космические марки. Но главная причина другая. У меня тогда росли два сына, и я считал, что собирание марок – неплохое увлечение для подростка. Наверное, об этом же думал, в свое время, и мой отец… Мы с сыновьями с удовольствием посвящали маркам свободное время. Эти счастливые минуты остались только на фотографиях.

В первый свой полет я взял кляссер с шестью марками 1969 года. На марках был изображен скульптурный портрет Сергея Павловича Королева. В день рождения Королева, на второй день нашего полета – 12 января – мы с Алексеем поставили на марках автографы.

У меня, конечно, немало марок космической темы, начиная с первой марки с изображением Циолковского. Но особо ценных экземпляров нет. Мне нравятся наши советские марки, посвященные моим первым двум полетам. Особенно первая – маленькая марка, на которой изображены мы с Губаревым и наша станция Салют-4. В этой талантливой миниатюре можно даже

увидеть лучи солнца, которые ловил мой телескоп.

Ну, а марка, на которой мы с Романенко заразительно улыбаемся на фоне станции Салют-6, получилась цветной и яркой. Некоторые коллеги даже ревновали – мол, летали больше тебя, а марки у нас не такие красивые. Изображали нас и на иностранных марках – у меня даже не все марки с Гречко есть в коллекции.

В один прекрасный день я понял, что коллекция требует слишком много времени, нервов и денег – ездить на первые штампы, покупать, продавать. Лишних ресурсов по этим трем направлениям у меня не было. Или марки, или работа.

На связи – артисты

13 ноября 2005 года международные агентства новостей растиражировали «сенсацию»: «Сэр Пол Маккартни стал первым музыкантом, сыгравшим вживую для космической аудитории!» Певец из знаменитой группы «Битлз» исполнил две песни для советско-американского экипажа Международной космической станции. Я бы поаплодировал и сэру Полу, и всем журналистам мира, если бы они не написали: «Стал первым».

В действительности для нас и тридцать лет назад устраивали на Земле отличные концерты, пели, играли, шутили. Вживую, а не в записи. Это называлось психологической поддержкой космонавтов. Даже отвечали на наши вопросы с космической станции, а иногда выполняли наши заказы. А тут ради сенсации перечеркивают правду.

Анекдот на полях:

«Аполлон» и «Союз» после стыковки летят вместе.

Они пролетают над Советским Союзом и видят миллионы телескопов, направленных в небо.

– Какая тяга к науке в вашем народе! – восхищаются астронавты.

– Да нет, это просто в Москве – десять часов утра, час волка, началась продажа алкоголя. Они из горла пьют!

Первыми развлекательную психологическую поддержку получили как раз мы с Романенко. Полет был рекордно длительный – и на Земле, конечно, думали о нашем настроении. Однажды – вполне неожиданно – нам сказали, что вечером на связь выйдет артист Ростислав Плятт.

До сих пор никто, кроме офицеров связи и коллег, с нами не общался. И я сказал Романенко: «Они нас за дурачков считают! Конечно же, они просто поставят запись Плятта. Но я их разоблачу! Как только в выступлении Плятта возникнет пауза – я ему вопрос задам! Представляю, как у них вытянутся лица!». Но вытянулось лицо у меня, когда Плятт остроумно и внятно ответил на мой вопрос!

Нелегко было выдержать рекордные три месяца на орбите без помощи наших любимых артистов с Земли. Однажды на сеанс

пригласили Элину Быстрицкую, мы тепло общались, а супруга Юрия Романенко даже потом пеняла мужу за то, что он из космоса чересчур нежно вел с ней беседу о художественной гимнастике…

В другой раз пригласили Аллу Пугачеву – молодую певицу, очень популярную в те годы. Она спела для нас и поинтересовалась: понравилась песня или нет? А система связи в космосе в том полете, рассчитанная на передачу голоса, плохо транслировала музыку. Поэтому песня прозвучала в очень урезанном виде, да к тому же на линии были помехи. На вопрос Пугачевой я ответил, что песня нам очень понравилась, только вот ни слов, ни мотива мы не разобрали… Это была, конечно, шутка: кое-что мы слышали. Но, например, когда она исполнила песню «Женщина, которая поет», я кивнул Юре: «Смотри-ка, специально для тебя песню написали: „Та женщина, которая Алена…“» Аленой звали жену Юрия. «Да нет, не Алена, а „поет“», – поправил меня Романенко. После нашего полета связь улучшили. В следующих полетах ребята могли более полноценно слушать пение и музыку.

Помню, как перед нами выступал Александр Ширвиндт. Он исполнил остроумный монолог про швейцара, которому пришлось читать лекцию вместо лектора. И не перед пионерами, а перед пенсионерами. Шутки Ширвиндта мы потом с наслаждением вспоминали, перебирали в памяти его интонации.

Особенно запомнилось восклицание «Ой, мамочки!». Честное слово, на целую неделю он подарил нам хорошее настроение. Выступали перед нами и Андрей Миронов, и Юрий Никулин.

Никулин сначала рассказывал анекдоты, а потом сказал: «А вот вам не анекдот, а правда». И поведал историю про семью инженеров, у которых угнали «Жигули». А потом вернули с извинениями вымытую машину. И, чтобы возместить волнения, подарили им два билета в театр, на «валютный» спектакль… Инженеры отправились в театр. И, пока они смотрели спектакль, воры обчистили их квартиру. Вынесли все ценное. На этих словах я вмешался: «Нет, Юрий Владимирович, это все-таки не быль, а анекдот!» – «Почему?» – «Если инженеры накопили на „Жигули“ – ничего ценного у них из квартиры уже не вынесешь».

Разве можно забыть встречу с Райкиным, которого я любил с юности? Все космонавты, совершившие длительные полеты, обладают чувством юмора, потому что он необходим как способ выживания в ненормальных условиях. И общение с Райкиным пополняло арсеналы шуток. С ним я встретился на телевидении, когда мы вместе выходили на связь с очередным экипажем орбитальной станции. Райкин выступил перед космонавтами, а потом у нас был перерыв между сеансами связи – между витками. И мы разговорились. Я рассказал ему, как отец ругал меня за то, что не пропускаю ни одной премьеры в Театре Миниатюр.

Райкин подарил мне билеты на новую премьеру и рассказал уморительно смешную историю, как они с Корнеем Чуковским пропускали друг друга в калитку на переделкинской даче. Они становились друг перед другом на колени, падали ниц. Умоляли друг друга пройти первым – как Чичиков и Манилов у Гоголя. Через сорок минут, как гость, Райкин сдался и пошел к калитке. И тогда Чуковский сказал ему: «А мог бы старика-то и вперед пропустить!».

Когда мы снова вышли на связь со станцией, Райкин спросил ребят: «Что бы вы хотели услышать?». И тогда я посоветовал, чтобы он рассказал эту историю про Чуковского. Я знал, что такой юмор ребята оценят. Отрывки из этого сеанса связи показали по Центральному телевидению.

Спектакль, на который Райкин меня пригласил, стал потрясением.

В антракте я зашел за кулисы. И сразу бросилось в глаза, что Аркадий Исаакович серьезно болен. Он выглядел изможденным, с трудом передвигался, держась за стену. Но, как только настало время второго отделения – он с неимоверным трудом по стеночке доковылял до занавеса. Но, когда вышел на сцену – ожил, походка его стала легкой, а усталые глаза загорелись.

Когда у Аркадия Исааковича Райкина был юбилей, я пришел его поздравить. Наверное, в тот вечер я был единственным не артистом на сцене. Если не считать чиновника из министерства культуры, который от волнения назвал Аркадия Исааковича Ивановичем. До меня и после меня Райкина поздравляли представители театров – от звезд балета до лучших трагиков и комиков.

Но к тому времени я уже не тушевался перед аудиторией. И смог сказать слова благодарности артисту, которого любили все космонавты. Несколько лет назад мне довелось выступать в бывшем здании ленинградского Театра Миниатюр, где я не раз аплодировал Райкину. Я прошел по старой сцене и ощутил трепет… Здесь ступала нога самого Райкина!

Песня станции «Салют-6»

Несколько лет назад все мы были потрясены страшным известием: погиб поэт, бард Борис Вахнюк. Случилась непоправимая беда: на Преображенской набережной его сбил автомобиль. Погиб вместе с шестилетней дочерью Серафимой. Вторая дочь поэта – девятилетняя Полина умерла от ран в больнице. И это – в светлое время суток, да еще и на пешеходной зебре!

Много лет назад, когда мы еще не были знакомы лично, он позвонил мне по телефону, представился. Борис частенько вспоминал мой тогдашний ответ по телефону: А чего мне знакомиться? Я Ваши песни сто лет знаю. По молодости на все ваши бардовские концерты с тяжелым магнитофоном мотался, все записи сохранил, переслушиваю.

Так, когда и где по работе встречаемся? А работа была такая: для фильма о моем с Романенко полете нужна была песня.

Мы предложили нашему фильму название – «Единственный выход». Смысл многоплановый: с одной стороны – для меня и Юрия Романенко то был единственный выход в открытый космос. С этим все понятно. Но важно другое, – у нас в полете был единственный выход из внештатной ситуации. Фильм должен был передать этот дух риска, показать путь, с которого мы не могли дезертировать.

Когда я отсмотрел материал, сразу понял, чего не хватает фильму – песни. Настоящая песня поднимает, выводит наши космические хроники в измерение искусства. И у меня были стихи на примете – из повести Стругацких, которыми я тогда зачитывался.

А лично нас познакомил Ярослав Голованов. В своих записках остроумно (и, насколько я помню, похоже на правду!) описал мою первую встречу с Аркадием Стругацким: «Выполнил свое обещание: организовал у меня дома встречу Аркадия Стругацкого и Жоры Гречко. Жора засыпал Аркадия вопросами. У меня сложилось впечатление, что Гречко знает творчество Стругацких гораздо лучше самого Стругацкого. Я исполнял роль обезьяны, которая прыгает по книжным полкам и бросает им вниз книги братьев (вместо кокосовых орехов). Которые они ежеминутно от меня требуют для всевозможных сверок-проверок».

Итак, Стругацкие, стихи из «Полдня XX века». Мотива у Стругацких, конечно, не было – только стихи, вернее тема и рефрен. А песню написал Борис Вахнюк:

Не вдоль по речке, не по лесам,
Вдали от родных огней
Ты выбрал эту дорогу сам.
Тебе и идти по ней.
Лежит дорога, твой рай и ад,
Исток твой и твой исход.
И должен ты повернуть назад
Или идти вперед.
Твоя дорога и коротка,
И жизни длинней она.
Но вот не слишком ли высока
Ошибки твоей цена?
И ты уже отказаться рад
От тяжких своих забот…
Но если ты повернешь назад,
Кто же пойдет вперед?
Хватаешь небо горячим ртом,
Ступени вперед круты.
Другие это пройдут потом,
И все же сначала – ты.
Так каждый шаг перемерь стократ
И снова проверь расчет:
Ведь если ты не придешь назад,
Кто же пойдет вперед?..

Эта песня Бориса Вахнюка мне очень нравится. Я до сих пор помню ее наизусть и рад, что поучаствовал в написании этой песни. Фильм она, несомненно, украсила и рассказала о нашей профессии правдиво и талантливо. Каждый космонавт подпишется под этими словами:

Ведь если ты повернешь назад,
Кто же пойдет вперед?..

Радиация

Радиация представляет смертельную угрозу для здоровья космонавта. На Земле нас защищает атмосфера, а в космосе ее нет. Корабль из тонкого алюминия оградить от облучения не может. От протонной вспышки на Солнце нас спасали радиационные пояса Земли, а от нейтронной вспышки спасения не было. На случай, если вспышка от Солнца направляется в сторону Земли, у нас в аптечке были специальные лекарства. Но принимать эти пилюли можно было только по указанию Центра управления полетами. На Земле сперва должны были все проверить, померить и разрешить…

В полетную одежду космонавта были вшиты интегральные датчики. По возвращении на Землю их срезали и узнавали, сколько радиации мы схватили за полет. От нас эти данные скрывали. Когда я начал расспрашивать, мне уклончиво ответили, что за свой самый длительный полет я схлопотал столько радиации, как если бы одновременно прошел рентген желудка и позвоночника, которые из-за вредности делают в разные дни.

Еще одну дозу радиации я схлопотал после взрыва на Чернобыльской АЭС, когда с делегацией иностранных ученых ездил в Припять. В Киеве была радиация нормальная – 15 микрорентген, на подъезде к зоне – уже 50, а когда в зоне мы остановились недалеко от четвертого реактора, было уже 3600 в воздухе (почему-то нам не разрешали положить дозиметр на землю, только держать в руках).

По зоне нас возили в «грязном» (зараженном радиацией) автобусе. При выходе из него нас, как в аэропорту, пропускали через рамку: только искали не контрабанду, а радиацию. И нашли – один человек «звенел».

Я – лауреат Государственной премии Украины за медико-биологические исследования в Космосе. В беседе с одной сотрудницей из Украинской Академии наук я узнал, что именно в тот Первомай она (так уж совпало) исследовала влияние радиации на биологические объекты. Заодно и себя померила – звенела вся! Она знала про катастрофу и очень испугалась: «Пришла домой, сняла одежду с себя, надела чистую – звеню. Приложила дозиметр к волосам – источник в волосах. Помыла шампунем – звенит. Помыла стиральным порошком – звенит. Срезала волосы – перестало звенеть». Такая была в тот день радиация в Киеве, а дети простых людей во время первомайской демонстрации танцевали на улице…

Проблема защиты от радиации – пожалуй, самая серьезная в

свете будущей экспедиции на Марс. Как чернобыльский автобус набирает радиацию, так и свинцовое защитное убежище на корабле, идущем к Марсу, вместо защиты станет источником радиации. А пересесть некуда: по дороге на Марс нет чистых автобусов. Может быть, нужно каким-то образом создать вокруг корабля аналог земного магнитного поля. Еще есть проект создания водяной защиты от радиации. Воду, наверное, можно через что-то пропустить и очистить. Но как? Это пока еще гипотеза, технического решения нет.

Может быть, поможет фармакология. На сегодняшний день космонавт защищен от радиации «только собственной спиной» – как Василий Теркин от бомбежки. Помните поэму Твардовского? Я дитя войны и когда-то помнил ее наизусть. И должен сказать, что нередко мои ощущения в космосе совпадали с эмоциями бойца Василия Теркина. Помните, Теркина спросили: «Сколько раз ходил в атаку?» А он: «Так, случалось иногда». Очень точная интонация! Это и про нас, космонавтов…

Наука не решила проблемы радиации. Может быть, придется прибегнуть к народному средству: «Истопник сказал, что „Столичная“ очень хороша от стронция» (А. Галич). Это не шутка. Один ликвидатор Чернобыльской аварии рассказывал мне, что ему помог выжить… самогон. Все те, кто работал рядом с ним, – умерли, а он выжил, потому, что на Атомную станцию его призвали сразу после обильного свадебного застолья с самогоном.

Правда без дипломатии

В отчетах о полетах я не прибегал к дипломатии, писал правду. И за это мне доставалось. Например, мы с Юрой Романенко, в основном по моей инициативе, написали 250 замечаний по полету, причем большинство мелких. Станция «Союз-6» была новая, все естественно. Где-то заусенцы, можно порезать палец. Где-то гайка так закручена, что хоть зубами откручивай. Были и более серьезные замечания. Специалисты обычно говорят: мы все устраним, только не пиши. Один раз, в первом полете, послушался их – ничего не устранили. В следующем полете уже говорю: «Нет, ребята, знаю я, как вы все устраняете». В результате все оказались хорошие – замечаний не пишут, а я плохой. Эти же специалисты экзамены принимают, долбают меня. Мало кто любит правду без дипломатии.

На Салюте-7. Космический старожил

В третий раз я совершил полет в 1985-м году. К тому времени мне стукнуло 54 года. Для Советского Союза это был рекорд, никто у нас в таком возрасте в космос не летал. Только один такой дурак нашелся на весь Советский Союз! Наш генеральный конструктор Валентин Петрович Глушко любил рекорды. Такой у него был недостаток, переходящий в достоинство, потому что «пиар» шел на пользу не только ему лично, но и всей отрасли. Надо сказать, что Валентин Петрович был очень внимателен к наградам, к признанию своих заслуг. При этом был выдающимся ученым и создал лучшие в мире ракетные двигатели.

Глушко видел меня будущим мировым рекордсменом, старейшим космонавтом – и моя кандидатура на полет до поры, до времени сомнений не вызывала. Но американский астронавт Карл Гордон Хенице в июле 1985-го слетал на Челленджере в возрасте 58 лет. А потом, уже много лет спустя, когда в живых не было ни Глушко, ни Хенице, в космос полетел Джон Гленн – первый гражданин США, совершивший орбитальный полет. Тот его первый полет состоялся 20 февраля 1962 года. Второго полета он ждал аж 36 лет! И было ему в 1998-м году 77 лет. Гленн на десять лет старше меня.

А самым молодым человеком в космосе до сих пор остается наш Герман Титов – во время уникального полета в августе 1961 ему было 25 лет.

В 1983-м году мы узнали, что Хенице назначен к полету, а он был на пять лет старше меня… Тут у Глушко могли возникнуть сомнения – так ли безупречна моя кандидатура? Если в 77-м желающих на трехмесячный полет не было, то тут быстро появились желающие слетать на неделю на Салют-7. Говорили: Гречко слишком грузный! Гречко слишком старый! У него кости не выдержат! Только, прости Господи, эксперимент с труппами моего возраста и моей комплекции, который специалисты провели специально для меня, доказал: кости выдержат.

А что касается комплекции… Когда-то я был высоким и стройным, а потом погрузнел… Мне позвонил Глушко, спросил про вес. Я гарантировал ему, что за полтора года сброшу вес до полетной нормы. Вес космонавта важен при посадке. Все рассчитано на жесткий удар о землю – на случай, если не сработают двигатели мягкой посадки. Кстати, худший удар – о мокрый песок, это хуже, чем приземление на камни.

У нас кресло с амортизацией и вес космонавта в кресле не должен превышать определенной величины. Если космонавт

легче восьмидесяти килограммов – ему добавляют свинцовый груз. А тяжелее быть нельзя… Мне нужно было похудеть на десять килограммов. В своем шкафчике для спортивной одежды и инвентаря я повесил график изменений веса. Взвешивался каждый день занятия спортом. И в зависимости от графика увеличивал физические нагрузки: больше занимался со штангой, больше плавал. Ну, и ел меньше. Похудеть было несложно.

К полету вес у меня был нормальный, но – на грани. И вдруг в последнюю ночь мне до одури захотелось шашлыка с пивом! Я не выдержал и позволил себе стакан пива и несколько кусочков шашлыка. Ну, думаю, все. Утром взвешивание покажет, чего стоил мне этот ужин. И так я волновался, всю ночь ворочался, что взвешивание показало: даже похудел.

Иногда меня спрашивают – хочу ли я сейчас поработать в космосе. Есть у меня свое кредо, я считаю, что в полете нельзя быть обузой ни для кого. Да, иногда мне хочется полететь. Но я понимаю, что уже не способен, потому что уже нет необходимого здоровья, знаний, силы, точности движений – мне ведь за восемьдесят. А летать для возрастного рекорда, как мышь лабораторная, чтобы надо мной эксперименты делали, не хочу. Гленн согласился на суточный полет в этих целях – а я ни за что не согласился бы. Признаться, я убирал рвоту за другими и не хочу, чтобы убирали за мной.

EA
2012

Третий полет

В космосе нет невозможного. На станции «Салют-7», где мне предстояло работать, однажды внезапно пропало электричество. Она потеряла ориентацию в пространстве, температура внутри резко снизилась. Замерзла вода, полопались трубопроводы. Космонавты Владимир Джанибеков и Виктор Савиных сумели состыковаться с беспорядочно вращающейся поврежденной станцией, провели восстановительные работы. Это был подвиг, настоящий технический и человеческий подвиг, я нисколько не преувеличиваю. Я считаю Володю и Виктора лучшими, самыми профессиональными космонавтами нашего времени. Они в труднейших условиях «оживили» станцию. Космос – это сфера деятельности профессионалов. Владимир и Виктор доказали свой высочайший профессионализм. Когда через некоторое время я туда прилетел, то даже пошутил на этот счет: «Ребята, а не выдумали ли вы эту ситуацию?» На борту все в лучшем виде, никаких следов не осталось.

В третий полет я отправился дважды дедушкой. У моего сына Алексея уже были дети.

Руководство сначала относилась к этому полету как к простой пересменке экипажей на Салюте-7. Но я с такой постановкой вопроса был не согласен. Во втором полете мы получили научную информацию о тонкой слоистой структуре атмосферы Земли. На фундаменте тех результатов мы со Станиславом Савченко составили научную программу по исследованию атмосферы Земли.

Во время предыдущих полетов я не раз ворчал на составителей научной программы, что они планируют слишком много экспериментов. И у космонавтов вечно не хватает времени на их реализацию. А сейчас я сам стал составителем программы – и вставил туда много длительных экспериментов. Совершил ту же ошибку, что и мои предшественники… Научная программа недельного полета оказалась небывало насыщенной. Я думал, Джанибеков и Савиных меня обругают и, может быть, побьют. А они сказали: «Добавляй еще, нам понравилось работать так целенаправленно!»

В подтверждение моих слов приведу отрывок из книги Виктора Савиных: «Г. Гречко прибыл как специалист по геофизике. Благодаря новой организации работы мы за короткое время выполнили массу новых экспериментов, вдвоем это было бы сделать невозможно… Слаженность доброго десятка научных приборов требовалась идеальная. Дома мы в таком составе все

это не проходили, пришлось навыки обретать на лету».

В том полете я убедился: с такими профессионалами, как Джанибеков, Савиных и Волков-старший, на орбите даже горы можно свернуть если бы они там были.

Пришло время возвращения на Землю. Когда мы с Джанибековым в Союзе отчалили от станции Салют-7, я должен был с борта корабля сделать фотографии нашей знаменитой орбитальной станции.

Мы отходили от станции. По программе двигатели отвода работают десять секунд. За это время мы слишком удалимся от станции, и снимки получатся мелкими, невыигрышными. Такими и получались до нас снимки орбитальных станций. Поэтому я выключил двигатели отвода через пять секунд – и принялся фотографировать. ЦУП реагировал нервно, требовал включения на отвод.

А я снимал, станцию на фоне морей, гор, над горизонтом Земли… До меня снимков орбитальных станций на фоне Земли не было. Из ЦУПа предупреждали: «Ты же столкнешься!». Но я баллистик и в законах движения кое-что понимаю. Отснял две пленки. Я снимал, Джанибеков перезаряжал, заменял объективы. Меня предупредили: за такое нарушение дисциплины вылетишь из космонавтов.

Снимки получились по тем временам удивительные! Сейчас, конечно, космонавты снимают намного лучше и техника другая. Но для 85 года это был прорыв. На Земле нас встретили угощениями. Фотографы преподнесли нам по куску арбуза. Мы попозировали для фотографов – и тут же врачи отняли у нас арбуз. Они его не проверили и запретили есть. Даже откусить мы не успели! Но фотографы тут же угостили нас еще и апельсинами. И тут уж мы успели их попробовать прежде, чем подоспели строгие врачи со своими запретами.

Мы с Джанибековым после полета пришли к Генеральному конструктору В. Глушко. Побеседовали у него в кабинете, и я показал ему снимки. Валентин Петрович обеими руками буквально вцепился в фотографии. Он любил и понимал пропаганду космических достижений, знал толк в «пиаре» и сразу оценил значение этих снимков. «Это просто здорово! Подпишите мне!»

Мы с Джанибековым, как авторы, подписали фотографии. А я сказал: «Валентин Петрович, вот вам понравились, а меня за эти фотографии из космонавтов выгоняют! За то, что замедлил расхождение со станцией». Глушко только махнул рукой: «Ниоткуда вас не выгоняют!» Он понял, что при десятисекундном отводе от станции таких снимков не было бы.

Вскоре он поздравил меня с праздником открыткой, в которой были слова: «Готовьтесь к четвертому полету!» Но в 1988-м году я сказал в интервью: «Я, в общем, уже заканчиваю карьеру космонавта. Вот сейчас прошел комиссию, годен к четвертому космическому полету. Ну, хорошо, слетаю в четвертый. С трудом могу себе представить пятый. А до космических мостов и лифтов я, наверное, не доживу».

Два снимка из той серии попали в американский аэрокосмический музей в Вашингтоне. Два из трех советских снимков на эту тему. Вот так, проявив непослушание, я принес пользу советской космонавтике. Ведь в том музее я представлял СССР!

Награждал нас в Кремле новый председатель Президиума Верховного Совета Андрей Андреевич Громыко. Опытнейший дипломат, он много лет был министром иностранных дел. А на новом посту был в 1985-м новичком. Перед награждением мы минут пятнадцать пообщались с Андреем Андреевичем. Он попросил нас проконсультировать, как проходят подобные торжественные церемонии. Так что нам довелось консультировать по важному политическому вопросу самого Громыко – всемирно известного железного канцлера. «Мистера „Нет“», как его называли западные дипломаты.

Негеройский поворот головы, непричесанный, небритый, и… такой иконостас

Урок и намек

У меня было немало хороших учителей. Иногда и мне удавалось своим опытом помогать молодым коллегам. У нас так было принято. Когда возвращались на Землю экипажи, я каждого расспрашивал, что, как и почему. Поэтому в первом полете для меня по большому счету не было ничего неожиданного. Когда я возвращался, другим помогал. Иногда доводилось передавать свой опыт и прямо на орбите.

В третий полет я пошел, как говорят парашютисты, с «перворазниками». То есть с новичками, Сашей Волковым и Володей Васютиным. Мне было уже за пятьдесят, и когда я со своей комплекцией втягивался в кресло, они надо мной подшучивали. Я говорю: «Ничего, ребята, взлетим – и посмотрим, ху из кто».

И когда взлетели, я смотрю, мальчики мои притихли. «Вот сидите, говорю, и головами не вертите, а то затошнит. Поворачивайтесь всем корпусом». Они сидят, а я перешел в бытовой отсек и расконсервировал все устройства. Встал ногами на потолок, руки засунул под ремни какой-то мягкой укладки и уснул. В космосе так спать легче.

И Саша потом сказал: «Когда я посмотрел, как ты спишь на потолке – это дало мне столько, сколько не дает год подготовки». Потом он передавал другим то, чему научился у меня. А они – дальше, по цепочке. Так было.

А потом стали посылать в космос на МКС экипажи, в которых нет ни одного уже слетавшего космонавта. Зачем прервали преемственность – мне непонятно. Я не думаю, что это повышает качество работы в полете.

В третьем полете работы у нас было невероятно много. И вы представьте себе: станция Салют-7. Четверо мужчин трудятся без передышки, в колоссальном напряжении. По всему видно, что им нужна помощь. А пятый отдыхает и даже не предлагает помочь… Четверка – это Савиных, Джанибеков, Волков и я. А пятый – Володя Васютин, который оказался больным. Когда на карту был поставлен его полет, он скрыл от врачей свою болезнь и вот теперь на орбитальной станции оказался бесполезным. Вдруг я услышал странные позывные – какой-то писк. Бросился проверять – все ли в порядке с нашей радиосвязью? А это Володя увлекся электронной игрой «Ну, погоди!», в которой нужно ловко нажимать на кнопочки, чтобы Волк ловил зайца. Мы привезли эту игру для Виктора Савиных, который работал на орбите уже второй срок.

Во время ужина я вслух порассуждал, что надо бы изменить порядок приема в космонавты. Я бы сделал так. Приходит кандидат на экзамен, а ему говорят: комиссия будет через два часа. Подождите, располагайтесь на диване. Возле дивана – столик. Там и журналы, и книжки интересные, и электронные игры. А рядом какие-то люди работают в поте лица. Так вот того, кто сразу начнет помогать тем, кто работает, я бы без экзамена брал в отряд космонавтов! Саша Волков сразу все понял, после ужина мне подмигнул: «Тебе помочь?»

Когда главный конструктор Глушко ехал на встречу с нами, он в машине по радио услышал, что Васютину (который по болезни досрочно вернулся на Землю, сорвав программу) присвоено звание героя Советского Союза. Без представления главного конструктора! Стараниями военного руководства, которому честь мундира не позволяла стерпеть, что гражданским дадут звезду, а офицеру – нет. Глушко развернул машину и не поехал на встречу.

А недавно сын Саши Волкова и сын Юры Романенко тоже стали летчиками-космонавтами. Я очень рад за них. Хорошо, что профессия космонавта становится семейной традицией. Чем больше будет таких «звездных» династий, тем лучше.

Станислав Савченко, «песочное» пирожное и «Наполеон»

В космосе нет справочников, а в мое время интернета тоже не было. И нет других контактов с научным сообществом, кроме как на сеансах связи.

Когда ученые составляют программу полета, они еще не знают космонавт Иванов, Петров или Сидоров полетит. Ученый приходит: «Вот у меня потрясающей важности научный эксперимент». «Какая длительность?» «Три часа». «Извините, но трех часов на это нет в режиме». «Постойте, думаю, можно сделать за полтора». «Ну, тогда давайте». Вставляют в программу. А все равно же три часа на него в космосе уходит. И обед полетел и сон. Кто-то мог так: полтора часа отработал, пришло время обеда – конец. А я тянул, тянул и тянул лямку. Азарт исследователя захлестывал. Но разве я сумел бы работать эффективно, если бы мне не помогали на Земле?

А помогал мне Станислав Андреевич Савченко. Как-то одна бабушка сказала: «Умных сейчас мало, все больше ученые». Савченко был самым умным. Он являлся постановщиком многих астрофизических и геофизических программ, и мы друг друга понимали с полуслова. Станислав помогал мне выверять направление моей научной работы в космосе. Чтобы я не повторял чьи-то уже проведенные исследования, а открывал что-то новое.

Один мой коллега, боявшийся плагиата, ото всех скрывал свои исследования на орбите. Ни слова не говорил ЦУПу. А потом вернулся, написал диссертацию и оказалось, что добрая половина из установленных им фактов уже давно известна науке… У меня от Станислава Савченко научных секретов не было.

Для меня самое интересное в космосе – то новое, что до тебя никто не видел, а следовательно, нечто непознанное и непонятное. Хорошо, что на Земле находился Савченко. Я ему говорил, что именно наблюдаю, а он мне утром сообщал: это и это известно, а вот то – новое, нужно продолжать наблюдения.

Мне удалось найти тонкую слоистую структуру атмосферы. Упрощая, можно сказать так: до меня считалось, что атмосфера, как песочное пирожное, состоит из двух-трех «толстых» слоев. Я же в полете наблюдал за заходящими Солнцем, Луной, звездами. Замечал связанные с заходом явления, раскладывал по полочкам и доказал, что атмосфера как торт «Наполеон», состоит из многих тонких слоев.

С орбиты я сообщил, что озоновая дыра над Антарктидой не результат антропогенного воздействия, как это утверждали некоторые ученые. А природное явление, которое существовало до человечества, и будет существовать после. Лет через двадцать мои выводы были подтверждены.

И на этой основе США отказались подписать «Киотский протокол» ценой в миллиарды долларов.

Руководители полетом считали меня нарушителем дисциплины, «сумасшедшим ученым». Но для занятий наукой я выбирал «свободное» время, то есть выкраивал его за счет еды и сна. У нас там было трехразовое питание, восьмичасовой сон, но я никогда не спал восемь часов и не питался три раза.

Или чего там два часа заниматься физкультурой – на Земле врачи приведут в порядок. Лучше сделаю лишний эксперимент. За это меня ругали, дескать, мог бы сорваться и не выполнить программу. А я не мог отложить исследования! У меня есть железное правило: «Надо сделать – делай сейчас!» Откладывать на следующий раз нельзя. На это существует другое правило, в справедливости которого я сто раз убеждался: «Следующего раза не бывает!»

Ради науки я шел на хитрость. В частности, наблюдал серебристые облака ночью, а в дневнике записывал, что делал это в дневное время. Думал, что меня не поймают. Но в Центре управления все быстро поняли и запретили Савченко выходить на связь. Сказали ему, что я нарушаю режим работы и отдыха космонавта, что мне уже женские голоса слышатся… В общем, досталось ему из-за меня.

А у меня каждый день скапливались новые данные, никому не известные, и их становилось все больше. Я кипел, кипел и однажды на последнем сеансе – он обычно был «пустой» и мы его называли «Спокойной ночи, крепыши!» – категорически заявил, что прекращу полет, если врачи не вернут Савченко… Видимо, это прозвучало убедительно. На следующий день он вновь был в ЦУПе. А через десять лет мы вместе со Станиславом Андреевичем работали над научной программой моего полета на станции Салют-7.

Однажды я передавал в ЦУП данные по дополнительному наблюдению за звездами. Их следовало передать Савченко. А тут захотелось пошутить и, когда офицер связи спросил, кому передать эти данные, я сказал: «Передайте моей жене!» Когда на Земле я встретился с женой – оказалось, что они действительно передали ей эти данные. И она, конечно, удивилась и ничего не поняла в лямбдах и зетах, предназначенных для Савченко.

Глава 6. Космонавты живут на Земле

Астрофизика или структура атмосферы

У меня всегда была тяга к экспериментам на Земле и в Космосе. Больше всего я любил астрофизику. Еще перед первым полетом я даже встретился с выдающимся астрофизиком – энциклопедистом И. С. Шкловским. Я самонадеянно спросил его, какой эксперимент мне нужно провести в космосе, чтобы внести решающий вклад в одну из самых современных проблем астрофизики. Его ответ «Не знаю» потряс меня.

Как это Вы(!!!) – и не знаете. – «Никто не знает, – уточнил Шкловский. – Все заняты, дружно работают над последними проблемами. И вдруг кто-то проводит неожиданный эксперимент, выдвигает еще более „сумасшедшую“ гипотезу. И все устремляются в эту нишу, предсказать которую заранее невозможно!»

Я уходил из его квартиры ошеломленный. Не мог даже попасть рукой в рукав пальто. А когда сам Шкловский попытался подать мне пальто, я начал отнимать пальто, а потом даже вырывать из его рук. Он улыбнулся и вежливо дал мне жизненный урок: «Это в данном случае неважно, что вы кандидат наук, а я членкор. Вы мой гость, и я, как хозяин, подаю пальто уходящему гостю».

Тогда я сам еще в космосе не был. Искал интересные научные проблемы в отчетах летчиков-космонавтов, т. е. у слетавших космонавтов. Просмотрел отчеты и задумался. У одного написано, что звезды в космосе не мерцают, а у другого, что мерцают и не только звезды, но даже Луна (?). Как это может быть? Кто из них прав? Человек я любознательный и упорный, поэтому поставил этот «детский вопрос» перед собой в первом же полете.

Оказалось, что когда свет от звезды приходит сквозь атмосферу у горизонта, то звезда «мерцает» (ее яркость то меньше, то больше). А непосредственно перед заходом даже «мигает» (то гаснет, то загорается). Более того, по диску Луны бегут темные полосы, а сами диски Луны и Солнца становятся по бокам щербатыми, ступенчатыми. И, наконец, щербинки слева и справа «удлиняются» навстречу друг друга, пока не сольются и не «разорвут» диск на две, а то и три части. Конечно сами по себе звезды не «мигают», а диски светил не «рвутся». Это атмосфера Земли так меняет их изображение. Поэтому когда звезда наблюдается высоко над горизонтом, над атмосферой, то они, конечно не мигают. Так что были правы оба летчика-космонавта.

А дальше пошло-поехало. Тут же захотелось получить уже не

только качественные, но и количественные характеристики мерцаний и искажений. Ведь еще Д. Менделеев учил, что наука начинается с измерений. Применили для этого на «Салюте-6» фотометр чехословацкого производства. Но захотелось больше диаметр объектива, больше быстродействия. Совместно с А. С. Гурвичем (ИФА), С. А. Савченко (Энергия), В. А. Веселовым, А. С. Массарским и Я. П. Подвязным (Военмех) спроектировали, сконструировали, испытали прибор. И отправили на работу, на орбитальную станцию «Мир» уже свой фотометр.

Тем самым мы получили возможность решать обратную задачу, т. е. по мерцаниям определять тонкую структуру атмосферы. А в XXI веке подобные исследования продолжают проводить в разных странах, на разной аппаратуре с разными длинами электромагнитных волн. Вот куда иногда заводят в науке простой «детский вопрос», мерцают ли звезды в космосе.

Но все это было уже после того, как наша лаборатория «Космических методов» в Институте физики атмосферы АН СССР получила международное признание.

Академик А. М. Обухов

В «Институт физики атмосферы» я пришел работать в 1984 году.

С большой благодарностью вспоминаю академика Александра Михайловича Обухова – создателя и директора этого творческого института. Это был не самый большой институт, не самый роскошный, но один из самых известных в мире. Он стоял на очень хорошей теоретической основе. Результаты исследований были убедительно обоснованы, математически строго доказаны, все возможные отклонения были просчитаны.

Все это было заложено, построено и развито Академиком А. М. Обуховым. Очень глубоким ученым, разносторонним человеком и воспитателем. Создать коллектив из разных людей, (а ученые – это очень трудные люди), да еще способный на хорошую работу, – это не просто. Не каждому это под силу.

Стиль, которого придерживался А. М. Обухов, был основательным. Это была Школа, и мне нравилось работать в такой Школе рядом с его учениками А. С. Гурвичем, С. В. Соколовским, М. Е. Горбуновым и др.

А. М. Обухов был строг, резок в оценках, но иначе не справишься с коллективом, иначе не создашь свою Школу. Мы с робостью входили в его кабинет, потому что не знали заранее, то ли он нас похвалит за достижения, то ли будет ругать за промахи. Но независимо от того, хвалил или ругал, это всегда было конструктивно, результативно и очень полезно для работы.

Сейчас принято все делать на компьютере. Академик Обухов работал без компьютера глубже и дальше – «на кончике пера».

У А. М. Обухова было замечательно организовано планирование, хотя в науке – это, конечно, миф. Как в фильме «Девять дней одного года» планировали открыть в квартал одну новую частицу. Но у нас в стране было действительно что-то, в этом духе – планы требовали, за их невыполнение лишали коллектив премий, уменьшали ассигнования. Обуховым эта задача была решена очень просто. Он всегда планировал только то, что в Институте уже было сделано. Поэтому не было случая, чтобы мы не выполнили план. Это был способ бороться с бюрократией, чтобы бюрократия не мешала, а тоже встала на службу научной мысли.

А. М. Обухов был, чуть ли не единственным беспартийным директором академического института. Но поскольку он был выдающимся ученым, то попрекать его этим было себе дороже. Академик Обухов был человек прямой и мог ответить достаточно

резко, если бы кто-нибудь ему этот вопрос задал.

А главное А. М. Обухов был настоящим академиком. Академиков сейчас очень много, так как развелось большое количество академий. Мы сейчас можем сесть, третьего пригласить, создать новую академию и раздать, продать звания академиков. А он был академик в настоящей Российской Академии, большой Академии. Для меня академик – это не тот, кто может написать даже очень глубокий труд по своей узкой специальности. Академик А. М. Обухов был разносторонним ученым, он мог мыслить теоретически и проводить в лаборатории, очень интересные и очень разнообразные эксперименты. Александр Михайлович очень любил экспериментировать и показывал всем опытные установки. Он, как ребенок, радовался «игрушкам» взрослых ученых.

Когда пролетела комета Галлея, то был получен красивый снимок, которым Обухов и сам любовался, и нам показал. Внимательно посмотрев на комету, я сказал: «Кто-то ей хвост оторвал». (Хвост у кометы находился несколько отдельно и был развернут). Я пошутил, а Обухов посмотрел на это совсем иначе. И через какое-то время предложил расчет, обоснование: кто, как, и почему «оторвал хвост» комете. Для меня это была шутка, а для него – научный вопрос, на который он сразу стал искать ответ.

А. М. Обухов делился с нами идеями, рассказывал, над чем сейчас работает, о чем пишет. Иногда он читал свои стихи. Это были всегда очень глубокие, остроумные стихи с интересными мыслями об Институте, о стране. Какое-то философское осмысление жизни. Мне его было так же интересно слушать, как С. П. Королева, когда у него в редкие свободные минуты возникало желание чем-то поделиться со своими молодыми сотрудниками. А. М. Обухова, как и С. П. Королева, мы слушали с открытыми ртами, боялись пошевелиться, чтобы не прервать. Это всегда было очень интересно!

Академик А. М. Обухов интересовался не только научным применением космонавтики, но и тем, например, как Земля выглядит из космоса. Он был человеком, глубоко чувствующим красоту. Однажды мы поехали с Александром Михайловичем в Кисловодск. Там был филиал нашего института, небольшая обсерватория, расположенная в горах. Там проводились измерения концентрации малых газовых составляющих атмосферы. Современное глобальное потепление атмосферы определяется в частности этими характеристиками.

Территория обсерватории, расположенная у подножья Эльбруса – настоящий рай на Земле. Почти круглый год светит Солнце, воздух звенящий, чистоты необыкновенной. Перед нами

раскрылась красота мира. Кажется, там можно было залечить душу, обрести спокойствие. И я увидел нового Академика Обухова – мальчишку, художника, человека? любящего гармонию во всех ее проявлениях.

Борьба за «Мир»

– А 3-я мировая война будет?
– Нет! Но будет такая борьба за мир, что на Земле камня на камне не останется.

(анекдот 2-й половины XX века)

А у нас была другая борьба, за другой «Мир», когда «доброжелатели» кнутом и пряником заставляли утопить нашу орбитальную станцию «Мир». Нам говорили, что она устарела, часто ломается. А сейчас МКС не менее часто ломается – то одно, то другое выходит из строя. Но тут мы уже не хозяева. А там мы были хозяева. Я уверен, что мы зря утопили «Мир».

Ну, поломки – это естественно, новая техника. Случаются опасные поломки, но бывают и немного смешные. Скажем, когда ломается туалет. Насколько я знаю, американский туалет раз в десять дороже нашего, там установлен даже, я слышал, лазерный прицел. Но, представьте, американцам на МКС больше нравится наш туалет: он проще и надежнее.

За несколько месяцев до затопления «Мира» с него вернулся экипаж, который полностью его отремонтировал. По заключению госкомиссии, «Мир» мог летать еще 2–3 года. Космонавтов поблагодарили, наградили, а через пару месяцев было решено «замочить» комплекс в Тихом океане. Согласитесь, что неразумно делать это после трехмесячного ремонта, истратив миллионы долларов на запуск и работу на орбите. И тут же тратить примерно столько же на затопление станции?!

Если станцию решили затопить, то не надо было ее ремонтировать. Гораздо полезнее было бы демонтировать для исследований и анализа наиболее интересные элементы конструкций, электронного оборудования, оптики и т. п. Это были уникальные образцы, потому что проработали 15 лет внутри и снаружи станции. Изучая демонтированное оборудование, мы могли бы на 15 лет вперед спрогнозировать и обеспечить надежность МКС и других орбитальных систем.

Во всяком случае, американцы с риском для жизни отыскали на Луне, много лет находившийся там, свой беспилотный аппарат. Они срезали с него части конструкций и систем и погрузили в спускаемый на Землю аппарат наравне с никем не виданными лунными камнями. Цена демонтированных образцов

была приравнена тем самым к цене лунного грунта!

За сохранение «Мира» выступали все патриоты российской космонавтики, инженеры, ученые и, конечно космонавты. Все зря, не отреагировали даже на официальный документ, подписанный заместителем генерального конструктора РКК «Энергия» космонавтом В. В. Рюминым.

И еще мы пытались договориться и перевезти аппаратуру с «Мира» на МКС. В свое время мы именно так переместили приборы на «Мир» перед затоплением «Салюта-7».

Но нам отказали и опять потребовали как можно скорее утопить «Мир» вместе со всей аппаратурой. Конечно, часть научных приборов на станции «Мир» устарели, но многие из них дали уникальные научные результаты и оставались работоспособными.

Я не уверен, что чиновники, принимавшие решение об уничтожении станции «Мир», руководствовались интересами российской космонавтики. Неужели они, выбрасывая на свалку свой автомобиль, устроили бы ему сначала очень дорогой ремонт? Автомобиль за свой счет, а «Мир» – за государственный, тут можно не экономить. Я не знаю, чего здесь больше: цинизма, коррупции или преступления? Тогда я сказал, что запланированное уничтожение космической станции «Мир» низведет Россию до роли бедного родственника. Увы, я оказался недалек от истины…

Американцы на Луне были?

По слухам не были, все снято в Голливуде.

Но я абсолютно уверен, что американцы были на Луне. Я в это не верю, а знаю. Потому что мы с ними соревновались. Я сам, между прочим, был в одном из советских экипажей, предназначавшихся для облета Луны. Сначала наша подготовка к полету на Луну шла быстрее, но потом отстали, в основном из-за отставания в электронике.

Мы же в свое время осуждали кибернетику как лженауку. Вот это и аукнулось. Мы тогда шутили, что наши микрокалькуляторы самые большие в мире. И мы следили друг за другом. Как испытываются двигатели, как развивается электроника, какие полеты испытательные, промежуточные и так далее…

Мы очень ревностно за ними следили и видели, какая громадная работа ведется. И в результате этой работы им было проще слетать на Луну, чем имитировать. Когда весь мир смотрел, как американцы ходят по Луне, у нас телезрители смотрели, по-моему, «Лебединое озеро», в Китае смотрели какой-то патриотический фильм.

Но мы, космонавты, сидели на Шаболовке – там была специально организована передача. И мы с завистью смотрели, как американцы ходят по Луне, сожалели, что не американцы смотрят, как ходим мы. Зависть была, естественно, белая. Мы хотели, чтобы все у них кончилось хорошо.

А с другой стороны, надо им отдать должное, что они очень этично все поставили. Ведь они не сказали, что один шаг американца по Луне – достижение Америки. Они сказали: один шаг человека – и скачок для всего человечества. В своих комментариях первый человек, который ступил на Луну, Н. Армстронг, говорил, что нас всех в космос позвал Гагарин. То есть здесь у них все было честно. И в этом смысле мы были горды за человечество, потому что, в конце концов, мы раскачали американцев на полет к Луне.

Если бы не наш первый спутник и не наш первый человек в космосе, они бы тоже на Луне не были. После водружения флага американские астронавты оставили на Луне памятную табличку со словами: «Здесь люди с планеты Земля впервые ступили на Луну. Июль 1969-го года новой эры. Мы пришли с миром от имени всего человечества». Очень корректная запись!

Откуда же возникли слухи о «лунной фальсификации»? Я думаю, что американцы потом кое-что все-таки подсняли в павильоне. Голливуд, видимо, приложил свою руку.

Предположим, на Луне плохо сняли флаг или отпечаток ботинка. Вот они и обновили картинку на Земле. Мы и сами иногда поступали так же. Об истории с почтовыми конвертами я уже рассказывал. Но ставить из-за этого под сомнение полеты на Луну – это просто чушь.

Вокруг лунных экспедиций всегда ходило много слухов. Меня связывает дружба с несколькими американскими астронавтами. Каждый год мы встречаемся семьями, и особо теплые отношения у меня завязались с Эдвином Олдрином по прозвищу Базз. Олдрин, как известно, второй человек, ступивший на Луну после Нила Армстронга.

Я как-то отвел Олдрина в сторонку и сказал: «Давай признавайся. Пишут, что когда вы сели на Луну, то, выглянув в иллюминатор, сказали: „О, а они уже здесь!“ Кого вы там увидели?» – «Да нет, было сказано: „Мы уже здесь!“, просто нас не расслышали». Я говорю: «Хорошо. Тогда вот что. Все знают, что по Луне катались ангелы в виде огненных шаров, которые с вами говорили по-английски».

Он на меня очень подозрительно посмотрел и ответил: «Нет, Джордж, ангелов там не было». – «Тогда третий вопрос. У вас там что-то сломалось, вы не могли взлететь с Луны. Но мимо шел наш Порфирий Иванов в своих семейных трусах и спас вам жизнь?». Тут Олдрин даже сделал от меня шаг назад. «Базз, говорю, ты не думай, я не сумасшедший. Просто это те слухи, которые о вас ходят. Когда начинаешь возражать, что все это вранье, тебе отвечают: „Но ты же там не был!“. А теперь я могу всем сказать, что разговаривал с тобой один на один, и ты от меня даже шарахнулся».

Что получило человечество от лунных экспедиций? Ну, во-первых, те самые лунные камни, часть их исследовали, часть оставили в неприкосновенности в вакууме. Хранят до сих пор, потому что могут появиться новые методы исследования. А что мы знали о Луне? Ничего. Когда встал вопрос сконструировать посадочное устройство, то пришли к Королеву конструкторы. Одни ученые говорят, там пыль три метра, и надо такие лапти делать, чтобы туда не провалиться. Другие говорят, что там скальная порода, значит, надо, чтобы крепкими были эти ноги. И никто не мог определить точно. В конце концов, этот вопрос решил Королев.

Он написал: «Луна твердая» и расписался. Так было нужно для работы. Но мы даже не знали наверняка, мягкая Луна, пыльная или твердая. А теперь знаем о лунной поверхности гораздо больше. Знаем, как можно из этих камней добывать полезные вещества, в том числе даже воду. То есть в результате

лунных экспедиций появились новые серьезные знания о Луне.

Не только в этом дело. Для этого полета были разработаны новые технологии. А мы, к сожалению, когда разрабатывали новые технологии для «Бурана», сделали еще больше новых достижений. Но мы их оставили в военной и космической области. А американцы очень быстро все переносили из космоса в военную авиацию, из авиации военной в гражданскую, из гражданской авиации в промышленность.

Считается, что американцы затратили на лунную программу около 25 миллиардов тех «полновесных» еще долларов. Но они их окупили на разработанных материалах, на разработанных технологиях. Я не знаю, помните вы или не помните, но появились такие «дутики», чтобы зимой после лыж можно было надеть. Такие мягонькие непромокаемые валеночки. Вот они

были сделаны на основе лунной космической обуви. В СССР их так и называли – луноходами, во Франции, в прямом переводе – «после лыж». И на этих валенках они чуть ли не миллиард вернули, потому что завоевали мировой рынок.

Вообще, это чудо, конечно, что они все шесть полетов высаживались и возвращались живыми здоровыми. И даже, когда на «Аполлоне-13» взорвался бак, у них было больше шансов погибнуть, чем выжить. Но блестящая работа центра управления и космонавтов «по лезвию бритвы» вернула их на Землю.

Но я думаю, все-таки летать на Луну было опасно. Наверное, не надо было летать. И вообще, в космос чего зря было выходить? И опасно, и скучно, и еда невкусная. Зря это все они. Да и сын мой до сих пор не верит, что американцы были на Луне. И никакие доводы и фотографии его не убеждают и никогда не переубедят. Нет более неверящего человека, чем тот, который не хочет верить.

Слухи

Сколько слухов наши уши поражает.
Сколько сплетен разъедает, словно моль.
Ходят слухи, будто все подорожает, абсолютно,
А особенно – поваренная соль.
Словно мухи, тут и там,
Ходят слухи по домам,
А беззубые старухи
Их разносят по умам.

Владимир Высоцкий

В советское время не было желтой прессы, не было сплетен в газетах и на телеэкранах. Поэтому круглосуточно работало сарафанное радио. Однажды я летел в самолете, и меня летчики пригласили в кабину. Говорят: «С нами лет али и Титов, и Николаев, и даже космонавт, который побывал в космосе раньше Гагарина». Я ответил им, что это неправда. Я в космонавтике с 1954 года, все пуски знаю, в подготовке большинства из них участвовал.

Я участвовал в проверке алгоритма системы управления луноходом

И гарантирую, что никто до Гагарина не летал. «Ну как же! – говорят они. – Он показал нам фотографию, где он стоит рядом с Гагариным и Титовым».

Я отвечаю: «Когда у нас есть время и кто-то хочет сфотографироваться на память, мы никогда не отказываем».

«Нет, он рассказывал, как упал где-то в горах Кавказа, поломал ребра. Задирал рубашку и показывал сломанные ребра». Я в ответ: «Из космонавтов никто ребра не ломал. Поломанные ребра – это не признак профессии».

«А он, – говорят, – показывал удостоверение космонавта такую красную книжечку». Вот тут у него прокол, потому что удостоверение космонавта – голубая книжечка. И я им показал это удостоверение.

Как-то раз я был в г. Ижевске на встрече с нашим на весь мир знаменитым конструктором оружия Михаилом Калашниковым. Вдруг ко мне подошел некто и говорит: «А знаете, я тоже летал в космос». Я спрашиваю: «А как это получилось?» «Я привез на космодром деталь для ракеты, – отвечает он, – да там не разобрались, приняли за космонавта и запустили. И вот я жив». Я говорю: «Ну, поздравляю».

Приводят и такое доказательство. В г. Харькове похоронен

человек по фамилии Бондаренко, который якобы летал до Гагарина. Действительно, был такой кандидат в первой группе космонавтов. Но он погиб во время тренировки, потому что в сурдокамеру с атмосферой, насыщенной кислородом, взял с собой электрическую плитку. Он не хотел две недели питаться холодной пищей. Там он брал у себя анализ крови, обмотал палец бинтиком, а потом уронил его на плитку. В кислородной атмосфере начался пожар, и Бондаренко сильно обгорел. Так что в космос, к сожалению, он не летал. Погиб на Земле.

Вообще-то действительно первым в космос летал не Юрий Алексеевич Гагарин, а Иван Иванович.

До космонавтов посылали в космос манекены. Мы их называли «Иван Иванович». И в двух, по-моему, были встроены магнитофоны с записями слов и цифр. Нужно было отрегулировать систему радиообмена. Во время беспилотного полета магнитофон включали. Радиолюбители перехватывали эти «разговоры», ну а официального сообщения, что кто-то полетел, не поступало. Иногда к кораблю подбегали люди, раньше, чем специалисты. Видят – лежит космонавт без движения, значит, погиб, а от нас скрывают. Отсюда пошли домыслы… Потом даже на лицо манекену стали наклеивать бумажку: «Манекен».

В Штатах, через два года после Круиза мира, о котором я уже вспоминал, мы столкнулись с шалостями желтой прессы. Одна газета, например, написала, что не зря всю ночь горело масло в осветительных приборах в Кремле, там для советского космонавта Гречко было написано прекрасное выступление. Во-первых, в Кремле давным-давно проведено электричество, во-вторых я никогда не произносил чужих речей. Я же не актер и не диктор!

Гречко сказал, что у Советского Союза есть программа «звездных войн». Такое сенсационное сообщение было помещено на первой странице газеты «Флорида тудей». Там же находилась и моя цветная фотография на фоне пускового комплекса «Шаттл», который задействован в американских военных программах. Вот такой сюрприз я получил.

Пришлось писать опровержение. В этом мне помогли американские друзья. Оказалось, что эта газета славится такими вот утками. И регулярно публикует опровержения – через две недели, на последней странице. Редкий читатель добирается до последней страницы. Вот в такую ситуацию я и попал…

Ну, а в последние годы и с телеэкрана, и с газетных полос льется целый ливень из небылиц. Но про нас – космонавтов – врут уже меньше, чем раньше. Наверное, мы выходим из моды.

«Загадка черных дыр»

В 1975-м году я опубликовал заметку в журнале «Техника – молодежи». Название было броское – «Загадка черных дыр решена!». И рубрика соответствующая – «Сенсации наших дней». Приведу часть текста: «Астрофизики обнаружили связь ядер галактик, где рождается вещество и энергия, и „черных дыр“, где и то и другое исчезает. Последние совместные работы, проведенные в СССР и США с применением самых мощных телескопов для исследования излучения Z-1 Тельца (см. „Земля и вселенная“ № 6, 1976, с. 91), привели к феноменальному результату.

Одновременно опубликованные в СССР и США доклады точно и однозначно доказывают, что рассматриваемые объекты есть точки, связывающие галактику с антигалактикой доктора Синха (см. „Эврика“, 1975, с. 11), состоящей из югомонов. Таким образом, эти исследования еще раз подтвердили безграничность закона сохранения вещества и энергии: то, что „исчезает“ в галактике, появляется в антигалактике и наоборот!

Это открытие проливает свет на многие загадки нашей планеты и ее окрестностей. Например, выяснено: спираль Z-излучения проходит через точку орбиты, в которой Земля находилась 30 июня 1908 года. Читатели „ТМ“ помнят, что в этот день в районе Подкаменной Тунгуски произошел взрыв, равный по мощности взрыву водородной бомбы. Многие экспедиции, обследовавшие место взрыва (в одной из них, КСЭ-2, и участвовал автор этих строк), искали метеорит, ядро кометы, остатки межпланетного корабля с Марса, следы аннигиляции или луча лазера из ближайшей галактики.

Читатели, несомненно, догадались, что сквозную дыру в Земле могла сделать только другая дыра – „черная“, когда она столкнулась с Землей в районе Подкаменной Тунгуски. Это окончательное решение проблемы Тунгусского „метеорита“ дает ответ и на другие загадки. Оказались сопряженными светящиеся несколько дней после Тунгусского феномена дуги на небе. Уточненные расчеты показывают, что одна из них упиралась в озеро Лох-Несс, а другая терялась в Гималаях».

«Вы что-нибудь поняли? Там была еще и такая приписка: „С первым апреля, дорогая редакция“ – этим любезным поздравлением завершил свое письмо в адрес журнала автор сенсационной заметки летчик-космонавт СССР Георгий Михайлович Гречко. Присоединяемся к его поздравлениям. С первым апреля, уважаемые читатели!» Вот так мы развлекались

много лет тому назад.

Заметку я построил таким образом, чтобы информированный читатель уже по первой фразе понял, что это шутка. А читатель менее информированный мог догадаться, только взглянув на дату. Редакция уменьшила эффект демонстративной припиской про первое апреля, но все равно многие «попались». Оказалось, что редакционные врезы не всем попадаются на глаза. Помню, что в «Технику – молодежи» пришло разгневанное письмо от читателя, который принял все за чистую монету и начал с научной точки зрения разоблачать тезисы моей шутливой статьи. Значит, сработало!

Впрочем, розыгрыши я любил всегда. Когда-то я прославился тем, что купил жене кольцо за 17 тысяч рублей, когда «Волга» стоила тысяч 9. И все верили. И только жена одного космонавта сказала: это фианит, и стоит не 17 тысяч, а 17 рублей! Как делается настоящий розыгрыш? Нужно все продумать и с самым серьезным видом выдать неправильную информацию – так, чтобы в нее поверили. Потом насладиться произведенным эффектом – и раскрыть правду. Если не раскрывать правду слишком долго – может получиться неэтично.

Нагадала мне цыганка…

Шутить над фамилиями любят не самые остроумные люди. Высмеивание необычных фамилий – это юмор невысокого класса. Но бывают исключения. Я всю жизнь любил анекдоты – и слушать, и рассказывать. А тут вдруг смотрю, на телевидении в КВН появился анекдот про меня:

> Когда космонавт Гречко был маленьким, он пришел к гадалке:
>
> Скажите, а когда я вырасту, кем буду?
>
> – Ты станешь знаменитым, достигнешь великой славы, и твоим именем назовут самую вкусную на свете кашу… гречневую.

Мне нравится этот анекдот. Хотя наша фамилия происходит не от гречихи и не от гречневой каши (которую я, кстати, очень люблю!), а от Греции. В статье языковеда Валентина Луценко «Происхождение и толкование фамилий космонавтов» написано: «Гречко – этнонимическая фамилия, в основе которой слово „гре“». Гречками называли сыновей отцы, которые были либо этническими греками, либо имели прозвище «Грек». Кстати, еще три фамилии космонавтов относят к этнонимическим. Ляхов – от слова «лях», Поляков от «поляк» и Полещук – от «выходцев из Полесья».

Фамилия наша не самая распространенная, но, тем не менее, у меня был знаменитый однофамилец – маршал Советского Союза, министр обороны Андрей Антонович Гречко. Когда-то он яростно выступал против идеи Королева готовить гражданских космонавтов. То есть мог перекрыть мне путь в космонавтику. Но после первого полета я на его поздравления ответил телеграммой: «Рад, что не посрамил фамилию Гречко!».

Над моим однофамильцем тоже шутили. Он начинал в кавалерии, любил галифе и сапоги. Когда он сделал обязательным ношение сапог в авиации, летчики, которые не были в восторге от такой обуви, говорили: «Ничего! Пережили кукурузу, переживем и Гречку!» Намекали на фаната кукурузы Н. С. Хрущева, который, как известно, приказывал резать самолеты на металлолом.

Космическая гастрономия

Если говорить интегрально, на Земле есть такую пищу нельзя, ею можно только закусывать. В невесомости, если положить еду на стол – она улетит. Вся еда была типа каши. Пюре сухое, добавишь воды, размешаешь, съешь. Вода течет из крана. Нажимаешь кнопку, пьешь. Если упустишь воду – она или пленкой растечется по лицу, или соберется шаром и поплывет. Надо ее догнать и выпить.

Из нашего космического рациона мне нравились цукаты. Содержимое туб ел, просто чтобы выжить. Правда, врачи уверяли, что баланс белков, жиров и углеводов в норме и пища должна быть вкусной. Насчет состава не проверял, а что касается вкуса – мягко говоря, не очень. Когда выжимаешь еду из туб, на которых написано «суп», «щи», «рассольник», то с удивлением убеждаешься: несмотря на «вывеску», вкус-то один! А вид… Пища, согласитесь, должна быть аппетитной на вид. Но когда смотришь на то, что выжимаешь из тубы, такое впечатление, что это уже один раз ели.

Был настоящий шоколад, тугоплавкий, который действительно таял во рту, а не в руках. Был еще чернослив с орехами – очень калорийный. Когда понимал, что день будет тяжелым, всегда клал в карман чернослив и шоколад для восстановления сил.

Дома я люблю грибной суп, очень любил мамины котлеты. Да я и сам умею готовить. Берешь пачку пельменей, бросаешь их в кипящую воду. И самое главное – не забыть посолить. Еще один рецепт: положить яйцо в воду, девять раз прочитать «Отче наш». Яйцо получится «в мешочке». В космосе эти радости исключены.

Правда, ко второму моему полету появились фруктовые палочки из айвы и яблок – они оказались еще вкуснее, чем цукаты. Цукаты во рту слюной размачивать надо, а палочки можно есть сразу. Хлеб в форме маленьких буханочек был очень невкусный, хоть и назывался «бородинский», «рижский» и т. п. Гораздо приятнее есть хлеб размером с обычную буханку. Но расфасовка в «маленькие буханочки» связана с тем, что в космосе нельзя ничего откусывать. Надо сразу положить в рот, иначе во все стороны полетят крошки. И если они ночью попадут в дыхательное горло, можно не проснуться.

В последнем моем полете уже ни туб, ни консервных баночек не было. Им на смену пришли сублимированные продукты, которые востанавливались горячей водой. Это было в 1985-м году. Такие продукты и вкуснее, и легче в доставке.

Кстати, вкусовые ощущения в невесомости меняются – и, например, охлажденные соки пить было неприятно. Мы подогревали соки в печке – черносмородиновый, виноградный, яблочный. Когда к нам с посещениями прилетали экспедиции, они поначалу смотрели на нас, как на сумасшедших. Но через несколько дней и сами следовали нашему примеру.

Когда мы с Романенко были на орбите, к нам на стыковку шел первый грузовой корабль «Прогресс». Нам обещали прислать что-то вкусненькое.

А мы истосковались по вкусной некосмической земной еде. Перебирали в памяти шашлыки, экзотические фрукты, французские блюда, украинский борщ. А в результате попросили черного хлеба и луковицу. И эту луковицу ели, как яблоко.

Усы

Я усов не ношу. Но когда мы готовились к советско-индийскому полету на станцию Салют-7, так совпало, что в моем экипаже и командир Толя Березовой, и индус Равиш Мальхотра были усатые. Ну, я взял и тоже отрастил усы, чтобы один экипаж был полностью усатый, а другой (который готовился параллельно с нами!) полностью безусый. В итоге третьего апреля 1984 года полетели безусые – Юрий Малышев, Геннадий Стрекалов и индус Ракеш Шарма. А мы оказались сами с усами.

Водные процедуры

Когда космонавтов готовят к полету, среди множества тренировок есть и специальная морская. Проводится она в открытом море и имитирует ситуацию приземления экипажа на поверхность воды.

Космонавтов в скафандрах, обычно троих, сажают в спускаемый аппарат, т. е. в маленькую закрытую капсулу. Там, скафандры нужно снять, надеть специальные водные герметичные костюмы. При всем при этом на капсуле стоят несколько дюжих моряков, которые изо всех сил стараются ее как можно сильнее раскачивать, имитируя качку. Затем нужно выбраться из спускаемого аппарата на поверхность воды, зажечь сигнальный огонь и запустить сигнальную ракету. А когда прилетит спасательный вертолет, подняться на борт.

Наш экипаж в тот раз состоял из троих космонавтов, причем один из нас был индус. Все идет по плану, мы снимаем скафандры и вдруг видим, как наш индус побледнел, потом зеленеет… В общем, парня мутит и вот-вот его вырвет. А в маленькой капсуле теснота неимоверная и ужасно душно. Мы с партнером пытаемся вспомнить, что нужно делать в таких ситуациях. Индус по-своему пытается справиться: глубоко дышит – не помогает. Сделал какие-то специальные упражнения – тоже не легче.

Тогда я вдруг начинаю громко орать какую-то песню, мой партнер поддерживает. Индус тоже подпевает, постепенно розовеет, приходит в себя.

Но позже, в кабинете у начальства, нам пришлось еще хуже, чем в капсуле. В ней ведь были установлены очень чувствительные микрофоны, с которых все звуки передаются на корабль. Даже шепот слышно отлично. Так что можете себе представить, что творилось на корабле во время нашего громкого «пения».

Городской человек

Я был ленинградским мальчиком, сугубо городским, хотя и прожил два военных года в деревне. Вокруг асфальт, гранитные набережные, рельсы, звон трамваев, рев моторов. Я любил эту «музыку». Когда отец вывозил меня на дачу, я там изнывал от тоски. На уроке ботаники все эти пестики-тычинки меня изводили. Но только когда что-то теряешь, тогда начинаешь ценить по-настоящему. В космосе теряешь природу. Вот говорят: космическая тишина. Да нет там никакой тишины. Там работают моторы, щелкает телеметрия, вентиляторы подвывают. Наоборот, надо уши защищать от шума. А зелени нет, реки нет, природы нет. И когда я выращивал в Космосе горох, вдруг поймал себя на том, что я к этим росткам гороха прилетаю, как в рощу, просто полюбоваться. Когда вернулся на Землю, понял, как это прекрасно – лес, поле, озеро.

Улыбка

Журналисты мне все время намекают, что при отборе в космонавты большую роль играла «гагаринская улыбка». Когда я улыбаюсь? Когда вижу прекрасную картину, читаю какую-то добрую книжку, вижу улыбку ребенка, узнаю о каком-то благородном поступке, я, улыбаюсь. А улыбаться без причины – первый признак сами знаете чего. Я еще не дошел до этого.

Да, я часто улыбался, но напоминаний об этом не любил. Я злился: «Что заладили: улыбка да улыбка?! Разве у меня нет других достоинств?!».

Я – доктор физико-математических наук, даже какое-то небольшое направление в науке о земной атмосфере создал. Управлял самолетами, гонял на мотоциклах, в общем, много неплохих качеств…

Но однажды, на приеме в чешском посольстве, какая-то женщина мне сказала: «У меня есть подруга, она тяжело больна. А увидела как-то вас по телевизору и говорит: „Ему, наверное, труднее, чем мне, а он улыбается!“

Вроде уже заживо себя похоронила, а тут вдруг ожила». После этого разговора на свою улыбку я уже не обижаюсь. Говорят, улыбка отражает внутреннюю сущность человека. А глаза – зеркало души. Значит, у меня хорошая душа.

Я дважды встречался с Папой Римским. И вот как-то при мне журналист Генрих Боровик задал ему вопрос: «Трудно быть папой?». Папа подумал и сказал: «Трудно. Но с Божьей помощью можно». Так что – с Божьей помощью будем преодолевать все трудности и улыбаться!

Ежик

Когда «легковерен и молод я был» и работал в конструкторском бюро, со мной случился казус. Я долго не мог найти для себя подходящую стрижку. У меня были очень непослушные волосы, они росли жесткими пучками и распадались на пробор, как у приказчиков из фильмов по Горькому. Мне это очень не нравилось, и я отрастил длинные волосы. Потом подстригся «под бокс», пробовал «польку», но как-то все эти стрижки мне не пошли. И вот однажды я случайно подстригся «под ежик». Это было еще в студенчестве. И мне понравилось! С тех пор я так и стригусь вне зависимости от моды.

Но когда я приехал работать в Подлипки, мне кто-то посоветовал сделать укладку крупными волнами. Я пришел в самую лучшую в Москве парикмахерскую на улице Горького в мужской зал и говорю: «Уложите мне волосы крупными волнами». Мастер отвечает: «Пожалуйста, только такую укладку в мужском зале не делают, пройдите в женский». Меня посадили в кресло, но что делали на голове, я не видел. А когда все было закончено, я посмотрел на себя в зеркало и замер от ужаса: я был похож на каракулевого барашка! Оказалось, что вместо укладки крупными волнами мне сделали шестимесячную завивку…

Я вернулся к себе в общежитие и полночи пытался отмыть волосы. Утром я был уже более или менее похож на мужчину и пошел на работу. Но едва я появился, наши расчетчицы из КБ попадали со смеху. «Ой, – говорят, – смотрите, Жора-то завивку сделал!» Выяснилось, что спереди, где себя видел, я перманент отмыл, а сзади не догадался. Весь красный, я выскочил в туалет и теперь уже принялся отмывать затылок.

Перед полетами я стригся несколько короче обычного – и этого мне хватало даже на три месяца, чтобы не потерять человеческий вид. На орбитальной станции стричься не приходилось. А вот ребята, у которых волосы подлиннее, во время длительных полетов были вынуждены стричься в космосе. Там это происходит так: один стрижется, другой ловит волосы пылесосом. А вот бриться на орбите приходилось, наверное, всем космонавтам. У меня была электробритва «Агидель» со специальным пылесосиком. Чистили бритву с помощью большого пылесоса. Должен сказать, что и в длительном трехмесячном полете отечественная «Агидель» меня не подводила.

Я сохраняю верность «ежику», который оказался приметным, узнаваемым. Телезрители запомнили мою стрижку. Именно из-за стрижки люди меня постоянно узнают. Как-то лет десять назад

подходит на улице женщина и говорит: «Как хорошо, что я Вас встретила…». Произнесла слова восхищения, а потом попросила меня помочь ей… с операцией на глазах. Тут я и понял, что она приняла меня за знаменитого окулиста – профессора Святослава Федорова. И виной тому, конечно, наша общая с Федоровым приверженность ежику. За Федорова меня принимали не раз! И даже после трагической гибели профессора.

А еще меня часто принимают за Алексея Леонова: путают двух космонавтов. Раньше я терпеливо разъяснял, что я не Леонов, а Гречко. А потом стал реагировать так: «Да, я космонавт Леонов. И я нахожусь в затруднительном финансовом положении. Прошу вас дать мне взаймы сто долларов. Обещаю отдать при первой возможности!». И я сказал Алексею: «Если кто-то к тебе обратиться с напоминанием о долге в сто долларов – учти, что это не мошенник! Отдай ему, пожалуйста, деньги. Ведь за известность надо платить!». Шутка, конечно.

Космонавт и ТВ

В первый раз я появился на телеэкране из космоса, в 1975-м году, когда нас с Губаревым показала программа «Время». Ведь не летавшие космонавты не были публичными людьми, до полета нас скрывали от телекамер…

Молодые журналисты мне иногда говорят: нам кажется, вы все время работали телерепортером на орбитальной станции. Какую телевизионную программу не включишь – там Гречко. Включишь утюг и там Гречко.

Я понимаю, откуда взялось такое преувеличенное впечатление. Главную роль здесь сыграл мой полет с Юрием Романенко. У нас хорошо получалось общаться с Землей и телевидение нас полюбило. Нас просили выходить в эфир дважды в сутки.

Однажды даже попросили выйти в третий раз. Мы отработали, но потом взмолились: не мучайте нас так тяжко! В космосе каждая телесъемка – это тяжелая работа. Выглядели мы непринужденно и улыбались вполне дружелюбно, хотя Романенко улыбался сквозь зубную боль. Мы поздравляли землян с праздниками, шутили, комментировали какие-то новости. И к нам привыкли! Потом были более длительные полеты, но советские люди нас запомнили и не забыли.

Потом, через несколько лет после полета, помню, у меня взяли интервью для какой-то музыкальной передачи. Меня спросили: какую музыку вы любите? Какую музыку слушали в космосе? Я назвал запись пианиста Вана Клиберна – первый концерт Чайковского. И подчеркнул, что дирижером был народный артист СССР Кирилл Кондрашин.

Из эстрадной музыки назвал песню композитора Давида Тухманова и поэта Игоря Кобзева «Капитан» в исполнении Нины Бродской. Мы на орбите слушали эту песню десятки раз, она нам очень помогала. Во-первых, там была оригинальная джазовая аранжировка. Во-вторых, нравился одновременно звонкий и нежный голос певицы. И, наконец, в-третьих, и самое главное, – слова песни были созвучны видом Земли из белой нашей рубки орбитальной станции:

Песня на полях:

Капитан, как смуглы ваши руки,

Как узорны ваши якоря!
Капитан, из белой вашей рубки
Видны все спесивые моря!
Капитан, скажите откровенно
Есть ли где-то средь морских дорог,
Хоть один, такой, как у Жюль Верна,
Дикий и волшебный островок?

Из нашего иллюминатора действительно были видны все спесивые моря. И эта песня стала гимном нашего полета. А еще я назвал моего любимого поэта и барда – Владимира Высоцкого. Когда это интервью вышло в эфир – оказалось, что я промямлил нечто невразумительное и толком не назвал ни одного исполнителя, ни одного музыкального произведения. В чем дело? Оказалось, что дирижер Кондрашин только что на гастролях в Голландии принял решение не возвращаться в СССР. Это была сенсация: он стал единственным эмигрантом из выдающихся советских дирижеров. Нину Бродскую терпеть не мог глава Гостелерадио С. Г. Лапин – и она тоже собиралась покинуть СССР. Высоцкий об эмиграции не мечтал и в те годы не был под запретом. Но и говорить о нем добрые слова на всю страну было не принято. Словом, телевизионщики вырезали из эфира все мои музыкальные пристрастия. Остались только общие слова.

Мы, космонавты, после полетов должны были заниматься общественной работой: несколько раз в месяц проводить встречи с различными коллективами. Нас возили по городам, по предприятиям, по клубам. Нужно было учиться выступать перед аудиторией, рассказывать, отвечать на вопросы. А у меня на первых порах ничего не получалось! Я был зажат, то и дело впадал в ступор, запнувшись на каком-либо слове. Боялся посмотреть в чьи-то глаза. Иногда я вообще не видел публики: перед глазами вставала пелена. Просто пытка!

Я не бродил, как Демосфен, по берегу моря, тренируя ораторские способности, и не наполнял рот камушками. Просто выполнял свой долг, выступал в различных аудиториях – и однажды раскрепостился. Да-да, помог только опыт. Не успел я излечиться от страха перед аудиторией, как меня пригласили на телевидение…

На телевидении часто бывает так, что один фанат способен сделать целую регулярную передачу. В свое время в Детской редакции Центрального телевидения такой человек нашелся – режиссер Тамара Павлюченко. Это ей пришла в голову идея телевикторины «Этот фантастический мир» по сюжетам

фантастики. Именно для викторины снимались небольшие телефильмы – экранизации Уэллса, Лема, Ефремова, Стругацких…

Я там был ведущим, участвовал в обсуждении сценариев. Но главное, что в «Фантастическом мире» работали прекрасные творческие люди, снимались лучшие наши артисты, бескорыстные любители хорошей фантастики. Передача делалась на чистом энтузиазме – денег на нее практически не давали. Камеру и студию предоставляли, только когда они никому не были нужны.

Нам удавалось привлекать превосходных актеров – у нас были Смоктуновский, Богатырев, Каюров, Яковлев, Марцевич, Юрский, Петренко, Сергачев, Евстигнеев… Платили им совсем немного – значительно меньше, чем в кино или в телефильмах. Но из-за того, что мы отбирали для экранизаций очень хорошие рассказы, они соглашались… Им это просто нравилось. Все делалось на медные деньги. На «Фантастическом мире» я убедился в том, что энтузиасты работают лучше, но это не значит, что им не надо платить.

Конечно, не все наши экранизации удавались. Но некоторые оказались просто замечательными. Вот, например, многие помнят рассказ «Алло, Парнас» Валентина Берестова. Там у астронавтов другой цивилизации имена, как у греческих богов – намек, что греческие боги были пришельцами. Сам текст очень остроумный, особенно история об огне, оставленном людям Прометеем.

Но как это было снято? В Южном порту нашли гору строительного песка, на вершину поставили храмик высотой двадцать сантиметров. И у этой кучи сняли очень хорошую телеверсию рассказа. Древняя Греция получилась, как настоящая, и причем без всяких многомиллионных компьютерных спецэффектов! Недавно мне подарили несколько дисков с записями «Фантастического мира». И я не разочаровался постановками. Оказывается, в Интернете молодые ребята находят наши передачи, смотрят, переписывают – и получают от этого удовольствие. Хотя уже больше двадцати лет «Фантастический мир» не выходит…

Наша программа была отмечена грамотой Европейского общества фантастов. Мы получили не деньги, а сертификат. Но мы очень радовались, потому что это было признание! Хорошая литературная основа и замечательная актерская игра – вот рецепт этого успеха.

Когда я вернулся из космоса и меня пригласил подмосковный клуб фантастов, я сказал, что, если не будет Стругацкого, не поеду. Тогда космонавтов было не так много, и относились к ним

с пиететом. Да хозяева и сами хотели видеть Аркадия Стругацкого. Там работало телевидение, и мне, таким образом, удалось организовать не большой прорыв Стругацких на экран.

Мы с Аркадием подружились, да и с Борисом Натановичем встречались – в те времена он был более доступен, принимал участие в семинарах. Я заглядывал на его семинары под Ленинградом – это были объединенные мероприятия фантастического и приключенческого жанров.

Когда я пригласил Аркадия Натановича Стругацкого в «Фантастический мир» – оказалось, что он – нежелательная фигура для телевизионного начальства. Меня отговаривали. Я был возмущен: как же так, передача о фантастике, – а нашего лучшего писателя-фантаста нельзя показывать! Эту стену удалось пробить, и Аркадия Натановича впервые подробно показали по центральному телевидению в нашей передаче.

У передачи была огромная почта – мешки писем. Я в эфире зачитывал правильные ответы на вопросы викторины. В длинных письмах школьники присылали свои идеи фантастических романов. Передача привлекала ищущих ребят! Сейчас пересматриваю те выпуски – и чувствую ностальгию по тем временам, по творческим мечтам школьников…

За вклад в пропаганду фантастики в 1989-м году меня – космонавта, давнего любителя фантастики и ведущего телецикла «Этот фантастический мир» – наградили премией имени Ивана Ефремова.

Другое мое появление в качестве телеведущего связано с прогнозом погоды. Я доктор физико-математических наук и неплохо разбираюсь в атмосферных процессах. Поэтому, когда мне предложили объявлять по телевизору погоду, я подумал, что смогу сделать что-то большее. Вижу, что людей подчас дезинформируют о причинах тех или иных явлений природы. И, естественно, возникает желание поправить, рассказать правду.

Я знаком со многими учеными – специалистами в этой области и могу с ними договориться о комментарии, пригласить на эфир, поспорить. Я согласился, и больше года передача «Прогноз погоды с Георгием Гречко» выходила на первом канале в рамках компании «Метео-ТВ». Это была аналитическая программа о метеорологии.

Я чувствовал, что телезрителям это интересно. Людей интересует – придет ураган, не придет, а если придет, то какой… Астрологические прогнозы, разговоры о «неблагоприятных днях» – это все чушь. Если речь идет о влиянии Солнца, то предсказывать что-то в этой области можно не больше, чем на три дня. Но есть люди внушаемые. Они верят, и в самом деле

начинают чувствовать себя плохо. Я хотел их разубедить, помочь им. И рассказывал об этом в нашей просветительской, можно сказать, научно-популярной передаче.

Еще интереснее была работа в программе «Спор-клуб», о которой я расскажу отдельно. Не «Спорт-клуб», а именно «Спор-клуб».

СпоР-клуб

Первооткрывателем «Спор-клуба» на телевидении был Ролан Быков.

А потом приглашали разных ведущих – так сказать, по интересам. Мне выпало вести и направлять разговор о фантастике. В студии собрались старшеклассники и студенты – читатели фантастики. И несколько экспертов – помню среди них были писатели Аркадий Стругацкий и Кир Булычев. Никакого сценария не было – мы добивались живого разговора! Я должен был, как сейчас говорят, «модерировать» этот телевизионный диалог.

Первое, что поразило меня во время передачи, – глаза этих ребят.

Я всегда стараюсь смотреть в глаза, когда вхожу в какую-нибудь аудиторию. Сейчас надо буквально выискивать в аудитории такие радостные, ищущие, открытые глаза. А то была аудитория живая, жаждущая, рвущаяся. Я заранее продумал, как буду вести эту передачу.

Задача у меня была такая: заставить ребят мыслить вслух, аргументировать свою любовь к фантастике. Поэтому я их «провоцировал». Зачем вы читаете фантастику? Если вам интересны приключения, острые сюжетные повороты – для этого есть приключенческая литература и детективы. Если интересует техника – читайте научно-популярные книжки. Если интересует психология героев, их чувства, мысли, эмоции – все это можно найти в классике. Зачем же вам нужна фантастика? Ауди тория была озадачена.

Ребята спорили, кипятились, но все-таки нашли нужные слова, сумели объяснить свою любовь к замечательному жанру, к которому и я с детства более чем неравнодушен.

Недавно, уже работая над этой книгой, я нашел стенограмму того «Спор-клуба». Приведу свою заключительную реплику:

– Итак, большинство высказалось, получается, что все-таки в фантастике мы любим сплав – науки, приключений, и, конечно, человеческих судеб, характеров.

Почему я стал космонавтом? Если бы не читал фантастики, я, возможно, им бы и не стал. Признаюсь: хотел быть похожим на лучших героев именно фантастической литературы – я как бы примеривал на себя их поступки, характеры, действия.

Фантастика помещает нас в ситуацию такого накала, на таком пределе, когда промежуточных решений быть не может. Когда или – да, или – нет. На этих экстремальных ситуациях мы

как бы проверяем себя. И, конечно же, вместе с ней – фантастикой философской, социальной – мы ищем ответы на вечные вопросы, мы хотим стать достойными не только дня сегодняшнего, его и будущего.

Вот мы как-то сидели с друзьями и размышляли о том, чего бы больше всего хотелось. Ну, как говорят, «увидеть Париж – и умереть». Моя мечта – это дожить до контакта с другой цивилизацией. По-моему, это было бы прекрасно и немного страшно. И вот однажды через иллюминатор нашей космической станции я вдруг увидел, как за нами следуют несколько объектов. Космическая чернота, космические скорости, и вот, не отдаляясь от нас и не приближаясь, идет строй каких-то сверкающих, переливающихся, немножко меняющих форму объектов.

В первое мгновение сердце сжалось. Я сразу позвал Юру Романенко, говорю: смотри! Самое страшное, что все происходило в полной тишине – никакого рева моторов, ничего. И потом, если бы они как-то меняли строй, приближались, а то идут и идут на определенном расстоянии. «Что это?!»

Юра посмотрел – и рассмеялся: «Это же кусочки экранно-вакуумной изоляции, выбитые микрометеоритами!». Они оторвались от станции при коррекции орбиты. Сверкая на солнце, эти кусочки казались какими-то космическими кораблями.

Но вот если бы это были настоящие корабли, если бы они к нам подошли и там оказались разумные существа, я – как человек, как космонавт – был бы счастлив.

Вы знаете, слушаю вас, смотрю на ваши лица и, мне кажется, – вы готовы к контактам с пришельцами лучше меня. И еще я вижу, что литература немало сделала для того, чтобы воспитать вас вот такими горячими, заинтересованными, способными не только что-то важное понять, но и сделать. Впрочем, вы ведь только в начале пути. И потому главные ваши открытия и свершения – впереди.

Вот так мы рассуждали, так спорили в телевизионном эфире в 1983-м году – до перестройки и гласности. А ведь не устарел тот разговор! И не были мы такими закрепощенными и шаблонными, как это хотят представить некоторые очень современные люди. Вспоминаю «Спор-клуб» не без ностальгии. Живая получалась передача.

Владимир Высоцкий

Когда появился Высоцкий, сразу стало ясно, что он на много голов превосходит большинство бардов. Я ездил с большим магнитофоном «Комета» и записывал песни Высоцкого. Старался попасть на его концерты. Мы, ценители авторской песни, переписывали их друг у друга.

Все любили Высоцкого. Даже те, кто его запрещал. Потому что песни его были нужны людям – особенно тем, у кого опасная профессия. Космонавтам, летчикам, полярникам, подводникам Высоцкий был просто необходим. Он мог рассказать о самочувствии космонавта в космосе точнее, чем сам космонавт, более выразительно.

Спросите любого космонавта, какой этап полета самый трудный, самый опасный, самый страшный, все скажут: спуск. Потому что корабль раскачивается, вращается, стреляют пиропатроны, ревет огонь, перегрузка. Вот что я наговорил, а Высоцкий очень просто описал, что один глаз с удивлением увидел другой.

Перед полетом космонавтов, как правило, спрашивают, какие магнитофонные записи хотели бы взять с собой на орбиту. Мы с Юрой Романенко, не задумываясь и не сговариваясь, хором ответили: песни Владимира Высоцкого. Нам достали кассету. Один час записей песен Высоцкого. На обложке – его портрет.

Кассете довелось побывать с нами в самом длительном для той поры полете. Долгих три месяца (для 1978 года рекордных) нам предстояло провести в орбитальной станции. После неудачной стыковки наших предшественников психологическое давление на нас было велико. Мы готовились к тому, что легко не будет. Легко и не было…

На Земле после трудного дня, после работы в экстремальных условиях человек возвращается домой, в семью. Он может поговорить с близкими людьми. Их внимание, забота помогут выйти из стрессового состояния. Космонавты лишены возможности такого общения, и многие проблемы, неудачи мы «перевариваем» внутри себя. Психологическая усталость накапливается. И в этих условиях «живая речь» песен Высоцкого, их юмор незаменимы. Ты включаешь магнитофон. Звучит его голос, слова… и они снимают с тебя какой-то груз, ты начинаешь улыбаться. В эти минуты ты чувствуешь радость жизни, что ты не оторван от Земли…

Но у Высоцкого есть и другие песни. Они зовут взять ответственность на себя, стоять до конца. Песни про героев.

Первый раз перед выходом в открытый космос ты испытываешь то же, что солдат перед боем, – ты представитель своей страны, она тебе поручила, и ты должен выдержать, несмотря ни на что. Песни Высоцкого в такие часы, как «локоть друга», придающий уверенность.

Чем хорош Высоцкий? На любое состояние души можно найти песню, которая тебе поможет. Когда было грустно – мы слушали его юмористические песни, когда трудно – патриотические, а когда совсем плохо – слушали и пели сами «Еще не вечер».

Инженеры, военные, журналисты, следившие за трансляциями с нашей орбитальной станции, позже говорили мне: приятно было вас слушать, потому что у вас постоянно пел Высоцкий! С нашей станции Салют-6 голос Высоцкого прозвучал на весь мир. Писатель Владимир Губарев рассказывал, что в советском посольстве какой-то далекой страны услышал записи Высоцкого. Дипломат сказал: «А знаешь, где мы записали эти песни? Из космоса!»

Мы с Юрой Романенко чувствовали себя должниками Высоцкого. Поэтому естественно, что перед возвращением на Землю у нас появилась мысль подарить Высоцкому «космическую» кассету в знак благодарности за поддержку. На правах внештатного начальника космического почтового узла я взял кассету, вынул суперобложку, поставил штамп станции. Вместе с Юрой мы написали слова благодарности Высоцкому. Он был третьим в нашем экипаже!

Расписались и уже хотели положить кассету в мешочек для спуска на Землю, но одна мысль нас остановила: песни Высоцкого поддерживали нас, а ведь вскоре на станцию прилетят наши товарищи. Им предстоит быть в космосе дольше. Почему мы лишаем их поддержки? Словом, осталась кассета на борту, а на Землю спустили только коробочку с суперобложкой. Несколько экипажей после нас слушали ту кассету. Всем она помогала, как и нам.

А обложку с коробочкой я подарил Высоцкому после одного из спектаклей в Театре на Таганке. Он был растроган, сказал, что хочет лучше понять нашу профессию, что пока он знает о ней немного. Помню, я заверил его, что встретимся еще много раз и наговоримся вдоволь. Встретиться много раз не удалось. Ему оставалось жить всего два года…

Мы общались, созванивались. Хотя Владимир Семенович и говорил, что мало знает нашу профессию. Но у него уже была «Поэма о космонавте». С тонкими психологическими ощущениями, точными образами и деталями. Поэму удалось

обнародовать лишь летом 1987 года. Конечно, важно, что она увидела свет. Но ведь мощный гуманистический заряд, который несет поэма, был нужен значительно раньше. В те самые 70-е годы. Но тогда, с одной стороны, у него было всенародное признание, с другой – ни тиражей пластинок, ни книг.

Кому-то казалось, что многие его песни чересчур крикливы, с «душком». Но его сатира не была злорадной, даже если он что-то высмеивал, она всегда была через боль его собственного сердца. Он не стоял в стороне и не зубоскалил. Он был в гуще людей, страдал сам и понимал страдания других. И героем его песен был не «блатняга», как иногда пытались представить. А человек, остававшийся человеком в самых критических обстоятельствах. Всегда честным, мужественным, настоящим гражданином. Мужчине необходима трудная профессия. Но в последние годы, увы, произошла переоценка ценностей. У многих они сменились. В творчестве Высоцкого ценности не упали в цене. Его положительные герои, которых он любил и которых он хорошо чувствовал, – летчики, подводники, солдаты.

Кто-то считал, что Высоцкий чернит многое зря, а ведь он чернил лишь то, что было не только черное, а грязное. А вот то, что многие уже перестали рассматривать как передовое, зовущее, героическое, он, наоборот, чувствовал и воспевал. И когда появились разговоры о том, что те полеты в космос – «легкий хлеб», быстрая дорога к наградам, к славе, Высоцкий написал поэму о космонавте. Она антипод бравурным газетным статьям. Еще должны были пройти годы, прежде чем стали вести прямые трансляции со старта космических кораблей. Общественность узнала, что случаются взрывы ракетоносителей, а космонавтов в корабле в последние секунды сбрасывает система аварийного спасения.

«Поэму о космонавте» мне впервые показала Наталья Крымова. Я был потрясен! Там все – правда. Мне казалось, что это невозможно описать, не побывав в космосе… А Высоцкий все понял… Я трижды летал, но даже в прозе, даже приблизительно не смог бы это так выразить.

Вот начало поэмы: «Я первый смерил жизнь обратным счетом…» В самом деле, когда мы куда-то идем, мы начинаем считать километры – первый, сотый… Когда мы что-то делаем, смотрим на часы – час прошел, два… И только у космонавтов идет обратный счет. Садимся в корабль, значит, осталось два с половиной часа. Проверяем герметичность скафандра – два. Закрываем остекление скафандра – остается пять минут. Вот он, обратный счет.

Кажется, никто из нас, космонавтов, и я в том числе, не сумел

бы так емко сказать о своей профессии. А у него одна строчка – «Я первый смерил жизнь обратным счетом». И надо сказать, «обратным» мерить тяжелее, чем «прямым». Потому что, когда осталось два часа, остался час, осталось пять минут, – ты даже не знаешь, осталось до чего. И когда за две минуты до старта взрывается ракета, становится ясно, что такое обратный счет, к какому финалу он может привести…

Серьезная опасность может подстеречь даже в предполетном обследовании в барокамере. Нас там двое. Откачивается воздух, падает давление, становится меньше кислорода. Неожиданно мне по радио кричит врач, наблюдающий за нами с помощью телевидения: «Держи». Я смотрю на себя и не понимаю, что держать. «Товарища держи!» Смотрю, а товарищ падает. Тут же аварийный спуск барокамеры, от быстрого изменения давления, как удар по ушам… Врываются врачи… Один из них говорит мне: «Сегодня барокамеру можно больше не проходить. Все-таки была нештатная ситуация». Лучше перенести ее на следующий день.

Я настаиваю: «Буду проходить сейчас». И вновь откачивают воздух. Я смотрю, а у меня в глазах туман. Думаю, дурак, зачем рискнул. Нужно было пойти отдохнуть. Может быть, на меня повлиял этот «спуск» и меня сейчас «забракуют» за мою же лихость? А врач, наблюдавший за мной, понял, что происходит, и спрашивает: «Ты чего? Туман?» Я говорю: «Туман». А он: я, мол, видел, что ты хорошо перенес «быстрый спуск» и дал просто быстрый подъем, и поэтому туман в барокамере, а не у тебя в глазах… В общем, мало не показалось. А товарища увели, и дорога в космос для него оказалась закрытой…

Читаем Высоцкого дальше:

«Вот мой дублер, который мог быть первым, Который смог впервые стать вторым».

Долгое время о дублерах писать как-то стеснялись. Если не брать наши международные экипажи, о которых сообщала вся мировая пресса, то только в 1987 году впервые объявили фамилии дублеров длительной космической экспедиции.

Я много раз был дублером. Не раз проходил полный курс подготовки к полету. Высоцкий очень точно почувствовал: «Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта». А ведь путь до лифта – это не дорожка по красному ковру после возвращения. Путь до лифта – это те же барокамеры, те же самые центрифуги. «Но дальше я поднялся без него». Все, дублер исчезал. Надо сказать, что это было тяжело. До лифта были еще равные люди. А еще один шаг – в лифт, и уже один известен на весь мир, а другой, равный, а может быть, лучше, превращался в невидимку. И что это уловил Высоцкий, просто поражает. А он еще говорил: «Я так

мало знаю о вашей профессии…».

Однажды Владимир Семенович пригласил меня на концерт в какой-то Дом культуры в районе заставы Ильича. Володя был на редкой в те годы иномарке, его друзья – тоже. Насколько я помню, «Мерседес» и «Мустанг». Я подъехал к его дому на малой Грузинской. Он мне не сказал точный адрес Дома культуры. Я должен был ехать за ними на своей «Волге». И они сразу помчались так, что у меня волосы дыбом встали. Или они уж очень спешили, или это был их обычный стиль вождения, но они мчались как сумасшедшие. Почти никакого внимания на светофоры, даже трамваи обгоняли по встречным рельсам!

Ребята бросили мне вызов, устроили игру. По их замыслу, я должен был отстать, потеряться. Но я принял вызов и не собирался отставать. Хотя моя «двадцать четверка» еле-еле выдерживала такую гонку. Тут мне пригодился опыт занятий автоспортом, опыт фигурного вождения. На предельной и даже запредельной скорости я лавировал за ними и не отставал.

Когда мы одновременно доехали до клуба, ребята выглядели разочарованными, что их затея не удалась. Гордость была задета: как же так, какой-то ГАЗ не отстал от их бешеного темпа! Кто-то из них сказал: «Да какая это „Волга“, у тебя же спортивная машина!». И всем говорили, что у меня только с виду «Волга», а вся начинка – иностранная.

Это они фантазировали, у меня была самая настоящая «Волга». Мне предлагали импортный карбюратор – у меня не хватило денег. Потом я узнал, что кто-то купил его, под фамилию Гречко. Такое часто бывало. На имя космонавта Рукавишникова махинаторы однажды получили гараж. Спортивным в моей «Волге» был только водитель.

Но в гонках за Высоцким я сжег сцепление. Когда я парковался – думал, возвращаться с концерта мне за рулем не придется. Концерт, как всегда, прошел великолепно, Володя выкладывался по полной программе, «рвался из сил и из всех сухожилий». Когда я, полный впечатлений от песен Высоцкого, вернулся к машине – оказалось, что сцепление за это время поостыло, и можно было ехать. На всю жизнь я запомнил ту поездку «наперегонки».

И еще об одном. Иногда приходится слышать, что, собственно, Высоцкий сделал? Сейчас газеты открыто говорят об острых проблемах, вскрывают недостатки, и Высоцкий бы сегодня просто потерялся. Мол, он был хорош для своего времени. Решительно не согласен с этим. С его песнями можно идти в бой, можно лететь в космос. Я считаю Высоцкого лучшим бардом, лучшим поэтом с гитарой по силе песен и по исполнению… Я

каждый год езжу на Грушинский фестиваль в надежде услышать нового Высоцкого. Но Володя был и остается лучшим, новые Высоцкие не появляются. Раза четыре мне посчастливилось бывать на больших концертах Высоцкого. Хотелось бы больше…

Незадолго до смерти он звонил мне, предлагал встретиться с отрядом космонавтов. У него были планы новых песен о космонавтах. Говорил даже о каком-то сценарии на космическую тему. Мы должны были поговорить об этом при встрече. Увы, та встреча не состоялась. Ранним июльским утром 1980-го года я узнал о смерти нашего любимого барда. На похороны в театр на Таганке я пришел со служебного входа. Иначе бы не пробился через толпу ценителей Высоцкого. Провожал его в последний путь вместе с актерами Таганки. С этим театром у меня была давняя дружба. Я даже входил в Общественный совет этого выдающего театра.

Когда решали, какой ставить памятник Владимиру Высоцкому на Ваганьковском, оказалось, что и тут возникли какие-то бюрократические препоны. Вроде бы скульптура Рукавишникова была выше, чем «положено по инструкции». Море людей, один знаменитый и два известных человека открывали этот памятник с гитарой за спиной и «привередливыми конями». Поэт Андрей Вознесенский, директор театра на Таганке Николай Дупак и я.

Я один из учредителей премии имени Высоцкого «Своя колея» вместе с мамой и сыном Высоцкого. Эту премию мы присуждаем тому, кто совершил Поступок с большой буквы. Людям, которые не изменяют своим убеждениям. Настоящим героям, которым Высоцкий, будь он жив, захотел бы посвятить песню. Этому начинанию уже больше пятнадцати лет.

В конце главы я хотел бы полностью привести «Поэму о космонавте». Я считаю, это лучшие стихи о нашей профессии. Точнее написать уже невозможно!

Я первый смерил жизнь обратным счетом.
Я буду беспристрастен и правдив:
Сначала кожа выстрелила потом
И задымилась, поры разрядив.
Я затаился и затих, и замер.
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.
Сейчас я стану недвижим и грузен,
И погружен в молчанье, а пока,
Меха и горны всех газетных кузен

Раздуют это дело на века.
Хлестнула память мне кнутом по нервам,
В ней каждый образ был неповторим:
Вот мой дублер, который мог быть
Первым, Который смог впервые стать вторым.
Пока что на него не тратят шрифта —
Запас заглавных букв на одного.
Мы с ним вдвоем прошли весь путь до лифта,
Но дальше я поднялся без него.
Вот тот, который прочертил орбиту,
При мне его в лицо не знал никто.
Я знал: сейчас он в бункере закрытом.
Бросает горсти мыслей в решето.
И словно из-за дымовой завесы
Друзей явились лица и семьи.
Они все скоро на страницах прессы
Расскажут биографии свои.
Их всех, с кем знал я доброе соседство,
Свидетелями выведут на суд.
Обычное мое, босое детство
Обуют и в скрижали занесут.
Чудное слово «Пуск» – подобье вопля —
Возникло и нависло надо мной.
Недобро, глухо заворчали сопла.
И сплюнули расплавленной слюной.
И вихрем чувств пожар души задуло,
И я не смел или забыл дышать.
Планета напоследок притянула,
Прижала, не рискуя отпускать.
И килограммы превратились в тонны,
Глаза, казалось, вышли из орбит,
И правый глаз впервые удивленно
Взглянул на левый, веком не прикрыт.
Мне рот заткнул – не помню – крик ли, кляп ли.
Я рос из кресла, как с корнями пень.
Вот сожрала все топливо до капли
И отвалилась первая ступень.
Там, подо мной, сирены голосили,
Не знаю – хороня или храня.
А здесь надсадно двигатели взвыли
И из объятий вырвали меня.
Приборы на земле угомонились,
Вновь чередом своим пошла весна.
Глаза мои на место возвратились,

Исчезли перегрузки – тишина.
Эксперимент вошел в другую фазу.
Пульс начал реже в датчики стучать.
Я в ночь влетел, минуя вечер, сразу,
И получил команду отдыхать.
И стало тесно голосам в эфире,
Но Левитан ворвался, как в спортзал.
Он отчеканил громко: «Первый в мире!»
Он про меня хорошее сказал.
Я шлем скафандра положил на локоть,
Изрек про самочувствие свое…
Пришла такая приторная легкость,
Что даже затошнило от нее.
Шнур микрофона словно в петлю свился,
Стучали в ребра легкие, звеня.
Я на мгновенье сердцем подавился —
Оно застряло в горле у меня.
Я отдал рапорт весело, на совесть,
Разборчиво и очень делово.
Я думал: вот она и невесомость,
Я вешу нуль, так мало – ничего!
Но я не ведал в этот час полета,
Шутя над невесомостью чудной,
Что от нее кровавой будет рвота
И костный кальций вымоет с мочой.

* * *

Все, что сумел запомнить, я сразу перечислил,
Надиктовал на ленту и даже записал.
Но надо мной парили разрозненные мысли
И стукались боками о вахтенный журнал.
Весомых, зримых мыслей я насчитал немало,
И мелкие сновали меж ними чуть плавней,
Но невесомость в весе их как-то уравняла —
Там после разберутся, которая важней.
А я ловил любую, какая попадалась.
Тянул ее за тонкий невидимый канат.
Вот первая возникла и сразу оборвалась.
Осталось только слово одно: «Не виноват!»
Но слово «невиновен» – не значит «непричастен», —
Так на Руси ведется уже с давнишних пор.

Мы не тянули жребий, – мне подмигнуло счастье,
И причастился к звездам член партии, майор,
Между «нулем» и «пуском» кому-то показалось,
А может – оператор с испугу записал,
Что я довольно бодро, красуясь даже малость,
Раскованно и браво «Поехали!» сказал.

В. С. Высоцкий

«Своя колея» К. И. Струкова

В 16 лет Костя Струков пошел своим путем, своей колеей, которую сам и выбрал. С небольшим рюкзачком и почти пустым карманом он ушел из дома со скандалом, без разрешения родителей. У него была мечта, – горы. И он на отлично сдал экзамены в горный институт. После двух лет обучения понял, что работа будет не в горах, а под горой, в шахте. Но не сбежал, остался, так как специальность понравилась: мужская, самостоятельная… и с взрывами. Окончил институт, получил высшее специальное образование и начал трудовую деятельность… рабочим в шахте.

Это сейчас можно без специального образования сразу стать начальником, даже министром. А в Советском Союзе надо было пройти долгий путь: рабочий, горный мастер, старший горный мастер, начальник участка, начальник шахты.

Когда руководителей стали выбирать коллективом, отказался избираться.

Если я нужен, – приглашайте. Он прошел от и до всю цепочку и знал себе цену. Одним из первых в Казахстане организовал артель старателей, стал ее председателем. Сплоченный коллектив русских казахов, немцев добился значительных успехов.

Но Казахстан стал независимым государством. Возник национальный вопрос, и национальный ответ не заставил себя долго ждать. Политики страны решили, что нужны национальные кадры руководителей, национальная буржуазия. Им создавались более благоприятные условия в бизнесе. «Не казахов» отжимали, выдавливали, отбирали бизнес. Заморозили счета российского кооператива, ввели новые деньги, не заплатили за уже сданное золото, отобрали месторождение.

Тогда они решили всей артелью перебираться в Россию. Договорились о переезде, взяли подряд на работу. Договориться – договорились, но… оставляемое в Казахстане движимое и недвижимое имущество никто и не думал у них покупать. Смеялись: вы все равно нам и так все оставите, с собой не заберете. Но они забрали все, что двигалось, загрузили, что смогли, построили технику в колонну и двинулись через границу опять по непроторенной дороге без колеи.

В России их тоже не встречали ни хлебом, ни солью, ни розами, скорее шипами. Пришлось осушать брошенные шахты. Налаживали производительную, эффективную систему добычи. Жили в общежитиях по два человека на койке, арендовали дешевое жилье. Несколько лет ютились в вагончиках, первое

время пищу готовили на кострах. Выдержали ложное обвинение в хищении своего же продукта. Обвинение было снято после того, как в их вагончиках не обнаружили ничего, кроме кроватей – топчанов и табуреток.

Утром директор, днем горный мастер К. И. Струков расширял производство. Зарплату побольше, чем у соседей, выплачивал регулярно. Это не нравилось руководителям соседних предприятий, которые задерживали зарплату на много месяцев.

К тому же Константин Иванович строго соблюдал шахтерский закон еще со времен Советского Союза. Если, в результате несчастного случая, погибал шахтер, то в его семью с тяжелой миссией, а потом и на похороны должен прийти начальник шахты. И когда на шахте его комбината погиб простой рабочий, а начальник шахты не пришел ни в семью, ни на похороны, то К. И Струков уволил этого начальника.

Он шел своей колеей и в результате в Башкирии был награжден?.. Нет, оказался не нужен. Опять переезд всем коллективом, на этот раз на Южный Урал. Опять вагончики, опять костры. Но Урал не зря называют хребтом России. Там ценятся именно такие люди подземной, т. е. неземной профессии. Поэтому таких берут даже в космонавты.

Здесь на Урале он «вытащил» практически из небытия целый угольный комбинат с шахтами, заводами, с двадцатью тысячами рабочих. Это было в лихие 90-е годы, когда процветало жестокое, вплоть до убийств, рейдерство, когда силой захватывали предприятие и убирали законного руководителя. Но Константин Иванович, «несовременный» современный предприниматель, человек совести и долга. Он наоборот начал помогать своим предшественникам и ветеранам.

Еще недавно угледобывающая отрасль не развивалась. Добыча угля становилась малорентабельной. Никого не устраивала ни скудная зарплата шахтера, ни миниприбыль владельца. Многие шахты закрывались, горняки оказывались на улице. Многие шахты, но не все. К. И. Струков, предприниматель с человеческим лицом не может так поступать со своими работниками. Пусть больше головной боли, чем прибыли, но угольная шахта будет давать работу его шахтерам.

Опять свое понимание морали российского предпринимателя, своя колея. Поэтому я не удивился, что и с ним разговаривал премьер министр Российской Федерации. А врать и приукрашивать К. И. Струков не умеет, это наезженная, но чужая колея. Выслушав его, премьер сказал окружающим: «Вам повезло, у вас акционер с высокой гражданской ответственностью».

Струков и тут остался верен себе. Он воспользовался этой

высокой встречей и оценкой, но не для себя, а опять для людей. Дело в том, что рядом с городом горняков Коркино находится огромная глубокая воронка – разрез. А на бортах разреза стоят поселки шахтеров, он попросил за них. Теперь в министерстве составили график, выделили деньги. И первые шахтерские семьи уже переселились в дома, в каких они никогда не жили.

Гости «Витка» и «Светоча»

Когда Королев принимал нас на работу, он интересовался не только нашим профессионализмом, но и культурным уровнем. Под его руководством мы росли, как специалисты, но успевали (не знаю, как!) следить за культурными событиями в стране. Для этого был создан устный журнал «Виток» и несколько лет спустя «Светоч». Возглавляла «Светоч» фанатически преданная своему делу Галина Рождественская. Иногда, когда ей было особенно трудно, она просила меня приглашать самых талантливых артистов, певцов, музыкантов. Космонавты и ракетчики были тогда на виду. А я был «занудой», которому легче уступить, чем доказать, что это совершенно невозможно. Прошло несколько лет, и я даже заслужил четверостишье:

Давно член «Светоча» почетный,
Ценитель муз и красоты,
Он полон жизни искрометной,
Горят в нем звездные мечты…

Одним из первых, кто выступил в нашем небольшом, но уютном клубе им. Калинина был сам Николай Черкасов, наш Александр Невский. В начале своего выступления он блестяще прочитал залихватское (со скидкой на периферию) стихотворение М. Ю. Лермонтова о том, как гусар летал на метле на шабаш к ведьмам. Зал отреагировал сдержанными хлопками. Черкасов понял, что недооценил аудиторию и уже без всякой скидки прочитал классический монолог царя. Ни одного хлопка – мы оцепенели. На сцене не было декораций, на артисте был современный костюм, но произошло чудо – мы видели и слышали не артиста, а Царя.

Со мной это произошло второй раз в жизни. Первый раз, за несколько лет до этого, на спектакле «Сирано де Бержерак». Я забыл, что сижу в театре, что в кармане у меня конфета для девушки и…про саму девушку. Я жил там, на сцене в старинной Франции рядом с неукротимым Сирано.

А вот история выступления у нас на «Витке» Аллы Пугачевой.

В 1975 году, сразу после нашего первого с Губаревым космического полета нас послали в Париж на Международную авиационно-космическую выставку. Есть такое выражение – увидеть Париж и умереть. И мы действительно чуть не умерли, когда на 4-й день вместо 14-го, нас отправили в почетную поездку

через всю Болгарию с митингами на площадях крупных городов.

В Софии в вестибюле гостиницы я увидел и услышал по телевизору, как поет наша певица на конкурсе «Золотой Орфей». Послушал, посмотрел и сказал: «Она займет первое место». Я оказался прав, и это была Алла Пугачева. Мы поздравили ее с победой, познакомились.

Через несколько лет меня попросили пригласить ее к нам в новый Дворец Культуры. А дальнейшее лучше меня описал наш поэт, член редколлегии «Светоча» Лев Зворыкин:

Мы долго Пугачеву пытались пригласить.
Отказы за отказом, не знали, как тут быть.
Взялся Г. М. за дело, узнать смог телефон,
И как-то поздно ночью к ней дозвонился он…
Она же, вот кокетка, давай Г. М. дурить,
Сказала, что нет дома, просит перезвонить…
Представилась служанкой, не знает ничего…
Но наш Г. М. не лыком шит – не обмануть его.
Короче, очень быстро ее разоблачил
И лично к нам в Подлипки приехать пригласил.

В Ленинграде в гостинице «Прибалтийская» у Пугачевой был свой любимый президентский номер. Там я увидел, как записывают для телевидения молодого худощавого певца. Одну и ту же песню его заставляли спеть бессчетное число раз. Я удивлялся его таланту и терпению. Я бы уже давно «послал» бы телевизионщиков к черту. А он все пел и пел. Это была первая запись на TV Валерия Леонтьева. А я тогда не понимал, как это важно для начинающего певца.

И вот через много лет, в 1984 году, мне удалось пригласить В. Леонтьева в Подлипки. Да и не его одного, а вместе с потрясающим Раймондом Паулсом. На встрече с нами Паулс поделился мыслями об эстрадном искусстве. Он подчеркнул, что каждое время рождает не только свою мелодическую интонацию, но и всю ритмическую структуру. Ну, а как играл Р. Паулс, все помнят и знают. В его лаконичной строгой манере магическая сила и тайна.

Каждый год мы поздравляем Раймонда Паулса с Днем Рождения, а Лев Зворыкин приветствовал его стихами:

Подлипки Вас теплом сердец встречают,
Готовы с Вами повторять мы вновь:
Всегда людей объединяет
«Святая к музыке любовь!»

Приезжала к нам, и не один раз, талантливая, великолепная и, в то же время, очень приветливая к слушателям, Елена Образцова. Но об этом лучше меня написала наша журналистка Елена Александрова: «Творческий вечер Елены Образцовой в Доме Культуры „Костино“ гласила афиша рядом с моей автобусной остановкой. Я зажмурилась и старательно потрясла головой. Однако, когда открыла глаза, надпись не исчезла. Возможно, какая-нибудь другая Образцова? Не может же быть, чтобы после Ла Скала и Ковент-Гарден, после работы с Паваротти, Каррерасом, Кабалье и на нашей сцене? Но оказалось: чистая правда – встреча королевцев с примадонной действительно состоялась». Прощаясь, певица сказала: «У вас замечательная публика, спасибо за очень теплый вечер». А Лев Зворыкин ответил ей стихами:

Мариной Мнишек Вы взошли на сцену,
Теперь Вы стали «Русскою Кармен».
Милан Вы покорили, Лондон, Вену,
В Париже Вы давно известны всем.
В Италии, во Франции, в Канаде
Вас провожал аплодисментов шквал…
Теплом встречает Вас в Калининграде
Ценителей искусства полный зал.

Немало интересных встреч подарили королевцам редакции устных журналов «Виток» и «Светоч». Но одни из самых памятных – вечера, проведенные с Аркадием Райкиным. Он выступал у нас без масок, без костюмов.

Но таково великое мастерство артиста, что только от интонации, от скупого жеста, мимики зритель видел перед собой множество его персонажей.

А. Райкин служит сатире, как рыцарь прекрасной даме: преданно и верно. Наш поэт из «Светоча» приветствовал Райкина теплыми словами из его же песенки:

Вам на сцене года не помеха,
Честь и слава даны по труду,
И всегда Вам желает успеха
Добрый зритель в девятом ряду.

Лучшие сатирические миниатюры для Райкина писал Михаил

Жванецкий.

Вообще-то юмористов много. Особенно, у кого юмор ниже пояса и даже ниже плинтуса. Хороших юмористов мало. А вот самый лучший один. Для меня это Жванецкий. Нам повезло, – он тоже был гостем «Светоча». Думаю, что никто другой не сможет быть героем такой передачи, как «Дежурный по стране». Все могут пошутить, даже я, правда, не всегда удачно. Тем не менее, одесситы приняли меня в свой клуб юмора. Вручили мне символ клуба – маленький бронзовый 13-й стул из романа «Двенадцать стульев». Все могут ответить «экспромтом», если заранее тщательно его подготовят.

Только Жванецкий – почетный член клуба одесситов, может на совершенно неожиданный вопрос ответить настоящим экспромтом, одновременно остроумным и мудрым…

Консультант, киноартист, автогонщик…

Название этой главки, конечно, нужно было написать в кавычках. Я не артист. Хотя президент Ельцин, написал, что «В Гречко умер великий артист». Все-таки во-первых не артист, а во-вторых не умер… Но кино и театр я любил с детства, несколько раз был консультантом в экранизациях научной фантастики. Например, был главным консультантом Леонида Быкова на съемках фильма «Пришелец». Режиссер ушел из жизни, не завершив эту картину. А мог бы получиться шедевр! – так говорят критики. Работал я и с Павлом Арсеновым – на фильме «Лиловый шар» по роману Кира Булычева – писателя, с которым я был хорошо знаком и даже беседовал в эфире программы «Этот фантастический мир». Работал и на фильме «Возвращение с орбиты» Александра Сурина, в котором очень реалистично показали личную жизнь космонавтов и предотвращенную трагедию в полете. Одного из космонавтов в этом фильме играл наш Ватсон – Виталий Соломин.

Встреча с Премьер-министром Индии Индирой Ганди на церемонии награждения космонавтов после советско-индийского космического полета. В космос полетел безусый экипаж, а мы остались «сами с усами»

Доводилось консультировать и фильмы, не связанные с

космической тематикой.

В 1983-м году на экраны вышла кинокартина «Скорость» – про конструктора гоночных автомобилей и гонщиков. Там было много трюков, много технических нюансов.

В фильме снималась настоящая машина ХАДИ-9 конструктора Владимира Никитина, способная, по мнению оптимистов, превысить скорость звука. Роль конструктора исполнил Алексей Баталов. Его ученика «с трудным характером», молодого талантливого конструктора и гонщика сыграл Дмитрий Харатьян. Через несколько лет со шпагой гардемарина он станет популярнейшим актером своего поколения.

Во время съемок я узнал, что Дмитрию пришло время служить в армии. Он мне понравился как актер и я рассудил, что ему было бы правильнее служить в Театре Советской армии. Служба в стенах этого театра приравнивается к армейской. Я составил письмо на имя директора театра – и вскоре Харатьяна приняли в труппу. Прошло лет двадцать пять – и мы встретились с Дмитрием в телевизионной студии.

Я поинтересовался, как ему служится в Театре Армии. Но оказалось, что его отчислили оттуда чуть ли не через месяц «службы». Оказывается, театральные бюрократы рассердились, когда выяснилось, что актера приняли по протекции Гречко-космонавта, а не Гречко-министра обороны. Самое любопытное, что маршал Гречко к тому времени уже лет пять как был похоронен в кремлевской стене. Но, видимо, его грозная фамилия еще вызывала в подведомственном театре трепет. Пришлось Харатьяну служить «рядовым пожарным» в одной из подмосковных военных частей.

По-настоящему испытать ХАДИ-9 на максимальной скорости так и не удалось: не было подходящей трассы. В нашем фильме, на соляном озере Баскунчак, состоялся единственный заезд автомобиля. Озеро было лучшей в СССР площадкой для испытания рекордных гоночных автомобилей. Правда, его изрядно попортили, изрыли, добывая соль. Хорошо бы было испытать ХАДИ-9 на американских трассах, на знаменитом соляном озере Бонневиль в штате Юта, но у нас не было денег на такие гастроли… Я бывал в Харьковском автодорожном институте, встречался с конструкторами этой гоночной машины, выступал перед студентами. Внешне болид ХАДИ-9 напоминал ракету.

Мой гоночный опыт при съемках «Скорости» сполна пригодился. Мир автогонок для меня не чужой. Я не раз участвовал в авторалли, причем штурманом у меня был сын Алексей. Откровенно говоря, именно из-за сыновей я всерьез

занялся автоспортом. Хотелось их приобщить к чему-то полезному. И приобщил. Был у меня соперник по автоспорту – Постников. Мы много раз соревновались, и он побеждал чаще, чем я. А потом мой сын и дочь Постникова стали мужем и женой. И до сих пор они вместе.

В 1977-м году я занял второе место на представительных соревнованиях по фигурному вождению. Фигурное вождение – очень полезная дисциплина не только для автолюбителя, но и для космонавта. Появляется навык управления техникой в головоломной ситуации. Как-то раз я не слишком удачно выступил в ралли. И Алексей после соревнований проехал «доп» с куда лучшим результатом. Превзошел меня! Я был рад и горд: значит, я оказался хорошим учителем, если мой сын и штурман меня победил. Пожалуй, тогда я понял, что такое тренерское счастье.

Вот почему я стал гонщиком «Кандидатом в мастера» по автоспорту

Однажды я гостил в Соединенных Штатах, а точнее – в Сан-Франциско, у одного любителя коллекционных машин. Он резонно утверждал: новые автомобили каждый год дешевеют, а коллекционные – только дорожают. У него был «Астон Мартин» – коллекционный экземпляр, на таком Джеймс Бонд ездил в одном из фильмов.

В эти дни моему американскому другу пришло приглашение

на представительное ралли для Астон Мартинов. Мы отправились в Неваду. Любопытно, что мой бережливый друг из Сан-Франциско в Неваду ехал на обычном автомобиле, а роскошный автомобиль Бонда тащил на прицепе.

Он предложил мне стать штурманом на этом ралли. Английский я знал весьма поверхностно, он по-русски вовсе не говорил, раллистских приборов в машине не было. И у меня сложилось впечатление, что мой друг мало разбирается в специфике ралли. Ведь в ралли не только отставание от заданного времени, но и его превышение грозит штрафными очками. Конечно, я согласился. У меня были спортивные наручные часы с секундомером. Надо было настроить их на режим обратного отсчета. Пока нам объясняли условия соревнований, я отлаживал часы. На карте значился участок плохой дороги. На поверку оказалось, что он по качеству соответствовал хорошей дороге нашего московского уровня. Я рассчитал, что на хорошей дороге мы должны процентов на 9 превысить заданную скорость, чтобы на проблемном участке ее снизить. Но превышение на 11 процентов уже каралось бы штрафными очками.

В бой! Многие участники соревнований спутали ралли с гонками и резво обгоняли друг друга. Больших усилий стоило удержать моего приятеля от такой бесшабашной тактики! На финише зрители были удивлены нашим медленным ходом. Им казалось, что у нас что-то сломалось, они кричали нам: «Вперед!». В итоге мы на 0,6 секунды отклонились от заданного времени и заняли вполне почетное третье место.

В 1985-м году на экраны вышел фильм Сергея Никоненко «Корабль пришельцев». Экранизация повести моего давнего друга, журналиста и писателя Владимира Губарева «Легенда о пришельцах» о поисках корабля с собакой Жулькой, который был прототипом гагаринского корабля «Восток».

Я был научным консультантом на этой картине, работал с Никоненко незадолго до моего третьего полета. Рассказывал о работе с Королевым, о днях моей молодости. В том числе и об экспедиции на поиск Тунгусского метеорита. Любопытно, что один из героев повести и фильма списан отчасти с меня. Правда, фамилию Губарев немного изменил, назвал своего героя «Георгий Гришин». Как и кличку собачки – из Жульки она стала Жучкой.

Хочу уточнить: Гришин – это собирательный образ. Он делает в фильме много того, чего я не делал. Но характер Губарев списывал с меня. В роли этого Гришина снялся сам Сергей Никоненко – режиссер и популярный актер. Это одна из главных ролей в фильме. Внешне Никоненко не очень на меня похож. Как

не был похож на нашего Королева актер Олег Табаков, игравший главного конструктора. Но кое в чем Никоненко меня скопировал. По сценарию Гришин-Гречко лишился четырех пальцев на руке. Это, к счастью, было губаревским вымыслом. У меня все пальцы целы!

Споры вызывало название фильма. Какие тут пришельцы, когда речь идет о научном подвиге королевцев? Там ведь метеоролог с Подкаменной Тунгуски принимает за корабль пришельцев наш упавший корабль. А я в составе поисковой экспедиции искал в этих краях осколки корабля пришельцев – Тунгусского метеорита. Головную часть корабля и Жульку тогда нашли. Реальная собачка, между прочим, выжила.

Я с любопытством посмотрел этот фильм, в котором исторические факты перемежались фантазией автора. Говорят, когда Брежнев вместе с супругой смотрел фильм «Солдаты свободы», в котором политрука Брежнева играл актер Матвеев, жена спросила его: «Леня, а это ты снимался?» – «Да нет, это артист Матвеев, – ответил генсек. А потом пригляделся и добавил: Но брови вроде мои!»

Королев в различных фильмах появлялся неоднократно. Но ни разу не было полного сходства. В известном фильме «Укрощение огня» в роли главного конструктора Башкирцева снялся Кирилл Лавров. В некоторых эпизодах фильма Башкирцев-Лавров вершит дела Королева и даже произносит подлинные фразы Королева. Актер хороший – и мы, космонавты, даже приветствовали его при встрече: «Здравствуйте, товарищ главный конструктор!».

И фильм получился талантливый, он не устарел. Это, пожалуй, наш лучший художественный фильм о космонавтике. Но после первого просмотра мы – соратники Королева – были недовольны тем, что не увидели на экране своего СП! Лавров играл превосходно, но это был не Королев, а Башкирцев! Королев был мужественным человеком, никогда не выглядел неврастеником, не хватался за сердце.

К тому же в картине зачем-то показали смерть матери главного конструктора. А мама Королева – Мария Николаевна Баланина – тогда еще была жива! Я знал эту удивительную женщину, восхищался ее острым умом, ее энергией. Она была учительницей. Когда Королева посадили – она писала во все инстанции: «Неужели вы думаете, что я – советская учительница! – могла воспитать врага народа?!». Обращалась за помощью к М. М. Громову, знаменитый летчик был тогда депутатом. Громов принял ее прохладно. Впоследствии Мария Николаевна напомнила ему о той встрече. Прославленный летчик

был готов под землю провалиться!

Несколько лет назад, незадолго до юбилея Королева, мы – Алексей Леонов и я – обратились к режиссеру Юрию Каре с просьбой снять фильм о Королеве. Фильм получился исторически достоверный. И, на мой взгляд, Королев там соответствует реальному Королеву в молодые годы. Но всего многообразия личности главного конструктора мы не увидели и в этом фильме. То ли кинематограф не способен отразить личность величайшего человека XX века, то ли время еще не пришло… Очень сложно снять и правдивый, и высокохудожественный биографический фильм. Таких фильмов мало в любой стране в любую эпоху.

Не сложилось у меня с фильмом «Трудно быть богом» по моему любимому роману Стругацких. Немецкий режиссер сделал обыкновенный стандартный боевик. Много лет работал над экранизацией этого романа и российский режиссер Алексей Герман.

А вот его сын – Герман-младший – снял «Бумажного солдата», о первом отряде космонавтов. И это был плевок в душу космонавтам. Мораль фильма: русские случайно, из грязи прорвались в космос, все было безобразно, уродливо. Но это ложь, и автор об этом знает! Сохранились же документальные фильмы! Посмотрев этот фильм, я вспомнил старую формулировку: «низкопоклонство перед Западом». У нас на скафандр пылинка не могла попасть – а герой фильма в скафандре шлепает по лужам.

Дважды мне довелось сняться в художественных кинокартинах. Если кто-то считает это занятие несерьезным для космонавта и ученого – напомню, что сам Сергей Павлович Королев, в молодости снимался в кинокартине «Трипольская трагедия». Изображал и солдата в бою, и труп, и даже был каскадером: прыгал вместо главных героев в Днепр с крутого берега. Та к что я пошел по стопам учителя. И, так уж совпало, со мной это тоже случилось в Киеве.

Меня вообще частенько приглашали консультантом на киностудию имени Довженко. О ней ходили обидные шутки, вроде такой: «Есть хорошие фильмы, есть плохие, а есть фильмы киностудии Довженко». Это, конечно, несправедливо, можно привести длинный список хороших киевских кинокартин. Но, как говорится, «в каждой шутке есть доля…».

Первый раз я снимался в 1978-м году. Фильм назывался «Под созвездием близнецов». Его снимали по мотивам повести Игоря Росоховатского «Гость». Снимал фильм киевский режиссер Борис Ивченко. Вышло совпадение – я действительно родился под этим созвездием! Я был консультантом и сыграл там самого себя.

Сюжет такой: возвращается из галактики корабль с мертвыми космонавтами. Мы поднимаем его на палубу авианосца, открываем и обнаруживаем погибших.

Я играл советского космонавта, который в составе международной делегации встречает корабль. Роль на несколько секунд. Во время этой сцены я стою рядом с командиром корабля и ужасаюсь увиденному. Говорят, что это самая удачная маленькая роль в фильме. Я ужасался лучше других.

А дело было в том, что на съемках в скафандрах лежали живые актеры, и я испугался, что они задохнутся из-за отсутствия вентиляции. Нас, космонавтов, часто спрашивают: «Что у вас, ребята, в чемоданчиках, когда вы идете к кораблю по космодрому?». А у нас там лежат батареи и вентилятор, который гоняет воздух между телом и скафандром.

Так вот, у тех скафандров, в которых находились актеры, таких вентиляторов не было. Киношники просто забыли их заказать. Хотя по тем временам фильм был неплохо технически оснащен. Мне удалось привлечь для съемок и крейсер, и бронетранспортер, и подразделение десантников. Сейчас бы это стоило колоссальных денег, а тогда мог помочь космонавт.

Эпизодическую роль капитана американского авианосца сыграл режиссер фильма Борис Ивченко. Когда съемки закончились – начался большой банкет. Директором фильма была очень опытная, строгая женщина. Не очень уже трезвый Ивченко «подколол» ее: – «Зачем ты живешь? Ты всюду была, все видела и все знаешь!» Она, не задумываясь, ответила: «А нюансы?» Этот диалог запомнился мне больше самого фильма. Фильм практически не показывали по телевидению. И, я думаю, поделом: шедевра не получилось.

Второй фильм с моим участием – «Не послать ли нам гонца?» режиссера Валерия Чикова, комедия с социально-философским уклоном. Там, помимо роли, я был каскадером – бил машины по ходу съемок, черную «Волгу» и ушастый «Запорожец». Слава богу, навыки есть: я кандидат в мастера по автоспорту и до сих пор за рулем. Вот тут уж снова пришлось вспомнить опыт ралли, опыт гонок. Как говорил Чкалов: «Пока руки держат штурвал, а глаза видят небо».

Главные роли исполняли Михаил Евдокимов и Лев Дуров. А я снова играл самого себя. Конечно, мои появления в кадре и сравнивать нельзя с великолепной работой актера Льва Дурова, который в этом фильме сыграл глухонемого старика. Вот это блестящая роль! Сыграть главного героя профессиональному актеру легче, а попробуй сыграй глухонемого так, как это получилось у Дурова! Благодаря его таланту и таланту

популярного Михаила Евдокимова, вышла пронзительная картина о нашей жизни.

А еще был случай я, как настоящий артист, прошел кинопробы у режиссера Масленникова на роль в фильме «Малыш» по Стругацким. Режиссер был доволен моей пробой. Но фильм, увы, застопорился на стадии съемок.

А закончу я эту главку совсем экзотическим случаем. Однажды в Тарту, в театре Ванемюйне, я консультировал балет! Но не про лебедей, а на космическую тему. И я нагло сказал балетмейстеру: ваш балет провалится. И предложил ему свое видение постановки. Танцовщики меня поддержали, а балетмейстер, конечно, обиделся и поставил балет по-своему. В результате балет действительно провалился, и его сняли после третьего или четвертого представления.

Банкир

Мои знания о специфике работы банкира долго ограничивались стихами Маршака.

Стихи на полях:

Мистер Твистер, бывший министр,
Мистер Твистер, делец и банкир,
Владелец заводов, газет, пароходов,
Решил на досуге объехать мир.

Но я работаю в ОТП-Банке и не жалею. Мне интересна общественная деятельность банка, благотворительные программы, обращенные к людям. Меня пригласили в этот банк, когда он еще назывался Инвестсбербанком. Сейчас банк стал больше и сильнее, мы вышли на международный уровень. Ведь марку ОТП хорошо знают в Европе – и я ее много раз встречал в Венгрии.

Банк много занимается детьми, помогает воспитанникам детских домов. Помогает не только напрямую, но и через физкультуру и спорт. Мы решили, что помогать надо в первую очередь детям, которые остались без родителей, учатся в школах-интернатах, детям-инвалидам. Всем понятно, что дети – наше будущее. Разве можно отмахиваться от будущего? Кроме того, у нас программа помощи многодетным семьям и учащимся – тем, кто учится хорошо и везде успевает. Мне, как круглому отличнику Военмеха, это особенно понятно и приятно.

Мне очень нравится благотворительная программа «Вместе в будущее», в которой, кроме банка, участвует общество «Динамо». Мы ездим по всей России. Спортивные акции мы проводили в Краснодаре, в Ростове-на-Дону, Омске, Челябинске. И в дальнейшем продолжим помогать детям в физкультурном развитии. Не только для того, чтобы они мышцы наращивали. Спорт учит преодолевать дистанции, опережать соперников.

Самое главное, он учит преодолевать себя. Самые большие наши враги – это мы сами. И если ты научишься побеждать себя, побеждать других будет легче. У меня улучшается настроение и даже здоровье крепнет, когда я вижу, как соревнуются дети, как они учатся побеждать. Наша задача – создать им условия для

занятий спортом.

А иногда я с пользой вмешиваюсь и в основную работу ОТП Банка. Кое-что подсказываю, нашим финансистам. Я для них – человек со стороны, не скованный конъюнктурой, знающий жизнь, так сказать, по ту сторону кассового окошка.

Я сотрудничал с выдающимися руководителями, такими как президент Академии наук М. В. Келдыш, главный конструктор С. П. Королев, директор института академик А. М. Обухов и др. Это позволяет мне иногда дать общечеловеческий совет сотрудникам банка. А многолетнее участие в наблюдательном совете Инвестсбербанка (нет ничего лучше, чем наблюдать и советовать) позволяет мне иногда подсказать и что-то узкоспециальное. Например, как-то я брал ипотеку, и процедура оформления документов оказалась довольно сложной. Внес в наш банк предложение по ее упрощению, которое было принято.

Круиз мира

Наш теплоход отправился в путь по Миссисипи 26 июля 1986 года. Тогда говорили, что в отношениях между двумя сверхдержавами – СССР и США – растаял лед. Это было преувеличением. Холодная война еще очень и очень чувствовалась. Как-никак, на 1983–1984 годы пришелся пик напряженности, когда Рейган говорил про «империю зла».

А историю с южнокорейским «Боингом», который сбили наши летчики, американская пропаганда преподнесла как преступление советского режима. Приехав в Штаты, я в первый же вечер увидел по телевизору сразу несколько яростно антисоветских фильмов. В одном из них советские солдаты безжалостно убивали американских детей.

Святослав Рерих расписывается по нашей просьбе на Знамени Мира в своем поместье в Индии

Вот в такой непростой обстановке нам предстояло отправиться в круиз мира. Другое дело, что мы, космонавты разных стран, всегда уважали друг друга и даже дружили. Помню, сидим мы как-то с американцами в чайной комнате звездного городка и разговариваем – задолго до всех перестроек и ускорений. Стаффорд, который потом летал на «Союз-Апполоне», нас подкалывал: «Ну и смелые вы ребята, что на таком старье летаете». Действительно, их корабль был современнее нашего. Но

и наш «старичок» в космосе работает неплохо.

А буквально на следующий день была пресс-конференция американцев, которые готовились к полету с нами. Кто-то из журналистов просит сравнить техническое совершенство американского и российского космических кораблей, которые будут стыковаться. Стаффорд, не моргнув глазом, говорит: «Примерно одинаковые». Вот что значит профессиональная дружба. Мне было легче найти общий язык с американцами. Поэтому я, космонавт, мог плодотворно работать в «Комитете защиты мира».

В то время все мы были обеспокоены американской программой – Стратегическая Оборонная Инициатива (СОИ). Я был и остаюсь противником безумной гонки вооружений в космосе. Опасное это дело. Об этом я не раз говорил во время круиза Мира. Думаю, эти слова не устарели:

«Пусть вас не обманывают слова о том, что сейчас ведутся только научные разработки, а уж наши дети и внуки разберутся. Я не хочу, чтобы смерть угрожала не только мне, но и моим детям и внукам. Сейчас остановить вывод оружия в космос можно. Если этого не сделать, оно полностью выйдет из-под контроля».

Мы вместе с американскими учеными разработали тогда программу «Звездного мира». Говорили о серьезном сотрудничестве в науке, в технологиях. Я говорил американцам: «Намного интереснее посвятить общие усилия такому космическому проекту, как совместная советско-американская миссия к Марсу». Недавно школьники из штата Мэн, побывавшие в нашей стране, подарили мне майку с надписью «Вместе на Марс». Я не хотел бы, чтобы этот призыв оставался только на словах. Я и сегодня убежден, что полет на Марс будет совместным, многонациональным.

В нашей делегации присутствовали люди разных профессий, в том числе и священник. Запомнился такой эпизод. Мы приплыли на пароходе к маленькому американскому городку, сошли на берег и направились в этот городок.

А я снимал происходящее на видеокамеру и услышал разговор. Стоявший у трапа американец спросил у матроса: «А когда сойдут русские?» Тот ответил: «Да они только что мимо тебя прошли!» У американца стали квадратные глаза, и он удивленно произнес: «Они такие же, как мы?!» Присутствие среди нас священника еще больше доказывало, что мы такие же, как они. Американцы, видимо, ожидали увидеть русских в звериных шкурах и с большими ножами за поясом.

Во время одной из встреч я спросил у американских скаутов, ребят лет 13–14: «Зачем вы пришли на личную встречу с

русскими? У вас ведь о нас рассказывают и газеты, и радио, и телевидение». Один из них ответил: «Журналисты задают вам свои вопросы, а я пришел, чтобы задать свои!» Эти эпизоды подчеркивают, как мало тогда знали друг о друге русский и американский народы.

В «Круизе мира» мы познакомились и подружились с Владыкой Агафангелом. Позднее я встречался с ним в Украине, когда он был в Виннице. Сейчас Митрополит в Одессе. И когда мы с женой туда приехали, то попросили, чтобы он нас обвенчал. Владыка исполнил нашу просьбу. Надо отдать должное Митрополиту: в монастыре, в котором он живет и служит, многое им построено. Он возвел и новые храмы, и приделы, и благоустроил территорию. Очень и очень созидательный человек!

Когда мы отправились в путешествие по Миссисипи, с нами была бутыль волжской воды. Мы выплеснули ее в Миссисипи в знак дружбы. Американцы сделали ответный ход. Через год американская делегация совершила круиз по Волге. Вода из Миссисипи пополнила нашу Волгу.

Благовещение

Раньше я полностью отрицал НЛО, как объект внеземной цивилизации. Видел исключительно земные причины их природы: запуск ракеты, кусок ракетоносителя. Доказательства существования НЛО, на которые напирали энтузиасты, представлялись мне неубедительными. Вроде как люди видели НЛО, а потом оказывалось, что на самом деле это была ракета или подъемный кран, который ночью работал. Еще одна история, жена рассказывает мужу, что ее похитили инопланетяне, а потом она от них забеременела. Не верю.

Я сам был космонавтом, летал в космос. Почему же я-то НЛО не видел? Но в Лондонской национальной галерее я увидел странную картину: на ней изображено, как на небе висит яркая огненно-желтая тарелка, и луч от нее исходит к Деве Марии. Я еще подумал, что за ерунда современная висит среди старинных шедевров?

Но когда прочел надпись, обомлел: «Карло Кривелли, 1484 год». XV век! Согласно библейским канонам, благую весть Деве Марии принес архангел Гавриил. Это весть о том, что она станет матерью Христа. А на этой картине благая весть приходит из подобия летающей тарелки, с помощью луча, похожего на лазерный. Вылитая летающая тарелка получилась у Кривелли! Круглая, с несколькими уровнями и окошками.

Я задумался, почему автор изобразил в небе предмет, так похожий на летающую тарелку? Ответ был один: он сам видел этот предмет в небе, а может, ему рассказали. Получается, что Бог передает информацию Деве Марии с НЛО? Теперь я думаю, что инопланетяне действительно бывали на Земле. Но очень давно. У художников глаз точный! Иногда я в шутку говорю: «Вот так и летают к нам с XV века».

Карло Кривели – известный итальянский живописец, потомственный художник. Многие знают его Марию Магдалину с длинными локонами. Он отличался внимательным отношением к деталям, тщательно их выписывал. И одной из деталей на картине средневекового художника стала… летающая тарелка.

Финансы поют романсы

Так будьте здоровы, живите богато,
Но только насколько позволит зарплата,
А если зарплата вам жить не позволит,
Ну что ж, не живите, никто не неволит.

Довоенные куплеты

Денежный вопрос для космонавтов никогда не был определяющим. За длинным рублем в космос не летят, слишком опасная профессия. Награждали нас по-разному: в зависимости от продолжительности полета, от его сложности. У нас были космонавты первого, второго и третьего класса. У меня высший разряд – я космонавт-испытатель первого класса, инструктор. Зарплаты были небольшие – от 350 до 500 рублей. Никаких чеков, чтобы пойти в магазин и сказать: «Заверните мне две „Волги“», не было.

Золотые звезды давали сначала за каждый полет, потому что они были достаточно рискованными и сложными. Потом через раз, через два в зависимости от сложности, риска и т. п. Как правило, за первый полет давали Героя Советского Союза – Золотую звезду и орден Ленина. Плюс автомобиль «Волга» и квартиру. Но, скажем, у меня первый полет в 1975 году был самый длительный в Советском Союзе – 30 суток. Я получил единоразово пять тысяч рублей. И хотя квартиру потом дали, но этих пяти тысяч на мебель уже не хватило. За ней надо было лететь еще раз.

Я помню разговор космонавта Елисеева с известным музыкантом. Тот как-то зашел к нему в гости и говорит: «Слушай, есть возможность купить дачу. Недорого – 35 тысяч рублей». Это было в 60-е годы. Елисеев так и «поперхнулся», а музыкант воспринял это по-своему и сказал: «Ну, ты зря хочешь на этом экономить!» Знаменитый музыкант думал, что мы тоже получаем десятки тысяч. А Елисееву за этой дачей надо было чуть ли не семь раз в космос слетать.

А с машинами в дальнейшем был установлен такой порядок: получил первую машину, потом слетал в космос через год – ты ничего не получаешь, через два года слетал – то же самое. А если

с первого полета до следующего прошло больше пяти лет, то есть твоя машина уже старая, тебе дают взамен новую. Но вот у меня с одного полета до другого прошло семь лет, но машину мне не дали, ездил на старой.

Было и забавно: раньше считалось, что нехорошо советскому космонавту ездить на иномарке. Поэтому, когда первый из нас Алексей Леонов купил «Форд», начальники заставили его продать. А сейчас эти начальники сами ездят на более крутых иномарках.

Золотых гор у нас не было, но было уважение. К нам прислушивались, мы могли помогать людям, помогать науке своим «космическим» авторитетом, даже пробивать финансирование… Постепенно все это сошло на нет. Знаете, есть такая шутка: когда говорят: «Мы тебя наградим грамотой», ты отвечаешь: «Лучше деньгами».

Так вот, если говорить о деньгах, то, на первый взгляд, нынешние космонавты зарабатывают намного больше, чем мы. За длительный полет в мое время платили не больше 15 000 рублей. Современные космонавты получают за полет десятки тысяч долларов, но в нашем случае это меньше, чем 15 000 рублей. Просто тогда правительство за первый полет, кроме денег, дарило космонавту автомобиль «Волга» и хорошую квартиру. Сейчас только доллары, на которые жилье не купишь.

В результате космонавт, Герой России, вынужден снимать служебную квартиру. А где он будет жить, когда, рано или поздно, уйдет из отряда космонавтов? Снимет комнату в замке шоумена? Или, как Диоген, поселится в бочке? Если Герой России не может купить квартиру на космические заработки, то пенсии на это у него точно не хватит.

Конечно, есть профессии повыгоднее, а космос требует одержимости. В общем, летать в космос за деньгами не стоит. Только за мечтой. За деньгами нужно идти в чиновники. Но мы, романтики, не отказались бы от мечты о космическом полете, ни за какие деньги.

Сейчас у меня неплохая пенсия. Есть и подработки. На нужду не жалуюсь, живу, слава богу, не богато и не бедно. Слава богу, потому что у богатых, как вы знаете, свои беды. И бриллианты у них маленькие, и жемчуг мелкий. А у нас и щи наваристые, и картошка иногда с салом. Я не страдаю от того, что у меня нет «Бентли». Я езжу на старом «Мерседесе», которому больше 15-ти лет. Он уже «сыпется», но еще на ходу. Так что у меня все в порядке.

Я же мальчишка войны. В детстве мы привыкли питаться тем, что сами выращивали на огороде. Вареная картошка утром,

жареная на обед, деруны (оладьи из тертой картошки) на ужин. Когда у меня появился новый ватник, все мне завидовали. Ватник, да еще новый, был в те военные годы, как фрак в наше время. И я об этом не забыл.

Космонавтам полагаются льготы. Когда государство предложило отдать эти льготы взамен на денежную компенсацию – я отказался. И до сих пор на законных основаниях не плачу за свет. Раньше нам полагался раз в год бесплатный авиабилет. А недавно я пришел за билетом – и мне сказали: «Ты свою филькину грамоту убери». – «Как? Это правительственное решение». – «Вот в правительство за билетом и иди». У нас какая-то недорыночная экономика, ничего хорошего от нее ждать нельзя. Наши национальные проекты не выполняются. Это все не планы, а благие пожелания. Действительно, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о наших планах.

Иногда в какой-нибудь новой компании я как бы невзначай говорю, что в настоящее время делаю уже второй личный миллион долларов. У кого-то повышается интерес, и даже уважение ко мне. Кто-то неумело скрывает белую зависть. Выдержав паузу, я объясняю, что делал первый миллион, ничего не получилось. Плюнул и начал делать второй. Все успокаиваются. Естественно, никаких миллионов у меня нет.

На самом деле, когда начались кооперативы, я тоже пытался заработать большие деньги. Даже был уверен, что я обязательно сделаю свой первый миллион. Ведь я не дурак, у меня есть известность, друзья, знание жизни. Но, к своему удивлению, миллионером даже в рублях, или в иенах или хотя бы в тугриках не стал. Я сам на себя обиделся. А потом понял, что я все-таки по своей натуре ученый. А главная отличительная черта ученого – это сомнение. Дважды два? Надо сомневаться, может, в каких-то случаях не четыре. А чтобы быть успешным бизнесменом, надо, невзирая на сомнения, говорить уверенно. Давить, и не только морально, но и физически своих конкурентов. Но я просто на это не способен. То, что для ученого – плюс, для бизнесмена – минус. Поэтому бизнесмена из меня не получилось.

Живу в городке космонавтов на Хованской улице. У меня, как и у других космонавтов с Хованки, есть небольшой участок около дома. Мы когда-то посадили там яблони, грушу, сливу, вишню – маленький сад. Бессистемно, но, тем не менее, в урожайный год что-то растет. Бывают хорошие урожаи яблок. Нет, к сожалению, времени ухаживать, возделывать сад. Но то, что вырастает, то вырастает. И вот однажды воробьи съели весь урожай вишни. Весь, потому что на большом дереве созрела только одна вишня. Прилетел воробей и съел.

А вот слив было столько, что листьев не видно. Возвращаюсь домой, а десятки слив лежат под деревом. Ну, думаю, соседние мальчишки, если вы стряхнули столько слив, то надо было все и подобрать. Я как-нибудь вас поймаю и заставлю забрать все сливы. Сижу я однажды у окна и вижу: дерево сильно раскачивается, как в бурю. Сливы падают на землю. Выскакиваю на улицу, чтобы объясниться с мальчишками и глазам своим не верю. Две вороны в такт раскачивают дерево так, что с него градом сыпятся сливы.

А еще я позволил надеть на себя хомут председателя Товарищества Собственников Жилья космонавтов «Старт». А в нашем городке сейчас идет капитальный ремонт, переговоры о котором длились несколько лет. Я человек мягкий, и вести переговоры с ремонтниками и бюрократами мне трудно. Поэтому, если бы не космонавт Светлана Савицкая с ее статусом депутата РФ, деловитостью и социальной активностью, наше ТСЖ можно было бы из «Старта» переименовывать в «Финиш». А я надеюсь вскоре передать этот хомут новому молодому председателю.

Свой район я люблю. Хожу кормить уток к Останкинскому пруду, иногда гуляю по аллеям ВДНХ. А когда в своем районе попадаю в пробку (а они теперь в Москве почти круглосуточно), всегда знаю, как их объехать дворами-переулками. Я не представляю себе жизни в другом округе.

Четыре человека

Когда что-то только появляется, это вызывает интерес, потом он начинает угасать. Вот вы сможете назвать имена первых полярников? А ведь когда-то их знали все. А про современных полярников мы часто слышим? Так и с космосом произошло. Когда космические полеты только начинались, всем было интересно, как в космосе пьют, едят, спят. Чихнул космонавт – рассказывают, поставил новую заклепку – рассказывают. Это казалось чудом. Конфеты, рестораны и кинотеатры называли по космически. Мода!

А сейчас на орбите ставятся такие сложные эксперименты, что обычному человеку трудно даже понять их суть. Пользы от космических полетов сейчас во много раз больше, а интерес публики пропадает.

Американские полеты на Луну остановили не только потому, что все уже выполнили. Но и потому что на телевидение стали звонить зрители и говорить: «Опять вы нам показываете астронавтов на Луне вместо нашего любимого клоуна Боба Хоупа». Хорошо это или плохо, но это было так. Когда первые полеты были на виду, пользы было мало, а когда польза увеличилась, люди о них забыли.

Сейчас многие сомневаются, зачем нам эти полеты в космос, на Земле много проблем. А вот уберите спутники из космоса, прекратятся трансляции международных соревнований, концертов. Сразу скажут, нет, возвращайте спутники в космос. Однажды на вопрос какого-то прагматика «Для чего вы летаете в космос?» я ответил: «Да хотя бы, чтобы пасти овец!». Мы действительно направляли из космоса стада овец туда, где трава зеленее, где лучше пастись. А то, что популярность космонавтов сходит на нет – это закономерно. Но она вернется после нового эффектного прорыва – такого, например как полет на Марс.

Как-то меня пригласили на какую-то телевизионную программу. Рядом со мной сидел молодой музыкант, как мне потом объяснили, вокалист группы «Крематорий» Армен Григорян. Когда все вопросы были заданы, ответы получены и передача закончилась, публика потянулась за автографами. К Григоряну выстроилась целая очередь, а ко мне подошло четыре человека. Григорян, смутившись, спросил меня: «Вам не обидно, что ко мне толпа, а к вам только четыре человека»? Ответ нашелся очень быстро: «А вам лет через десять не будет обидно, когда к вам никто не подойдет, а ко мне выстроятся все те же четыре человека?».

Карьера Бориса Ельцина

Анекдот на полях:

Ельцин на роскошном приеме в Америке спрашивает Клинтона: «На какие деньги гуляем?»

– «А вон там видишь мост?» – «Вижу».

– «Построили, за проезд берем плату».

Через год Клинтона с еще большим шиком принимает Ельцин.

«На какие деньги гуляем?» – «А вон видишь мост?»

– «Не вижу» – «Вот на эти деньги и гуляем!»

Я не политик и никогда не мечтал им быть. С точки зрения ученого и космонавта, политика – дело грязное. Не занимал руководящих постов ни в комсомоле, ни в партии. Но так случилось, что невольно именно я сыграл не последнюю роль в судьбе первого президента России. Это был поворотный момент для карьеры Ельцина. Об этом он сам написал «по горячим следам» в книжке «Исповедь на заданную тему». Я изложу то, что видел своими глазами, в чем участвовал.

После третьего полета я оставался рядовым членом КПСС, каковых в нашей стране насчитывалось около двадцати миллионов. Не депутатствовал. Ни в коей мере не собирался участвовать в политической жизни. И вот сижу я у себя на работе, в Академии наук, продолжаю исследования, которые в космосе делал. А шел 1988-й год, первые в истории всенародные демократические выборы народных депутатов.

Раздался звонок: «Георгий Михайлович! Мы из физико-химического института! Хотим выдвинуть вас в Верховный Совет. У нас есть несколько кандидатур. Приезжайте к нам, пожалуйста, и изложите свои взгляды на положение дел в стране». Мне бы, дураку, сказать, что я не хочу. Но я это воспринял как некий вызов. Такая уж у меня привычка – не бежать от вызова, а идти навстречу. Потом – еще звонок, из другого института.

Кое-какие мысли о ситуации в стране у меня были. Их я излагал на собраниях, где меня выдвигали кандидатом в депутаты. Одно из соображений было очень простое, но нехарактерное для 1988-го года, когда бурлили перестроечные страсти. Я отвечал на типичный тогда вопрос: что важнее – экономика или политика? Тогда все были политизированы,

увлекались гласностью, и бодро отвечали – политика. А я говорил – экономика, и это вызывало удивление. Но я доказывал свою точку зрения: экономика – она производит, преумножает, а политика делит и отнимает. Если экономика ничего не произведет, политикам будет просто нечего делить.

И еще у меня была проекция событий в странах народной демократии на Россию, потому что у них – в Польше, в Венгрии, в Чехословакии – ситуация развивалась с опережением на несколько лет. Проанализировав положение дел в Восточной Европе, легче было понять, что в реальности происходит у нас. Из этого я исходил на тех собраниях. В конце концов, меня выдвинули пять или шесть организаций. И я уже тогда думал: куда я лезу? Честно спросил себя: ты хочешь заниматься политикой? Нет. Значит, надо уходить, кому-то передать свои голоса.

В одном случае я даже уступил место кандидату-инвалиду, потому что узнал: КПСС на выборах имеет априори сто голосов, комсомол – пятьдесят, филателисты – одиннадцать, общество инвалидов – ни одного. А инвалидов у нас в стране – несколько миллионов человек. Кто-то должен представлять на съезде их интересы?

В колонном зале Дома Союзов из одиннадцати кандидатов собрание должно было отобрать двоих. Говорят, что власти предполагали выдвижение такой пары: директор крупнейшего московского предприятия ЗИЛ Евгений Браков и космонавт Георгий Гречко. Я об этих закулисных планах ничего не знал. Мог только предполагать, что Кремль боится Ельцина.

В своих мемуарах Ельцин написал:

> «Перед началом собрания ко мне подошел космонавт Георгий Гречко и сказал, что хочет снять свою кандидатуру, поскольку считает, что будет правильным, если меня выдвинут кандидатом в депутаты и, вообще, сражаться со мной он не хочет. Я говорю: „Нет, подумайте…“ Он ответил: „Я твердо решил“. Ну и тогда я попросил его, чтобы он взял самоотвод перед самым началом голосования. Гречко все прекрасно изобразил. Вообще, я понял: в нем прекрасный актер умер. Во время всего собрания он переживал, нервничал, всем своим видом показывал, как его волнует реакция выборщиков, ответы, вопросы, борьба за регламент и т. д. И вот, наконец, перед самым голосованием каждому дается минута, так сказать, последнее слово. Дошла очередь до Гречко. И тут он спокойно подходит к трибуне и

произносит: „Прошу снять мою кандидатуру“. Это был, конечно, мощнейший удар по организаторам. У всех, кого проинструктировали голосовать за Бракова и Гречко, как бы появился свободный выбор, теперь можно было отдать свой голос за меня почти с чистой совестью, если будет тайное голосование, а его удалось пробить».

Эти воспоминания Ельцина были опубликованы. На самом деле, все было немного иначе. Я не имитировал борьбу, а боролся. Я должен был уйти не как побитая собака. Чтобы не подумали: а, увидел противников и струсил. Надо было бороться, набрать максимум голосов, и только после этого уйти победителем. Мне нужно было завоевать зал и уйти с высоко поднятой головой. Поэтому я не имитировал волнение, а действительно волновался.

Я пришел в Дом Союзов за полчаса до заседания. Вот сейчас проголосуют, выберут и назад пути нет. Я в политике… Я сидел в комнате президиума, обхватив голову руками, смотрел в пол и думал: «Куда я попал? Зачем мне эта политика? Я люблю технику и науку. Зачем я здесь? Во что ты ввязался? Что тебе важнее в жизни? В чем ты разбираешься?». Гляжу в пол, и вдруг передо мной останавливаются чьи-то черные ботинки. Поднимаю голову – лицо знакомое, но почему-то не могу сразу вспомнить, кто это. И вдруг, то ли я узнал, то ли он сказал – Ельцин.

А тогдашний глава государства Горбачев очень много говорил, говорил и руками разводил. А Ельцин был решителен, даже зафиксированы случаи, когда он заходил в обыкновенную районную поликлинику, шел на работу пешком. Хотя говорят, что, пройдя сто метров, он все-таки усаживался в свою машину. На фоне Горбачева, который извивался, как змея, пока сам себя не укусил за собственный хвост, Ельцин – решительный рубака! – смотрелся выигрышно.

Это сейчас, когда прошло более двадцати лет, я говорю про обоих президентов: «Чума на оба ваши дома!»

Я ему говорю, что все равно свое место уступлю. Не хочу идти в политику, не хочу избираться. И обращаюсь к нему: «Вот скажите, Вы хотите быть избранным в Москве или у себя в Свердловске?». Я знал, что он свердловчанин, что в Свердловске у него есть сторонники, потому и задал такой вопрос. И тогда он меня обманул. Он сказал: «Пусть выбирают здесь, в Москве. Здесь меня выгнали, здесь меня пусть и выберут». И этим он меня купил. Мне понравилась такая принципиальность: здесь выгнали, пусть здесь и избирают. Это слова сильного человека. И тогда я пообещал ему отдать свои голоса.

Но он мне не сказал, что у него уже наготове был самолет. И если бы его здесь в Колонном зале не выбрали, он тут же перелетел бы в Свердловск. И там его готовы были выдвинуть в депутаты. Вот этого я не знал.

Мне предоставили слово последним из кандидатов. Как мне кажется, я очень правильно построил свою речь. Там были специальные люди: если ты скажешь слово «Ельцин», они поднимают хай, стучат, хлопают. Поэтому «Ельцин» я сказал последним.

Я сформулировал так: в России за одного битого двух небитых дают. Ельцин, которого год назад отстранили от политики, у нас сейчас самый битый. Поэтому я уступаю ему. И еще я сказал: нас одиннадцать человек, а России нужны двое самых лучших. Я себя самым лучшим не считаю, поэтому ухожу. И я призываю всех тех, кто тоже не считает себя лучшим, взять самоотвод! Потому что москвичам разбираться в одиннадцати кандидатах все равно невозможно.

Но все остальные посчитали себя самыми лучшими и не ушли.

Ельцин сидел через стул от меня. После выступления протягивает руку: «Я тебе этого никогда не забуду!» И «не забыл». Представьте себе, так обо мне никогда и не вспомнил. А вот юристу Казаннику помог за то, что тот уступил ему место в президиуме. Но это было уже летом 89-го. А тогда, в Доме Союзов, я открыл перед Ельциным путь в большую политику. Но у меня есть оправдание: если бы Ельцин тогда не прошел в Москве, – он тут же отправился бы в родной Свердловск и оттуда начал триумфальное возвращение во власть.

Все-таки хорошо, что я не пошел в политику. Космонавт должен быть лучше политиков, которые все время врут, а в космосе надо говорить правду. Потому что если испытатель будет врать, следующий испытатель может из-за тебя погибнуть. Но для тех, кто хочет посвятить себя сложной, мужественной и красивой профессии, лучше, чем работа космонавта, нет.

Когда мне предлагают дать оценку современным политикам-реформаторам, я говорю так: «Больше всех изменил Россию Петр Первый. Но главный критерий такой: Петр приращивал Россию, а они разбазаривают».

Конец света по Каганову

Писатель-фантаст Каганов! Открытый искренний человек, остроумный и талантливый. Я познакомился с ним весной 2007-го, во время поездки в Японию с группой писателей-фантастов. Нас пригласила фирма «Шарп» и показала свой новейший завод телевизоров Камеяма. Это было потрясающе! Жидкокристаллические панели размером два на три метра, которые состоят как бутерброд из двух стекол с волосяным расстоянием между ними. В цехе нет рабочих. Работают автоматы. На крыше солнечные батареи, которые дают им до 30 процентов энергии. Батареи, как я понял, их собственной конструкции. Мы видели телевизор, работающий 3D без очков. Мы уехали. А через полгода японцы начали строить еще более современный завод.

Анекдот на полях:

Японская делегация побывала на наших предприятиях электроники.

Их спросили, насколько мы от вас отстали?

Они ответили: Извините, но навсегда.

Теперь я верю в этот анекдот. В Японии мы и подружились с Кагановым – писателем своеобразного дарования. Он все время делал то, что другим в голову не приходило. Везде пролезал там, где только дети пролезали. Кормил изо рта японских овечек. Я это сфотографировал (правда, очевидцы этого события называют разных животных – от кенгуру до льва)!

Не так давно Леонид Каганов – писатель, юморист и поэт – написал стихи о конце света в 2012-м году, которые я с восторгом прочитал:

А параллельно с этим, как мы знаем,
уйдут под воду Индия с Китаем,
а также весь латинский континент.
Последнее, что люди там увидят, —
как Землю на летающем болиде
покинет, грустно плюнув в океан,
разведчик мудрых инопланетян,
что жил у нас под маской человечка

Георгия Михайловича Гречко.
Не избежит удара и Россия.
Здесь встанет в полный рост педерастия.
Загадятся таежные леса.
Испортятся кефир и колбаса.
Дороги станут очень не в порядке.
Менты начнут просить у граждан взятки.
Коррупция дорвется до руля.
Возникнет вдруг инфляция рубля.
По радио начнет звучать халтура.
Опошлится слегка литература
и упадет культура языка.
Окрепнет рейтинг Первого канала,
и в диалогах телесериалов
наигранность появится слегка.
Промышленность окажется в упадке.
Понадобятся связи, блат и взятки,
возникнет воровство – хоть ставь засов.
И выбор президента будет труден.
Но по итогам это станет Путин —
почти сто три процента голосов.
Пенсионерам выжить станет сложно.
И беспредел работников таможни
возникнет сам собою в этот день.
В провинциях понизится культура,
а в СМИ наметится цензура,
уже на интернет бросая тень…
Боюсь, не избежать того исхода
стране к концу двенадцатого года.

И стихи Каганов написал такие, какие другим писателям (даже фантастам!) не пришли в голову. Это не просто фантазии на тему конца света, а острая социальная сатира. Обратите внимание на последнюю часть – это же наша реальность в сатирическом измерении!

Глава 7. Что я понял к 80-ти годам

Счастье – это когда…

Это когда тебя понимают.
Это когда утром хочется на работу, а с работы домой.
А еще есть такой тост:

> Если хочешь быть счастливым один день – напейся, если хочешь быть счастливым один месяц – влюбись, один год – женись. А если хочешь быть счастливым всю жизнь – будь здоров!

Я вам признаюсь, что я счастливый человек! Я сам себе завидую. В детстве я мечтал о ракетах и космосе, а потом стал космонавтом. В жизни одного человека – это почти невозможно. В то время юноши во всем мире мечтали об этом. И мои ровесники, и те, что были моложе.

Для того чтобы стать космонавтом, мало было хорошо учиться, заниматься спортом, работать в КБ. Нужно было, конечно, везение. Тем более, я никогда не был карьеристом, подхалимом и говорил всегда то, что думал. Но это никому не нравится. Я несколько раз был на грани того, чтобы меня выгнали. Без удачи я бы не стал космонавтом. Но об этом чуть позже.

Воспоминания о юности у меня светлые. Был даже момент, когда состояние счастья я ощутил физически. Я учился тогда на первом курсе института и был влюблен в девушку на год младше меня. Мы гуляли в парке. Даже за ручку не держались, про поцелуи вообще не говорю, тогда отношение к этому было другое. Просто разговаривали, например, о том, можно ли считать самоубийцу сильным человеком? То есть вели вполне интеллектуальные беседы. А вопросы жизни и смерти в юности интересуют особенно остро.

Вдруг она сказала, что будет ждать меня до своего совершеннолетия.

Я приехал домой окрыленный, лег спать и физически ощутил счастье в груди. Мне трудно описать это ощущение, оно длилось минуты две-три, но сила этих нескольких минут запомнилась навсегда. А потом я понял, что это искренние слова, которые не имеют никакого отношения к реальному будущему.

Через много лет я испытал настоящее физическое ощущение счастья. Моя жена была беременна, я клал голову ей на живот, ощущал, как ребенок брыкается, и чувствовал счастье!

Но, конечно, не меньшее счастье, что сбылась мечта о

космическом полете. Представьте, я мечтал о ракетах, о космосе где-то с юношества. Но мечтали-то все, а летали единицы. И, наконец, в 75-м году, когда мне было уже сорок четыре года, сбылась эта совершенно невероятная, заветная мечта…

Но у меня осталась еще одна давняя мечта. Вечером перед сном послушать любимую музыку. В субботу днем почитать интересную книгу, а вечером посмотреть хороший фильм. И наконец, в ночь с субботы на воскресенье выспаться. Это моя мечта о нормальной жизни пока еще не сбылась.

Чем длиннее путь от несчастья к счастью, тем счастье пронзительнее. Однажды в компании предложили тост: чтобы жизнь наших детей была легче, чем наша. Я категорически отказался за это пить. Я желаю своим детям счастья, но не желаю им легкой жизни. Только преодолевая трудности, можно ощутить всю полноту жизни, быть счастливым лично.

А вот, что сказал Семонид Кеосский:

> «Для полного счастья, человеку необходимо славное Отечество».

Мне повезло, я начал сознательную жизнь уже после сталинских репрессий, а моя активная деятельность закончилась еще до этого бардака с «прихватизацией» и нашей «рыночной» экономикой без конкуренции. Социализм без расстрелов мне нравится гораздо больше, чем грабительский капитализм с ручным управлением, без верховенства закона.

Мы жили в прекрасной стране в прекрасное время. С десяти лет, когда начал трудиться, и пока не ушел на пенсию, весь этот период был для меня счастливым. Мечты, их выполнение, труд, любовь, радость, верность, приключения – настоящая жизнь. Мы, космонавты, ощущали свою нужность стране, обществу. Много работали и верили, что наша работа нужна. Такая была психологическая атмосфера. Не хотел бы я родиться на тридцать – сорок лет позже, чтобы мои лучшие годы пришлись на эпоху гайдаро-чубайсовских «реформ».

У меня ностальгия по справедливости. Я, наверное, типичный советский человек. Мне, и как думаю, большинству наших граждан, важнее справедливость, чем богатство. Мы во время войны выживали на картошке, о хлебе лишь мечтали. Вместо конфет нам, детям, давали печеную тыкву. Но морально мы жили намного лучше, чем сейчас, когда видишь такую несправедливость, когда наворованные практически деньги хамски возвышают одних людей над другими.

Мне говорят, что при социализме, когда все были равны, то некоторые были равнее. Они могли «достать» финскую колбасу и

ондатровую шапку. Да, но они не могли купить дом в Майами или самую дорогую в мире яхту.

Когда мы с Алексеем Губаревым отправлялись в первый полет, нас провожал Алексей Леонов. К тому времени уже прославленный космонавт, он пожелал нам удачи. А я был тогда рационалист и брякнул в ответ: нам удача не нужна, а нужен успех. Удача – это везение, а успех завоевывается своим трудом, своим умом и руками. Сейчас я понимаю, насколько в любом деле важна удача! Полет мне это доказал. Леонов расстроился: «Жора, ты отказываешься от удачи?!» Вскоре я понял, насколько Алексей был прав. Для счастья в жизни нужны и удача, как дар свыше, и трудовой успех.

Случайность или закономерность?

Я считаю, что вся жизнь – это игра случайностей и закономерностей. Как правило, на первый план выходит закономерность, но иногда решающую роль играет случайность. Моя жена Людмила Кирилловна в случайность не верит. Она считает, что за каждой случайностью стоит закономерность, а мы просто не всегда ее можем увидеть. Но я не согласен, что случайность – это просто непознанная закономерность. У меня иной жизненный опыт.

Приведу простой пример. Еду по Ленинграду на мотоцикле. Засматриваюсь на здание театра, а когда поворачиваюсь вперед, то вижу, что несусь прямо в кабину грузовика. Я почти положил мотоцикл на землю и проскочил перед грузовиком. И в момент, когда я проскакивал, почувствовал удар. Мотоцикл вздрогнул на большой скорости, и вроде все хорошо. Я ставлю ногу на подножку, а подножки нет. Продвинься грузовик еще хотя бы на один сантиметр, и я бы не был космонавтом, уж это точно. Этот сантиметр никто не мог ни предугадать, ни измерить. Это их величество случайность.

Были хорошие случайности, были и трагические. Пожар даже на Земле – вещь тяжелая, особенно на пятом, на двадцатом этаже. А мы-то пребывали на тысячном этаже, 350 км до Земли. Поэтому во время пожара на орбитальной станции, когда я повернулся и увидел, что станции нет, один дым, это было страшно. Страшная случайность.

Однажды случайно выглянул в иллюминатор и увидел какую-то красивую светящуюся серебряную полосочку над горизонтом – серебристые облака. И меня сразу заинтересовало, почему эти облака иногда видно, а иногда нет. Я стал фиксировать, когда они появлялись, когда многослойные, когда яркие. Они были над Антарктидой. Пришлось по будильнику вскакивать ночью, чтобы их зафиксировать. Я построил таблицу.

И оказалось, все-таки судьба и везение! Пришла большая удача. Случайно одновременно с нами в Антарктиде проводились пуски геофизических ракет. Они изучали эти высоты с помощью ракет, а я – из космоса.

И когда мы сопоставили мои наблюдения и результаты исследования ракет, то с серебристыми облаками нам стало все ясно. Серебристые облака – это пылинки. Когда они охлаждаются, то влага на них замерзает и пыль начинает сверкать. Чуть потеплеет, и серебристые облака исчезают. В результате, насколько я понимаю, мы решили загадку серебристых облаков.

Если говорить на более высоком уровне, я убежден, что мы живем только потому, что существует и определенность, и случайность. Есть в квантовой механике принцип неопределенности. С этим принципом уже боролся Эйнштейн, который считал, что все определено. Двадцать лет гений искал исключительно определенность. А квантовая механика с принципом неопределенности работает на ядерную физику.

По Северному Ледовитому океану ходят атомные ледоколы, под водой всех океанов атомные подлодки, значит, квантовая механика с принципом неопределенности работает. То есть случайность, существует. И более того, если бы существовала только закономерность, то человечество было бы обречено. Почему? Вот я знал: кончу школу, поступлю в институт, хорошо буду учиться – получу хорошее распределение. Теперь в условиях рыночной, а вернее нашей базарной экономики, главную роль стала играть случайность. Те, кто шли по жизни с определенностью, сейчас не имеют работы. А вот другие люди, которые не укладывались в эту определенность, вдруг стали миллионерами. То есть в нормальной ситуации основное, от чего зависит жизнь, – это закономерность, определенность, заслуженный успех. А, когда нормальная ситуация нарушается, как сейчас в России, тогда начинает работать именно случайность. И удача становится важнее успеха. Весь этот процесс – жизнь, движение, развитие – это игра определенностей и случайностей.

Разговор с министром

Я уже упоминал Сергея Александровича Афанасьева – нашего министра, который много лет курировал всю ракетную и космическую отрасль, а назывался из конспиративных соображений скромно – «министр общего машиностроения». Я не заглядывал в справочники в поисках его имени-отчества. Я его накрепко запомнил. Это был настоящий честный, крепкий министр, волевой и знающий управленец. Должности министров тогда не покупались и не были синекурой для собственного обогащения. Он был подлинным государственником, честно прошел путь от мастера на заводе до индустриального маршала. Трудился для страны и для будущего, держал в руках огромную индустрию. Я этого человека очень уважал. Жаль, что пресса редко вспоминает о таких людях и в учебниках истории для них не находится места.

В первые десятилетия моей работы «на космос», когда я прошел путь от техника до замначальника отдела, я как-то не задумывался – а кто нами руководит в правительстве? Моим руководителем был Королев, а с министерством я дела не имел. Даже не знал, где оно находится. Все это было от меня слишком далеко. Так получилось, что сидя на одном стуле, я сменил три места работы. Потому что отрасль подчинялась то одному, то другому ведомству, пока не попала в крепкие руки Афанасьева.

С ним я, как следует, пообщался дважды.

Первый раз – когда мне нужно было оформлять пенсию. Я подал документы, все было собрано. Оставалось только получить подпись министра. Бумаги поступили к нему. В ту ночь я не смог заснуть. В голове болталась одна мысль: «С завтрашнего дня ты – пенсионер!». Эта мысль меня обжигала. И наутро я ворвался в кабинет Афанасьева, потребовал свои пенсионные бумаги и… порвал их! Потом очень долго восстанавливал.

Второй раз мы поговорили на Красной площади, во время первомайской демонстрации. Мы – космонавты, военные, производственники на праздниках всегда стояли слева от мавзолея, министры – справа. Но мы с Афанасьевым в какой-то момент оказались рядом. С ним было легко разговаривать на равных, без апломба, хотя я и говорил с ним с большим искренним почтением.

Меня много лет волновал вопрос «Бурана». Для «Бурана» был набран новый отряд космонавтов, состоявший из летчиков-испытателей. Испытатели вообще-то, неохотно шли в космонавты. В отряде космонавтов и испытания были сложнее, и зарплата

меньше, чем у действующих летчиков-испытателей. А тут набрали отряд из таких асов. Это, на мой взгляд, было обоснованное решение.

Но сам проект «Бурана» вызывал у нас, простых инженеров сомнения. Мы спрашивали друг друга: Зачем мы с таким напряжением делаем «Буран»? Военного значения он не имеет. Тридцати тонн научной аппаратуры, которую он был способен вмещать, у нас нет и не предвидится. По нашей инженерной логике, «Буран» не был нужен. Это же просто мертворожденный проект! Вот об этом я его и спросил. И был уверен, что логичного объяснения программы «Буран» он не выдаст. Я просто себе представить не мог разумного обоснования!

Но его неожиданный ответ меня поразил: «Для полета на Луну мы собрали огромную кооперацию – больше двухсот институтов, заводов, конструкторских бюро и прочее. А потом американцы успешно высадились на Луну. Гонка была проиграна. Правительство принимает решение отказаться от лунной программы. Передо мной встал выбор: или разрушить кооперацию, или ее перенацелить. Вот мы и решили бросить все силы кооперации на создание советского „Шаттла“, который бы превосходил американский».

Оказалось, что управленческая логика – «сохранить кооперацию!» – тоже по-своему разумна. И громадная кооперация у Афанасьева работала без сбоев. Она была такая, что хоть черта, хоть дьявола могла создать, хоть орбитальный город, хоть марсианский корабль. Это преимущество социализма. Сейчас добиться такого сосредоточения сил невозможно! И «Буран» технически превосходил «Шаттл». Он сам, без пилота взлетел и сел с минимальным отклонением. Мы даже не верили, что в кабине не было летчика!

И все-таки жаль, что после смерти Королева наша космонавтика лишилась перспективного видения. И воспроизвела наш бесперспективный корабль типа «Шаттл».

Про космических туристов

В последние годы меня частенько спрашивают про космический туризм. Еще 100 лет назад Циолковский сказал: «Земля – колыбель человечества. Но человечество не будет вечно жить в колыбели». Я считаю, пока мы только выглянули из колыбели, но еще из нее не вылезли.

В принципе, не только туризм должен быть, но и эмиграция на другие планеты.

Сейчас поднимается вопрос, что случится, если на Землю упадет большой метеорит и жизнь на планете закончится. Специалисты рассматривают возможности колонизации других планет. Это уже не фантастика. Королев говорил, что в космос будут летать по профсоюзным путевкам. Но всему свое время, и пока, на мой взгляд, оно не наступило.

Не царское это дело – возить туристов в космос, потому что в космос летят за знанием. Основную идею выразил все тот же Циолковский. Он сказал, что надо лететь в космос, который «даст нам бездну могущества и горы хлеба». Возить туристов в космос это все равно, что микроскопом забивать гвозди. Конечно, почему бы не забить, но микроскоп может решать более интересные задачи. Поэтому я не сторонник космического туризма на государственном уровне.

Всевозможные частные инициативы – другое дело. Наверное, нужно создавать специальные орбитальные станции для туристов и специальные корабли. Более надежные, чем те, на которых работали мы. Лучше всего – на частной основе. В мире есть пять фирм, которые планируют выпускать такие корабли. И цены снижаются – речь идет уже не о двадцати миллионах, а о десяти, потом – о сотнях тысяч долларов. Дальше – меньше.

На суборбитальные полеты я бы туристом не полетел и другим не советую. Увидеть из космоса пустыню, черное небо над собой, потом развернуться – и сесть! Это как с тигрицей целоваться – страшно и никакого удовольствия. А вот если устроить отель на орбитальной станции – это действительно заманчиво. Мне в космосе нужно было работать. Но, если бы я попал в туристический полет – прилип бы к иллюминатору и не отлип до конца путевки. Неземная красота – в прямом смысле.

На сегодняшний день космос – это сфера деятельности профессионалов. Когда даже не турист, а учительница погибла на «Челленджере», у меня возник вопрос: за что ее убили? Кто ей объяснил, что она идет на риск и может умереть? Нам еще рано играть в игры с туристами. Недавняя гибель шаттла «Колумбия»

это лишний раз доказала.

Я не верю, что 20 миллионов долларов, вырученных за билет к звездам, смогут спасти российскую космонавтику. Тем более неизвестно, куда уходят эти деньги. Посудите сами: переговоры с туристами ведет некая иностранная фирма, летают же они на наших аппаратах…

Нас готовили годами. Я, например, в отряде космонавтов был двадцать лет. Поэтому, когда в космосе что-то случалось, мы справлялись. Иногда к нам прилетали космонавты, у которых была годичная, двухгодичная подготовка. Им в космосе становилось плохо, они теряли трудоспособность, поэтому нам приходилось делать их работу и даже за ними убирать. Туриста готовят и того меньше – несколько месяцев. И учат его четырем основным вещам: говорить по-русски, есть в космосе, ходить в туалет и что нельзя трогать.

Союз друзей

Одна моя большая мечта до сих пор не сбылась – чтобы вновь было Союзное государство! Чтобы все лучшее, что есть в Белоруссии и России, снова объединилось. Именно это отвечает интересам, наших двух народов! У меня есть и личная заинтересованность в восстановлении Союза. Моя мать – белоруска, а отец – украинец. Так что в моем лице это объединение уже свершилось!

Политики давно обещают нам новый союз, произносят модное слово «интеграция». Иногда, пролистывая газеты, не понимаю, что творится. Почему мы одновременно повысили своим братьям белорусам цену на нефть и газ? У нас и того, и другого много. Президент Буш дарит миллиард долларов иракцам, которые убивают американцев. А мы отняли миллиард у братьев-белорусов.

Это непостижимо мне и не только потому, что у меня мама из Белоруссии. В Белоруссии находится центр по предупреждению о воздушном и ракетном нападении (отслеживает все пуски ракет с западного направления). В Белоруссии узел связи с нашими атомными подводными лодками, несущими ядерные баллистические ракеты, патрулирующими в Атлантике. В Латвии аналогичная станция у нас была. Латыши ее взорвали, а американцы построили там свою станцию. Мы что хотим за этот несчастный миллиард лишиться нашей последней станции на западе? Цена безопасности государства больше, чем миллиард!

Не могу понять также того, что когда мы продаем нефть в Германию, во Францию, наши горе-финансисты говорят: нефтедоллары нельзя вкладывать в бюджет, так как будет инфляция. И нефтедоллары отправляют в Америку, в, так называемый, стабфонд! А когда мы отняли миллиард у белорусов, то нам заявляют, что эти деньги пойдут в бюджет, осчастливят наших учителей и врачей! Почему доллары из Европы вызывают инфляцию, а без долларов из Белоруссии у нас голодной смертью помрут бюджетники? Вопрос. Безответный вопрос.

Я недавно был в Белоруссии. Продукты питания стоят там дешевле, чем у нас. И вкусные, я пробовал! Там не задерживают выплаты зарплат, а стипендии больше, чем в России. Простые люди поддерживают президента, потому что он защищает интересы народа. Что касается оппозиции в Белоруссии, то я обратил внимание, что одновременно, как только мы подняли для Минска цены на газ и нефть, Буш выделил миллион этой

оппозиции. Я сомневаюсь, что оппозиция на американские деньги будет для народа прогрессивной.

Молочные товары из Белоруссии лучше наших. Я вижу кооперацию белорусов с Ярославским заводом, на котором делают двигатели. Я вижу, что с Белоруссией нам выгодно. А кому невыгодно? Догадываюсь, что не выгодно тем, кто «прихватизировал» нашу экономику и с вожделением мечтает «приватизировать» белорусскую экономику. А Лукашенко не дает. Значит для российских олигархов, играющих, к сожалению, большую роль в жизни нынешней России, он плохой. Я не вижу угрозы для России со стороны нынешней Белоруссии и ее президента. Белорусы – братский нам народ, который был с нами в годы страшной войны. Предполагаю, что критика белорусских властей призвана защищать экономические интересы российских олигархов, а не национальные интересы России. Других причин, чтобы так напасть на Белоруссию, я не вижу.

За державу обидно!

Демократия – это власть у народа.
А все остальное у власти.

Тревога сегодня – чувство обоснованное. Посмотрите, как развивалось человечество – сначала бегали с палкой, потом изобрели колесо, изобрели паровоз, самолет, полетели в космос. А сейчас мы как будто остановились в развитии, деградируем в сторону обезьян. Нам ничего не интересно, у молодых людей скоро останется только по одному пальцу, чтобы стучать на компьютере. Астрономию в школах отменили тогда, когда весь мир праздновал Год астрономии. Что же мы хотим – начать все сначала, с палкой бегать?

Мне кажется, что наше общество сейчас свихнулось. Кинулись строить капитализм, а необходимых законов и моральных основ этого строительства не разработали. Это привело к нарушению нормальных человеческих отношений, и самое страшное, что все к этому привыкли. Люди губят природу и человеческие жизни ради каких-то паршивых денег. Это же идиотизм! Зачем им нужны все эти миллиарды? Ведь никто не возьмет их с собой в могилу! Мы читаем, как вырубают леса, загрязняют реки, убивают людей почти каждый день, и никак с этим не боремся. А это значит, что силы дьявольские побеждают, пользуясь нашим равнодушием. Это может закончиться новым потопом.

Также меня очень волнует вывоз российских капиталов за рубеж. Каждый месяц из России уходят безумные деньги! Когда-то я разговаривал с американским миллионером и спросил, сколько у него денег в банке. Он удивленно ответил: «Разве можно хранить деньги в банке? Они должны работать в проектах!» И вот вместо того чтобы наши нефтедоллары работали в нашей стране на ее развитие, они уходят за границу. То есть наши деньги работают на богатую Америку, оставляя без финансирования несчастную российскую экономику. А здесь сельское хозяйство пропадает, промышленность не развивается, наука в загоне! Я этого не понимаю, и поэтому судьба России меня очень тревожит.

Советский Союз мог быть впереди и был впереди. Он имел возможность на каком-то жизненно важном для страны направлении сосредоточить всю свою мощь – любые средства, любые силы, науку, индустрию, кадры. Так было с индустриализацией страны, с развитием авиации. Так было в

Великую Отечественную войну.

Сейчас доподлинно известно, что вскоре после Второй мировой войны, когда у американцев появилась атомная бомба, они стали разрабатывать план нападения на СССР. Поскольку знали, что у нас такого оружия нет, в их интересах было воспользоваться таким явным преимуществом. Советский Союз сосредоточил науку, технику, разведку и сделал атомную бомбу настолько быстро, что американцы не могли в это поверить. Они понимали, что через 20 лет мы будем обладать подобным оружием, но не через 2 года после такой войны… Водородную бомбу мы сделали даже быстрее их. Они взорвали какое-то устройство величиной с дом, а мы взорвали бомбу. И все поняли, насколько это серьезно и что СССР способен противостоять агрессору и защититься, сосредоточив всю свою мощь.

Так стало и с прорывом в Космос. Мы создали «семерку» – ракету, которая в свое время остановила американцев от нападения на нашу Родину.

Запустили Первый спутник. И им стало ясно, что с таким же успехом «семерка» может донести до них водородную бомбу. Признаться, почти через полвека мне, участвующему в создании этой ракеты, довелось увидеть ее огромную боеголовку, правда, уже выставленную в музее и потому безопасную.

Ну а вслед за нашим «чудом» – Первым спутником – пошел и первый лунник, и первая фотография обратной стороны Луны, и первый полет человека в космос… Прорыв в космос стал возможен и потому, что в свое время страна сделала прорыв от безграмотности, доставшейся нам в наследство, к знаниям, в науку. Страна училась беспрестанно, и мы, слетав в космос, продолжали углублять знания, работали над научными направлениями, повышали культуру, интеллект.

Наши замечательные ученые – такие, как Жорес Иванович Алферов и Виталий Лазаревич Гинзбург получали Нобелевские премии за исследования тридцати– и пятидесятилетней давности – опять же того оплеванного «демократами» времени. Раньше не надо было доказывать и даже вопрос не вставал: «Зачем это нам надо, если научное звание не добавит зарплаты?» Сейчас, в наши базарные, я бы так сказал, а не рыночные отношения вопрос звучит именно так.

А сегодня сосредоточиться на прорывных направлениях мы не можем – ни денег, ни промышленности, ни кадров. Впрочем, худшее еще впереди. Разгром (а иначе не назовешь «гайдаровские реформы»!) будет сказываться на науке, на индустрии и через тридцать – сорок лет. Почему? Потому, что Россией правят большие «денежные мешки». А источник их богатств –

«прихватизация» и разгул коррупции. По этому критерию мы впереди планеты всей. А что же президент, премьер, депутаты? Они уверяют нас, что уже не одно десятилетие борются с коррупцией. Значит, коррупция есть. А где победа?

Победа у коррупционеров, у больших денег. А власть денег приводит только к тому, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. По темпам обогащения одних и обнищанию других мы опять впереди всех цивилизованных стран.

И это трагедия не только России. Раньше правительства капиталистических стран, наступая на права трудящихся, оглядывались на социальные завоевания в Советском Союзе. Бесплатные образование и здравоохранение, бесплатное жилье, отсутствие безработицы и т. д. и т. п. Теперь они наступают на права трудящихся безоглядно.

Так что вслед за нами деградирует вся земная цивилизация. Из цивилизации пионеров, которые стремились перелететь через океан, выйти в космос, мы превратились в бездумных покупателей машин, телевизоров, предметов роскоши. Мы из общества покорителей превратились в общество потребителей. Я боюсь, что люди, в конце концов, будут потреблять, потреблять, потреблять, а потом захотят поднять голову к небу, а шея уже как у свиньи. «А зачем мне это небо? Пойду к своему корыту еще чего-нибудь поем. Сегодня в рекламе видел новое пойло!»

Закончу, как и начал, анекдотом:

> «У нас есть выход из катастрофического пике. И даже два. Правда, только один из них реальный, а другой фантастический. Реальный – прилетят инопланетяне и все за нас решат. Фантастический – мы сами справимся».

Сны и явь

Когда-то я не верил в чудеса, в мистику, в параллельные миры. Теперь я в это верю. У меня был свой собственный опыт. Один раз за всю жизнь я видел вещий сон. Он кардинально отличается от обычных снов, их невозможно спутать! Мне приснилось, что моя первая жена, мать Алеши и Миши, мертва. Я во сне увидел ее лицо с коричневой маской смерти. Было сильное чувство, что это происходит наяву. Я проснулся в ужасе, но потом подумал, какая чушь, какой плохой сон приснился. Я укорил себя: это же надо, испугался какого-то сна. Она жива, здорова, мы недавно разговаривали по телефону… Но в это утро она действительно погибла. То есть я увидел ее смерть на несколько часов раньше, чем она наступила.

Поэтому я верю, что есть что-то непознанное и что между близкими людьми через это непознанное пространство в каких-то опасных случаях, смертельных ситуациях возникает связь. Я никого не убеждаю в это верить. Тем более никому не желаю увидеть смерть своего близкого человека во сне. Не дай бог никогда еще раз увидеть такой сон. Но, если когда-нибудь увижу – обязательно найду того человека, предупрежу об опасности. Я верю, что такое предупреждение может отодвинуть судьбу.

Во втором полете во сне я однажды услышал громкое завывание аварийной сирены. Начинается разгерметизация! Я дернулся, перегнулся из мешка, но не сумел вылезти. Что это? Авария? Значит, нужно успеть перебраться из станции на корабль и спастись. Есть ли время? Успею ли? Воздух выходит… Я смотрел на свою руку: если пальцы начнут раздуваться, значит, конец, гибель, времени нет. Вроде с рукой все в порядке.

В этот момент я просыпаюсь, и оказывается, это просто вентилятор охлаждения аккумулятора разболтался и подвывал. Было похоже на сирену. Вентилятор я потом заменил, и таких сюрпризов больше не было. Это был «сон во сне». А при отборе нас, кстати, спрашивали – бывают ли у вас сны во сне, и если да, то списывали. Но у меня на Земле до этого никогда таких снов не было.

Взлет и посадка вчера, сегодня, завтра

К 2011 году 50-летия первого полета человека в космическое пространство уже около полутысячи астронавтов и космонавтов работали на околоземных орбитах. А 12 побывали даже на Луне. Человечество может гордиться космическими достижениями за прошедшие 50 лет, подводить итоги и, главное, делать выводы.

Сначала в годы «холодной войны» США и СССР соперничали в космосе, ревниво реагируя на успехи друг друга. Работал принцип – если есть в США, должно быть и у нас, и наоборот. Вплоть до того, что американские специалисты обращались к нашим: «Запустите, что-нибудь новенькое и мы тотчас получим столько ассигнований, сколько нам нужно». В результате достижения следовали за достижениями в обеих странах: первый человек в космосе (1961), выход в открытый космос (1965), посадка человека на Луну (1969), стыковка с орбитальной станцией (1971).

Этот фейерверк потрясающих полетов был совершен в условиях соперничества. Но мы, конструкторы и космонавты, стремились перейти от соперничества к сотрудничеству, чтобы совместно осуществлять еще более амбициозные полеты. В частности эти стремления оправдались. Первой вершиной сотрудничества стала стыковка и совместная работа на связке «Союз – Apollo» (1975). Следующей вершиной на этом пути стал проект «Мир-Shuttle» (1984–1998).

Но в целом, неожиданно для нас, результат окончания «холодной войны» оказался разочаровывающим. Ассигнования на космос во всех странах существенно уменьшились. А у нас в России недостающие средства предлагалось даже брать в кредит под немыслимые проценты. Все страны (кроме Китая!) в условиях инвестиционного голода перестали стремиться к инновациям и начали воспроизводить проекты 60–70-х годов с небольшими усовершенствованиями.

Неужели без возврата к холодной войне у цивилизованных государств нет стимула к созданию принципиально новых, современных космических средств? Очень не хотелось бы в это верить. А для ответа на этот вопрос рассмотрим самые трудные и опасные (хотя самые короткие) этапы космических полетов – взлет и посадка. Как это было вчера, делается сегодня, планируется на завтра.

Взлет

В начале: «Р-7, Восток» (1961), «Redstone Mercury» (1962), «Saturn-5» (1968). Это все многоступенчатые одноразовые ракеты. Первые ступени этих ракет падают на землю, загрязняя ее не только обломками, но часто и токсичными веществами. Последние ступени засоряют космос, а вопрос уборки космического мусора в настоящее время не решен даже теоретически.

Еще вчера: От этих принципиальных недостатков одноразовых ракет руководители NASA пытались уйти созданием многоразовых челноков «Space Shuttle» (1981). За счет многоразовости планировалось к тому же удешевить в разы стоимость выведения полезной нагрузки. Тем самым завоевать международный рынок запусков космических грузов на различные орбиты.

Но «Shuttle» только частично многоразовая система выведения (из-за ракетного вертикального взлета), очень дорогая в изготовлении и эксплуатации, недостаточно надежная. То же самое относится и к «Бурану». Но решение создать «Shuttle» было принято, когда на его многоразовость были очень большие надежды. А положительное решение по «Бурану» (полет в 1988 г.) принималось по очень простому принципу – есть у американцев, значит, должен быть и у нас.

Парадокс «Бурана» состоит в том, что к этому времени почти все надежды на многоразовость челнока типа «Shuttle» уже рухнули. Тем не менее наш самый совершенный и самый дорогой проект был осуществлен. «Буран» совершил блестящий, но единственный испытательный полет. На большее он оказался не нужным, ни для гражданских, ни для военных целей, как это можно было предвидеть с самого начала.

Более того несколько лет тому назад началась работа над еще одним российским челноком «Клипер». Хорошо, что на этот раз все ограничилось только деревянным макетом.

А ведь в разных странах были более совершенные проекты почти полностью многоразовых средств выведения: проект Э. Зенгера (1932), «Спираль» (1965). Предлагались однотипные, с самолетной посадкой обеих ступеней, (с украинским самолетом «Мрия» в качестве первой ступени): «МАКС» в России, «HOTOLL» в Великобритании, «HOPE» в Японии. Разработан взлетающий с экраноплана (!) космический самолет «Marengo» (Россия) с посадкой первой ступени на любую поверхность.

А в NASA рассматривают возможность старта самолетной первой ступени с горизонтального рельса (!).

Именно в этих проектах может быть реально достигнута минимальная цена выведения полезной нагрузки.

Сегодня: Вместо подобных новейших многообещающих многоразовых систем мы летаем и планируем на ближайшее будущее… опять одноразовые Р-7 «Союз-2», «Ares», «Ангара».

Итог: Системы выведения меняются от одноразовых к челнокам и возвращаются назад к одноразовым. Вместо инновационного развития мы идем по замкнутому кругу.

Посадка

Спускаемые аппараты меняются от капсулы под парашютом (от «Восток» до «Apollo») к крылатому типу («Спираль», «Shuttle»), («Буран») и назад к капсулам («Orion», «Русь»).

Я считаю, что мы здесь опять идем по кругу.

Конечно, капсулы надежно выдерживают силовые и тепловые перегрузки, проходя через плотные слои атмосферы. Но капсула не может приземляться на аэродром или другую, заранее подготовленную площадку.

Крылатый аппарат может приземляться на некоторые аэродромы с очень длинной ВПП, но крылья трудно защитить от перегрузок и перегрева (гибель «Columbia»). А это делает крылатый аппарат тяжелым и маломаневренным.

Гибриды, т. е. проекты, объединяющие достоинства обоих типов в одной конструкции, лишенные, к тому же обоих недостатков, – предлагались не раз. Проект Штернфельда, «Лапоток» Цыбина, «Гибрид» Сыромятникова. Эти космические корабли проходят плотные слои атмосферы со сложенными крыльями, находящимися в тени, а не на острие плазмы. А когда высота и скорость уменьшаются до приемлемых, то раскрываются крылья, включается маршевый двигатель и космонавты садятся в ближайшем аэропорту. Там их встречают жены с цветами, а не очень большая и очень затратная служба поиска и спасения (авианосцы, самолеты, вертолеты, вездеходы и т. д.).

Кто первый создаст полностью многоразовую космическую систему? Неужели для этого опять нужно соперничество в космосе?

Пилотируемые, беспилотные или…

Беспилотные космические аппараты эффективны, сравнительно дешевы и обеспечивают непосредственно: связь, телевидение, навигацию, метеорологию, помощь в поисках полезных ископаемых и в оценке перспективных земель для сельского хозяйства и т. д. и т. п.

Пилотируемые корабли и орбитальные станции «Салют» (1971–1986), «Мир»(1986–2001), «МКС» обеспечивали и обеспечивают: медико-биологические исследования здоровья, самочувствия и работоспособности человека под влиянием факторов космического полета. Плазменный кристалл, целенаправленные фото, монтажные, ремонтные работы и др.

Из опыта работы с орбитальным солнечным телескопом ОСТ (новое о короне Солнца), ручным фотометром (тонкая структура атмосферы Земли) следует, что сложную прецизионную аппаратуру иногда целесообразно сначала отработать на борту орбитальной станции, а после этого запустить в виде обслуживаемого автомата.

Казалось бы, с пилотируемыми полетами у нас все замечательно. Регулярно сменяют друг друга международные экипажи на МКС в настоящем. Планируются межпланетные полеты на астероиды и Марс в будущем. Не говоря уже об освоении Луны.

Но сравнение беспилотных и пилотируемых космических средств показывает все же гораздо большую эффективность (при сравнительной дешевизне) беспилотных аппаратов! Так может быть прекратить дорогостоящие пилотируемые полеты, сэкономить больше средств, при небольшой потере научной информации? Ведь только беспилотный «Hubble» дал больше, (к тому же более ценных научных результатов), чем все орбитальные станции вместе взятые.

Итак, пилотируемые полеты, как очень дорогие и малоэффективные не нужны?

Но только давайте вспомним, что многомиллиардный телескоп «Hubble» был выведен на свою орбиту… неработоспособным. Невероятно, но факт, оптика не давала резкого изображения… Что было делать? Спускать на землю, возвращать на предприятие – изготовитель, переделывать и снова доставлять на орбиту? Очень сложно и дорого!

Хорошо, что конструкторы «Hubble» предусмотрели подобные нештатные ситуации. Они сделали его полностью автоматическим в процессе штатной работы, но приспособили к

ремонту и модернизации астронавтами непосредственно на орбите. И вот «Shuttle» с астронавтами вышел на орбиту и подстыковался к «Hubble» с помощью механической руки-манипулятора. Астронавты закрепились на телескопе и, попросту говоря (но далеко не просто), одели на него «очки», и он прозрел.

Не заработавший сразу после выведения в космос телескоп в итоге с 1990 по 2011 гг. сделал поразительные научные открытия. Но для этого понадобилось обслуживание «Hubble» с помощью пилотируемых полетов. За этот период астронавты обслуживали «Hubble» 5 раз. Причем последний полет был опасен для экипажа «Shuttle», т. к. челнок выработал свой ресурс, а на орбите телескопа ему никто не мог бы прийти на помощь.

Одна американская фирма взялась создать для устранения неисправностей именно на «Hubble» и именно в этот раз узкоспециализированного робота. Но проработав вопрос, отказалась от попытки. Астронавты превосходят все мыслимые и немыслимые, даже универсальные роботы.

У нас такой случай произошел с ультрафиолетовым орбитальным солнечным телескопом (ОСТ) «на Салюте-4». Я ввел телескоп в строй с помощью фонендоскопа, медицинского прибора, предназначенного для прослушивания дыхания человека. Уверен, что никакой робот до этого не додумался бы!

Итак, возвращаемся к главному вопросу. Что важнее, что нужнее: пилотируемые или беспилотные полеты. Правильного ответа на этот «простой» вопрос вообще не существует, т. к. сам вопрос поставлен неправильно. На самом деле, главный вопрос: какое оптимальное соотношение пилотируемых и беспилотных исследований?

На примере «Hubble» мы видели решение этого вопроса: автономный специализированный аппарат, приспособленный еще на этапе проектирования к обслуживанию (ремонту, модернизации) астронавтами.

Обслуживание «Hubble» начиналось на Земле. Здесь изготавливались новые блоки взамен вышедших из строя. Здесь же производилась новейшая аппаратура вместо еще работающей, но устаревшей.

Возможен и другой тип обслуживания, предложенный К. П. Феоктистовым.

Это – орбитальное «облако» космических аппаратов. В центре станция-матка с космонавтами на борту, а на близких соседних орбитах автоматические специализированные беспилотные аппараты. По мере необходимости они подзываются, пристыковываются к «матке», где космонавты их обслуживают.

Например, проект технологического автоматического

корабля-лаборатории «ОКА-Т». Плавильные печи «заряжаются» исходными материалами под контролем экипажа. Затем «ОКА-Т» отделяется, и сплавы получаются в «чистой» невесомости. После завершения экспериментов космонавты забирают уникальные «неземные» сплавы и отправляют их в специальных капсулах на Землю.

Когда мы проводили аналогичные эксперименты непосредственно на борту орбитальной станции, то передвижение космонавтов и особенно физические упражнения нарушали однородность сплавов.

Таким образом, человек на борту космической станции необходим прежде всего для обслуживания автоматически работающих приборов, а не для штатной непрерывной работы с ними. Иначе КПД научной деятельности не превосходит КПД старого паровоза (3–5 %), т. к. много времени космонавта уходит на сон, питание, физ. упражнения и туалет.

Но главное даже не в этом. В настоящее время в околоземном пространстве летает несколько тысяч единиц космического мусора. И это количество все время увеличивается. Однажды стекло иллюминатора на «Салюте» было повреждено крупинкой размером с булавочную головку. А если бы это была какая-нибудь гайка? Тем более гаечный ключ! Вы бы не читали этих строк.

Мы даже в принципе не знаем, как убрать весь этот мусор. Ловить сетью, уничтожать лазером, сбрасывать для сгорания в атмосфере, отправлять подальше в космос? Какой бы способ мы ни выбрали, как бы строго настрого ни запретили впредь сорить в космосе, все равно, еще годы непрерывно пилотируемые полеты будут опасны. Мы не можем обеспечить космический корабль или орбитальную станцию пассивной или активной защитой, как у танка. И рано или поздно, по теории вероятности, может случиться самое худшее.

Значит, остается только одно: сократить численность экипажа и время пребывания в космосе одновременно.

Для этого, как правило, не нужно устанавливать в орбитальную станцию аппаратуру, которая не работает без участия космонавтов. Человек должен летать в Космос для целенаправленного обслуживания и замены автоматической аппаратуры и не должен ей мешать, пока она исправна.

На Марс? На Марс!

В детстве, начитавшись фантастики и научно-популярной литературы, я мечтал… Мечтал полететь на Марс или на Венеру, найти Аэлиту, устраивать революции и бороться со злыми инопланетянами. Потом это ушло в область сказки. Взамен пришло знание, что на Марсе появляются полярные шапки, которые есть и на Земле. Существуют знаменитые каналы, оказавшиеся руслами рек. Все это признаки воды. А там, где вода, может быть и жизнь. Так или иначе, но идея марсианского полета никогда не выходила из головы.

В 2004 году при американском президенте Буше-младшем многие сенаторы и конгрессмены США посчитали, что надо заканчивать эксплуатацию МКС и в корне менять американскую космическую программу.

Узнав об этом, я вспомнил 1978 год, когда мы с Юрой Романенко вернулись из полета на «Салют-6». Мы превзошли американский рекорд по продолжительности полета. Руководители во главе с генеральным конструктором В. П. Глушко гордились этой победой и ждали наград. Они зашли нас поздравить, когда врачи еще не разрешали нам вставать с постели. Поздравили и спросили мое мнение о нашей экспедиции.

За время длительного полета у меня сложилось твердое убеждение, что постоянно пилотируемая станция малоэффективна. Я понимал, что от меня ждали совсем другого мнения. Но, как космонавт-испытатель, я не имел права и не смог соврать. Я сказал, что пилотируемая станция – это тупиковый путь. Как рассвирепел конструктор Глушко, надо было видеть: «Вы считаете не так, как все прогрессивное человечество!». Хлопнул дверью и ушел.

И вот только через 26 лет решился наш спор с Глушко. Предлагалось именно прогрессивное решение заканчивать эксплуатацию постоянно пилотируемой МКС. И еще более прогрессивное, поставить ближайшими целями полеты на астероиды, Марс и на Луну. В результате NASA приняла космическую программу «Constelation» (Созвездие).

Это была не только прогрессивная, но и умная экономная программа. В ее основе предусматривалось максимальное использование уже имеющихся блоков челноков «Shuttle». Челноки разбирались на блоки, и из этих блоков собирались уже новые космические средства достижения Марса. Таким образом минимизировалось количество новых блоков, уменьшалась

стоимость программы и время ее осуществления.

Я, ракетостроитель с 1954 года и космонавт с 1967 г., мечтал о такой российской программе. Поэтому я ощутил одновременно и большую радость, и глубокое разочарование. Радость, что дожил до такой космической программы, и разочарование, что она не наша российская.

Тем более что первым на дорогу к Марсу вступил наш С. П. Королев. По его инициативе был создан «Институт медико-биологических проблем». Здесь разрабатывали методы сохранения здоровья и работоспособности космонавта в длительных (сравнимых с продолжительностью марсианской экспедиции) полетах. И если после 18-суточного полета в 1970 году Андриан Николаев и Виталий Севастьянов с трудом устояли на ногах в течение 5 минут, то Валерий Поляков после 438 суточного полета в 1994–1995 гг. чувствовал себя намного лучше.

Этим полетом В. Поляков доказал, что в длительный марсианской экспедиции искусственная сила тяжести не нужна. В противном случае такой необходимости корабль был бы неприемлемо тяжелым, сложным, плохо приспособленным для человека на борту.

Многие космонавты пришли в космос через любовь к фантастической литературе. А Королев любил «фантастику в чертежах».

Под его руководством была спроектирована гигантская ракета «Н-1» и началось ее изготовление. Она могла обеспечивать пилотируемые полеты на Марс. Но смерть Королева остановила этот проект. Я думаю, что это было субъективное решение. Я уверен, что объективно говоря, после нескольких не вполне удачных запусков ракета «Н-1» была бы отработана.

И вдруг, как гром с ясного неба, NASA при президенте Обаме отказалось от программы «Созвездие». В новой программе пилотируемые полеты сводятся к малоэффективной (КПД 3–5 %) и затратной работе на орбитальной международной космической станции МКС. Иначе как регрессивной эту программу не назовешь.

Я уже не говорю, что рано или поздно пусть в 2015 и даже в 2020 году все равно возникнет проблема утилизации этого монстра. В разных странах службы контроля за угрозой из космоса не могли спрогнозировать место падения сравнительно небольшого, несколько тонн, «Фобоса-Грунт». Гадали: в Тихий или Атлантический океан (ничего себе точность – пол земного шара). А как будет чувствовать себя человечество, когда на его головы (на чьи?) будут падать не одна сотня тонн МКС?

Я считаю, что научная работа на МКС, – это все равно, что

гвозди забивать очень дорогим микроскопом – маленький результат, а цена очень большая. Для эффективной научной работы на земных орбитах нужны сравнительно небольшие станции, дешевые, но гораздо более эффективные. Посещаемые для обслуживания, а не постоянно пилотируемые станции.

Для меня только одна многоблочная пилотируемая конструкция оправдывает свое существование на околоземной орбите. Это – учебно-тренировочный марсианский корабль. Или, если хотите, филиал наземного центра подготовки космонавтов к полету на Марс. Здесь в реальных условиях космоса завершается, отшлифовывается подготовка. А окончательный отбор к марсианскому полету будет проведен в полете на астероид с возвращением на Землю приблизительно через полгода.

Все это, конечно, не просто и очень дорого. Так нужен ли вообще этот полет на Марс? Тем более, как предлагает американский астронавт Базз Олдрин, без возвращения на Землю, а сразу для колонизации Марса. Как первые колонисты Америки из Европы, которые не плавали туда и обратно.

Что дает конкретно марсианский полет, тем более полеты, нам, жителям Земли? А что дали нам орбитальные полеты и полеты на Луну? По сути, не так уж много. Россия и так довольна первым спутником и первым космонавтом, а США – первыми на Луне. Конечно, мечтатели думали о полетах на Марс еще в прошлом. Но мы теперь не мечтатели, а прагматики. Деньги можно вложить с большей прибылью в земные дела!

Но если бы всегда слушались прагматиков, а не мечтателей, то Гагарин и Леонов не вышли бы в Космос (отчаянно и дорого). Линдберг не перелетел бы через Атлантический океан. А Чкалов не полетел бы с хорошо знакомого мне Щелковского аэродрома через Северный полюс в Америку (самолеты падают). Мы бы не переплывали океан, тем более не погружались бы в Марианскую впадину на глубину 11 км (могли утонуть). Зачем человек двинулся к реке и переплыл на противоположный берег (его могли съесть крокодилы)? И вообще, зачем мы вышли из пещеры (она защищала от саблезубого тигра, там горел костер, и было тепло)? Так до сих пор бы и жили пещерными людьми.

А человек взял да и вышел из пещеры!

И на Марс полетит, если даже запретят. Кто-то из Homo Sapiens полетит туда обязательно, если мы еще Homo и еще Sapiens. А если бы был жив Королев, то мы бы уже были на Марсе. Я так думаю.

Человечество, я уверен, справится со всеми стоящими перед ним трудностями. Причем толчком к решению многих проблем общепланетного масштаба, несомненно, послужат космические

исследования. Часто говорят, зачем нам космос? Где взять деньги? У нас и на Земле много нерешенных проблем. Отвечу вопросом на вопрос. А зачем на Земле изготовлено несколько тысяч дорогущих ядерных снарядов, если десятков из тысячи достаточно, чтобы уничтожить все человечество? Сократить военные расходы всех стран на одни и те же 1–2 %. И тогда денег хватит на все неотложные проблемы на Земле и в Космосе.

Земляне освоят космос, распространят свое влияние в пространстве безгранично. Космос будет местом работы – мастерской, рудником, заводом, местом жительства. Космические экспедиции будущего напомнят сначала нынешние антарктические: объекты работы – постоянные, а экипажи – сменные международные.

Возможно, отдельные люди проведут в космосе всю жизнь, возможно, какая-нибудь сверхзадача потребует такого подвига от целого коллектива, но Родиной по-прежнему будет Земля. За четыре с лишним месяца, которые в общей сложности мне довелось пробыть на орбите, я успел убедиться: нет лучше работы, чем в космосе, но нет лучше жизни, чем на Земле!

А вот если бы наоборот марсиане появились у нас, я бы обязательно с ними подружился. Потому что когда-нибудь жизнь на Земле закончится и надо будет куда-то переселяться. Готовь сани летом, а корабль до конца света.

Пришельцы

И не важно, что пришельцы не ели черный хлеб,
Но в их тщедушном тельце огромный интеллект,
И мозгу у пришельцев килограмм примерно шесть,
Ну, а у наших предков только челюсти и шерсть.

Владимир Высоцкий

Эта шуточная песня Высоцкого повышала нам настроение на орбите.

Хотел бы я как-нибудь столкнуться с пришельцами! Я стремлюсь к этому. В космосе высматривал их в иллюминатор, на Земле старался побывать там, где их якобы видели. Мне пока не везет. Но я не теряю надежды! Я жду 22 декабря 2012 года. В этот день зимнего солнцестояния многие древние китайские и индийские летописи-календари предсказывают нечто удивительное. Также этим днем заканчивается календарь майя. Вот такое совпадение, может быть, не случайное. По-видимому, этот календарь им кто-то создал.

Мне нравится гипотеза, что раз кончается календарь, созданный возможно пришельцами, значит, они прилетят опять, чтобы обновить календарь. Или устроят потоп за то, что мы так плохо обращаемся с такой прекрасной планетой, как Земля.

Да, я верю в инопланетян. Хотя бы потому, что так веселее жить. Но в летающие каждый день тарелки не верю. Многие их видят. Но я русский человек, мне надо убедиться самому: пощупать руками, разобраться, заглянуть внутрь. Как говорят на Украине, где, как известно, находится мать городов русских: «Визьмешь в руки – маешь вещь». Вот если уфологи скажут, что нашли и готовы показать мне НЛО или хотя бы обломки, лежащие на земле, – тогда другое дело, я поверю.

А вот в беременных от инопланетян женщин Земли никогда не поверю, это сказки для их мужей.

Мы наблюдали из своего корабля светящиеся точки непонятного происхождения. Они двигались среди звезд и даже вроде бы совершали маневры… Такие же огни видят и с Земли. Но что это? Звездолеты пришельцев? Пылинки, отставшие от обшивки нашего корабля? Выброшенный с МКС бак с мусором,

который еще не сгорел в атмосфере? Последняя ступень от запущенной с Земли ракеты? Спутник, отслуживший свой срок и превратившийся в кусок металла? Почему это обязательно летающие тарелки да еще с зелеными человечками внутри?

Мое увлечение древними цивилизациями и контактами с инопланетными гостями началось с пирамид. Они меня раньше вообще не интересовали. Но оказалось, что «вентиляционные каналы» пирамид сделаны таким образом, что они смотрят на звезды. Я занимался межпланетными полетами, у нас всегда были опорные звезды. Мне не было понятно, зачем пирамидам нужны опорные звезды. Тогда я заинтересовался пирамидами, потом Стоунхенджем, Эйвберри, Аркаимом.

Еще есть Ньюгрейндж в Ирландии. Он предоставляет собой перевернутую пирамиду, сложенную из гигантских камней. Туда можно спуститься вниз, но стены неровные, изгибистые. В центре лежит камень. 22 декабря луч солнца проходит через кажущийся извилистым проход и падает на этот камень. Туда приезжала даже английская королева. Ньюгрейнджу около 6 тысяч лет, по-моему. Тогда люди не умели выращивать растения и скот, питались тем, что найдут на земле или сорвут с дерева. Вся их жизнь была подчинена выживанию, а возведение таких каменных сооружений – это непросто! Это загадка.

На Оркнейских островах есть что-то типа мавзолея. Вход туда сделан не с дороги, а откуда, последний луч солнца, заходящего в день зимнего солнцестояния 22 декабря, проникает в этот колумбарий. Меня интересует, как такие сооружения были построены 6 тысяч лет назад, да еще и с привязкой к астрономии?

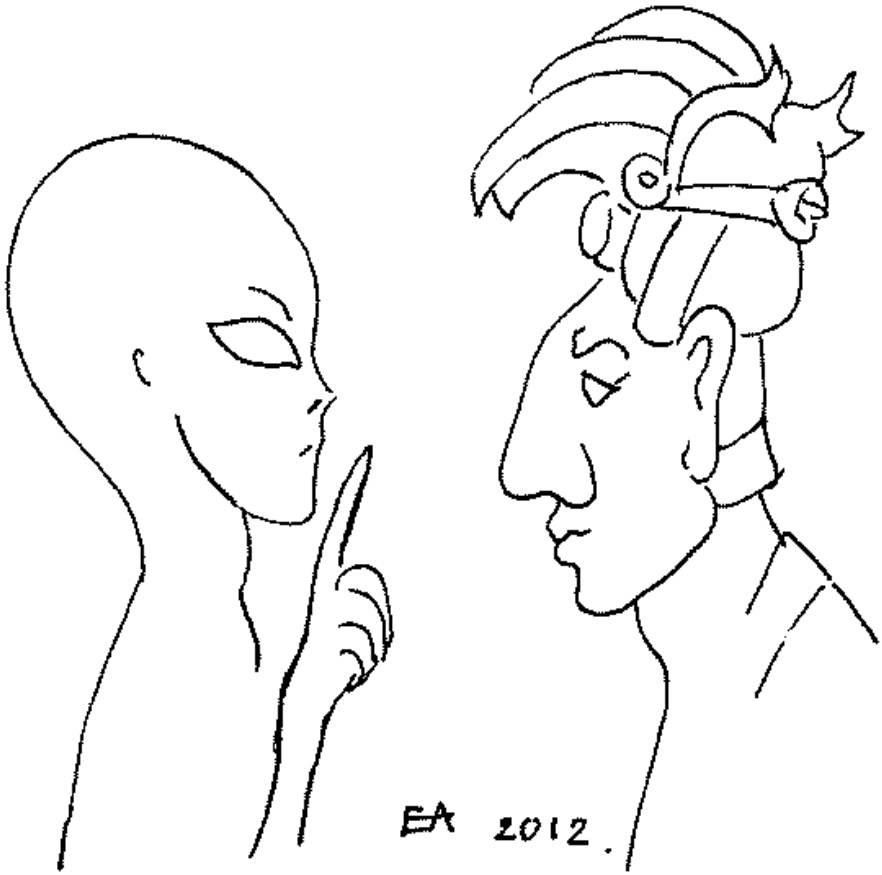
Рядом с Мальтой есть небольшой островок Гозо. Там сохранился гигантский дом из громадных камней. По легенде, его строила беременная великанша для своего будущего ребенка. Если взять все население островка, то им эти камни не свернуть и такой дом не построить.

Меня интересует, кто и зачем это строил. Может, я стал мудрым или наоборот старым маразматиком, но, вполне возможно, что эти сооружения строились инопланетянами. Есть такое международное общество «Космонавты древности», я его член. Нам кажется, что на Земле есть места, которые сделаны под руководством инопланетян или самим инопланетянами.

Вы, наверно, знаете, что рядом с пирамидами лежат камни, на которых есть следы обработки. Выяснилось, что до сих пор нет таких инструментов, которыми были выпилены эти камни. Тем более их не могло быть несколько тысяч лет назад.

Календарь майя заканчивается 22 декабря 2012 года. Этот календарь очень точный, точнее нашего. А чтобы создать очень точный календарь, нужно иметь очень точные часы и телескопы, чего у майя не было. Это была достаточно кровавая цивилизация. Когда там играли в свое образный футбол, у живого капитана побежденной команды вырывали сердце. Поэтому трудно представить, что такой народ мог составить точнейший календарь.

По гипотезе Эриха фон Дэникина, этот календарь им дали инопланетяне. По версии Захарии Ситчина, они живут на планете Солнечной системы, но только это гипотетическая планета Нибиру. У Земли период обращения вокруг Солнца один год, у Нибиру – 3600 лет. Если Нибиру существует и подлетит к Солнцу, то она может оказаться рядом с Землей. Нибиряне могут перелететь к нам на Землю. Раз они летали в темноте и холоде, то наша планета для них как санаторий.



Я хотел бы 22 декабря 2012 года побывать там, где будут инопланетяне и встретиться с ними! Я думаю, мы найдем общий язык. В крайнем случае, будем объясняться жестами.

Меня хранит чья-то рука…

Мне кажется, что меня по жизни будто бы ведет чья-то рука. Так, во всяком случае, складывались события. По этому поводу я сначала расскажу анекдот…

Анекдот на полях:

Жил великий праведник. Поплыл он на пароходе по морю, пароход начал тонуть. Из лодки кричат: «Иди к нам!»

А он: «Господь меня и так спасет!» Проплывает плот, бревно… то же самое. И, неожиданно для себя, он утонул. На том свете он обратился к Богу с претензией: «Почему Ты меня не спасал?»

Бог ответил: «Как это „не спасал“? Я послал тебе лодку, плот, бревно. Ты же сам не воспользовался…».

Я пять раз в жизни тонул. Впервые, когда был совсем маленький, годика три-четыре. Дело было под Ленинградом. Родители взяли меня с собой позагорать на Финский залив, и упустили момент, когда я пропал. А я решил поиграть в воде у берега. Там было почти горизонтальное дно. Я шел по этому дну, ножки у меня устали, возвращаться назад было далеко. Я пытался дойти, упал и стал тонуть. Хотя зашел-то, может быть, по колено или чуть дальше. Очнулся, когда меня уже нес незнакомый мужчина – он увидел, как я тонул, вытащил и отнес к родителям.

В другой раз, лет в одиннадцать, я подъехал на лодке к крутому берегу, там торчал корень, я за него взялся, чтоб притянуть лодку. Корень отломился, и я назад, кульбитом, ушел под воду. Снова начал тонуть. Как выбрался и оказался в лодке, не помню.

И еще случай. Однажды мы, студенты, решили пересечь вплавь озеро в Карелии. Мне показалось, что оно небольшое, и, может, так оно и было. Но плавал я плохо, постепенно отставал от остальных и начал хлебать воду. Я почувствовал, что сам уже не выберусь, потому что и до того берега далеко, и до этого.

Понял – пора звать друга, который плыл впереди. Но надо было сделать это достойно, чтобы не вышел какой-нибудь жуткий крик. Я вдохнул побольше, и, как мне казалось, спокойно позвал. Друг, действительно, услышал меня, развернулся, подплыл,

подставил плечо, и вместе мы выплыли. На берегу я его поблагодарил и сказал: «Смотри, хотя я и тонул, но спокойно тебя позвал. Я ведь не орал, как резаный». Он ответил: «Ты, как раз, так и орал во всю глотку!»

Потом – война, оккупация. Пошли мы с братом за водой. Толкали вместе тачку с бочкой. В это время начался артиллерийский обстрел. Недалеко разорвался снаряд, нас швырнуло на землю, меня прижало к бочке спиной. Там еще бочки стояли около колодца, размачивались. Второй снаряд, третий…

Гляжу, из-за моего плеча из бочки хлещет вода. И я таким смехом, нервным, смеюсь, говорю брату: «Федь, смотри, взрывной волной из бочки затычку выбило». Он в ответ: «А ты глянь, какая затычка». Я глянул – а это осколок от снаряда вонзился в бочку рядом со мной. На два сантиметра ближе, и меня бы, как иголкой пришпиливают бабочку, пригвоздило бы к этой бочке…

В военное время наши игрушки были – ружья, пистолеты, снаряды, взрыватели, бикфордов шнур. Все это мы добывали на взорванном складе. Каждую неделю там кому-то отрывало руки, выбивало глаза, кого-то убивало насмерть.

Однажды в руках у моего товарища взорвался снаряд. До него было метров шесть-семь. Я оглянулся на взрыв: рыжий клубок огня у него в руках, и он, такой, изломанный, падает. Ну и, конечно, во все стороны брызнули осколки. Я стоял ближе всех, но меня не коснулся ни один. Чуть подальше стоял товарищ, ему осколок попал в ягодицу. Другому разрезало рубашку и поцарапало грудь. Мой брат стоял на коленях за бетонной стеной, торчала одна его пятка. Ему порезало пятку. А я остался невредим.

Как-то мы с братом шли по низкому ровному берегу Десны. А с противоположного берега, где есть круча, кто-то стал из баловства в нас стрелять. Спрятаться было негде, нам пришлось бежать под обстрелом. Довольно жутко чувствовать себя незащищенным, когда некуда спрятаться… Мы неслись что есть сил, пули свистели рядом, рикошетировали, ударившись о дорожку, по которой мы бежали. Мне тогда даже пальто пробило – оно развевалось на мне. Мы бежали долго, далеко. Добежали до первой канавы, залегли там, поползли. И спаслись.

А однажды у меня в руке взорвался охотничий патрон. По дурости: я неаккуратно его ковырял. С руки сорвало кожу, до сих пор остался шрам. А разорвавшаяся гильза прошла под горлом, разрезала пальто. Врач спросил: «Гильза медная?» Я ответил: «Да, медная». «Ну, и дурак. У тебя может быть столбняк. Ступай в больницу!». В больнице сказали: «У нас нет противостолбнячной

сыворотки. А во-вторых, уже поздно. Такой укол надо делать не позже, чем через три часа. Время ушло». Но столбняком я так и не заболел.

Потом мы с двоюродной сестрой как-то копали огород, было скучно копать в ряд, и мы шли навстречу друг другу. Поддеваешь кусок земли, а потом лопатой его разбиваешь. И вот, я тяжелой острой лопатой нечаянно задел сестру – чиркнул лезвием около брови. Она была любимым ребенком у своей матери. Все лицо ее залилось кровью… Впоследствии там оказалась легкая царапина, но, видимо, были задеты сосуды. Сестра испугалась и бросилась к матери: «Мама! Жора меня убил!».

Мать пришла в безумство, схватила топор и бросилась на меня. Я оттолкнул ее, выбежал из комнаты, заскочил в сенцы, полез по лестнице на чердак. Дальше бежать было некуда. Я осмотрелся и увидел старое ружье – без патронов, без затвора, самоделка такая. Схватил ружье, и вижу – сестрина мать уже взбирается с топором ко мне по лестнице.

Мы оказались лицом к лицу, между нашими головами было полметра. Глаза у нее – абсолютно безумные. Я никогда таких глаз не видел, ни до и не после. Она действительно жаждала меня убить… Я направил на нее ружье и закричал: «Не лезь, убью!» увидел в ее глазах сшибку двух самых сильных страстей: ярость и страх. И тут у нее наступил слом. Она замерла, и вдруг выронила топор, и зарыдала…

Там на чердаке «фонарь» был, через который чердак освещало солнце. Я ногой выбил из него доски и убежал. Уж почти семьдесят лет прошло, а вспоминается остро – как будто это случилось недавно.

Бог не в Космосе, а в душе

В Космосе Бога видели только в анекдотах.

Анекдот на полях:

В Кремле Хрущев отвел в сторонку Гагарина и спросил: «Юра, а ты Бога видел?» – «Да, видел. Есть Бог».

– «Я так и знал. Только больше никому не говори», – сказал Хрущев. Потом Гагарин был на приеме у папы Римского. «Юрий Алексеевич, вы видели Бога?»

– «Не видел. Нет никакого Бога». – «Я так и знал, – ответил папа, – но только никому больше об этом не говори!»

Родители – убежденные атеисты – были категорически против моего крещения, и бабушка крестила меня тайно. Причем настолько тайно, что вторая моя бабушка даже не знала об этом. И тоже, в свою очередь, тайком от всех, окрестила меня. Так что я – дважды крещенный. Но, конечно, ни о каком религиозном воспитании в семье не могло быть и речи.

Мой небесный покровитель – Георгий Победоносец. Я так говорю: «Он святой Георгий Победоносец, а я – грешный Георгий Победоносец».

Во время войны я, еще маленьким мальчиком, попал в оккупацию. Это была жизнь в постоянной опасности – любой немец мог тебя убить без особых причин совершенно безнаказанно. Еще страшнее было, когда через наш город проходил фронт. Помню, как пули и осколки пролетали совсем рядом. Очень хотелось жить, но защиты и помощи искать было не у кого – мама осталась в блокадном Ленинграде, папа воевал, а рядом – старенькая бабушка. Надеяться можно было только на Бога. В войну все были верующими…

Но к концу войны, когда я уже вернулся к маме в Ленинград, когда мы стали получать письма с фронта от отца, мне в руки попалась книжка – «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского – главного советского атеиста. Мне показалось, будто автор очень убедительно и логично доказывает, что Бога нет. После этой книги я многие годы считал себя атеистом.

Нравственным ориентиром стала литература, которую я

всегда любил, – книги о приключениях, о путешествиях, об открытиях. Настоящие герои в хороших книгах – это люди высокой морали. И мне хотелось быть похожим на них. Поэтому, когда я, уже в возрасте, осознал себя верующим человеком, мне радостно было обнаружить, что я все-таки всю свою жизнь интуитивно старался жить по десяти заповедям.

В октябре 2000-го в районе Батумского аэропорта разбился Ил-18 с семьями российских военных – врезался в гору. Перед этим самолетом летел наш, и мы сели. Каким образом – я, как летчик, не понимаю. Шли при нулевой видимости, вынырнули из облаков и тут же коснулись колесами взлетной полосы. Летевший за нами Ил этот невероятный маневр повторить не смог.

В тайге я однажды заблудился, а был без спичек, в легкой курточке. Я ориентировался по слабым следам, а уже темнело. Если бы я поторопился – мог бы пропустить следы, если бы шел не спеша – в темноте потерял бы след. И я каким-то чудом нашел тропинку, по которой выбрался.

Вот так из опасных ситуаций всегда выходил живым. Почему? Почему не сработала теория вероятности, по которой в половине несчастных случаев я должен остаться невредимым, но в остальных пятидесяти процентах – изувечиться или погибнуть? Ответ такой: если этот закон не соблюдается, значит, ось, делящая судьбу ровно посередине, кем-то сдвинута.

Поскольку, кроме Бога, никто не мог ее сдвинуть, я верю, что был рожден, чтобы стать космонавтом. И в ангела-хранителя верю. В шутку говорю, что их у меня двое, потому что крестили-то меня дважды!

Когда ты летишь над Землей, а тем более выходишь в открытый космос, то ты гордишься Человеком и его достижениями. Уколи человека тоненькой иголочкой – он вскрикнет, охлади его на пару градусов, ему уже плохо. Это такое нежное, уязвимое существо. А он поднимается на высоту, где нет воздуха, летает в невесомости, выходит из станции в открытый космос, идет по Луне… Есть чем гордиться!

А поскольку ты сам к этому приобщался, сам в этом участвовал, то невольно начинаешь гордиться – не только всем человечеством, не только космонавтикой, но и самим собой. Но гордыня – один из смертных грехов!

Я – космонавт, ученый, доктор наук. Но это не противоречит моей вере в Бога. Я уверен: наука нейтральна по отношению к добру и злу. Ядерная энергия, лазерный луч, космическая техника – все это можно использовать и в мирных целях, и в военных. Но если человек верит в Бога, если соблюдает заповедь «не убий», он уже не станет изобретать орудие убийства. Наука, развиваясь,

должна познавать мир, а религия – воспитывать сердце человека так, чтобы научное развитие не превратилось для людей в смертельную угрозу.

Я православный, но считаю, что любая традиционная религия лучше, чем безверие, которое сегодня вливается в душу молодежи. Ну, что это такое: «Бери от жизни все»? Ведь если моя свобода и удовольствие превыше всего, значит, другие для меня – никто, и я могу ради своей свободы делать все, что угодно. Но так нельзя жить – это тупик. Гомосексуалисты, например, требуют свободы регистрировать свои браки. Но ведь это же против Бога! Не зря Он сотворил Адама и Еву, а не двух Адамов!

Наша жизнь бывает жестокой и лживой. Посмотрите телевизор: чиновники разных рангов лгут, знают, что лгут, и понимают, что мы тоже знаем об их лжи, но, тем не менее, продолжают лгать. Замкнутый круг. А ведь если бы люди по-настоящему верили в Бога, не только на словах, но и в делах своих, жизнь стала бы совершенно другой.

Я всегда старался быть честным, меня так воспитывали родители. Но вера в Бога делает человека еще более строгим по отношению к себе. Хотелось бы жить праведно и умереть с чистой совестью. Естественно, назвать себя праведником я не могу. Но вспоминаю слова Господа о том, что более праведника ценен и любим раскаявшийся грешник. И это важно для меня, это дарит надежду. Мне больше восьмидесяти лет, и, конечно, жизнь стала намного сложнее, чем в молодости: не просто справляться с болезнями, работой, ответственностью. Но главное – не впадать в уныние.

С приходом к вере очень изменилось мое отношение к смерти. Мне довелось пережить два случая, когда я чувствовал себя на грани жизни и смерти. Первый произошел давно, в молодости, в космосе, когда один за другим в заданное время не раскрылись оба парашюта. Единственное, чем горжусь, – что преодолел тогда страх смерти, леденящий ужас. Я не матерился, не кричал ни «мама!», ни «прощай, Родина!», продолжал следить за параметрами систем корабля, чтобы сообщить на Землю обстоятельства аварии в последнюю минуту.

Второй случай был недавно, и опять вопрос стоял жестко: или на тот свет, или обратно. К счастью, я вернулся, но потом, проанализировав свои чувства, был очень удивлен. У меня не было ни капли страха, подобного тому, что я испытал в космосе. Я просто ждал, как будто это происходило с кем-то другим. Поэтому могу сказать: смерти я не боюсь, лишь бы без боли и мгновенно. Я прожил долгую и интересную жизнь, и благодарен Богу за каждый новый день, что Он дает мне.

У меня есть и своя доморощенная концепция первородного греха. Прародителям было запрещено вкушать плоды с древа познания. То есть был наложен запрет на знания. Питаться плодами с такого древа – значит набираться знаний. Господь говорил Адаму и Еве: у вас есть рай – вот и радуйтесь, кушайте разрешенные фрукты. Он знал, что, как только они сорвут с древа познания добра и зла таблицу умножения, они поймут, что дважды два – четыре. А потому поймут, что масса на ускорение есть сила. Потом придут к пониманию формулы Эйнштейна про энергию, заключенную в атоме. А потом их потомки создадут атомную бомбу и взорвут один город за другим. И, наконец, создадут какой-нибудь «коллайдер» и взорвут все человечество. Поэтому Господь и запретил первым людям приобретать знания. Ибо Он знал – начнут с дважды два, а закончат водородной бомбой. То есть такое знание приведет человечество к уничтожению. За это и выгнал прародителей из рая.

Для того чтобы наука работала на человека, а не против него, необходима мораль. Основа морали – 10 заповедей. Во времена социализма их заменили моральным кодексом строителей коммунизма. А ведь практически это были переформулированные те же христианские заповеди! И, скажем, мои родители – атеисты – были людьми строгой морали.

Науке необходимо стремиться к достижениям, но обязательно должна быть религия, которая заботится о морали. Чтобы научные открытия улучшали жизнь людей и экологию Земли, а не уничтожали человечество вместе с планетой. Я не согласен с теми, кто противопоставляет эти две области. Религия занимается душой человека, а наука – умом, телами. У всех свои задачи. Они дополняют друг друга, а не противостоят.

Бездушный, неверующий ученый может изобрести не только средство для повышения урожайности, но и химическое оружие, способное отравить все живое. Мораль, которую несет религия, призвана это предотвратить. Я считаю, что наука и религия важны в равной мере, но они должны не мешать друг другу, а помогать. Только их единство может спасти человечество. Взаимодействие религии и науки гораздо важнее, чем их противопоставление. Ты веришь, что человек произошел от обезьяны, – ну и бог с ней. Не веришь, что Бог сотворил человека, – Бог с тобой. Но десять заповедей выполняй. И лучше верить в Бога, чем ни во что не верить…

Послесловие моей жены

Бог Отец и Божественная Мать, Дух и Душа, он и она – два вечных принципа Бытия, тождественные между собой, они являются неотъемлемыми качествами Единого, Нерожденного, Вечносуществующего.

Однако в ментальном диапазоне людей эти двое разделены и нередко находятся в антагонизме по отношению друг к другу.

Сама жизнь стремится к самопознанию и расширению, гармонии и красоте, а также к реализации божественных перспектив.

И только духовное сознание способно даровать нам Это, ибо оно знает тайну чистого и неизменного счастья. Только оно способно воспринимать, удерживать и сохранять предельную напряженность истинного переживания, длить силу ответной вибрации божественной Любви.

Моя встреча с Георгием Михайловичем была предопределена свыше.

Мне посчастливилось быть рядом с ним более двадцати лет и это лучшие годы в моей жизни. Ведомые Законом внутренних ориентиров, мы двигались навстречу Идее, соединившей нас когда-то по существу.

В биографии каждого человека наличествует две стороны: внешнюю ее часть могут наблюдать все, но сакральную… Она известна растущей душе своим собственным становлением, а космос души Георгия Михайловича по своей глубине и размаху превосходит космос физический, о чем я и свидетельствую.

И, как Вы догадываетесь, дорогой читатель, Любовь и Радость, присущие Жизни, были и будут во все времена основной причиной существования Универсума, явленного нам и скрытого одновременно.

Будьте!

И, будьте во всей полноте!

Людмила Гречко. Москва, 2010–2012

Иллюстрации

Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза **Георгий Михайлович Гречко** родился в Ленинграде 25 мая 1931 года. В 1955 году по окончании Ленинградского Военно-механического института он был распределен в ОКБ-1 (Главный конструктор С. П. Королев).

Первый космический полет Г. М. Гречко совершил в 1975 году на орбитальную станцию «Салют-4». В 1978 году Г. М. Гречко участвовал в первой экспедиции по освоению станции нового поколения «Салют-6». Третий космический полет он совершил в 1985 году на орбитальную станцию «Салют-7».

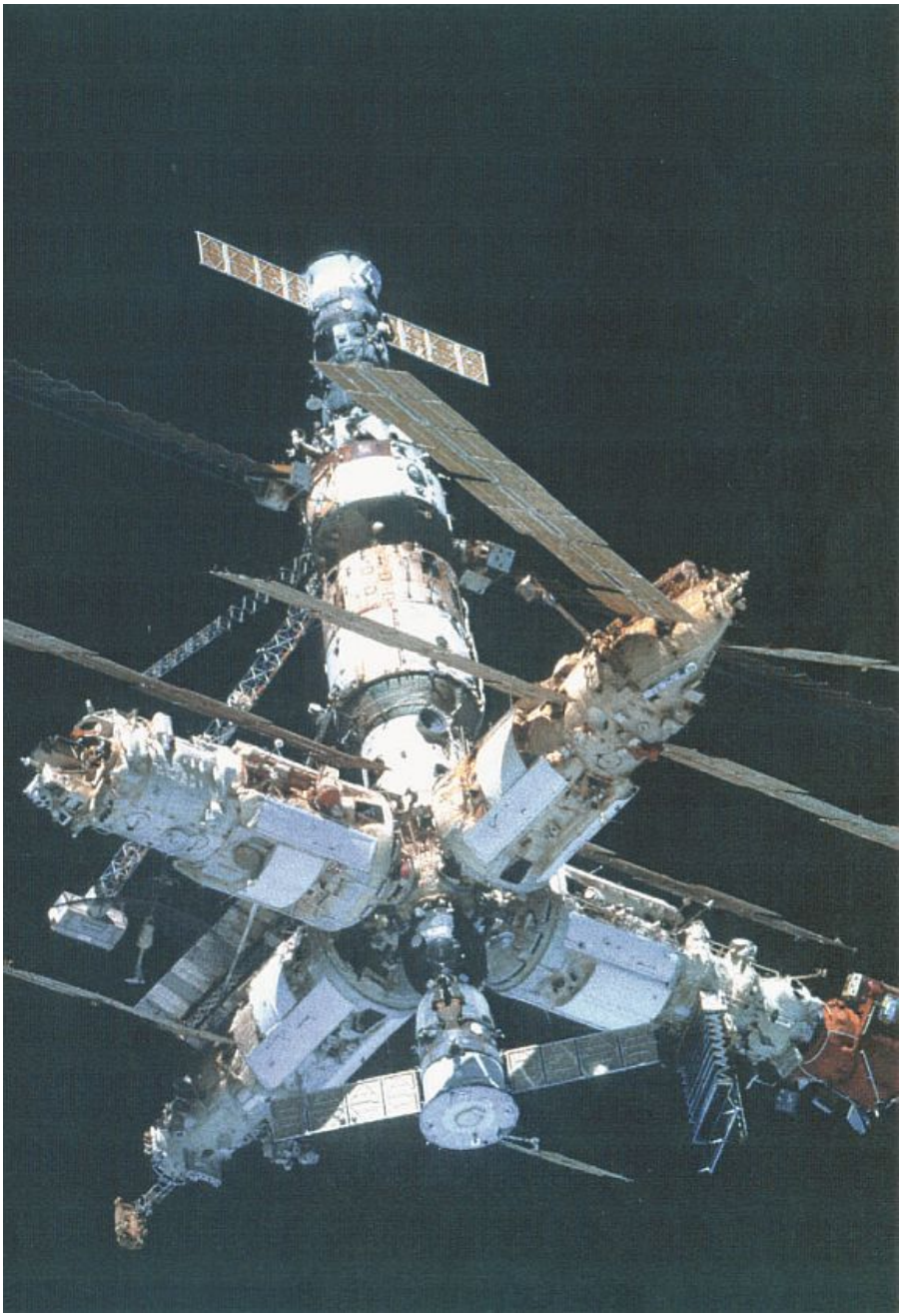
При активном участии Г. М. Гречко была разработана уникальная, получившая мировое признание, методика изучения верхних слоев атмосферы Земли из космоса. За научные исследования ему были присуждены: ученая степень доктора физико-математических наук, Золотые медали Академии наук СССР и Академии наук Чехословакии, орден «Роза ветров» Академии наук Германии, а также Государственная премия

Украинской ССР и республиканская премия Эстонской ССР.

За мужество и героизм Г. М. Гречко награжден тремя Орденами Ленина, медалями, знаком Ордена «Во славу Отечества». Среди наград иностранных государств – Золотая звезда Героя Чехословакии и индийский орден «Кирти Чакра»; он удостоен звания Почетного Гражданина многих городов мира.

В соответствии с Указом Правительства, руководством города Санкт-Петербурга в Парке Победы, на Аллее Героев ему установлен бронзовый бюст.

Я летал на этом тепловом воздушном шаре в 2008 году вместе с Феликсом Баумгартнером. На снимке видны лямки от одетого им легкового спортивного парашюта. В полете он рассказал о своем рекордном прыжке. Кроме парашюта на нем был еще небольшой пластмассовый планер. Феликс выпрыгнул из самолета над Англией, перелетел через Ла-Манш и приземлился во Франции. В конце своего рассказа он спокойно, даже элегантно, повернулся и исчез за бортом. Через несколько секунд под нами раскрылся его парашют. А в 2012 году на высоте более 30-ти километров он так же спокойно вышел из гондолы стратостата и в свободном падении превысил сверхзвуковую скорость! Новейшие лайнеры летают на дозвуковых скоростях…



Орбитальную станцию «Мир» отремонтировали в космосе до необходимой работоспособности на следующие 2–3 года и… тут же утилизировали – утопили в океане. Интересно: тот, кто принял это решение, потратил бы личные деньги на ремонт личного автомобиля *перед* его утилизацией?

Борт орбитальной станции «Салют-4». Три космические благодарности:

– Владимиру Комарову, который помогал не только другу, но даже соперникам.

– Наде Рушевой за ее поразительные рисунки.

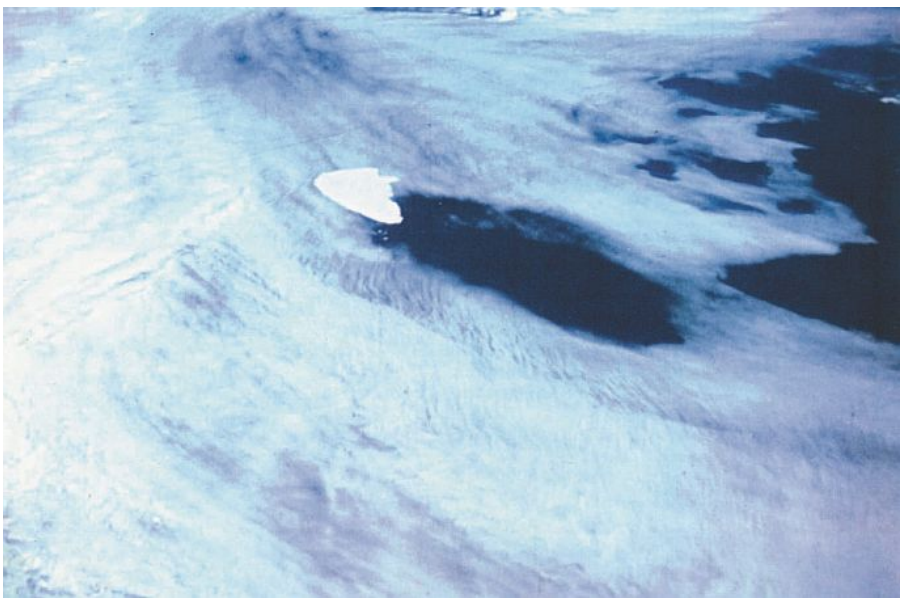
– «Хассельбладу», фотоаппарату, безотказно работающему в Космосе и даже на Луне

Посвящается светлой памяти
композитора Исаака Иосифовича Шварца
(13.05.1923 г. - 27.12.2009 г.)

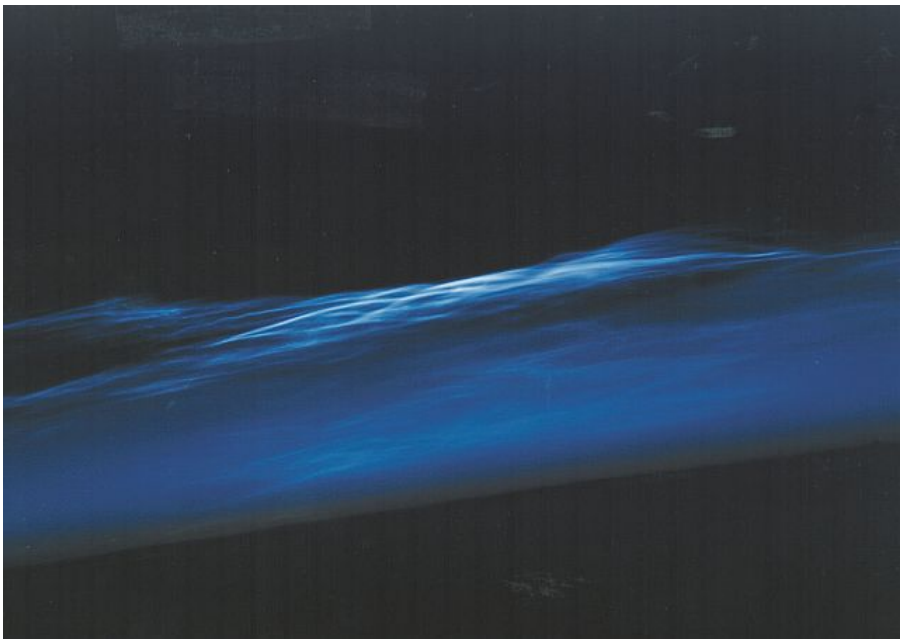
Здесь запечатлены мгновения одного дня его жизни - 6 октября 2007 года

Многие годы мы служили петербургскому, а вернее, всему культурному миру Исаак Иосифович Шварц. Не менее благотворной была наша личная встреча в Сибирской. Простота и скромность этого выдающегося композитора, его мудрость навсегда останутся в наших душах!

Любящие коллектив

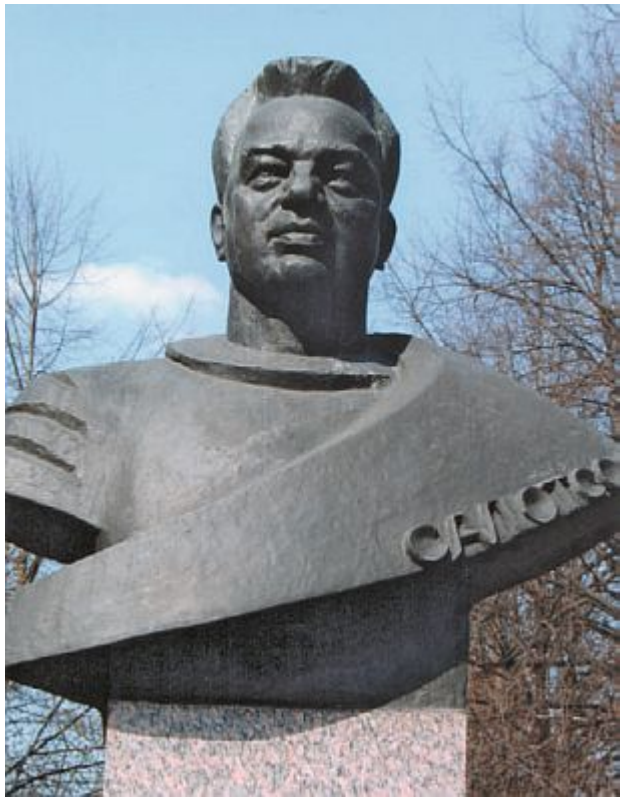


Оптическая иллюзия: «тарелка» *над* облаками? Нет, айсберг в океане *под* облаками



Многослойные Серебристые облака. Чудо, красота и загадка природы

На «Салюте-6». К выходу в открытый космос – готов. Но не через выходной люк, а через стыковочный узел, чтобы проверить электро– и гидроразъемы. Это так же, как на подводной лодке: обычный выход через рубку. А в аварийной ситуации – через торпедный аппарат



В Парке Победа Ленинграда. Статус дважды Героя Советского Союза предусматривал бюст на родине. Когда открывали бюст, меня там не было и некоторые присутствующие на церемонии бабушки плакали: «Такой молодой, а уже помер»

Космонавты с братом легендарного Фиделя Кастро – Раулем. Он говорил: «Американцы пугают, но никогда не убьют Фиделя, потому, что тогда к власти приду я». И он пришел, еще более нетерпимый к ним

Земная неземная красота

Мои родственники со стороны жены

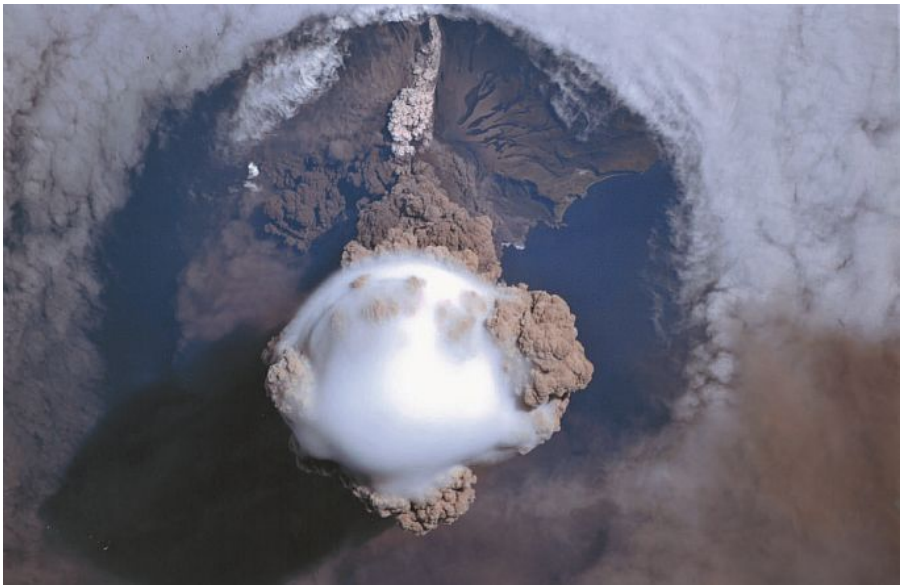
Внук Антон на тренажере, пока еще не космическом

МКС – Международная космическая станция – могущество человеческого ума на фоне внеземной красоты

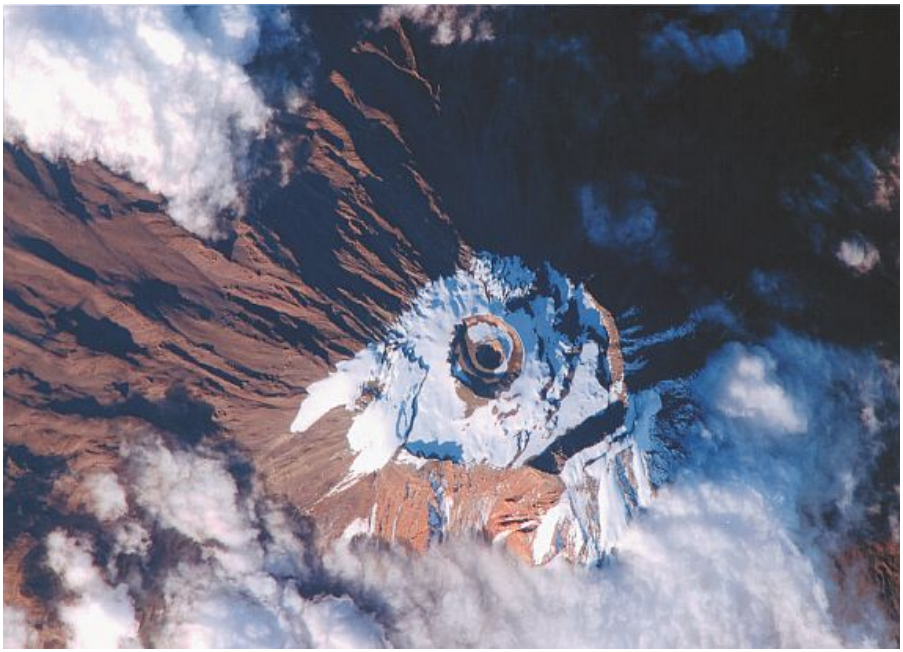
Команда «Контакт подъема». Отходят стартовые фермы. Какое счастье – осуществляется неосуществимая мечта

Бедуины Синая привели к нам старушку, родители которой видели, как «звезда с неба» врезалась в скалу

Байконур. От верблюда к ракете менее, чем за 2 года



Вулкан. Вид с земной орбиты

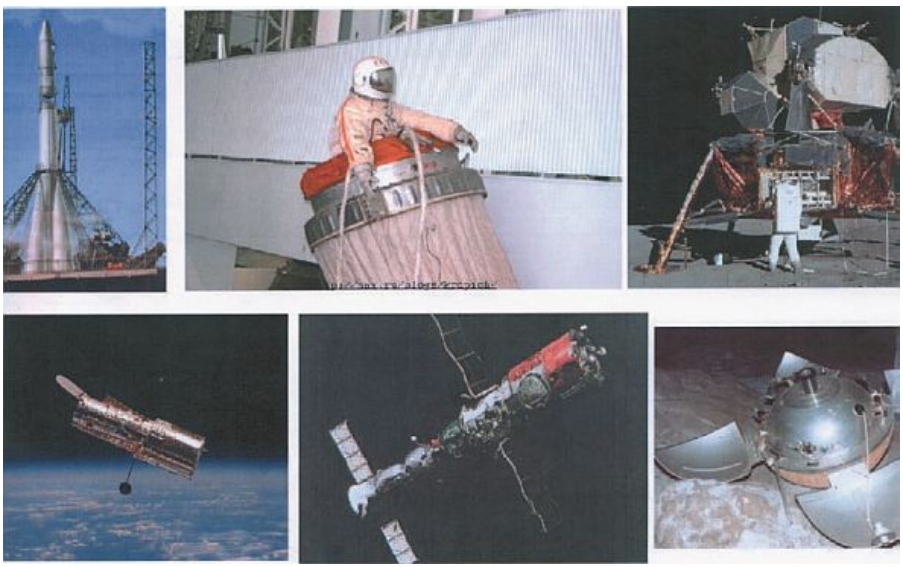


Древний вулкан

«Салют-7» над землей. Мы с В. Джанибековым впервые сфотографировали орбитальную станцию на фоне Земли. Для этого мне пришлось выключить двигатели, отводящие корабль от станции. Это было грубейшим нарушением. Но иначе не получился бы этот снимок, представленный даже в аэрокосмическом музее в Вашингтоне, США

До стыковки корабля «Союз» к орбитальной станции остается несколько секунд

С женой Людмилой Кирилловной. Увлеченные подводным плаванием



Этапы космического пути человечества

Я первый испытал скафандр полужесткого типа, и сразу в сложном, нештатном выходе с Ю. Романенко в 1978 г. Модификация этого скафандра до сих пор используется для внекорабельной деятельности. Так что мы еще не музейные экспонаты

Мои родные дети и внуки

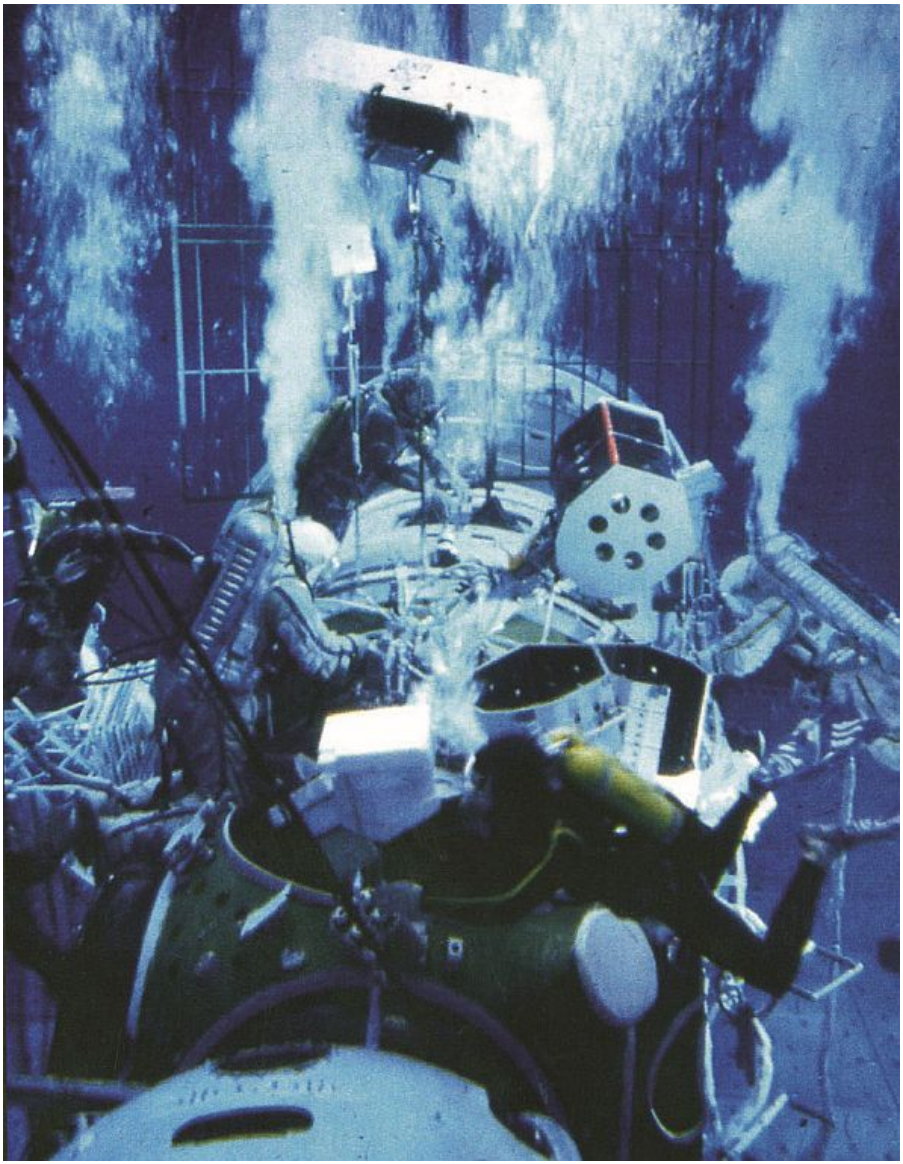
Друг на все времена, Александр Платонов (в центре) на турнире роботов. Пока они воюют между собой…

Мекка. Кааба

Т. М. Энеев, Р. К. Казакова в Доме Ученых на сессии, посвященной их Институту Прикладной Математики

Заход Солнца с околоземной орбиты

С Евгением Примаковым. Если бы он оставался премьер-министром, то мы бы сейчас жили в другой, лучшей России

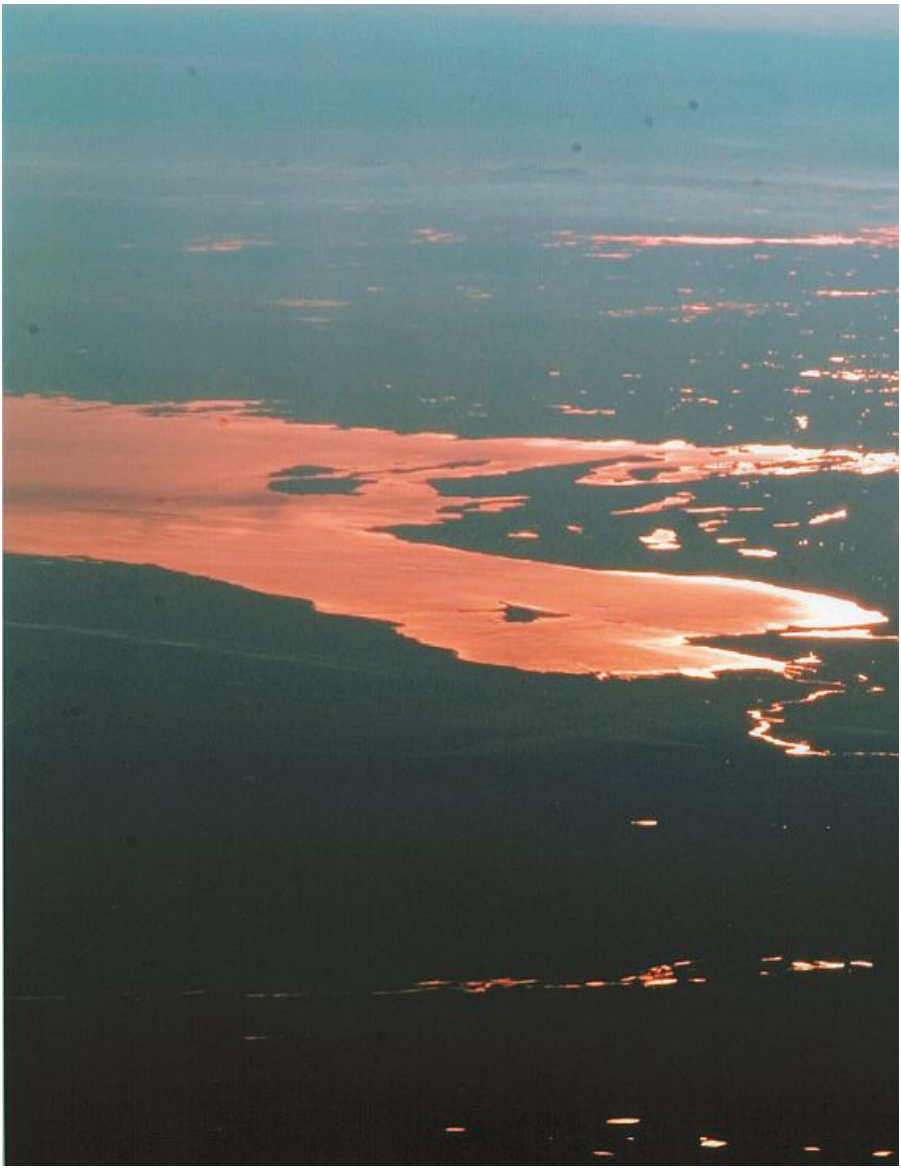


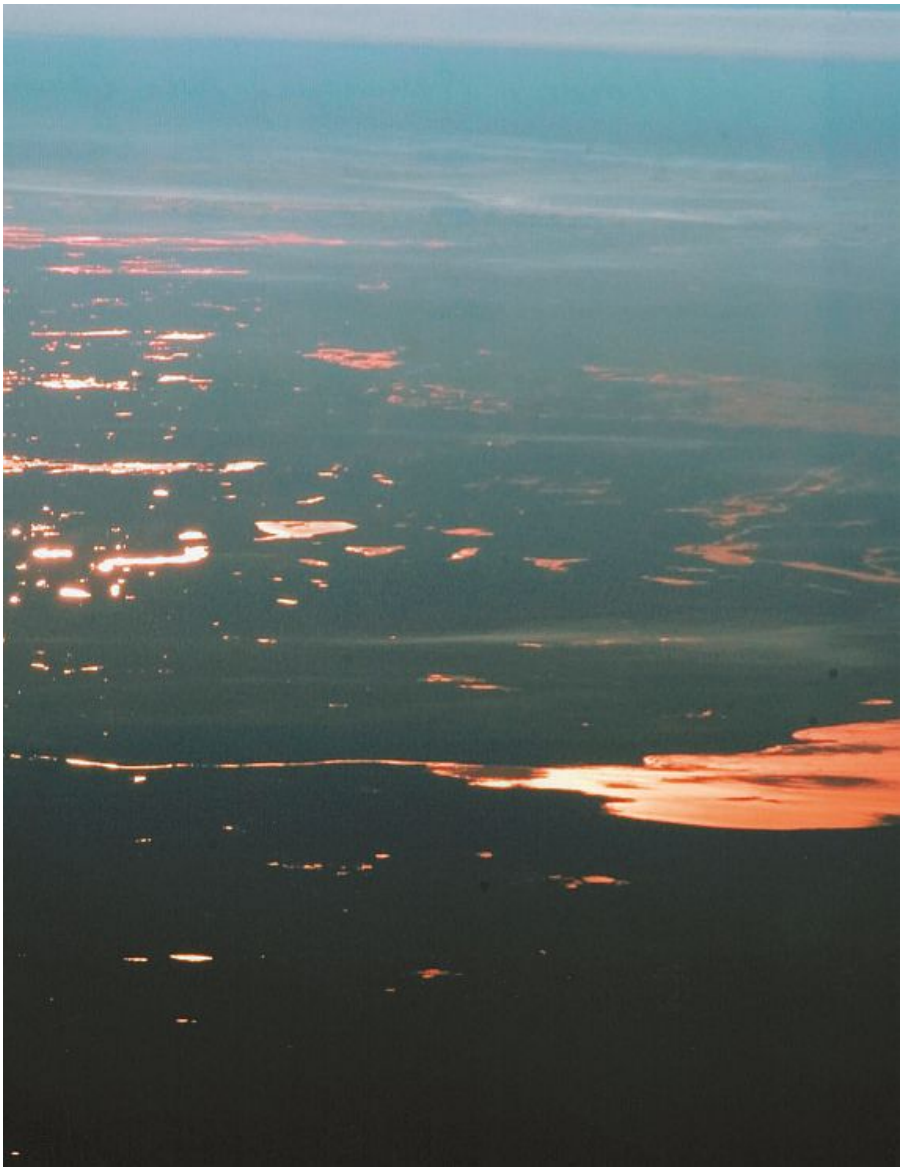
Имитация невесомости в глубоководном бассейне Центра Подготовки Космонавтов. Конечно, полезна для отработки наиболее сложных элементов внекорабельной деятельности

Кто только не окажется сидящем рядом, если вы в Одессе на Дерибасовской

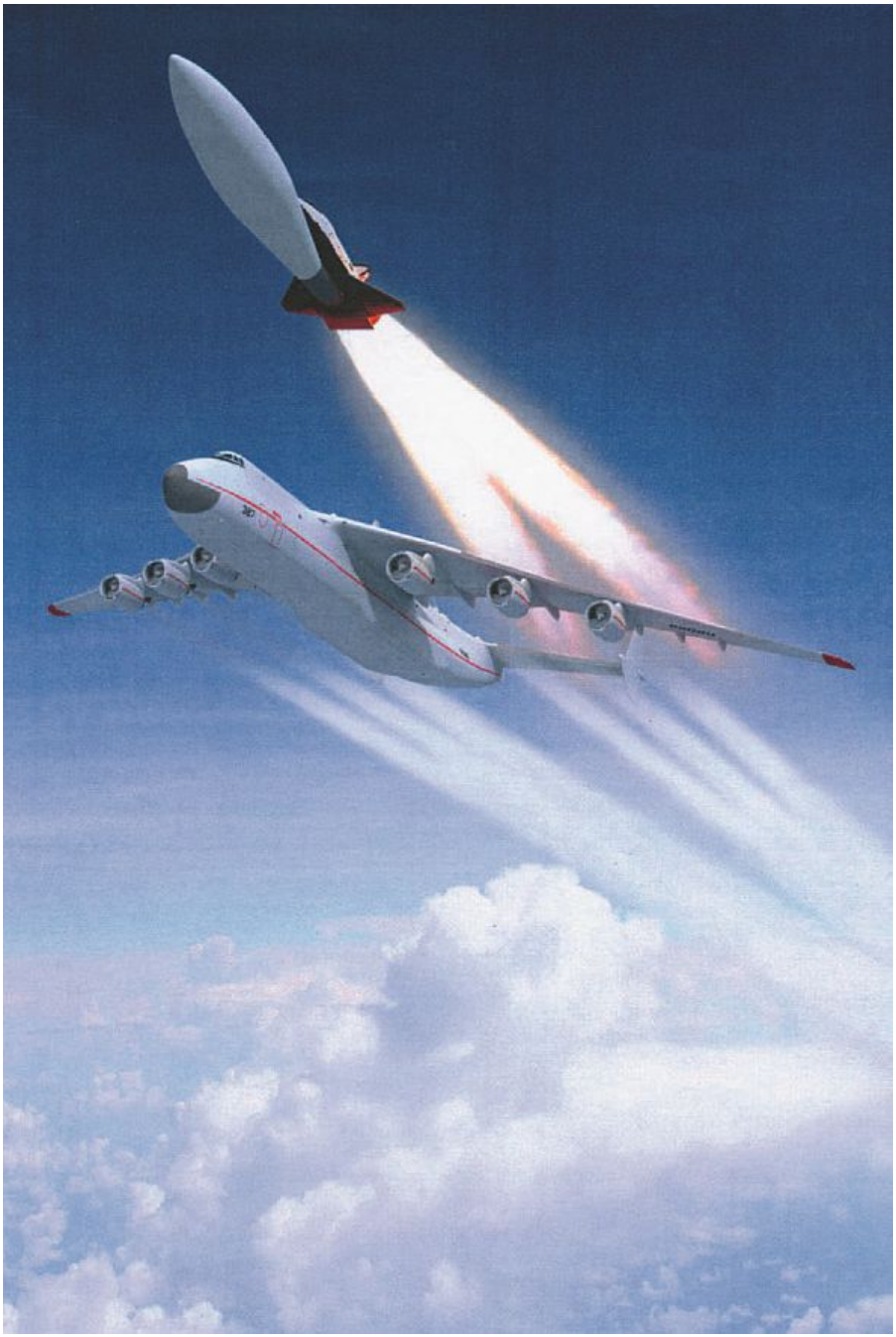
Прощальное рукопожатие с Папой Иоанном Павлом II после аудиенции в Ватикане. На встрече я обратил его внимание, что ни один бог, в том числе и Аллах, не призывает убивать других верующих. Но каждый день в религиозных конфликтах гибнут люди

Венчание в церкви – это вам не запись в ЗАГСе. Это всерьез





Ночной Ленинград, Нева, Финский залив и Ладожское озеро в бликах заходящего Солнца. Космонавт Сергей Крикалев сделал невозможное видимым



В космос на двух самолетах. Авиационно-космическая система конструктора Лозино-Лозинского

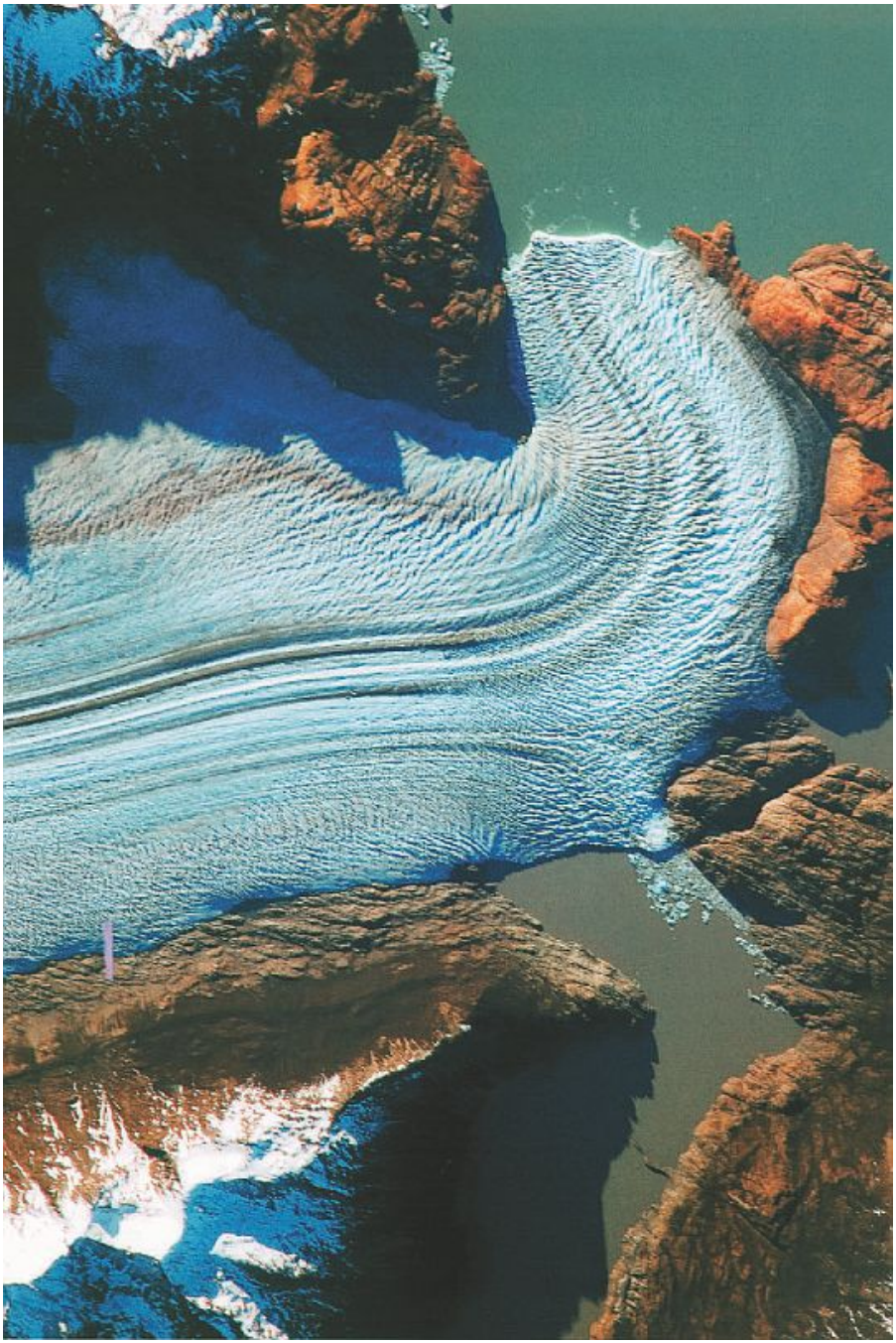
Два экипажа готовы к советско-индийскому полету, но… полетит только один

С кем только не встретишься на телевидении…

Константин Иванович Струков – настоящий друг; без его поддержки не вышла бы эта книга и многое другое в моей жизни не вышло бы…

«Ты что?» – «А ты сам что?» – разговор с героем Михаила Евдокимова, когда по сценарию фильма «Не послать ли нам гонца?» я разбил его «запорожец»

В японской национальной одежде нас принимают за своих, особенно когда я щурюсь…



Ледник

Синай, Суэцкий канал, Нил, дельта Нила